

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

**Мировой социализм — главная революционная
сила нашей эпохи**

Борьба СССР за мир и сотрудничество в Азии

**Итоги «потерянного десятилетия» и современное
экономическое положение КНР**

Японская экономика: проблемы остаются

Коммунист-ленинец, публицист, литератор

Страницы из жизни Хо Ши Мина

1

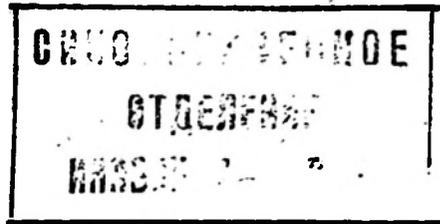
1979

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

№ [29] 1979

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

ЧИТ. ЗАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Мировой социализм — главная революционная
сила нашей эпохи
- «КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА**
- 17 Некоторые аспекты внешней и внутренней
политики Пекина
- ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА**
- 31 Борьба СССР за мир и сотрудничество в Азии
М. С. Капица
- 56 Итоги «потерянного десятилетия» и современное
экономическое положение КНР
В. И. Акимов, В. И. Потапов
- 76 США: «китайская карта» в Азии
И. И. Ивков
- 94 Новые партии на политической арене Японии
А. И. Иванов
- ИСТОРИЯ**
- 108 Освоение и заселение территории Советского
Дальнего Востока
Л. Д. Кошкарёва
- 117 Монголо-китайские отношения (XIII—XV вв.)
О. Чулуун (МНР)
- 126 Славная страница истории освободительной
борьбы корейского народа
Ю. И. Огнев
- 129 Историко-археологическая экспансия маоизма
Н. Ишжамц (МНР)
- КОММЕНТАРИИ**
- 132 О третьем пленуме ЦК КПК XI созыва
*Л. М. Гудошников,
В. Ф. Феоктистов*
- КУЛЬТУРА И НАУКА**
- 136 Политика Пекина в области науки
А. А. Антиповский

- 144 Школа на службе маонизму
Н. Е. Боровская

БОРЦЫ ЗА ВЕЛИКОЕ ДЕЛО

- Коммунист-ленинец, публицист, литератор
151 *В. И. Глушин,*
М. Е. Шнейдер
- 162 Страницы из жизни Хо Ши Мина
Е. В. Кобелев
- 171 Отважный сын китайского народа
А. С. Титов

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

- 178 Сюй Бэй-хун и социалистическое искусство
Г. А. Пострелова

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- 181 Русский маньчжуровед Г. М. Розов
В. С. Мясников

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 188 Япония в системе мировых хозяйственных связей
В. Н. Хлынов
- 190 Пекин: политическая диверсия против
развивающихся стран
Ю. М. Рякин
- 193 Идеино-политическая сущность маоизма
Э. Ф. Дроздов
- 195 Три года в Пекине
Б. К. Отраидов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 198 В обществе советско-китайской дружбы
Р. А. Мировицкая

Адрес редакции: Москва. 117218,
ул. Кржижановского, д. 14. корп. 2.
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1979

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора).
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора).
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ,
Г. А. БОГДАНОВ, Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА,
В. А. КРИВЦОВ, К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН,
Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь).
В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО,
С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ.
Н. Т. ФЕДОРЕНКО

Мировой социализм — главная революционная сила нашей эпохи

К 30-летию СЭВ

Вся послевоенная политическая практика подтверждает вывод марксистско-ленинской теории о том, что мировая система социализма становится решающей силой общественного прогресса. Сегодняшний и завтрашний день народов стран социалистического содружества и весь ход событий на международной арене, судьбы мира и перспективы революционного движения зависят от того, как реализуются цели строительства нового общества, насколько успешно развертывается сотрудничество стран социализма.

Верная принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, Коммунистическая партия Советского Союза глубоко осознает важность единства стран социалистического содружества и его дальнейшего упрочения. Вместе с другими марксистско-ленинскими партиями она делает все необходимое для укрепления единства, дружбы, сплоченности в общей борьбе за дело социализма и коммунизма. Для того, чтобы мировая система социализма была дружной семьей народов, вместе строящих и защищающих новое общество, взаимно обогащающих друг друга опытом и знаниями, семьей сплоченной и крепкой.

XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза подчеркнул, какое исключительно важное значение наша партия придает укреплению мощи и единства братских социалистических стран, согласованности их политики, роль которой в позитивных переменах на международной арене все более возрастает. Говоря о том, что при формировании своей внешней политики КПСС учитывает положение дел в любом уголке нашей планеты, товарищ Л. И. Брежнев особо отметил на съезде, что «нам, коммунистам, нашему уму и сердцу ближе всего та часть мира, где находят свое практическое воплощение коммунистические идеалы — свобода от эксплуатации и угнетения, полновластие людей труда, развитие социалистической демократии, расцвет культуры и подъем благосостояния широчайших народных масс, равенство и братство всех народов и национальностей. Поэтому естественно, что Центральный Комитет нашей партии, Политбюро ЦК в течение отчетного периода, как и прежде, в первую очередь уделяли внимание взаимоотношениям с социалистическими государствами. Пожалуй, не было такого заседания Политбюро, на котором мы не рассматривали бы те или иные вопросы, связанные с укреплением единства и развитием сотрудничества с братскими странами, упрочением наших общих международных позиций».

Укрепление позиций мировой системы социализма — объективный и непреложный факт. Он отражает высокую эффективность политиче-

ской линии и практической деятельности братских коммунистических и рабочих партий.

В материалах съезда и в последующих выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева нашел подтверждение последовательный курс КПСС на расширение всестороннего сотрудничества, упрочение единства и сплоченности государств социалистического содружества. Наша партия, определяя задачи в сфере отношений со странами социализма, последовательно учитывает внутренние потребности нашей страны, всей системы социалистических государств и международную роль строительства нового общества как важнейшего фактора социального прогресса во всем мире. Установление и развитие нового типа политических и экономических отношений между странами социалистического содружества — важное завоевание марксистско-ленинских партий и народов этих стран.

Со времени возникновения стран социализма основой этих отношений стали ленинские принципы социалистического интернационализма, которые находят свое воплощение в органичном сочетании потребностей каждой страны социализма с потребностями всего социалистического содружества, в согласованной политике, в правильном сочетании национальных и интернациональных интересов, в развитии братской взаимопомощи и взаимной поддержки. В этих взаимоотношениях последовательно претворяются принципы равноправия и взаимной выгоды, уважения суверенитета, независимости и невмешательства во внутренние дела других стран.

В начальной стадии отношения между Советским Союзом и странами народной демократии строились на двусторонней основе. Однако перспективы дальнейшего развития поставили ряд новых проблем, общих для стран социализма, потребовали более полного использования преимуществ международного социалистического разделения труда, согласования мероприятий по хозяйственному развитию и экономической политике для успешного отпора давлению со стороны империалистических государств. В этой связи появилась необходимость в расширении экономической и технической взаимопомощи, что могло быть осуществлено при многостороннем сотрудничестве. Вот почему созданный в начале 1949 г. Совет Экономической Взаимопомощи определил своей первоочередной задачей согласование народнохозяйственных планов на базе специализации и кооперации производства, разработку мероприятий по расширению научно-технического сотрудничества и взаимопомощи. Была создана международная организация нового типа, основанная на принципах социалистического интернационализма, на принципах суверенитета, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи, организация, в которой каждая страна пользуется равными правами.

Затем, к началу 70-х годов, в процессе развития мировой системы социализма, в ее противоборстве с капитализмом наступил такой период, когда значение всестороннего интернационального сотрудничества возросло как никогда. Расширение форм сотрудничества, углубление экономических, политических и научно-технических связей социалистических стран, их интернациональной солидарности, взаимопомощи и братской поддержки, развертывание социалистической экономической интеграции — это выражение объективных тенденций, для которых социализм создает благоприятную почву. Так, социалистические государства имеют однотипную экономическую основу — общественную собственность на средства производства; однотипный государственный строй; единую идеологию — марксизм-ленинизм; общую задачу — защитить

революционные завоевания от происков империалистической реакции; единую великую цель — коммунизм. Социализм с превращением его в мировую систему стал мощной интернациональной силой. Разумеется, что эта международная сила может полностью проявить свои возможности лишь при условии теснейшего единства трудящихся всех наций.

В ходе равноправного сотрудничества стран социализма, основанного на принципах суверенитета, взаимной выгоды и братской помощи, реализуются их общие и специфические интересы. Естественно, что ныне, в век научно-технической революции, попытки решать проблемы экономического развития в одиночку, не опираясь на сотрудничество со странами социалистического содружества, неизбежно сталкиваются с труднопреодолимыми препятствиями: ограниченностью экономических ресурсов, запасов электроэнергии, недостаточностью сырьевых запасов, синтетических материалов и пр. При решении той или иной задачи находит свое яркое проявление интернационалистский подход стран социализма к своим экономическим связям. В ходе всестороннего сотрудничества социалистических государств проявляются основные тенденции экономического развития мировой социалистической системы: происходит укрепление национального суверенитета каждой социалистической страны на основе непрерывного ускоренного роста народного хозяйства и одновременно расширение и углубление экономических связей, экономическое и хозяйственное сближение социалистических государств.

Теперь мы знаем не только теоретически, но убедились и практически, что путь к социализму, его главные черты определяются общими закономерностями, которые присущи развитию всех социалистических государств. Мы также знаем и то, что общие закономерности проявляются в различных формах, отвечающих конкретным историческим условиям, национальным особенностям. Не опираясь на общие закономерности, не учитывая конкретно-историческую специфику каждой страны, невозможно строить социализм. Без учета этих факторов невозможно и правильное развитие отношений между братскими странами.

30-летний опыт становления и развития стран социалистического содружества показывает: чем сплоченнее социалистические страны, чем теснее их экономическое, политическое и идеологическое сотрудничество, тем успешнее развивается каждая страна в отдельности, тем тверже ее шаги на пути строительства социализма, тем больших успехов добивается она во всех областях народного хозяйства.

Возникновение и развитие мировой системы социализма является крупнейшим после победы Великого Октября и образования СССР революционным завоеванием международного рабочего класса, всех прогрессивных сил, огромным событием в мировой истории, историческим этапом в борьбе трудящихся всего мира за освобождение от социального, политического и национального угнетения, за сохранение мира на нашей планете.

Развитие и укрепление стран социалистического содружества оказывают все большее влияние на мировой революционный процесс, на переход человечества от капитализма к социализму и коммунизму. Успешное развитие всей мировой системы социализма, рост ее влияния и авторитета, укрепление единства и сотрудничества стран социализма наряду с ростом революционной борьбы международного рабочего класса и распадом колониальной системы все больше подрывают позиции империализма.

Повышение авторитета стран социализма определяется прежде всего их социально-экономической системой, интернациональным единством и сплоченностью, которые умножают их экономическую, военную

и политическую мощь. Этот авторитет укрепляется также благодаря их миролюбивой внешней политике, вытекающей из самой сущности социализма и близкой и понятной всем миролюбивым силам.

Прочной основой экономического развития социалистических стран является их сотрудничество в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. Достижения стран СЭВ имеют большое значение не только для усиления внутренней мощи социализма, но и для воздействия социализма на остальной мир. Экономическое развитие стран социализма, которые не знают экономических кризисов, характеризуется постоянным повышением жизненного уровня трудящихся, что оказывает революционизирующее влияние на трудящихся развитых капиталистических государств. А интернациональная помощь стран — членов СЭВ развивающимся странам придает новые силы национально-освободительному движению.

Оценивая развитие стран — членов СЭВ за прошедшие 30 лет, следует отметить прежде всего его динамизм, не имеющий аналогов в практике любой другой группы стран. Среднегодовые темпы прироста национального дохода и промышленной продукции составили за 1951—1977 гг. в странах — членах СЭВ 7,6 и 9,6%, тогда как в развитых капиталистических государствах — 4,2 и 4,9%. Высокие показатели стран социализма явились в большой мере плодом их сотрудничества и взаимопомощи, использования преимуществ международного социалистического разделения труда. Пользуясь преимуществами международного социалистического разделения труда, социалистической экономической интеграции, ставя на службу своих народов достижения научно-технического прогресса, страны СЭВ подходят к такому рубежу, когда они превзойдут капиталистический мир и в экономической области. Благодаря своему динамичному развитию страны социализма располагают сегодня крупнейшим экономическим потенциалом. Успехи в экономическом развитии, в повышении научно-технического потенциала создали прочную базу для обеспечения обороноспособности мировой социалистической системы и для коренных изменений в соотношении сил в пользу социализма и мира.

Успехи стран социалистического содружества особенно разительны на фоне самого глубокого за всю послевоенную историю экономического кризиса 1974—1975 гг. в капиталистическом мире, который привел к резкому сокращению производства во всех промышленно развитых капиталистических странах, к росту безработицы и значительному ухудшению материального положения трудящихся в результате непрекращающейся инфляции, все возрастающих военных расходов. Обострились конкурентная борьба монополий, торговые и валютные войны. Продолжает падать покупательная способность американского доллара и ряда других капиталистических валют.

Большое внимание братские страны уделяют повышению эффективности сотрудничества, особенно в области совместной плановой деятельности, являющейся главным методом организации сотрудничества и углубления международного социалистического разделения труда. Такое сотрудничество обеспечивает комплексное решение вопросов науки и техники, капитальных вложений, специализации и кооперации производства в странах — членах СЭВ.

Координация народнохозяйственных планов стран социалистического содружества на 1976—1980 гг. тесно связана с решением задач, поставленных Комплексной программой, и в этом существенная особенность этой программы. Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистиче-

ской экономической интеграции, разработанная коллективными усилиями стран — членов СЭВ при самом активном участии органов СЭВ и принятая XXV сессией Совета Экономической Взаимопомощи, синтезирует результаты всестороннего научного изучения основных проблем и аспектов международной экономической деятельности стран социалистического содружества в их взаимной связи и обусловленности. Она является качественно новой ступенью в развитии экономического сотрудничества, охватывающего производство, обмен и потребление. Комплексная программа открыла широкие перспективы дальнейшего развития экономики и научно-технического сотрудничества, укрепления политической, хозяйственной и оборонной мощи мировой социалистической системы.

Великая жизненная сила этого документа обусловлена тем, что он отражает объективные экономические и политические процессы, происходящие на современном этапе в мировом социалистическом хозяйстве. В Комплексной программе воплощены объективные тенденции дальнейшего сближения социалистических стран, укрепления их сотрудничества и взаимопомощи, использования огромных преимуществ и возможностей, которые открывает социалистический строй. Ее сила в том, что она основана на марксистско-ленинских принципах межгосударственных отношений нового типа, на глубокой социалистической солидарности и сплоченности. Она отвечает интересам каждой страны — члена СЭВ и общим интересам стран социализма, показывает пример развития справедливых разносторонних экономических отношений между странами, которым принадлежит будущее. Вот почему Комплексная программа получила всенародное одобрение в братских странах и широкий отклик во всем мире. Она наметила новые рубежи, к которым идут социалистические страны под руководством своих коммунистических и рабочих партий, в подъеме их экономики, в повышении благосостояния трудящихся, укреплении позиций всех прогрессивных сил в борьбе за мир и социальный прогресс.

Успешное развитие стран социализма свидетельствует о правильности взятого ими курса на социалистическую экономическую интеграцию, который является воплощением в жизнь ленинского учения об интернационализации хозяйственной жизни при социализме.

Система интернациональной помощи и сотрудничества братских стран абсолютно исключает какие-либо дискриминационные условия и целиком направлена на максимальное раскрытие больших возможностей нового общественного строя как внутри отдельных государств, так и в пределах всего содружества. При техническом и финансовом содействии СССР в социалистических странах было построено и строится более двух тысяч крупных промышленных предприятий и объектов, общие мощности которых равны промышленному потенциалу Советского Союза перед второй мировой войной. Большое значение имеет также безвозмездная научно-техническая помощь стран социализма друг другу. Благодаря взаимопомощи и собственным усилиям стран социалистического содружества были созданы необходимые условия для быстрого превращения Венгрии, Болгарии, Польши в развитые индустриальные государства. Ныне они оказывают техническую и экономическую помощь другим странам мира.

Важнейшим результатом сотрудничества является ускорение процесса выравнивания уровней экономического развития стран социализма. Так, в последние 20 лет промышленное производство в Болгарии и Румынииросло примерно в два раза быстрее, чем в ГДР и Чехословакии. Сейчас уровень национального дохода на душу населения в европейских

странах СЭВ отклоняется от средней величины на 20—25%, а в начале 50-х годов такое отклонение было в 2,5—3 раза больше. Процесс выравнивания в рамках СЭВ сейчас идет в 2—3 раза быстрее, чем в предыдущее десятилетие.

Большую помощь страны социализма оказывают Монгольской Народной Республике. Победа Народной революции и образование Монгольского народно-демократического государства в Азии имели огромное значение для жизни народов угнетенного Востока. Монголия присоединилась к новому миру, открытому Октябрьской революцией. Создание нового общества на монгольской земле показало великую жизненную силу идей марксизма-ленинизма и укрепило веру народов в победу.

Более чем полувекковой период развития Монгольской Народной Республики по пути социализма — это яркий пример последовательного воплощения в жизнь учения великого Ленина о возможности вступления слаборазвитых стран на путь социализма, минуя капиталистическую стадию развития.

На нынешнем этапе развития МНР, когда процесс завершения строительства материально-технической базы социализма успешно продвигается вперед, традиционная монголо-советская дружба все больше укрепляется и развивается на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

По примеру монголо-советской дружбы, на основе общности целей и интересов сложились подлинно братские отношения и тесное сотрудничество между МНР и другими социалистическими государствами в политической, экономической и культурной областях.

Вполне правомерным будет сказать, что в экономическом, социально-политическом и культурном развитии МНР наступил новый этап с момента ее вхождения в 1962 г. в Совет Экономической Взаимопомощи. Монгольская Народная Республика, как равноправный член СЭВ, принимает активное участие в социалистической интеграции, в воплощении в жизнь Комплексной программы, в которой нашли свое отражение вопросы сближения и выравнивания уровней экономического развития стран — членов СЭВ, вопросы, связанные с обеспечением ускоренных темпов развития МНР.

Используя преимущества социалистической интеграции, МНР успешно развивает топливно-энергетическую, горнорудную и перерабатывающую промышленность — те отрасли, развитие которых наиболее экономически целесообразно и эффективно с точки зрения ресурсов и условий страны. Страны — члены СЭВ оказывают Монголии помощь в строительстве производственных объектов, предоставляют ей на льготных условиях кредиты, устанавливают в необходимых случаях поощрительные внешнеторговые цены на продукты сельского хозяйства, помогают ей в подготовке кадров, в развитии науки и ускорении научно-технического прогресса.

Нет сомнения в том, что новые формы сотрудничества с братскими странами помогут МНР эффективно использовать свои внутренние ресурсы, достигнуть передовых рубежей в развитии экономики, науки и культуры. Успешное строительство социализма в МНР, подтверждая правоту ленинской теории некапиталистического пути развития стран, имевших отсталую экономику, дает богатый материал для дальнейшей творческой разработки этой теории. Опыт Монголии является важным вкладом в теорию и практику социалистического строительства, имеет большое международное значение, оказывает все большее влияние на развитие молодых независимых государств.

Сегодняшние успехи братской Монголии показывают, что только на социалистическом пути отсталые в прошлом страны, опираясь на помощь более развитых социалистических государств, могут в короткие исторические сроки превратиться в страны с развитой экономикой, осуществить важные преобразования в социальной области, добиться повышения материального благосостояния и культурного уровня народа.

Для построения развитого социалистического общества в МНР первостепенное значение имеет решение проблем интенсификации народного хозяйства и повышение его эффективности. Осуществляя курс на индустриализацию страны, Монгольская Народная Республика учитывает перспективы развития международного социалистического разделения труда. Она и в дальнейшем намерена сосредоточивать силы и средства на развитии в первую очередь тех отраслей народного хозяйства, для которых имеются наиболее благоприятные природные и социально-экономические условия. При этом правительство МНР добивается соблюдения правильных пропорций между отраслями народного хозяйства, обеспечения наиболее эффективного использования материальных, трудовых и сырьевых ресурсов. Сейчас партия и правительство МНР поставили задачу сделать значительный шаг в приближении к уровню экономически более развитых социалистических государств по объему производства, национального дохода, по выпуску важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, по размерам фондов общественного потребления на душу населения и другим основным показателям экономического развития.

Ныне Монголия добывает уголь, ценные руды, плавит металл, производит электроэнергию, обрабатывает древесину. Налажено строительство жилых домов и предприятий самыми современными методами. Теперь промышленность МНР за считанные минуты выпускает столько продукции, сколько она производила ее за год полвека назад, а одно средней мощности предприятие страны производит ныне столько, сколько производила вся монгольская промышленность в 1937 г.

С вступлением в СЭВ Монгольской Народной Республики и Республики Куба экономическая организация социалистических государств вышла за пределы европейского региона. Расширение географических границ социализма закономерно связано с постоянным укреплением и развитием материальных и духовных сил стран, в которых уже установлен социалистический строй. Прием в члены СЭВ Социалистической Республики Вьетнам летом 1978 г. свидетельствует о развитии этого процесса, подтверждает открытый характер коллективной социалистической организации, действующей на трех континентах — в Европе, Азии и Латинской Америке.

Правительство СРВ в своем заявлении с просьбой о приеме подчеркнуло, что «высоко оценивает организующую роль Совета Экономической Взаимопомощи и желает расширить сотрудничество и международное социалистическое разделение труда с братскими странами в СЭВ с целью содействовать усиленному развитию народного хозяйства, повышению жизненного уровня населения и укреплению сплоченности, единства социалистических стран». Единодушное решение XXXII сессии СЭВ о приеме СРВ в члены организации оценено Политбюро ЦК КПСС и Советом Министров СССР как важное событие международного значения.

Огромную помощь страны социализма оказали Вьетнаму в его борьбе против империалистических захватчиков. Героическая самоотверженная борьба вьетнамского народа, всесторонняя помощь и поддержка Советского Союза, всего социалистического содружества, невин-

данное по размаху всемирное движение солидарности с патриотами Вьетнама — все это стало непреодолимой преградой на пути сил агрессии, предопределило торжество правого дела.

Вьетнамский народ, поддержанный социалистическими странами и прогрессивной общественностью всего мира, сорвал самую крупную после второй мировой войны вооруженную попытку империализма расправиться с социалистическим государством, раздавить национально-освободительную революцию.

Великая победа, которая вывела народ Вьетнама на новый рубеж на пути к полному торжеству его справедливого дела, стала возможной благодаря тому, что борьбой вьетнамского народа руководила и руководит созданная и воспитанная великим патриотом и интернационалистом Хо Ши Мином Коммунистическая партия Вьетнама, опирающаяся на непобедимое марксистско-ленинское учение.

Сейчас перед Коммунистической партией Вьетнама встали задачи дальнейшей активизации социалистического строительства, достижения высоких темпов развития экономики. Намечая конкретные планы развития на ближайшие годы, КПВ тщательно учитывает реальную обстановку в стране, видит имеющиеся трудности и призывает народ СРВ преодолевать их. Уже сейчас ряд отраслей промышленности достиг высоких показателей.

Сегодня, когда народ Вьетнама налаживает мирную жизнь, страны — члены СЭВ помогают ему успешно претворять в жизнь мирные созидательные планы. Наша страна предоставила СРВ кредит на льготных условиях для целей социалистической индустриализации, подъема сельскохозяйственного производства и повышения благосостояния народа. Советским Союзом в счет этого кредита будет оказано техническое содействие в развитии энергетики, металлургической, горнодобывающей, химической, машиностроительной и других отраслей промышленности, в подъеме сельского и лесного хозяйства. При техническом содействии СССР во Вьетнаме предполагается построить около 40 новых промышленных и других народнохозяйственных объектов. С каждым годом возрастает международный авторитет СЭВ, о чем свидетельствует усиливающийся интерес к сотрудничеству с ним со стороны развитых капиталистических и развивающихся государств.

Страны социалистического содружества с готовностью расширяют равноправные и взаимовыгодные связи с развивающимися странами, поскольку это содействует осуществлению отвечающих их национальным интересам мер, направленных на социально-экономическое и культурное развитие, на укрепление позиций в мировой экономике, освобождение от гнета империалистических монополий и ликвидацию колониализма во всех его формах. Успешно осуществляется сотрудничество с развивающимися государствами в области экономики, науки и техники, в организации современного производства. Социалистические страны, передавая накопленный ими богатый опыт хозяйственной деятельности развивающимся странам, способствуют их прогрессу в экономической и социальной областях.

Сотрудничая с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки, страны — члены СЭВ из года в год увеличивают масштабы содействия подъему их национальной экономики. Наличие социалистической плановой экономики дает странам социализма возможность определять направления и объемы экономического и научно-технического сотрудничества с развивающимися странами на перспективу, что имеет первостепенное значение для их прогресса.

«Сотрудничество с развивающимися странами, — подчеркнул

Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXV съезду КПСС, — облегчает перестройку их экономики и общественной жизни на прогрессивных началах». Важность взаимовыгодного равноправного экономического сотрудничества с развивающимися странами отмечается и в других документах и выступлениях руководителей коммунистических и рабочих партий, государственных деятелей стран социалистического содружества.

Трудящихся всего мира вдохновляет тот факт, что в странах мирового социалистического содружества устранены эксплуатация человека человеком и национальный гнет, обеспечено развитие всех наций и народностей. Между братскими странами установлены отношения дружбы и сотрудничества, взаимной помощи и поддержки, созданы условия для преодоления исторически сложившегося экономического и культурного отставания ряда стран и быстрого повышения уровня их развития. Обеспечено стабильное, бескризисное развитие народов стран социализма, культура и образование стали доступными широким слоям населения, достигнуто гармоничное единство национальных интересов и задач отдельных социалистических государств с интересами всего социалистического содружества в целом, с интересами других народов, всех революционных сил.

Эти успехи стали возможны прежде всего потому, что руководящая сила социалистического общества — марксистско-ленинские партии, пользуясь поддержкой трудящихся, разрабатывают свои программы и политику, последовательно исходя из марксизма-ленинизма, принципов proletарского, социалистического интернационализма.

Сегодня с полной уверенностью можно сказать, что, переступая порог 30-летия СЭВ, социалистические страны вступили в период, когда широким фронтом ведется поиск самых совершенных методов сотрудничества, которые должны дать наилучшую для современных условий форму развивающемуся процессу интернационализации социалистического производства. Жизнь требует от стран социалистического содружества решительно ускорить научную и практическую разработку этих вопросов. Более того, научные разработки должны не только в полной мере учитывать уже имеющуюся практику, но и опережать ее, прогнозировать реальную перспективу развития интеграционных процессов, помогать правящим коммунистическим и рабочим партиям в разработке правильной экономической политики.

При планировании развития народного хозяйства, организации экономического и научно-технического сотрудничества социалистические страны не могут не учитывать и те изменения в мировом хозяйстве, которые отражают научно-технический прогресс. «У нас имеется все необходимое для того, — сказал А. Н. Косыгин на XXXII сессии СЭВ, — чтобы, опираясь на созданный в странах социалистического содружества производственный и научно-технический потенциал, используя преимущества взаимного сотрудничества, успешно решать самые сложные хозяйственные и технические проблемы. Это убедительно подтверждено всей практикой нашего развития, нашло яркое воплощение в объединении усилий наших стран в освоении космоса, в осуществлении первых в мире полетов космических кораблей с интернациональными экипажами».

Уделяя огромное внимание задачам дальнейшего развития социалистической экономической интеграции, Коммунистическая партия Советского Союза, братские партии других социалистических государств видят в этом средство ускорить социалистическое и коммунистическое строительство, поднять на новую высоту общую экономиче-

скую мощь стран социалистического содружества. Наша совместная деятельность подчинена высокой цели — укреплению стран мировой социалистической системы, их единства, сплочению народов в братском сообществе, что открывает беспредельные возможности для прогресса и общества, и человеческой личности.

Процесс сплочения стран социалистического содружества имеет различные грани, и одна из важных сторон этого процесса — все более тесная координация внешнеполитической деятельности социалистических стран. Единство действий стран социализма на международной арене порождается теми же закономерностями, которые лежат в основе развития социалистической экономической интеграции, всестороннего социально-политического и духовного сближения социалистических государств.

Осуществление важных совместных акций в области международных отношений позволяет странам социализма более глубоко выявлять главные направления в решении первоочередных задач своей внешней политики.

Советские люди гордятся тем, что позитивные сдвиги в международной жизни братские партии, все прогрессивное человечество связывают прежде всего с деятельностью нашей партии, ее Центрального Комитета, лично Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева. Советский Союз и братские социалистические страны добились больших успехов в борьбе за мир и в оказании поддержки и помощи народам, борющимся за национальное освобождение. Эти успехи еще более повысили авторитет стран социалистического содружества на международной арене, оказали мощное воодушевляющее воздействие на революционную борьбу народов за мир, национальную независимость, демократию и социализм.

Сегодня страны социализма представляют собой такое объединение государств, с которым, как подчеркивал Л. И. Брежнев в своем докладе на XXV съезде КПСС, не могут идти в сравнение по прочности ни один союз, ни одна коалиция, существовавшие в прошлом или существующие ныне. За 30 лет существования СЭВ страны социалистического содружества, их коммунистические и рабочие партии накопили богатейший опыт определения конкретных путей и форм сотрудничества, которые позволяют эффективно сочетать национальные и интернациональные интересы.

Страны социалистического содружества, коммунистическое движение — главные защитники мира — не упускают из виду то, что силы империализма и реакции продолжают форсировать материальную подготовку войны. Сегодня гонка вооружений достигла огромных масштабов — ежедневно в мире расходуется более миллиарда долларов на вооружение.

Советский Союз и другие страны социализма не считают войну неизбежной, но они не могут закрывать глаза на факт накопления и беспрепятственного совершенствования и обновления оружия империалистическими государствами. Империализм не отказался от решения спора между двумя социальными системами средствами войны. Об этом красноречиво говорят последние решения агрессивного империалистического блока НАТО, увеличение военных бюджетов капиталистических государств, разработка и внедрение новых видов и систем оружия, морально-психологическая обработка общественного мнения на Западе. На Международной теоретической конференции в Софии Первый секретарь Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии

тов. Т. Живков сказал в своем выступлении: «Чем, если не подготовкой общественного мнения к возможной агрессии против социалистических стран, является упорная и наглая фальсификация внешней политики Советского Союза, вопли об «угрозе советского нашествия» в Западную Европу, шум и возня вокруг диссидентов, выдумки о лагерях и психиатрических больницах, в которых будто бы упрятывают идейных противников социализма, и тому подобные ужасы, предназначенные для того, чтобы вносить растерянность и замешательство, вселять страх и создавать атмосферу, в которой легче преодолеть сопротивление масс войне».

После Вашингтонской сессии НАТО всю разыгрывается «китайская карта». США и Китай в спешном порядке договорились об установлении дипломатических отношений между ними, причем во имя сближения обе стороны, по существу, отказались от осуществлявшегося ими в течение нескольких десятилетий курса политики в отношении Тайваня. Как отмечала «Правда» 19 декабря 1978 г., этот «запоздалый акт со стороны США последовал в результате перемен в ориентации пекинского руководства, ставшего на путь открытого противоборства с миром социализма, союза с наиболее воинственными кругами Запада».

«Администрация США, — отметил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Б. Н. Пономарев на Международной теоретической конференции в Софии, — несмотря на различные оговорки, фактически благословила своих союзников по Атлантическому блоку продавать Китаю военную технику и технологию. Таким образом, западные страны своими руками помогают созданию чрезвычайно опасного очага развязывания мировой войны». Силы империализма стремятся всемерно использовать различного рода враждебные марксизму-ленинизму идеологические течения — от откровенно антикоммунистических до ревизионистских, оппортунистических. Банкротство буржуазной идеологии вынуждает мировой империализм искать новые резервы, новых союзников. Ныне в роли такого союзника и резерва империализма и реакции выступает китайское руководство. Китай не только помогает силам мировой реакции, стремящимся изнутри разложить антиимпериалистический фронт, но и сам, так сказать, уже «физически» участвует в борьбе против национально-освободительных движений на стороне сил империализма и реакции. Это показали события в Анголе и других частях Африки, Азии и Латинской Америки. Великодержавный гегемонизм Пекина, его поджигательский курс играют на руку международной реакции, которая в свою очередь, не думая о том, что ее неблагоприятные действия непременно обернутся бумерангом против нее самой, стремится погреть руки на костре антисоветизма и антисоциалистической истерии. «Этим силам, — сказал Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР Ю. Цеденбал, — следует понять реальную опасность, исходящую от великодержавно-гегемонистского курса Китая, увидеть причину того, почему КНР так резко и неистово вооружается, добивается обеспечения самыми современными видами военной техники, вынашивает план создания нейтронной бомбы».

Стремясь форсировать рост своего экономического и военного могущества за счет всесторонней поддержки капиталистического Запада, пекинские лидеры с тем большим усердием демонстрируют свою готовность действовать в качестве штурмового отряда мирового антикоммунизма. Но это сейчас, а каковы их планы на будущее, откровенно высказал член Политбюро ЦК КПК Гэн Бяо в августе 1976 г. на церемо-

нии выпуска слушателей дипломатической академии в Пекине: «Когда мы сочтем, что время наступило, мы скажем Сэму: «Будь добр, упаковывай свои вещички!» Не нужно быть очень прозорливым, чтобы предвидеть, что пекинский гегемонизм, который ныне свел в антисоциалистический альянс КНР и империалистические державы, объективно чреват перспективой их последующей конфронтации. Маоисты рассчитывают побудить воинственные антикоммунистические силы к авантюрам против мирового социалистического содружества, против прогрессивных режимов в развивающихся странах, к подрыву разрядки, к развязыванию глобального военного конфликта, который неизбежно привел бы к опустошению наиболее развитых стран Запада, к неисчислимым бедствиям и невиданным страданиям народов. Стремясь вызвать обострение международной обстановки в Европе и во всем мире, китайские лидеры запугивают европейские народы «советской угрозой». Они открыто призывают страны НАТО усиливать свою «самооборону», давая понять, что Пекин будет на стороне этого агрессивного блока в случае военного конфликта. Китайское руководство клеветает на политику СССР в Африке и на Ближнем Востоке. Извращая советскую политику поддержки национально-освободительных движений, Пекин ни словом не осудил неблагоприятную роль правящих кругов США, Израиля и Египта в решении судеб арабских народов, в частности арабского народа Палестины. Пекинские руководители поддерживают «тройственный сговор» американского империализма, сионизма и арабской реакции, который превращает Ближний Восток в пороховую бочку.

Особую ненависть китайские лидеры питают к первой стране социализма на Американском континенте — Кубе и первому социалистическому государству в Юго-Восточной Азии — Вьетнаму. Они стремятся — и прилагают для этого немало усилий — подорвать социалистические завоевания народов этих стран. Их приводят в ярость успехи социалистического Вьетнама, рост его авторитета в мире, его нежелание подчиняться диктату Пекина.

Факты враждебного отношения Пекина к СРВ нельзя правильно понять, если упустить из виду главное, а именно: героический народ выстоял в разрушительной 30-летней войне, отразил вооруженную агрессию, ценой жизни своих лучших сынов отстоял свободу и независимость, создал единое социалистическое государство, которое теперь испытывает бесцеремонное грубое давление со стороны китайского руководства. Однако тщетны попытки Пекина помешать героическому вьетнамскому народу строить мощный социалистический Вьетнам под руководством своего испытанного авангарда — Коммунистической партии Вьетнама. На стороне социалистического Вьетнама непоколебимо стояли и стоят его верные друзья, классовые союзники — братские страны социализма, все прогрессивные силы мира.

Ныне, когда маоистское руководство проводит агрессивную политику в отношении социалистического Вьетнама, героический народ которого занят мирным строительством, демонстрация Советским Союзом своей братской солидарности с Вьетнамом вызывает горячее одобрение всех людей доброй воли. Подписание советско-вьетнамского Договора о дружбе и сотрудничестве, несомненно, будет способствовать дальнейшему укреплению единства стран социалистического содружества, повышению их авторитета на международной арене. Договор о дружбе и сотрудничестве — новое убедительное свидетельство подлинно братских отношений между народами Вьетнама и Советского Союза. Эти отношения успешно выдержали испытание временем, закалились и углубились в тяжелые годы борьбы вьетнамского народа против импе-

риализма и колониализма, в ходе социалистического строительства в СРВ.

Политика давления и провокаций Пекина в отношении Вьетнама получает должный отпор со стороны Советского Союза и других стран социализма, со стороны коммунистического и рабочего движения, всех прогрессивных сил мира. «Сегодня, когда вьетнамскому народу приходится испытывать грубое и ничем не прикрытое давление извне, подвергаться нападкам и шантажу, — говорится в телеграмме руководителей КПСС и Советского правительства в адрес руководства Вьетнама по случаю второй годовщины образования СРВ, — мы вновь заверяем братский Вьетнам в нашей решительной поддержке его усилий, направленных на строительство социалистического общества, на улучшение условий жизни народа, на защиту неотъемлемых суверенных прав и упрочение международных позиций Социалистической Республики Вьетнам — надежного форпоста социализма в Юго-Восточной Азии. Советский Союз поддерживал, поддерживает и будет неизменно поддерживать Вьетнам».

Сейчас, когда резко обострилась идеологическая борьба, когда развернута массированная пропагандистская кампания против реального социализма, в которой объединяются различные силы — от империализма до маоистов, особенно необходимо, как подчеркивали участники Международной теоретической конференции в Софии, повышение уровня теоретической и идеологической работы. Блокировка маоистских руководителей с самыми реакционными режимами мира — это явное их отречение от принципов марксизма-ленинизма и антиимпериалистической борьбы народов. Их действия на международной арене свидетельствуют о том, что они оказались в одном лагере с самыми яркими антикоммунистами.

Страны социалистического содружества, коммунистическое движение — главные защитники мира — ни на минуту не могут упускать из виду, что империализм продолжает форсированными темпами материальную подготовку войны. Гонка вооружений достигла поистине беспрецедентного масштаба. Понятно, что в этих условиях социалистические государства не могут бездействовать. Они вынуждены принимать соответствующие меры по укреплению своей обороноспособности, прилагая при этом все усилия, чтобы остановить гонку вооружений. Ныне самая насущная задача — не допустить развязывания новой мировой войны.

«Социализм, — подчеркивал Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — уже сегодня оказывает огромное воздействие на мысли и чувства сотен миллионов людей на земле. Он обеспечивает людям труда свободу, подлинно демократические права, благосостояние, широчайший доступ к знаниям, прочную уверенность в будущем. Он несет мир, уважение суверенитета всех стран и равноправное межгосударственное сотрудничество, служит опорой народам, ведущим борьбу за свою свободу и независимость».

Именно реальный социализм поставил на практическую основу задачу избавления человечества от термоядерной войны. Внешняя политика Советского Союза, других стран социалистического содружества направлена на мирное сосуществование, разрядку международной напряженности, прекращение гонки вооружений, разоружение и установление отношений взаимовыгодного сотрудничества. Главное сейчас — это строить международную безопасность не на гонке вооружений, а на разоружении, добиваться не на словах, а на деле строгого уважения суверенных прав всех государств и народов.

Страны социализма вместе с коммунистами всего мира видят свою историческую миссию в том, чтобы утвердить на земле прочный, справедливый, демократический мир. Для этого имеются объективные условия. Московское совещание Политического консультативного комитета в конце минувшего года еще раз подтвердило: именно страны социалистического содружества предлагают народам всех стран подлинную стратегию мира.

* * *

Итоги дружеских встреч в Крыму, других многосторонних и двусторонних совещаний и консультаций между руководителями братских партий и правительств стран — членов СЭВ с особой силой подтверждают, что развитие мировой социалистической системы осуществляется не стихийно, не волонтаристски, а под руководством марксистско-ленинских партий, сознательно и целенаправленно использующих объективные законы в интересах всех трудящихся. Страны социалистического содружества показывают пример совместного эффективного решения сложнейших экономических и научно-технических проблем на основе подлинного равноправия и товарищеской взаимопомощи. Пример международных хозяйственных связей, который дала деятельность СЭВ, оказывает все более глубокое влияние на мировые экономические отношения, содействует устранению дискриминации и неравенства, порождаемых империализмом и неокOLONиализмом. Страны социалистического содружества отмечают в этом году тридцатилетие Совета Экономической Взаимопомощи — первой в мире международной организации нового типа, прокладывающей пути наиболее эффективного экономического сотрудничества стран социализма.

Некоторые аспекты внешней и внутренней политики Пекина

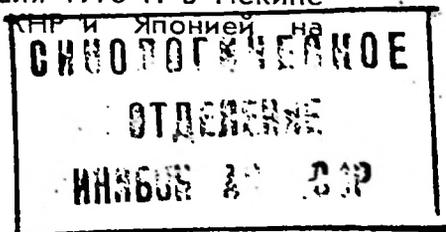
ОБСТАНОВКА В КИТАЕ ПРОДОЛЖАЕТ ОСТАВАТЬСЯ ВЕСЬМА СЛОЖНОЙ. В УСЛОВИЯХ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ЭКОНОМИЧЕСКОГО ХАОСА, МАССОВОГО ПРОЯВЛЕНИЯ НЕДОВОЛЬСТВА НАСЕЛЕНИЯ НЫНЕШНЕЕ РУКОВОДСТВО КИТАЯ СТРЕМИТСЯ ВЗВАЛИТЬ ВСЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭТО НА ПРЕСЛОВУТУЮ «БАНДУ ЧЕТЫРЕХ» — БЫВШИХ БЛИЖАЙШИХ СОРАТНИКОВ МАО ЦЗЭ-ДУНА. ОДНОВРЕМЕННО В МЕТОДЫ ДОСТИЖЕНИЯ ВЕЛИКОДЕРЖАВНЫХ ГЕГЕМОНИСТСКИХ ЦЕЛЕЙ НА ПУТЯХ МИЛИТАРИЗАЦИИ СТРАНЫ ВНОСЯТСЯ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ КОРРЕКТИВЫ. ОНИ КАСАЮТСЯ КАК ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ, ТАК И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕКИНСКОГО РУКОВОДСТВА. В СВЯЗИ С ЭТИМ ВОЗНИКАЕТ РЯД ВОПРОСОВ ОТНОСИТЕЛЬНО ХАРАКТЕРА ТАКИХ ИЗМЕНЕНИЙ. С ЭТИМИ ВОПРОСАМИ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА ОБРАТИЛАСЬ К ВЕДУЩИМ СПЕЦИАЛИСТАМ ПО КИТАЮ.

В этом обсуждении приняли участие:

СЛАДКОВСКИЙ М. И., член-корреспондент АН СССР
ФЕДОРЕНКО Н. Т., член-корреспондент АН СССР
КОНОВАЛОВ Е. А., профессор, доктор экономических наук
ПЕТРОВ Д. В., профессор, доктор исторических наук
БЫКОВ Ф. С., кандидат исторических наук
МОРОЗОВ А. П., кандидат экономических наук
ПЕТУХОВ В. И., кандидат исторических наук

ВОПРОС: В последние годы Китай заключил ряд крупных экономических и научно-технических соглашений с ведущими капиталистическими странами. Что можно сказать о характере и перспективах расчетов по этим соглашениям?

ОТВЕТ: В своих скорректированных планах развития народного хозяйства КНР на 1978—1985 гг., предусматривающих прирост промышленного производства за 8 лет более чем в 2 раза и сельского хозяйства — на 40—50%, китайское руководство в соответствии с выдвинутым лозунгом «иностранные — на службу китайскому» делает серьезную ставку на импорт машин, оборудования, технологии и даже ряда сырьевых товаров из-за рубежа. Только за последнее время Китай заключил ряд крупных экономических и технических соглашений с ведущими капиталистическими странами. Так, в середине февраля 1978 г. в Пекине было подписано долгосрочное соглашение между

1978—1985 гг., предусматривающее поставки в Китай в течение этого периода различного промышленного оборудования, технологии и проката черных металлов на 10 млрд. долл. Недавно было подписано соглашение с ФРГ на сумму 4 млрд. долл. о строительстве новых угольных шахт в Китае и др. Сегодня китайская сторона продолжает осуществлять активный обмен торгово-экономическими и научно-техническими делегациями с промышленно развитыми капиталистическими странами с целью изучения рынков и заключения новых соглашений.

Если действительно ведущиеся переговоры будут оформлены коммерческими контрактами, в которых будут определены сроки поставок и платежей, то общая сумма закупок может превысить 25 млрд. долл. Имеются также сообщения западной печати, что в настоящее время китайские внешнеторговые делегации рассматривают вопрос о возможных закупках в 1978—1985 гг. на общую сумму 40—50 млрд. долл.

В связи с этим в деловых кругах капиталистических стран все чаще задаются вопросом о том, каким образом Китай сможет оплатить намеряемые им крупные закупки оборудования. Эту тревогу нельзя назвать необоснованной.

Очевидно, что по крайней мере в ближайшие годы Китай не сможет компенсировать закупки в развитых странах своими экспортными поставками, поскольку экономическая база его экспорта весьма ограничена и нестабильна. Достаточно сказать, что в структуре китайского экспорта более 30% приходится на долю продукции сельского хозяйства и примерно 35% — на промышленные товары, значительная часть которых представляет собой продукты переработки сырья сельскохозяйственного происхождения.

Поскольку китайское руководство не идет на крупные капиталовложения в сельском хозяйстве, ожидать в ближайшие годы сколько-нибудь заметного его роста, а вместе с ним и увеличения экспортных ресурсов не приходится. Более того, КНР до сего времени является крупным импортером зерна, хлопка и даже соевых бобов и затрачивает на оплату импортируемых продуктов сельского хозяйства ежегодно около 1,5 млрд. долл.

От промышленности в плане увеличения экспортных ресурсов ожидать многого также не приходится.

Считается, что КНР обладает большими запасами железной руды и угля. Однако этих видов сырья не хватает даже для того, чтобы удовлетворить собственные нужды. И если уголь Китай в последние годы в небольших количествах экспортирует, то железную руду, наоборот, ввозит из-за рубежа. Правда, в последние годы Китай все большую ставку делает на нефть. Но и с ее помощью вряд ли удастся существенно облегчить бремя платежей, поскольку возможности ее экспорта не так велики, как пытается создать впечатление Пекин. Во-первых, параллельно с увеличением внутренних потребностей в последние годы темпы прироста добычи нефти заметно снизились (примерно с 20 до 10%). Дальнейшее наращивание мощностей нефтедобычи Пекин прежде всего связывает с разработкой морского шельфа в районе Бохайского залива. Однако для этого также нужны время и средства. По подсчетам японцев, для того чтобы в 1985 г. довести добычу бохайской нефти до 30 млн. т, Китаю необходимо вложить в ближайшие пять лет 10 млрд. долл. Во-вторых, сегодня нефть не является особо дефицитным товаром на мировом рынке, и китайской нефти, далеко не лучшей по качеству, придется выдерживать достаточно острую конкуренцию. К тому же следует учесть, что сама индустриализация Китая вызовет усиленное потребление нефте-

продуктов внутри страны, и в таких условиях вряд ли можно ожидать увеличения экспорта нефти.

Известными источниками валютных поступлений для Китая являются доходы от инвестиций в недвижимость в Гонконге и переводы китайских эмигрантов. Но даже по оптимистическим оценкам, в сумме они не превышают 1—1,2 млрд. долл. в год, и очевидно, что значительного их увеличения ожидать не приходится.

Практически у Китая остается одно средство оплатить уже сделанные и намечающиеся заказы за рубежом: прибегнуть к заимствованию средств за границей. В течение многих лет китайские руководители подчеркнуто отказывались от внешних займов, квалифицируя отсутствие долгов как победу известного маоистского курса «независимости и самостоятельности, опоры на собственные силы». Однако сегодня положение резко меняется. Уже на протяжении ряда лет Пекин использует замаскированные кредиты в форме отсроченных платежей, взаимного (с капиталистическими банками) депонирования валюты, рассрочки платежей и т. д.

В настоящее время Пекин стоит перед необходимостью сделать очередной важный шаг, который на Западе уже окрестили как «коммерческую революцию». Речь идет о межправительственных займах и кредитах для финансирования программы «четырёх модернизаций». Представители капиталистического делового мира не сомневаются, что в ближайшее время китайские руководители вынуждены будут пойти на это, и банки ряда капиталистических стран уже выразили свое согласие предоставить Китаю долгосрочные займы и кредиты. Так, от группы западногерманских банков будет получено 12 млрд. долл. в течение 10 лет, а французские банки согласились предоставить 10 млрд. долл. за тот же период. Переговоры о прямых займах ведут японские банки. По оценкам гонконгских специалистов, к 1980 г. задолженность Китая по кредитам может составить 2,7 млрд. долл., к 1982 г. — около 6 млрд. долл.

Таким образом, руководство КНР окончательно расстается с политикой «опоры на собственные силы» и рискует поставить экономику КНР в зависимость от капиталистического мира. К каким последствиям приведет подобный курс, покажет будущее.

ВОПРОС: Каковы основные направления использования в КНР западной техники и технологии?

ОТВЕТ: Импорт западной технологии в подавляющей своей части прямо или косвенно служит главной стратегической экономической задаче китайского руководства, суть которой заключается в том, чтобы, опираясь на скорректированные в прагматическом духе методы ведения народного хозяйства, в исторически кратчайшие сроки подвести необходимую материальную базу под великодержавные гегемонистские устремления Пекина. Это и предопределяет главные направления использования в КНР западной технологии под выдвинутым новым лозунгом: «Внести новый вклад в ускорение модернизации национальной обороны страны».

Эта технология прежде всего закупается с целью повышения качественного и количественного уровня отраслей военной промышленности, в том числе ракетно-ядерной и космической.

Китай уже давно импортирует из западных стран необходимое оборудование и материалы для развития ядерной и ракетной техники, но до последнего времени он делал это в известной степени нелегально, через систему подставных компаний и фирм. Сегодня китайские руководители под прикрытием широко рекламируемой ими программы мирного использования атома постепенно легализуют этот процесс. 1 июня 1978 г.

центральные китайские газеты в сообщении о начале строительства в районе Пекина первого в КНР ускорителя протонов мощностью от 30 до 50 млрд. электронвольт хотя и заявили, что проект создается по принципу «опоры на собственные силы», тем не менее практически впервые признали, что «получают поддержку и помощь со стороны зарубежных друзей». По сообщениям западной печати, в 1977 г. Китай закупил во Франции электронное оборудование для межконтинентальных ракет. В ноябре — декабре 1978 г. китайская делегация во главе с директором Института космической техники Жэнь Синь-минем вела переговоры в Вашингтоне о возможности приобретения и запуска с помощью США серии спутников связи и о закупке необходимого оборудования, а также по другим проблемам, связанным с исследованием космоса.

Заметно активизировалась деятельность Пекина и на рынках обычных вооружений и технологии их производства. Особый интерес он проявляет к военным самолетам, танкам, военным кораблям, противотанковому вооружению. Крупнейшей сделкой последнего времени в этой области явилось подписанное в 1975 г. соглашение с Англией о предоставлении технической документации и налаживании с помощью английских специалистов производства авиационных двигателей «СПЕЙ», на базе которых китайское руководство намеревается модернизировать свои военно-воздушные силы, создав новое поколение боевых самолетов.

Подводя предварительные итоги активизации Китая на рынках вооружений, американская газета «Вашингтон стар» в мае 1977 г. отмечала, что если раньше Китай «регулярно закупал за границей лишь инструменты и измерительную аппаратуру для своей военной промышленности» и только иногда отдельные компоненты для производимого им оружия, то теперь Пекин «стремится получить само оружие и комплексы по его производству». При этом предпринимаются значительные усилия по закупке американской военной технологии, которая поступает в КНР через третьи страны.

Значительная часть закупаемой Китаем технологии идет на развитие базовых отраслей промышленности, прежде всего химической и нефтехимической, черной металлургии, угольной и электроэнергетики. В последнее время, например, в Китае за счет импортного комплектного оборудования вступило в строй 7 предприятий по производству химических удобрений и еще 6 должны быть пущены в эксплуатацию в ближайшее время. Это позволит увеличить мощности отрасли примерно на 4,5 млн. т. В 1978 г. были заключены контракты и велись переговоры о закупке комплектного оборудования и технологии для металлургических заводов и расширении действующих предприятий черной металлургии общей мощностью на 35—40 млн. т и т. д.

Здесь, однако, следует подчеркнуть, что упор на развитие базовых отраслей промышленности продиктован не только чисто экономическими потребностями развития народного хозяйства, но и в значительной степени военными соображениями. Львиная доля продукции этих отраслей потребляется в военном производстве, на долю которого, по подсчетам гамбургского журнала «Хина актуэль», приходится около 22% общего объема промышленного производства. По некоторым оценкам, около $\frac{1}{3}$ вырабатываемой в стране электроэнергии используется в военной промышленности. К тому же часть продукции этих отраслей, особенно нефтяной, для развития которой на рынках западных стран закупается большое количество оборудования и технологических комплексов, идет на оплату импорта.

Небольшая часть закупаемой на Западе технологии идет на развитие легкой промышленности, в частности текстильной. Однако и здесь про-

дукция предприятий, базирующихся на новой современной технологии, предназначена не для удовлетворения внутренних потребностей, а, как правило, идет на экспорт.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что те огромные средства, которые китайские руководители собираются затратить на приобретение западной техники и технологии при сохранении курса на милитаризацию страны, не могут дать большого экономического эффекта, поскольку, как известно, средства, идущие на военные нужды, продукция военных отраслей выпадают из дальнейшего процесса воспроизводства и являются в экономическом смысле потерей для общества.

ВОПРОС: Общеизвестно, что западные державы стремятся извлечь максимальные политические выгоды путем закрепления Пекина на позициях антикоммунизма и антисоветизма. Вместе с тем трудно представить себе, чтобы они отказались от попыток экономического подчинения Китая. Как можно оценить такую перспективу?

ОТВЕТ: О попытках экономического закабаления Китая западными державами следует говорить не в будущем, а в настоящем времени. Китайские руководители уже прочно и надолго привязали развитие народного хозяйства КНР к конъюнктуре капиталистического рынка, функционирующего на основе анархии и жесткой конкурентной борьбы. С расширением торгово-экономических связей КНР с развитыми капиталистическими странами растет зависимость китайской экономики от импорта важнейших товаров из этих стран. К тому же широкий ввоз комплектного оборудования постепенно ведет к возникновению устойчивой технологической зависимости. Не случайно в связи с этим итальянский журналист Джузеппе Веноста в одном из сентябрьских номеров газеты «Мондо» вспомнил «опиумные войны», которые в прошлом веке велись против Китая Англией и Францией и которые стали важным этапом на пути превращения Китая в полуколонию империализма. Для Запада развитие торговли с КНР, писал этот журналист, «будет означать, что сбудется мечта, которую он лелеял со времени опиумных войн: ... окончательное открытие огромного китайского рынка для товаров капиталистических стран».

Планы западных держав идут весьма далеко: сегодня они уже открыто обсуждают возможности ввоза не только товаров, но и капиталов в Китай, и не только в ссудной форме, но и путем создания там собственных предприятий, эксплуатирующих дешевую рабочую силу и природные богатства страны. И хотя на словах китайские руководители заявляют: «Никакой иностранной собственности на китайской земле», на деле они дают достаточно оснований для подобных планов.

В провинции Гуандун уже действует несколько совместных с гонконгскими фирмами предприятий, производящих готовое платье, электронную технику, стройматериалы и другие товары, предназначенные для экспорта. В 1978 г. Китай подписал несколько соглашений о создании на территории КНР ряда совместных с капиталистическими компаниями предприятий. Так, гонконгская компания «Эйшн интернэшнл электроникс» заключила три подобные сделки о строительстве заводов по производству и сборке радиоэлектронной аппаратуры. По условиям соглашения, один из заводов будет построен в Пекине, при этом Китай предоставит 70% капитала, а компания — 30%. Китай гарантирует этой компании 20% прибыли от произведенной продукции.

Крупнейшей сделкой обещает стать готовящееся соглашение с рядом зарубежных нефтяных компаний, включая американские «Экссон», «Юнион ойл», «Филипс» и «Пеннзойл», о разработке прибрежных, а

возможно, и континентальных месторождений китайской нефти. По оценкам, реализация этой сделки потребует не менее 25 млрд. долл. капиталовложений.

Газета «Нью-Йорк таймс» писала в декабре 1978 г., что объявленная цель Китая — поощрять иностранные компании, чтобы они к 1985 г. вложили в экономику страны 100 млрд. долл. Для того чтобы привлечь иностранных вкладчиков капитала, в Китае планируется в 1979 г. ввести в действие целый комплекс специальных законов, гарантирующих иностранным компаниям право собственности, право на перевод прибылей в свои страны и «защиту технологии». Как утверждают представители японских компаний, усилия Китая по привлечению иностранного капитала будут сосредоточены главным образом на создании совместных предприятий.

Все это свидетельствует о том, что западные державы не без оснований считают вполне реальной перспективу экономического закабаления Китая и предпринимают практические шаги в этом направлении.

ВОПРОС: Существует ли теоретическое обоснование программы «четырех модернизаций»? В чем состоит преимущество и в чем «новизна» экономических концепций нынешнего руководства?

ОТВЕТ: Программа «четырех модернизаций» является амбициозным планом, который должен внушить китайскому народу и внешнему миру представление о том, что нынешние руководители полны решимости превратить Китай в развитое в экономическом отношении государство. Между тем эту программу ни в коей мере нельзя рассматривать в качестве долгосрочного плана развития социалистического государства, ибо она не сбалансирована, не обеспечена материальными и финансовыми ресурсами. Из всех направлений модернизации, обозначенных в программе, единственным, которому действительно уделяет серьезное внимание нынешнее китайское руководство, остается модернизация военно-промышленного комплекса, наращивание военной мощи. Все остальные направления представляются нереальными, неосуществимыми. Призывы к модернизации сельского хозяйства, промышленности в целом остаются лишь лозунгами для мобилизации всех «внутренних и внешних факторов». В частности, не случайно, что именно сейчас в Китае говорят об «импорте современного оборудования и технологии, о привлечении иностранного капитала», хотя совсем недавно это считалось чистым «капитулянтством перед иностранщиной».

Для того чтобы придать курсу на модернизацию народного хозяйства видимость научно обоснованной программы, пекинская пропаганда обрамляет ее серией теоретических статей. Среди них обращает на себя внимание статья президента Академии общественных наук Ху Цяо-му «Действуя в соответствии с экономическими законами, ускорить осуществление «четырех модернизаций». Она представляет собой попытку теоретического обоснования поворота в экономической политике нынешнего руководства, попытку подвести теоретическую основу под политику «четырех модернизаций», доказать, что эта политика «соответствует объективным экономическим законам». Между тем анализ статьи Ху Цяо-му убеждает в ее теоретической несостоятельности, демагогичности, попытке ревизии марксистско-ленинской экономической теории, но на этот раз не с «ультралевых» позиций, а с позиций правооппортунистических, анархо-синдикалистских.

Хотя статья непосредственно посвящена действию экономических законов при социализме, в ней отсутствует даже упоминание об основном экономическом законе социализма. Вместо него Ху Цяо-му в каче-

стве «наипервейшего» закона, закона «высочайшей степени» важности, рассматривает закон экономии времени. Хорошо известно, что закон экономии времени К. Маркс рассматривал как закон, действующий в различных общественно-экономических формациях. Он не является законом, специфическим лишь для социалистического способа производства, определяющим все стороны производственных отношений.

Еще одним «теоретическим открытием» Ху Цяо-му можно считать сопоставление им опыта планового управления экономикой в социалистических и капиталистических странах. В результате постоянных и безудержных экспериментов («большой скачок», «культурная революция» и т. п.) маоисты довели экономику страны до состояния развала. Навязав народу пресловутые маоистские постулаты «волнообразного развития», «идти на двух ногах», «опоры на собственные силы» и многие другие, китайские руководители пытались «развить» экономическую теорию социализма с позиций казарменного социализма, уравнилельного распределения, превалирования административных решений над экономическими.

В настоящее время пекинские руководители предпринимают попытки ревизии марксистско-ленинской экономической теории путем «перенятия» опыта капиталистических стран, перечеркивания опыта Советского Союза и других социалистических стран. С этой целью Ху Цяо-му, ссылаясь на факты локального планирования при капитализме, стремится создать впечатление, будто в условиях капитализма существует плановое управление и «буржуазия сознательно действует в соответствии с объективными экономическими законами». Более того, автор уверяет читателей, что «за длительный исторический период» в Китае «накопили сравнительно богатый опыт использования этих законов, достигли в этом большого мастерства». На этом основании Ху Цяо-му делает вывод о том, что, только переняв у капиталистов опыт управления экономикой, Китай сможет ускорить модернизацию своей экономики. Об огромном опыте, успехах социалистических стран, в том числе Советского Союза, в статье не говорится ни слова. Умалчивая об этом, автор, по существу, отрицает коллективный опыт братских стран, факт наличия и возможности использования основного экономического закона социализма, коренных закономерностей социализма. Не случайно в газете «Жэньминь жибао» через некоторое время после публикации статьи Ху Цяо-му появилась статья «В еще большей мере освобождать свое сознание», где в откровенной форме высказано отношение китайского руководства к советскому опыту экономического строительства. Нынешние адепты маоизма пытаются выискать в этом колоссальном опыте «изъяны», а в результатах его использования в Китае — «препятствие развитию производительных сил». На этот раз современные маоисты требуют конкретного «анализа» советского опыта, с тем чтобы «смело его реформировать». Такая оценка помощи Советского Союза нынешними руководителями КНР еще раз подтверждает, что антисоветский курс является основой стратегии внешней и внутренней политики маоизма.

Новый поворот в экономической политике, в методах управления экономикой предопределен беспринципностью нынешних пекинских лидеров в выборе средств и методов для достижения своих целей. «Передовой опыт» капиталистических стран маоисты предполагают использовать путем введения системы контрактов, которая должна охватывать отношения между предприятиями, между государством и предприятиями, государственным сектором и народными коммунарами, между трудящимися и предприятиями. Эти контракты должны предусматривать не только хозяйственную ответственность за невыполнение договоров и обязательств, но и штрафы.

Социальная демагогия программы «четырёх модернизаций» выражается в ее полном отрыве от коренных интересов народа. Программа содержит лишь абстрактные лозунги о необходимости «заботиться о жизни народа», в ней не определены конкретные социальные меры, направленные на неуклонное повышение благосостояния трудящихся КНР. Как и в других случаях (в политике «большого скачка», «дачжаизации» деревни, «учебы у Дацина» и многих других), во главу угла ставятся великодержавные задачи, интересы же народа вновь остаются в стороне от внимания китайского руководства. В этом заключается антинародный, антисоциалистический характер программы «модернизации» Китая — очередного этапа демагогической политики маоизма.

ВОПРОС: В мировой печати в последнее время широко обсуждаются проблемы, связанные с подписанным 12 августа 1978 г. японо-китайским договором о мире и дружбе. Его оценки носят прямо противоположный характер. В то время как официальные круги КНР и Японии пытаются представить дело так, будто бы договор направлен на обеспечение мира, многие страны Азии и влиятельные политические организации Японии подчеркивают, что он является дестабилизирующим фактором в Азии, несет серьезную угрозу делу мира в этом регионе. Как можно объективно оценить это соглашение?

ОТВЕТ: Действительно, официальные представители КНР и Японии отмечают обычно в своих выступлениях, что этот договор направлен на развитие дружеских японо-китайских связей и укрепление мира в Азии. Как заявил, например, министр иностранных дел Японии Сунао Сонода в парламенте 13 октября 1978 г. «цель договора состоит в том, чтобы содействовать укреплению мира в Азии посредством сотрудничества двух стран».

Однако характер этого соглашения, атмосфера, в которой он был подписан, и заявления политических деятелей обеих стран после вступления договора в силу заставляют усомниться в обоснованности официальных оценок соглашения и создают впечатление, что они призваны любой ценой оправдать заключение договора и скрыть от широкой общественности его негативные стороны.

Из пяти статей договора две носят общедекларативный характер. В статье 1-й указывается, что обе страны будут строить свои отношения на основе принципов мира, а статья 3-я декларирует стремление сторон содействовать развитию экономических и культурных связей и обмену визитами. Статья 5-я устанавливает срок действия договора в 10 лет с возможностью его автоматического продления, если одна из сторон не заявит за год о желании его денонсировать.

Наибольшую политическую нагрузку несет статья 3-я, о так называемом антигегемонизме, из-за разногласий по поводу которой переговоры затянулись почти на четыре года. В статье говорится, что «ни одна из сторон не должна добиваться гегемонии в районе Азии и Тихого океана или в любом другом районе, и каждая из сторон выступает против усилий любой другой страны или группы стран к установлению такой гегемонии». Учитывая попытки китайского руководства извратить суть советской внешней политики, приписать Советскому Союзу стремление к так называемой гегемонии, можно с уверенностью сказать, что эта статья имеет явную антисоветскую направленность. Председатель ЦК КПК Хуа Го-фэн прямо заявил в своем докладе на сессии ВСНП в марте 1978 г., что «выступление против гегемонии» — это есть «выступление против СССР».

Представители Японии пытались завуалировать эту направленность договора ссылками на статью 4-ю, включенную по настоянию Японии, в которой указывается, что «настоящий договор не будет влиять на позицию каждой из договаривающихся сторон в отношениях с третьими странами». Однако эта оговорка не может нейтрализовать опасный для дела мира характер постулата о «гегемонии», тем более что заместитель председателя КНР Дэн Сяо-пин в своих выступлениях в Японии в октябре 1978 г. в связи с ратификацией договора неоднократно подчеркивал, что именно в статье о «гегемонии» заключен основной смысл договора.

Подписание договора с Японией и сопутствующие ему заявления явились новой яркой демонстрацией поправок китайским руководством принципов пролетарского интернационализма и сближения с империалистическими державами на беспринципной, сугубо прагматической основе.

В качестве своего рода платы за согласие Японии на включение в договор положения о «гегемонии» китайское руководство дало твердое обещание заявить в апреле 1979 г. о своем намерении односторонне аннулировать советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, который с 1950 г. был надежным гарантом безопасности Китая и мира в Азии.

Столь же приятными для правящих кругов Японии оказались и выступления китайских политических деятелей в поддержку военного договора Японии с США — так называемого договора безопасности, аннулирования которого и провозглашения политики нейтралитета требуют все прогрессивные силы Японии.

Представители Китая во время визитов в Японию и в ходе встреч с японскими делегациями в Пекине выражали также поддержку курсу на широкую милитаризацию Японии, который вызывает глубокие опасения в странах Азии и против которого настойчиво борются демократические организации Японии.

«Одобрение Дэн Сяо-пином японо-американского договора является поправкой великих принципов социализма, — писал орган ЦК Коммунистической партии Японии газета «Акахата». — Подобные заявления лишь поощряют японское правительство на усиление военного сотрудничества с США и военные приготовления внутри страны и свидетельствуют о враждебном отношении Пекина к демократическим силам Японии...»

В результате заключения договора создается прежде всего опасность организации совместного японо-китайского давления на страны азиатско-тихоокеанского региона. Газета «Нихон кэйдзай» писала, что договор, как считают в странах Азии, может привести к «превращению Юго-Восточной Азии в зону совместных действий Японии и Китая».

В экономическом плане одним из его результатов могут быть попытки раздела сфер влияния между КНР и Японией за счет азиатских стран. Как писала газета «Дейли ёмиури», «сближение двух крупных азиатских держав — Японии и Китая — вызвало серьезные опасения среди других стран региона. Что произойдет, если ресурсы и огромное население Китая соединятся с экономической мощью и развитой промышленной технологией Японии? С точки зрения длительных перспектив японо-китайский договор может рассматриваться только как потенциальная угроза по отношению к соседним государствам».

Особенно серьезную угрозу делу мира влекут за собой планы военно-политического сотрудничества КНР и Японии. В беседе с группой японских журналистов 7 сентября 1978 г. Дэн Сяо-пин заявил, что если Япо-

ния «удвоит свои усилия в области обороны», то Китай и Япония смогут действовать «рука об руку».

Не могло не привлечь внимание политических комментаторов и то, что первой официальной китайской делегацией, посетившей Японию менее чем через месяц после подписания договора о мире и дружбе, была китайская военная миссия во главе с заместителем начальника Генерального штаба НОАК Чжан Цай-цянем. Китайским военным была предоставлена возможность осмотреть два японских предприятия, выполняющих заказы военного ведомства. По сообщению печати, в результате переговоров с руководством «сил самообороны» была достигнута договоренность о налаживании обмена между Управлением национальной обороны Японии и командованием НОАК.

Комментируя этот визит, сингапурская газета «Стрейтс таймс» писала, что «Китай, кажется, всеми силами стремится установить тесные военные связи с Японией». Сообщая о том, что делегация Чжан Цай-цяня «добилась согласия Японии на обмен военнослужащими», газета подчеркивает: «Всем ясно, что это только начало в новых отношениях между двумя странами, логически вытекающих из контекста японо-китайского пакта».

Все эти контакты и связи, при всей их нынешней ограниченности, показывают, в каком направлении пекинское руководство хотело бы развивать свои отношения с Японией. Именно это вызывает беспокойство во всех странах Азии, которые рассматривают подписание японо-китайского договора как шаг, явно ведущий к новым осложнениям на этом континенте. Выступая 1 октября 1978 г. в Маниле, президент Филиппин Ф. Маркос подчеркнул, что японо-китайское соглашение «осложнило обстановку в Азии и на Тихом океане и вызвало беспокойство в странах Юго-Восточной Азии». Он подчеркнул, что оно «вносит существенные изменения в баланс сил в Азии и на Дальнем Востоке».

Таким образом, характер японо-китайского сближения, так же как и реакция на него многих азиатских стран и мировой общественности, со всей очевидностью показывает, что оно отнюдь не направлено на дело мира. Договор наносит серьезный удар по отношениям Японии с Советским Союзом, вносит дестабилизирующие элементы в международно-политическую обстановку в Азии, создает дополнительные препятствия на пути к обеспечению прочного мира и безопасности в этом обширном регионе.

ВОПРОС: В последнее время значительно активизировалась внешнеполитическая деятельность Пекина в ЮВА. Каковы основные направления этой деятельности?

ОТВЕТ: В последнее время заметно усилилась политическая и дипломатическая активность Пекина во многих районах мира и особенно в Юго-Восточной Азии. Только в течение 1978 г. страны этого региона посетили такие высокопоставленные китайские деятели, как заместитель премьера Госсовета Дэн Сяо-пин (Бирма и Непал — январь, Таиланд, Малайзия, Сингапур — ноябрь), заместитель премьера Госсовета Ли Сянь-нянь (Филиппины и Бангладеш — март), заместитель председателя ЦК КПК Ван Дун-син (Кампучия — ноябрь). Кроме того, в страны ЮВА выезжали многочисленные китайские делегации более низкого ранга, резко увеличилось число приглашений посетить Китай представителям стран ЮВА.

За внешней стороной визитов китайских официальных лиц явно проглядывают истинные цели традиционной гегемонистской и велико-

державно-шовинистической политики Китая в отношении стран Юго-Восточной Азии, к которым Пекин всегда проявлял повышенный интерес, рассматривая их как сферу своего влияния. Основное направление такой политики в свое время цинично сформулировал Мао-Цзэ-дун: «Мы должны обязательно заполучить Юго-Восточную Азию, включая Южный Вьетнам, а также Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур... этот регион богат природными ресурсами, он стоит того, чтобы ради него были приняты определенные усилия».

Нынешние пекинские руководители в полной мере восприняли позицию Мао в отношении стран ЮВА. Более того, агрессивный гегемонистский характер маоистских планов в этом регионе становится ныне все более обнаженным, от слов маоисты переходят к действиям, направленным на реализацию их великодержавных замыслов.

В результате длительной борьбы народов Юго-Восточной Азии против империализма и колониализма в регионе произошли значительные позитивные перемены, усилилась тенденция к упрочению мира, стремление к национальной независимости и прогрессу. Однако такое развитие событий не устраивает силы империализма и международной реакции, в поддержку и в союзе с которыми выступает и китайское руководство. Во имя своих гегемонистских планов маоисты всеми способами пытаются создать нестабильную обстановку в ЮВА, внести раскол и посеять вражду между странами и народами, вмешиваются во внутренние дела суверенных и независимых государств региона, занимаясь подрывной и подстрекательской деятельностью. В этом отношении прежде всего обращает на себя внимание политика грубых нападок и открытого нажима маоистов на Социалистическую Республику Вьетнам, миролюбивый внешнеполитический курс которой Пекин рассматривает как препятствие на пути осуществления своих экспансионистских замыслов.

Как отмечала индонезийская газета «Мердека» в одной из своих статей, «позиция Китая в отношении Вьетнама показывает, что Пекин в проведении своей политики в ЮВА использует хорошо знакомые всем азиатским народам методы раскола и разжигания национальной розни».

Страны ЮВА сталкиваются с многочисленными фактами и примерами вмешательства Пекина во внутренние дела, они на практике ощутили маоистскую политику давления и шантажа. Это проявляется в различной форме и прежде всего находит свое выражение в прямой материальной и моральной поддержке подрывных элементов, пропекинских антиправительственных движений в странах ЮВА. Во время визита Дэн Сяо-пина в Бирму он вел лицемерные разговоры о «дружелюбии», в то время как Пекин продолжал оказывать всевозможную поддержку силам, с помощью которых маоисты уже много лет ведут необъявленную войну против суверенного бирманского государства. Не скрывают маоисты и своей поддержки антиправительственных выступлений в Таиланде, Малайзии и других странах. По свидетельству «Эйша Уолл-стрит джорнэл», «в странах АСЕАН существуют болезненные опасения в отношении влияния Китая на подрывные элементы».

Как же ответил Пекин на эти обоснованные опасения? Выступая в октябре 1978 г. перед иностранными журналистами, Дэн Сяо-пин (напомним, что это происходило накануне его поездки в Таиланд, Малайзию и Сингапур) сказал, что Китай не намерен отказываться от поддержки маоистских повстанческих движений в странах Юго-Восточной Азии. «Если бы Китай, — подчеркнул он, — сделал официальное заявление такого рода, это означало бы, что он выкинул белый флаг. Это было бы пораженческой позицией».

В последнее время заметно усилилось стремление Пекина добиться расположения стран — участниц АСЕАН. Пытаясь заигрывать с ними, маоисты призывают страны АСЕАН к созданию «единого фронта» с Китаем в целях борьбы против Советского Союза и других социалистических стран. В первую очередь маоисты стараются использовать предложения о «едином фронте» с целью внести раскол между СРВ и странами АСЕАН. Пекин не устраивают позитивные итоги поездок премьер-министра СРВ Фам Ван Донга в страны АСЕАН и открывающиеся возможности для ликвидации напряженности, созданной в регионе империалистической политикой.

Однако страны АСЕАН без энтузиазма отнеслись к призывам Пекина. Китайское предложение о «едином фронте», как подчеркнула тайландская газета «Нейшн ревью», «слишком сильно отдает гегемонизмом». Индонезийская газета «Синар харапан» добавила, что «АСЕАН хочет развивать взаимовыгодное сотрудничество с другими странами и не хочет вступать ни в какой «объединенный фронт»». Анализируя итоги визита Дэн Сяо-пина в Таиланд, Малайзию и Сингапур в ноябре 1978 г., японская газета «Майнити дейли ньюс» отметила, что страны региона остались глухи к китайским предложениям создать единый фронт.

Таким образом, политика нынешнего китайского руководства в ЮВА направлена на установление всестороннего влияния в этом регионе, с тем чтобы использовать его в глобальных великодержавно-шовинистических целях. Пекин стремится расколоть страны ЮВА, противопоставить их друг другу. Его основные усилия сосредоточены прежде всего на борьбе против прогрессивных режимов, особенно против СРВ.

ВОПРОС: Как известно, недавно США и Китай договорились об установлении дипломатических отношений между ними. Что можно сказать в связи с этим?

ОТВЕТ: Установление дипломатических отношений между КНР и США открывает новый этап в сближении маоистского Китая с империалистическими кругами Америки.

Многие западные, да и не только западные, обозреватели склонны толковать это событие как обычную дипломатическую акцию, которая, дескать, будет способствовать не только стабилизации китайско-американских отношений, но и общему смягчению напряженности и даже «выравниванию» политики Китая, усвоению им общепринятых «правил» взаимоотношений в «мировом сообществе». Такую акцию, разумеется, можно было бы только приветствовать: интересы мирного сосуществования и международной разрядки требуют поддержания нормальных отношений между любыми государствами, не исключая отношений между КНР и США.

В данном случае, однако, «нормализация» имеет особый характер: она направлена на то, чтобы, сгладив противоречия в рамках одной узкой группы стран, обострить отношения между другими, между целыми системами стран, поощрить гегемонистские устремления китайских националистов и укрепить позиции империализма в противоборстве с мировым социализмом. Понятно, что авторы китайско-американской договоренности пытаются завуалировать эту ее суть, прибегают ко всякого рода словесным ухищрениям. Однако в заявлениях, исходящих из Вашингтона и особенно из Пекина, цели и мотивы сторон предельно обнажены. Пекинская пропаганда, например, преподносит китайско-американскую договоренность как крупный успех маоистского курса на создание «широчайшего международного единого фронта» борьбы против СССР.

Дэн Сяо-пин и другие пекинские лидеры в беседах с американскими представителями постоянно подчеркивают антисоветскую направленность сближения с США. «Желание Дэна объединить усилия с американцами против «северного медведя» искренне настолько, что китайцы готовы пока отложить в сторону проблему Тайваня», — резюмировали свои впечатления от беседы с Дэном журналисты Эванс и Новак из газеты «Вашингтон пост».

Что касается мотивов американской стороны, то видный деятель конгресса сенатор Чэрч характеризовал их следующим образом: «В данном случае превалировало то соображение, что дружественные отношения с Китаем могут улучшить нашу стратегическую позицию в отношении Советского Союза, а также то, что расширение торговли с Китаем влечет за собой важные экономические преимущества». «Официальные представители американского правительства, — писала газета «Нью-Йорк таймс» 18 декабря, — рассчитывают, что часть отборных дивизий в военных округах, расположенных напротив Тайваня, будет очень скоро переведена на север». Как бы подытоживая различные оценки китайско-американской договоренности, газета «Ньюсдей» констатировала: «Грубо говоря, это можно считать мерой, направленной против Советского Союза».

Китайское руководство рассчитывает, опираясь на тесные отношения с США, реализовать свои великодержавные замыслы и обеспечить Китаю гегемонию на первых порах в сопредельном регионе. Не случайно американская печать связывает нынешнюю уступчивость Пекина на переговорах с его маневрами в Индокитае, где он стремится заручиться поддержкой США и связанных с ними стран в борьбе против Социалистической Республики Вьетнам.

Важным фактором «нормализации» китайско-американских отношений явилась также заинтересованность КНР в получении из США промышленного оборудования, новейшей технологии, оружия и боевой техники, кредитов, необходимых для осуществления программ модернизации китайской экономики и перевооружения армии. В этих программах, разрабатываемых с учетом не столько жизненных потребностей китайского народа, сколько амбициозных великодержавных целей, маоисты намерены отвести видное место капиталовложениям американских и других иностранных монополий. США готовы оказать соответствующие «услуги» Китаю и соблазняют его различными проектами экономического сотрудничества, для реализации которых, однако, требуется установление дипломатических отношений в полном объеме.

Для Соединенных Штатов главная цель в отношениях с Китаем сводится к тому, чтобы закрепить его на антисоветских, антисоциалистических позициях, не допустить возрождения советско-китайского союза, возможность которого рассматривается в империалистических кругах, по выражению лондонской «Санди телеграф», как «наиболее ужасная из всех апокалипсических перспектив». Поскольку маоистские лидеры являются фанатичными сторонниками конфронтации с СССР, Вашингтон считает выгодным поощрить их, пойти им навстречу. «Желание США укрепить позиции нынешнего китайского руководства сыграло немаловажную роль», — отмечала газета «Нью-Йорк таймс», сообщая о решении Вашингтона признать КНР.

Правящие круги США рассчитывают, что в результате «нормализации» им удастся шире использовать маоистский Китай в качестве прислужника американской политики. Для такого рода расчетов имеются все основания: Пекин уже давно открыто выступает в поддержку военного присутствия Соединенных Штатов в Азии, созданных ими агрессивных

военных союзов, американских мероприятий, направленных против национально-освободительных движений в Африке и других регионах. Не случайно правительство США обратилось именно к пекинским лидерам (через Бжезинского) с просьбой оказать определенные услуги в борьбе с негодными Америке режимами в ряде африканских стран, поддержать американских ставленников в этих странах. По некоторым данным, на китайско-американских переговорах неоднократно поднимался вопрос о согласовании позиций Вашингтона и Пекина в корейских делах. Соединенные Штаты заинтересованы в том, чтобы Пекин считался с американским присутствием в Южной Корее и не проявлял активности в поддержку Корейской Народно-Демократической Республики.

В основу своей торгово-экономической политики в отношении КНР Соединенные Штаты кладут не только коммерческие, но прежде всего политические соображения: они исходят из того, что развитие китайско-американской торговли, экономического сотрудничества, военных связей может привести к дальнейшему «поправению» пекинского режима, вовлечению Китая в орбиту влияния капиталистического мира и постепенной трансформации его строя в сторону капитализма.

Таковы цели сторон, такова основа, на которой строится нынешняя «нормализация» китайско-американских отношений.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Борьба СССР за мир и сотрудничество в Азии

*М. С. Капица,
профессор*

После второй мировой войны наиболее беспокойным континентом оказалась Азия. Там было свыше тридцати войн и крупных конфликтов: четыре войны было на Ближнем Востоке; в течение ряда лет наблюдались военные столкновения вдоль пакистано-афганской границы; три военных конфликта имели место между Индией и Пакистаном; начиная с 1959 г. неоднократно грохотали пушки в Гималаях на китайско-индийской границе; доходило дело до военной конфронтации между Индонезией и Малайзией; с 1945 по 1975 г. с небольшим перерывом шли войны на Индокитайском полуострове; три года свирепствовала война в Корее. На обстановку на континенте влияют многочисленные проблемы, оставленные колонизаторами и вызывающие трения и столкновения между государствами, стремление империалистических держав удержать и даже укрепить свои позиции, для чего они не раз прибегали к интервенции и провоцировали столкновения между странами Азии; в Азии создан ряд военных блоков: американо-японский, американо-южнокорейский договоры безопасности, АНЗЮС, СЕНТО и др. Один из блоков — СЕАТО — распался. Дестабилизирующее влияние на обстановку в Азии оказывает политика Пекина, его стремление к гегемонии, вмешательство в дела ряда стран и грубое давление на них, противодействие разрядке напряженности на континенте.

Проблемы мира и безопасности в Азии, отношения СССР с государствами этого континента занимают важное место во внешней политике Советского Союза.

Во-первых, СССР — евро-азиатское государство, большая часть его территории находится в Азии, и, что бы ни произошло на этом континенте, так или иначе затрагивает Советский Союз.

Во-вторых, в Азии живет свыше 2,5 млрд. человек, то есть больше половины населения земного шара, и от того, как там будет складываться обстановка, будет зависеть положение в мире вообще.

Дружественные двусторонние отношения между государствами, добрая воля каждой страны и ее вклад в общие усилия, призванные содействовать созданию атмосферы доверия между государствами, решению спорных вопросов мирным путем и обеспечению взаимовыгодного сотрудничества на основе равенства, уважения суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела других стран, являются слагаемыми каждого успеха в деле сохранения мира и укрепления безопасности. Из этих посылок и исходит Советский Союз.

К XXV съезду КПСС Советский Союз имел разветвленную систему отношений со странами Азии.

Успешно развивались братские связи с Монгольской Народной Республикой, покоящиеся на гранитной основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 15 января 1966 г. СССР содействовал тому, чтобы на Корейском полуострове царил мир, энергично поддерживал усилия КНДР, направленные на мирное и демократическое объединение Кореи; осуществлялось сотрудничество между СССР и КНДР на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 6 июля 1961 г. Как было отмечено на XXV съезде, «советские люди гордятся тем, что оказали немалую помощь Вьетнаму в его борьбе против империалистических захватчиков»¹. Советский Союз всемерно содействовал залечиванию ран войны в Индокитае, поддерживал борьбу народов этого района за свою независимость, безопасность и социально-экономический прогресс. Отношения с Китайской Народной Республикой оставались напряженными; предложения Советского Союза, направленные на то, чтобы нормализовать отношения двух стран хотя бы на основе принципов мирного сосуществования, отвергались китайским руководством: официальные лица, печать вели враждебную пропаганду против СССР, пытаясь представить его в качестве «врага № 1» Китая, источника новой мировой войны.

Ход событий показал правильность подхода Советского Союза к проблемам Южной Азии. СССР приветствовал прекращение индо-пакистанского военного конфликта в 1971 г. и в немалой степени содействовал утверждению нормальных отношений между государствами этой части мира. Особое значение СССР придавал дружбе с Индией. «Тесное политическое и экономическое сотрудничество с Республикой Индией — это наш постоянный курс»². Всесторонние связи существовали с нашим соседом Афганистаном. Советский Союз оказывал постоянную поддержку борьбе арабских народов за ликвидацию последствий израильской агрессии и мирное урегулирование; наша страна эффективно помогла укрепить военный потенциал арабских стран, противостоящих агрессору. Углублялись отношения с Сирией, Ираком, Южным Йеменом, с Организацией освобождения Палестины; лишь с Египтом отношения ухудшались из-за сползания правящих кругов АРЕ во главе с Садатом на проимпериалистические позиции. Нормально складывались дела с Турцией, Ираном, Пакистаном, Бангладеш, другими странами. Расширялись экономические связи с Японией, активнее стали контакты политических и общественных деятелей.

СССР и социалистические страны Азии

«В отношениях со странами социализма,— говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду,— КПСС твердо следует испытанному правилу: вести дела в духе подлинного равноправия и заинтересованности в успехах друг друга, вырабатывать решения, памятуя не только о национальных, но и интернациональных интересах. Какие бы проблемы ни возникали, их, по нашему убеждению, нужно решать в духе укрепления дружбы, единства и сотрудничества»³. Это в полной мере характеризует отношения СССР с социалистическими странами Азии.

¹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976, с. 7. (Далее — Л. И. Брежнев. Отчет ЦК КПСС.)

² Л. И. Брежнев. Отчет ЦК КПСС, с. 17.

³ Там же, с. 8.

Идет глубокий процесс сближения и социалистической интеграции с братской Монголией. Обе стороны считают его очень важным. Первый секретарь ЦК МНРП Ю. Цеденбал в отчете ЦК МНРП XVII съезду партии, состоявшемуся в июне 1976 г., подчеркнул, что очередные задачи и перспективы дальнейшего развития Монголии со всей остротой выдвигают необходимость усиления процесса всемерного сближения и консолидации МНР в экономической, политической, культурной и идеологической областях с братскими социалистическими странами, в первую очередь с Советским Союзом. Эти задачи будут решаться на основе всестороннего интегрирования экономики МНР с советской экономикой, интенсификации интеграционных процессов во всех сферах общественной жизни как фактора ускорения прогресса социалистического общества, метода экономического, политического и культурного сближения и выравнивания уровня хозяйственного развития социалистических стран⁴.

Вопросы дальнейшего сближения и социалистической интеграции были тщательно обсуждены советскими и монгольскими руководителями во время визита в СССР в октябре 1976 г. партийно-правительственной делегации МНР во главе с Ю. Цеденбалом. 19 октября были подписаны совместные документы, которые предусматривают дальнейшее расширение и углубление всестороннего советско-монгольского сотрудничества и отражают и закрепляют более чем полувековой опыт отношений братской дружбы между обеими странами. Советский Союз предоставил значительные кредиты для развития экономики, жилищного строительства, развития инфраструктуры. Заключен также договор о границе, который наряду с договором 1958 г. заложил новую юридическую основу под границу между двумя странами; договоры подписаны на основе уважения независимости и территориальной целостности партнеров и с задачей обеспечить дальнейшее сближение двух стран.

Как было отмечено в совместном коммюнике, переговоры и подписанные документы «являются новым вкладом в дальнейшее развитие дружбы и сотрудничества между двумя братскими народами, в дело всестороннего сближения двух стран и открывают важный этап в советско-монгольских отношениях... СССР и МНР, КПСС и МНРП исполнены решимости продолжать историческую работу по укреплению братских отношений, по совершению историчности форм и методов советско-монгольского сотрудничества, повышению его эффективности, наиболее полному использованию имеющихся резервов и возможностей в этой области, КПСС и МНРП будут и впредь делать все, чтобы отношения дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой росли и крепились на благо народов обеих стран, на благо мира и социализма»⁵.

Предприятия, построенные в МНР с помощью СССР, выпускают более 50% валовой промышленной продукции. Освоенные при участии СССР целинные земли обеспечивают страну зерном. Помощь СССР в текущей пятилетке превышает помощь за две предыдущие. Строятся предприятия, жилые дома, культурно-бытовые центры, создается радиорелейная линия, которая будет обслуживать значительную часть территории Монголии.

⁴ См. Ю. Цеденбал. Отчет Центрального Комитета МНРП XVII съезду Монгольской народно-революционной партии. Улан-Батор, 1976, с. 81.

⁵ Визит в Советский Союз партийно-правительственной делегации Монгольской Народной Республики. 18—24 октября 1976 года. М., 1976, с. 61—62.

Сделаны новые шаги в развитии советско-корейских отношений. В феврале 1976 г. во время пребывания в Москве заместителя премьера Административного совета КНДР Кон Дин Тхэ были подписаны соглашения о советских кредитах, об экономическом сотрудничестве и торговле. В январе 1977 г. в Советском Союзе находился с дружеским визитом Пак Сен Чер, являвшийся тогда премьером Административного совета КНДР. Были рассмотрены вопросы, касающиеся экономических и торговых связей, и подписаны новые экономические соглашения. «Наша цель,— отметил Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин 25 января 1977 г.,— использовать все возможности для того, чтобы сотрудничество между Советским Союзом и Корейской Народно-Демократической Республикой как можно лучше служило интересам народов обеих стран, строительству социализма и коммунизма, укреплению всей мировой социалистической системы, делу мира и прогресса»⁶.

Широкий обзор отношений между двумя странами, между КПСС и ТПК был произведен во время визита в Корею партийно-правительственной делегации во главе с членом Политбюро ЦК КПСС Д. А. Кунаевым.

СССР оказывает содействие на кредитной основе в строительстве 15 предприятий в КНДР. Товарооборот между СССР и КНДР в 1977 г. составил 338,5 млн. руб.

Время, прошедшее после XXV съезда КПСС, отмечено тремя важнейшими политическими событиями, которые уже оказали и будут оказывать воздействие не только на судьбу Вьетнама, но и на обстановку в Юго-Восточной Азии и на всем Азиатском континенте. 2 июля 1976 г. Национальное собрание провозгласило создание Социалистической Республики Вьетнам — единого социалистического государства на вьетнамской земле. Политическим итогом целого этапа революционной борьбы вьетнамского народа стал IV съезд Коммунистической партии Вьетнама, проходивший в Ханое 14—20 декабря 1976 г. Он ознаменовал полное торжество дела национального освобождения, воссоединения страны, продвижения страны к социализму.

Сотрудничество между Вьетнамом и братскими странами в экономической и научно-технической областях на нынешнем этапе выражается прежде всего в продолжающемся оказании Советским Союзом, другими государствами социалистического содружества широкого содействия СРВ в решении крупномасштабных задач народнохозяйственного строительства. СССР, с помощью которого за минувшие 20 лет во Вьетнаме было построено около 170 крупных экономических объектов, предоставляет Социалистической Республике Вьетнам кредиты и оказывает техническое содействие в создании еще 40 таких объектов. В их числе — строящаяся в настоящее время крупнейшая в Юго-Восточной Азии гидроэлектростанция на реке Да (Черная), угольная шахта «Хетам» мощностью 2,4 млн. т угля в год, ТЭЦ «Фалай» мощностью 500 МВт и др. Сооружение этих объектов явится значительным вкладом в реализацию программы социалистического строительства в СРВ, в выполнение пятилетнего плана развития ее народного хозяйства на 1976—1980 гг., основные направления которого были утверждены IV съездом КПВ. СССР будет продолжать оказывать в текущем пятилетии братской стране содействие в осуществлении геологоразведочных работ, выявлении и использовании богатств ее недр, в том числе нефти и газа; значительно расширит объем технического содействия в производстве

⁶ «Правда», 26. I. 1977.

некоторых видов сельскохозяйственной продукции (овощей и фруктов, цитрусовых и технических культур); поставит в СРВ в счет кредита значительное количество оборудования и сырья для различных отраслей тяжелой и легкой промышленности, а также продовольствия и других товаров.

Значение сотрудничества с СССР и другими братскими странами тем более возросло, когда Пекин прибег к агрессии против Вьетнама, прекратил строительство промышленных объектов, сооружавшихся при содействии КНР, превратил границу с СРВ в зону провокаций против нее, а режим Пол Пота — Иенг Сари поощрял к вооруженным действиям против социалистического Вьетнама.

3 ноября 1978 г. в Москве был подписан договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ, в котором зафиксировано, что стороны будут укреплять отношения нерушимой дружбы, солидарности и братской взаимопомощи, будут объединять усилия для укрепления и расширения взаимовыгодного экономического и научно-технического сотрудничества, содействовать сотрудничеству между органами государственной власти и общественными организациями, будут всемерно и последовательно бороться за укрепление братских отношений, единства и солидарности между социалистическими странами, будут прилагать все усилия для защиты международного мира и безопасности, будут консультироваться друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим интересы обеих стран. В случае, если одна из сторон явится объектом нападения или угрозы нападения, СССР и СРВ немедленно приступят к взаимным консультациям в целях устранения такой угрозы и принятия соответствующих эффективных мер для обеспечения мира и безопасности их стран⁷.

Одновременно были заключены соглашения об оказании содействия СРВ в обеспечении нормального движения по железной дороге Ханой — Хайфон, о сотрудничестве в подготовке вьетнамских специалистов и квалифицированных рабочих, о сотрудничестве в организации плантации по выращиванию лекарственных растений, о сооружении в СРВ наземной станции космической связи типа «Интерспутник»⁸.

Празднуя провозглашение республики, лаосский народ, как подчеркивали руководители Народно-революционной партии, отдавал должное поддержке и помощи, которые он получал и получает от Советского Союза, других стран социализма, от всех миролюбивых, демократических сил. «КПСС и советский народ, — заявил на XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК НРП Лаоса и премьер ЛНДР Кейсон Фомвихан, — оказывали и оказывают огромную и важную помощь и поддержку делу революционной борьбы лаосского народа, помогают ему преодолеть все трудности и выдержать все испытания перед тем, как начать стремительное продвижение вперед»⁹.

Реакционные силы оказывают всяческое сопротивление развитию Лаоса в направлении социализма. Пекин оказывает нажим на Лаос, пытается вмешиваться в его внутренние дела. Перед страной встали сложные экономические и социальные проблемы. В этой обстановке в апреле—мае 1976 г. состоялся визит в СССР партийно-правительственной делегации ЛНДР во главе с Кейсоном Фомвиханом. В ходе переговоров было констатировано полное единство взглядов СССР и ЛНДР как по вопросам двусторонних отношений, так и по актуальным проб-

⁷ См. «Правда», 4. I. 1978.

⁸ См. там же.

⁹ «Правда», 27. II. 1976.

лемам современной международной жизни. Во время пребывания лаосской делегации в Советском Союзе были подписаны договор о торговле, соглашение о товарообороте и платежах, соглашение о культурном и научном сотрудничестве, протокол об оказании Советским Союзом содействия Лаосу в создании государственной геологической службы¹⁰.

Из Советского Союза в Лаос поступают металлорежущие станки и двигатели, автомашины и топливо. Потребительские товары, полученные в качестве помощи из Советского Союза, распределяются среди населения через систему новых для Лаоса государственных и кооперативных магазинов. Многие лаосские юноши и девушки обучаются в вузах Советского Союза. В Лаосе проявляется большой интерес к жизни Советской страны, ее опыту строительства социалистического общества. Во Вьентьяне создано общество дружбы с Советским Союзом. «У советско-лаосской дружбы хорошие перспективы», — сказал Л. И. Брежнев на октябрьском (1976) Пленуме ЦК КПСС¹¹.

К сожалению, иную картину представляют отношения СССР с Китаем.

На XXV съезде КПСС было вновь подтверждено, что, давая отпор поджигательской политике Пекина, СССР в отношении Китая, как и других стран, твердо придерживается принципов равноправия, уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы. Было заявлено о готовности нормализовать отношения с Китаем на принципах мирного сосуществования. Если в Пекине возвратятся к политике, действительно основанной на марксизме-ленинизме, откажутся от враждебного социалистическим странам курса, станут на путь сотрудничества и солидарности с миром социализма, то это найдет соответствующий отклик с нашей стороны и откроется возможность для развития добрых отношений между СССР и КНР, отвечающих принципам социалистического интернационализма¹².

Стремясь содействовать созданию спокойной обстановки, в которой легче было бы искать пути к нормализации отношений, в Советском Союзе после смерти Мао Цзэ-дуна, в сентябре 1976 г., приостановили публикацию критических выступлений и материалов, касающихся положения в КНР и политики этой страны, и воздерживались от полемики более девяти месяцев. В послании Верховного Совета и Совета Министров СССР китайскому руководству по случаю 27-й годовщины КНР было подчеркнуто желание нормализовать отношения двух стран на принципах мирного сосуществования. 28 ноября 1976 г. в Пекине прибыл глава советской делегации на переговорах по пограничным вопросам, заместитель министра иностранных дел Л. Ф. Ильичев. В ходе переговоров он напомнил о советских предложениях, направленных на нормализацию отношений: заключение договора о неприменении силы, договора о ненападении, налаживанию контактов между министерствами и ведомствами и возобновление сотрудничества в различных областях. Он подчеркнул готовность засучив рукава провести переговоры об уточнении линии границы на отдельных участках и подписать новый договор, чтобы снять этот вопрос из советско-китайских отношений.

Новое китайское руководство заявило о полной приемственности

¹⁰ См. «Правда», 5. V. 1976.

¹¹ «Правда», 26. X. 1976.

¹² См. Л. И. Брежнев. Отчет ЦК КПСС, с. 13.

враждебного СССР курса, существовавшего раньше. В Китае приобретает все более широкие масштабы враждебная Советскому Союзу кампания, ведущаяся органами пропаганды и официальными лицами. Продолжаются попытки извращать внешнюю и внутреннюю политику СССР, бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела нашей страны, уличить советский народ, что ему делать и чего не следует делать. Навязчиво проповедуются тезисы о неизбежности и даже желательности новой мировой войны, предается анафеме идея разрядки, делается все, чтобы воспрепятствовать утверждению в международных отношениях принципа неприменения силы, взят курс на то, чтобы натравливать одни страны на другие. Как всегда преувеличивая свои возможности, пекинские правители призывают к созданию международного фронта борьбы против СССР. Задача создания такого «фронта» поставлена XI съездом КПК, состоявшимся в августе 1977 г.

Явное стремление создать новые завалы на пути нормализации отношений проглядывало в ходе очередного тура переговоров по пограничным вопросам в ноябре 1976 — феврале 1977 гг. Китайская сторона заявила, что без признания «спорных районов», то есть без удовлетворения ее территориальных притязаний к СССР, не могут развиваться отношения и в других областях. Она потребовала односторонних шагов со стороны Советского Союза, причем шагов самых невероятных, что явно говорило о стремлении загнать отношения в глухой тупик. Этой же бесплодной позиции придерживалась делегация КНР во время очередного тура переговоров в апреле — июне 1978 г.

Вместе с тем опыт показывает, что, когда обе стороны проявляют желание договориться, они достигают соглашения. В июле 1977 г. правительства СССР и КНР договорились о проходе китайских гражданских судов по советскому водному пути мимо Хабаровска в период обмеления пограничной протоки Казакевича, ежегодно советские власти разрешают выпас скота и другую хозяйственную деятельность китайского населения на некоторых пограничных участках территории СССР.

24 февраля 1978 г. Президиум Верховного Совета СССР обратился к Постоянному комитету Всекитайского собрания народных представителей. В обращении сказано, что советско-китайские отношения за последние годы приобрели такой характер, который не может не вызывать серьезного беспокойства. Чтобы материализовать выраженное обеими сторонами желание основываться в своих отношениях на принципах мирного сосуществования и воплотить его в весомый международный акт, Президиум Верховного Совета СССР предложил, чтобы наши страны выступили с совместным заявлением о принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой. В Советском Союзе считают, что совместное заявление о том, что стороны будут строить свои отношения на основе мирного сосуществования, твердо придерживаясь принципов равноправия, взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга и неприменения силы, могло бы двинуть вперед дело нормализации наших отношений. Было предложено, если сама идея выступления с таким документом приемлема для китайской стороны, провести встречу представителей двух сторон в СССР или в КНР на достаточно высоком уровне, с тем чтобы в возможно короткий срок согласовать взаимоприемлемый текст заявления.

Китайская сторона ответила на обращение нотой МИД КНР от 9 марта 1978 г. И по своему содержанию, и по тону она не только не

свидетельствует о хотя бы минимальном стремлении к улучшению межгосударственных отношений двух стран, но говорит о совершенно иных намерениях и целях.

Как показывает опыт международного общения, в том числе и опыт самого Китая, при желании государств прийти к соглашению переговоры ведутся без каких-либо предварительных условий, на основе равенства. Почти за два десятилетия в отношениях между СССР и КНР накопилось немало сложных проблем, и это лишь подтверждает, что давно пора начать конструктивный обмен мнениями. В Советском Союзе не раз заявляли, что между СССР и Китаем нет таких вопросов, которые нельзя было бы решить при наличии доброй воли. Именно в ходе делового обмена мнениями, в процессе улучшения отношений было бы найдено решение многих вопросов к обоюдному удовлетворению сторон, а некоторые из них отпали бы сами по себе. Создавать же частоток предварительных условий, предъявлять территориальные притязания к Советскому Союзу, как это делает китайская сторона, значит умышленно вести дело либо к блокированию всякой договоренности, либо к достижению односторонних преимуществ. Иначе и не могут быть расценены требования признать «спорные районы» на границе с Китаем и вывести войска оттуда, то есть признать китайские территориальные претензии на территорию СССР свыше 30 тыс. кв. км¹³, сократить в одностороннем порядке численность советских войск вдоль границы до уровня 1960 г., тогда как около двух миллионов китайских войск продолжали бы оставаться в районах, примыкающих к границе с СССР¹⁴. К тому же попытки разговаривать с Советским Союзом языком ультиматума выглядят не иначе, как утрата всякого чувства реальности; в равной степени беспочвенны и несерьезны претензии китайских властей на статус «пострадавшей стороны».

Судя по всему, в Пекине по-прежнему не готовы к конструктивному диалогу, который бы вызвал позитивные сдвиги в отношениях между СССР и КНР. Раз так, советская сторона располагает возможностью подождать, пока у китайской стороны созреет понимание необходимости проявить разумный подход и начать деловой разговор.

Антисоветизм Пекина, его противодействия позитивным тенденциям в Азии и в мире вообще причиняют серьезный ущерб также и КНР. Известный американский синолог А. Уайтинг отмечает, что «теперешняя политика Пекина в отношении СССР неблагоприятна, так как поглощает огромные средства на военные нужды из скудных экономических ресурсов страны, ухудшает позиции Китая на переговорах с западными державами, лишает КНР значительных выгод от сотрудничества с СССР»¹⁵. Зато империалисты в восторге. Английская консервативная газета «Дейли телеграф» цинично писала: «Связи между Китаем и Западом строятся не на основе традиционной дружбы и идеологической близости и даже не на общих экономических интересах. Они основываются на выгоде. Разорвите эти связи — иными словами, покажите китайцам, что они больше не могут рассчитывать на то, что Запад будет сдерживать советские военные планы, — и вы можете привести в действие процесс, который может повлечь за собой самое страшное событие на международной арене, какое только можно себе представить,

¹³ Подробнее см. в статье «Реальность и вымыслы». — «Правда», 1. IV. 1978.

¹⁴ См. также «Правда», 14. IV. 1978.

¹⁵ «United States — China Relations. The Process of Normalisation of Relations. Hearings before Special Subcommittee on Investigation of the Committee on International Relations, House of Representatives. 94th Congress». Washington, Government Printing Office, 1976, VIII, p. 147.

кроме мировой войны,— заключение договора о ненападении между Москвой и Пекином»¹⁶. Направляясь в мае 1978 г. в Китай, З. Бжезинский, один из наиболее отъявленных антикоммунистов в США, открыто заявлял о том, что Вашингтон «разыгрывает китайскую карту» для давления на СССР, другие социалистические страны. Оставляя в стороне вопрос о том, насколько тщетно и бессмысленно пугать социалистическое содружество Китаем, заметим лишь в связи с этим, что китайские руководители довели страну до того, что империалисты рассматривают ее как пешку на шахматной доске своей международной политики.

Развитие сотрудничества с освободившимися странами и с Японией

XXV съезд КПСС поставил задачу дальнейшего развития отношений с освободившимися странами Азии, борьбы за обеспечение мира и безопасности на континенте. «Мы делаем и будем делать все,— говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС,— чтобы развивать и укреплять дружбу с теми, кто действительно к ней стремится. С подавляющим большинством государств, возникших в результате слома колониальной системы, нас объединяет глубокая приверженность к миру и свободе, отвращение к любым формам агрессии и господства, к эксплуатации одной страны другой. Эта общность коренных устремлений — богатая и плодотворная почва, на которой и впредь будет крепнуть и расцветать наша дружба!»¹⁷.

Советский Союз рассматривает постоянно крепнущую дружбу с Индией как воплощение нерушимой дружбы и единства двух великих сил современности — мира социализма и стран, освободившихся от колониального ига и вступивших на путь независимого, прогрессивного развития.

В ходе обмена мнениями между советскими руководителями и премьер-министром Индии Индирой Ганди в Москве в июне 1976 г. было заявлено, что Советский Союз и Индию объединяет общая заинтересованность в устранении опасности новых агрессивных войн, в искоренении остатков колониализма и расизма, в борьбе за успешное развитие международной разрядки и сотрудничества. «Советский Союз и Индия,— говорилось в Декларации о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Индией,— придерживаются единого мнения о том, что для сохранения и упрочения мира первоочередное значение имеет дополнение политической разрядки разрядкой военной, прекращение гонки вооружения». Стороны подтвердили свою решимость содействовать осуществлению всеобщего и полного разоружения, включая ядерное разоружение, под эффективным международным контролем¹⁸.

Когда Индийский национальный конгресс потерпел поражение на парламентских выборах в марте 1977 г. и было сформировано правительство Джаната парти, империалистическая пропаганда и пекинские оракулы предрекали конец советско-индийской дружбы, утверждали, что Договор о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией

¹⁶ «Daily Telegraph», 27. III. 1978.

¹⁷ Л. И. Брежнев. Отчет ЦК КПСС, с. 18—19.

¹⁸ См. «Правда», 14. VI. 1976.

стоит под вопросом. Они не в состоянии понять то обстоятельство, что дружба между СССР и Индией определяется не конъюнктурными соображениями, а коренными интересами партнеров.

Это обстоятельство было убедительно продемонстрировано во время визита А. А. Громыко в Дели в апреле 1977 г. и состоявшихся там переговоров. «Дружба между двумя нашими странами отражена в Договоре о мире, дружбе и сотрудничестве, заключенном в 1971 году, — сказал министр иностранных дел Индии А. Б. Ваджапайи. — Эта дружба выдержала испытание временем. В меняющемся калейдоскопе международной обстановки последних лет эта дружба остается постоянным фактором мира и стабильности в Азии и во всем мире»¹⁹. В совместном коммюнике, опубликованном в итоге визита А. А. Громыко в Индию в апреле 1977 г., была подчеркнута решимость обоих государств следовать и впредь курсу на дальнейшее укрепление равноправного и взаимовыгодного сотрудничества на основе Договора о мире, дружбе и сотрудничестве. Министры иностранных дел СССР и Индии подписали соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве и соглашение о сотрудничестве в создании тропосферной связи, имеющее целью установление надежной телеграфно-телефонной связи между двумя странами. Представителями министерств внешней торговли было подписано соглашение о взаимных поставках некоторых товаров в 1977 г. на основе которого существенно расширится товарообмен между СССР и Индией²⁰.

«Нью-Йорк таймс», которая наряду с другими органами западной пропаганды предрекала ухудшение отношений между Индией и СССР, вынуждена была сообщить, что в результате встречи «были рассеяны подозрения и расширены масштабы возможного сотрудничества»²¹.

Переговоры между Л. И. Брежневым, другими советскими руководителями, с одной стороны, и премьер-министром Индии М. Десаи — с другой, в октябре 1977 г. явились новым свидетельством стремления обеих стран к дальнейшему развитию и укреплению дружбы и всестороннего сотрудничества, к расширению взаимопонимания и доверия. Стороны высказали убеждение, что самой острой и неотложной задачей современных международных отношений является прекращение гонки вооружений, предотвращение ядерной войны и осуществление разоружения. Было отмечено, что в последние годы тенденции к разрядке напряженности и сотрудничеству приобретают все более глубокий характер. Особое внимание было уделено вопросам разрядки на европейском континенте, где уже достигнут прогресс в этом направлении. Будучи крупнейшими государствами Азии, СССР и Индия проявляют глубокую заинтересованность в том, чтобы процесс разрядки напряженности распространился в полной мере и на азиатский континент. Обе стороны особо подчеркнули, что они выступают за заключение Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях²².

Курс правительств СССР и Индии на дальнейшее развитие дружественных отношений между двумя странами был вновь подтвержден во время визита министра иностранных дел Индии А. Б. Ваджапайи в СССР в сентябре 1978 г. Итоги переговоров в Москве были оценены обеими сторонами как важное звено в общей цепи мероприятий в области

¹⁹ «Правда», 27. IV. 1977.

²⁰ См. «Правда», 28. IV. 1977.

²¹ «New York Times», 27. IV. 1977.

²² См. «Правда», 26. X. 1977.

Советско-индийских отношений, развивающихся по восходящей линии.

Экономическое сотрудничество Советского Союза с Индией, 20-я годовщина которого отмечалась в феврале 1975 г., началось с закладки металлургического завода в Бхилаи. Ныне Бхилаи — флагман тяжелой промышленности Индии, признанный самым эффективным и рентабельным из всех металлургических предприятий страны. Кроме этого гиганта, при содействии СССР сооружено более 50 объектов, строятся еще 20, в том числе металлургический завод в Бокаро, который дал первую плавку в конце 1973 г.

Между СССР и Афганистаном почти шесть десятилетий существуют добрососедские отношения, основанные на дружбе и равноправии. Они были заложены великим Лениным. Ныне в условиях перемен, произошедших в Афганистане, традиционные добрые отношения между нашими странами приобрели качественно иной характер. «Теперь это не просто добрососедство, — говорил Л. И. Брежнев, приветствуя Генерального секретаря ЦК НДП Афганистана, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА Н. М. Тараки и других афганских гостей, — а глубокая, искренняя и прочная дружба, проникнутая духом товарищества и революционной солидарности»²³. Ее укреплению способствует общий подход к важнейшим международным проблемам, вопросам связей между нашими странами, партиями и народами.

Этот новый характер советско-афганских отношений получил воплощение в Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, подписанном 5 декабря 1978 г.²⁴. Он направлен на развитие широкого, всеохватывающего двустороннего сотрудничества на основе равноправия, уважения национального суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела друг друга и вместе с тем предусматривает сотрудничество с другими миролюбивыми государствами в поддержке справедливой борьбы народов за свободу и социальный прогресс. В соответствии с договором Советский Союз и Афганистан взяли на себя обязательство прилагать все усилия для защиты международного мира и безопасности народов, для углубления процесса разрядки и распространения ее на все районы мира, включая Азию²⁵.

Регулярные контакты осуществлял СССР с арабскими государствами. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин посетил в конце мая — начале июня 1976 г. Ирак, а затем Сирию; в СССР были с официальными визитами руководящие деятели арабских стран социалистической ориентации и Организации освобождения Палестины: в апреле 1977 г., в феврале и в октябре 1978 г. — Генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения, президент Сирийской Арабской Республики Хафез Асад во главе партийно-правительственной делегации; в августе 1978 г. — министр иностранных дел Сирии А. Хаддам; в мае 1977 г. — министр иностранных дел НДРЙ М. С. Мухаммед, а в феврале 1978 г. — премьер-министр НДРЙ Али Насер Мухаммед; в начале февраля 1977 г. — заместитель генерального секретаря регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения и заместитель председателя Совета революционного командования Ирака Саддам Хусейн; в апреле 1977 г., в марте и в октябре 1978 г. — председатель Исполкома Организации освобождения Палестины Ясир Арафат. Участники переговоров отметили успешное развитие

²³ «Правда», 6. XII. 1978.

²⁴ См. там же.

²⁵ См. там же.

отношений между СССР и соответствующими арабскими государствами и ООП, договорились расширять и углублять сотрудничество в различных областях. Были подписаны соглашения о развитии экономического и технического сотрудничества, консульская конвенция и план сотрудничества в области здравоохранения с Ираком, ряд соглашений с Сирией и демократическим Йеменом. Зафиксирована договоренность с Сирией, Ираком и НДРГ о дальнейшем развитии дружественных связей по партийной линии. Обсуждались меры, которые потребовалось принять в условиях резкого обострения обстановки на Ближнем Востоке, вызванного курсом А. Садата на сепаратный сговор с Израилем.

Советскому Союзу чужд конъюнктурный подход, навеянный вспышкой эмоций, хотя аннулирование А. Садатом договора о дружбе и сотрудничестве между АРЕ и СССР, антисоветские измышления и даже ложь, чем отличались мемуары А. Садата, вызвали возмущение. В ноябре 1976 г. в Софии состоялась встреча министров иностранных дел СССР и АРЕ. А. А. Громыко заявил, что Советский Союз готов поддерживать и активно развивать хорошие отношения с Египтом на прочной принципиальной основе²⁶. Во время беседы 10 июня 1977 г. Л. И. Брежнев и А. А. Громыко с министром иностранных дел АРЕ И. Фахми находившимся с визитом в СССР, было выражено обоюдное стремление к восстановлению отношений дружбы и взаимного сотрудничества между СССР и Египтом и рассмотрены конкретные меры, которые могли бы заложить долговременную принципиальную основу для нормализации отношений между двумя странами²⁷. В ходе переговоров была подтверждена договоренность о продолжении встреч и консультаций по всем интересующим СССР и АРЕ вопросам. Однако диалог не был прерван в связи со взятым А. Садатом курсом на сепаратный сговор с Израилем.

В июле 1976 г. в Москве состоялись переговоры между советскими руководителями и королем Иордании Хусейном. Стороны условились развивать взаимовыгодное сотрудничество. Советский Союз окажет содействие Иордании в проведении геологоразведочных работ по изысканию нефти, в строительстве линии электропередачи и центров профессионально-технической подготовки.

Во время переговоров министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с министром иностранных дел Турции И. С. Чаглаянгилом в Москве в марте 1977 г. была отмечена позитивная и благоприятная направленность советско-турецких отношений в соответствии с принципами и положениями Заключительного акта общеевропейского совещания. Подписаны соглашение о развитии экономического сотрудничества, соглашение о научно-техническом сотрудничестве и соглашение о сотрудничестве в предотвращении угона гражданских самолетов. Стороны подтвердили, что во время очередного визита на высоком уровне будет подписан политический документ о дружественных отношениях и сотрудничестве между СССР и Турцией²⁸.

Политический документ о принципах добрососедского и дружественного сотрудничества между СССР и Турцией был подписан 23 июня 1978 г. во время визита в СССР премьер-министра Турецкой Республики Б. Эджевита²⁹. Стороны условились применять в своих взаимоотношениях принципы Заключительного акта Совещания по безопасности и

²⁶ См. «Правда», 11. VI. 1977.

²⁷ См. там же.

²⁸ См. «Правда», 19. III. 1977.

²⁹ См. «Правда», 24. VI. 1978.

сотрудничеству в Европе; развивать в соответствии с этим в сбалансированной форме отношения добрососедства и сотрудничества на основе уважения суверенитета, равноправия, образа жизни, общественного порядка, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, взаимной безопасности и выгоды; сохранять границы обеих стран как границы добрососедства и дружественного сотрудничества; тщательно соблюдать во взаимных отношениях принципы неприменения силы или угрозы силой, а также отказа от предоставления своей территории для совершения агрессии и подрывных действий против других государств. Они заявили об обоюдной решимости сотрудничать в международных организациях, расширять контакты, последовательно добиваться углубления процесса разрядки, стремиться внести положительный вклад в борьбу за разоружение, поддерживать усилия развивающихся стран в укреплении их национального суверенитета и экономической независимости, выступать против любых форм империализма, жолонниализма и расовой дискриминации. СССР и Турция будут развивать дальше экономические и торговые отношения, сотрудничество в области культуры, научные и технические связи. Наряду с этим стороны решили ряд практических проблем: подписали соглашение о разграничении континентального шельфа в Черном море, договорились подписать соглашение об экономических и торговых отношениях на длительный период, увеличить в ближайшие годы торговлю в 2—2,5 раза³⁰.

Расширяются связи с Ираном, стал регулярным обмен мнениями между руководителями двух стран, СССР содействует строительству ряда промышленных объектов, товарооборот в 1977 г. составил 6600 млн. долл. В нелегких условиях, связанных со сложным внутренним положением в этой стране, развиваются отношения с Пакистаном, СССР участвует в сооружении крупного металлургического завода, других промышленных объектов, предоставил кредит в сумме 594 млн. руб., объем торговли составил в 1977 г. 34,1 млн. руб., осуществляются культурные связи. Удалось сохранить, несмотря на известные события, активные отношения с Бангладеш, ежегодно проходят консультации между МИДами двух стран, СССР помог расчистить порт Читтагонг, возводит промышленные объекты. Отношения с Шри-Ланка складываются в противоречивой обстановке, но носят активный характер, продолжают экономическое сотрудничество и культурные связи. Дружественный характер носит сотрудничество между СССР и Бирмой.

Во время официального визита в СССР в ноябре 1976 г. короля Непала Бирендры Советский Союз подтвердил, что высоко ценит политику неприсоединения и мирного сосуществования, проводимую Непалом, который вносит конструктивный вклад в дело мира и развития международного сотрудничества. Стороны заявили о стремлении к дальнейшему развитию дружбы и всестороннего сотрудничества между двумя странами. СССР предоставил Непалу дополнительную экономическую помощь. Было подписано соглашение об экономическом и научно-техническом сотрудничестве³¹.

Постепенно оживляются связи с Индонезией. Нормальные отношения СССР поддерживает с Сингапуром, Малайзией, Таиландом. В начале июня 1976 г. в Советском Союзе принимали президента Филиппин Ф. Маркоса; СССР и Филиппины договорились установить дипломатические отношения, что, по убеждению сторон, открыло новые возможности для налаживания на стабильной основе сотрудничества в различ-

³⁰ См. «Правда», 26. VI. 1978.

³¹ См. «Правда», 23. XI. 1976.

ных областях³²; стороны обменялись посольствами, завязались оживленные культурные связи. СССР намерен развивать отношения и сотрудничество с этими государствами — членами АСЕАН и с самой ассоциацией, исходя из понимания того, что ей не будут придавать характер военного или замкнутого экономического блока.

За период, прошедший после XXV съезда, подписан ряд экономических соглашений между СССР и Японией, в том числе о крупномасштабных проектах; быстро развивалась торговля, достигнув в 1977 г. 2525 млн. руб. Во время встречи с делегацией Федерации экономических организаций Японии 13 августа 1976 г. Л. И. Брежнев подчеркнул стремление Советского Союза к последовательному развитию и углублению добрососедских отношений с Японией. Председатель федерации Тосио Доко заявил, что экономические круги Японии придают важное значение деловому сотрудничеству с Советским Союзом на долгосрочной основе, они выступают за дальнейшее развитие дружественных отношений с СССР³³.

Отношениям между двумя странами был причинен ущерб враждебными действиями японских властей, которые захватили советский военный самолет, совершивший в сентябре 1976 г. вынужденную посадку на аэродроме в Хакодате, и летчика и передали их американским властям. В заявлении правительству Японии правительство СССР напомнило, что в прошлом бывали случаи, когда у тех, кто определял курс японской политики в отношении Советского Союза, враждебность брала верх над реализмом и трезвым учетом интересов СССР и Японии. Это никогда не приносило Японии дивидендов, скорее, оборачивалось несчастьем³⁴.

Из-за территориальных претензий Токио на Южные Курилы трудно шли переговоры о рыболовстве в связи с объявлением Советским Союзом мер по сохранению живых ресурсов и регулированию рыболовства и принятием парламентом Японии 2 мая 1977 г. решения о введении 200-мильной рыболовной зоны. По этой же причине не продвинулись переговоры о заключении мирного договора между СССР и Японией, а на предложение Советского правительства заключить договор о добрососедстве и сотрудничестве в Токио не откликнулись. Между СССР и Японией шел диалог в связи с попытками Пекина при помощи договора о мире и дружбе привязать Японию к Китаю и сделать ее инструментом агрессивной политики маоистов. Во время нашего визита китайских рыболовных судов в район островов Сэнкаку в апреле 1978 г. японцы смогли убедиться, что предупреждения СССР обоснованы, что флирт Токио с Пекином может привести Японию в конечном счете в «клетку тигра»; японская газета констатировала, что инцидент в районе островов Сэнкаку несколько охладил дружелюбные чувства, которые питала Япония к Китаю со времени установления дипломатических отношений³⁵. Тем не менее японское правительство уступило нажиму Пекина и пошло на подписание 12 августа 1978 г. договора о мире и дружбе между Японией и Китаем, который, несмотря на содержащуюся в ст. 4 оговорку, уже используется китайским руководством, чтобы попытаться навязать Токио свою политику, подключить Японию к своим авантюристическим актам. Даже западная печать предостерегала, что «Япония согласилась с настойчивыми требованиями Пекина, чтобы в текст договора была включена явно антисоветская статья против «геге-

³² См. «Правда», 8. VI. 1976.

³³ См. «Правда», 14. VIII. 1976.

³⁴ См. «Правда», 29. IX. 1976.

³⁵ См. «Asahi Evening News», 18. IV. 1978.

монии», и, хотя китайцы и аплодировали смелости Японии, ей следует проявлять осторожность во избежание дальнейшего обострения своих отношений с русскими»³⁶.

Советский Союз поддерживает постоянные политические контакты с большинством стран Азии, информирует о намечаемых им международных шагах, консультируется по вопросам, представляющим общий интерес. Такие консультации облегчают выработку позиций, обеспечивают согласованные действия, например в ООН. Абсолютное большинство стран Азии выступает вместе с СССР по вопросам ликвидации остатков колониализма, расизма и апартеида, создания новых, равноправных международных экономических отношений, отпора агрессии и оказания поддержки ее жертвам, разоружения, разрядки напряженности и укрепления безопасности.

Советское государство считает своим интернациональным долгом помогать всем народам, борющимся за полное уничтожение колониальной системы. Эта линия закреплена в Программе КПСС, подтверждена в решениях ее съездов, в том числе и XXV съезда КПСС. При осуществлении этого сотрудничества все материальные и финансовые ресурсы, направляемые социалистическими государствами в развивающиеся страны, переходят в полное распоряжение последних и могут быть целиком использованы для нужд их хозяйственного и культурного развития. Участие в новом международном разделении труда — между социалистическими и развивающимися странами — создает для молодых национальных государств возможность эквивалентного, подлинно равноправного обмена продуктов их хозяйственной деятельности на продукцию промышленно развитых стран; ведение расчетов на клиринговой основе позволяет развивающимся странам экономить конвертируемую валюту.

СССР в борьбе за урегулирование конфликтных ситуаций в Азии

Победа Вьетнама показала, что народ, преисполненный решимости отстаивать правое дело и опирающийся на мощь социалистического содружества, может устоять в борьбе даже с самой могущественной империалистической державой. Поражение американского империализма во Вьетнаме сделало возможным освобождение Лаоса и Камбоджи. Социалистическая Республика Вьетнам, третье по населению социалистическое государство мира, ныне является форпостом социализма в Юго-Восточной Азии и важным фактором международных отношений в этом районе. Большие перемены происходят в Лаосе; в Кампучии революционно-патриотические силы одержали победу над реакционным режимом пекинских марионеток. Урок, полученный во Вьетнаме, заметно сбил спесь с американского империализма; в Анголе и Эфиопии, например, он вынужден был действовать куда осторожнее, чем имел обыкновение поступать в прошлом. Инерция прежней политики мешает США нормализовать отношения с СРВ, они на два года задержали принятие Вьетнама в ООН. Предпринимались недружественные действия в отношении Лаоса.

Победа вьетнамского народа и быстрое объединение страны в единую Социалистическую Республику Вьетнам, осуществление Вьетнамом самостоятельной внешней политики, его курс на укрепление един-

³⁶ «Newsweek», 25. IX. 1978.

ства социалистического содружества не понравились в Пекине. Не понравилось Пекину и развитие братских отношений между Вьетнамом и Лаосом, ставшим на путь строительства социализма. Китайские руководители все более убеждались, что Вьетнам не только не желает служить инструментом их захватнической политики в Юго-Восточной Азии, но, напротив, противодействует экспансии Пекина. Китайский дракон стал все громче рычать, угрожая Вьетнаму. Не подействовало. Тогда систематически стали устраиваться инциденты на границе СРВ, китайская пропаганда шумно доказывала, что Парасельские, Спратли и другие острова в Южно-Китайском море издавна принадлежат Китаю, а не Вьетнаму. При подстрекательстве Пекина клика Пол Пота — Иенг Сарн, сметенная народом в январе 1979 г., совершала вооруженные налеты на территорию СРВ, превратившиеся в необъявленную войну против Вьетнама. Усилилось вмешательство Пекина в дела Лаоса в расчете повернуть эту страну против Вьетнама. И наконец, Пекин прибег к грубому нажиму на СРВ, пытаясь воспрепятствовать социалистическим преобразованиям на Юге Вьетнама, затронувшим также буржуазию из числа граждан СРВ китайской национальности; распространявшиеся пекинской агентурой слухи о возможной войне между Китаем и Вьетнамом подтолкнули часть «хуацяо» на бегство из СРВ за границу. Китайская печать подняла клеветническую кампанию против СРВ, в мае — июне 1978 г. Китай прекратил поставки оборудования и другое содействие в сооружении ряда предприятий во Вьетнаме, китайские специалисты покинули свои места и уехали. В июне 1977 г. китайские власти потребовали закрыть три консульства СРВ в Китае. С целью давления на СРВ китайские власти стали совершать налеты на территорию Вьетнама. Кровавый инцидент произошел 1 ноября. После этого вооруженные провокации стали систематическими.

Социалистическая Республика Вьетнам с достоинством и мужеством встретила наскоки и угрозы Пекина. «Народ Вьетнама, — говорилось в одной из нот правительства СРВ правительству КНР, — прошел трудный и сложный путь к нынешней славной победе. Высоко неся знамя национальной независимости и социализма, неуклонно придерживаясь курса на независимость, самостоятельность и международную солидарность, развивая дух опоры на собственные силы и получая помощь друзей со всего мира, народ Вьетнама, несомненно, защитит и успешно построит мирный, независимый, единый и социалистический Вьетнам, внесет достойный вклад в дело борьбы народов за мир, национальную независимость, демократию и социальный прогресс»³⁷.

Советский Союз и на этот раз оказал энергичную поддержку Социалистической Республике Вьетнам. В послании руководителям СРВ по случаю второй годовщины образования Социалистической Республики Вьетнам советские руководители перед лицом грубого и ничем не прикрытого давления извне, нападок и шантажа, которым подвергается вьетнамский народ, вновь заверили братский Вьетнам в решительной поддержке его усилий, направленных на строительство социалистического общества, на улучшение условий жизни народа, на защиту неотъемлемых суверенных прав и упрочение международных позиций Социалистической Республики Вьетнам — надежного форпоста социализма в Юго-Восточной Азии. Советский Союз поддерживал, поддерживает и будет неизменно поддерживать Вьетнам³⁸. Решимость СРВ и СССР

³⁷ «Правда», 18. VI. 1978.

³⁸ См. «Правда», 5. V. 1978.

противодействовать нападению или угрозе нападения отражена в договоре о дружбе и сотрудничестве от 3 ноября 1978 г. «Можно предвидеть,— сказал при подписании договора и соглашений Л. И. Брежнев,— что он (договор.— М. К.) придется не по душе тем, кому не нравится дружба СССР и Вьетнама, кто делает ставку на нагнетание напряженности, на разобщение социалистических стран. Но договор уже стал политической реальностью. И, хотя этого или нет, с этой реальностью придется считаться»³⁹.

Весьма горячая точка сохраняется на Корейском полуострове. Корея расчленена на две части. На юге размещены американские войска. Опираясь на поддержку США, Пак Чжон Хи установил режим террора. Время от времени обостряется обстановка на 38-й параллели. КНДР выдвигала различные предложения, реализация которых обеспечила бы мир и стабильность на Корейском полуострове и повела бы к восстановлению национального единства Кореи.

Советский Союз с глубоким сочувствием относится к мерам КНДР, в том числе в ООН, направленным на объединение Кореи мирным путем на демократических началах. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин подчеркнул 25 января 1977 г., что Советский Союз поддерживает усилия правительства КНДР, имеющие целью ослабление напряженной обстановки на Корейском полуострове, создание благоприятных условий для мирного объединения Кореи на демократической основе без вмешательства извне. Наш народ глубоко симпатизирует стремлению всех корейцев жить одной мирной семьей, чему препятствует империалистическое вмешательство во внутренние дела Кореи, присутствие иностранных войск на юге страны, поддержка империалистическими силами антинародного сеульского режима. Было указано на необходимость претворения в жизнь резолюции XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН о создании благоприятных условий для превращения перемирия в Корею в прочный мир и ускорения мирного объединения Кореи⁴⁰.

Пак Сен Чер, являвшийся тогда премьером Административного совета КНДР, выразил КПСС, Советскому Союзу глубокую признательность за оказанное ими большое содействие справедливой борьбе корейского народа за национальное освобождение и социализм, а также за активную поддержку и солидарность в борьбе за объединение Кореи⁴¹.

Под международным нажимом президент США Дж. Картер заявил, что сухопутные войска будут выведены из Южной Кореи в течение пяти лет⁴². Но пять лет — это долгий срок. К тому же США намерены сохранить авиационный «зонтик» над Южной Кореей и оставить за собой военно-воздушные и морские базы. В ноябре 1978 г. создано объединенное американско-южнокорейское командование, что лишний раз подтверждает намерение Вашингтона продолжать вмешательство в дела Кореи.

Наша страна не жалеет времени и сил, чтобы содействовать нормализации обстановки на Индостанском субконтиненте, устранению трудностей между Индией и Пакистаном, Бангладеш и Пакистаном, Индией и Бангладеш. Идет ли речь об урегулировании индо-пакистанских от-

³⁹ «Правда», 4. XI. 1978.

⁴⁰ См. «Правда», 26. I. 1977.

⁴¹ См. там же.

⁴² См. «New York Times», 1. V 1977.

ношений после войны, решении многочисленных проблем, возникших в связи с отделением Бангладеш от Пакистана, или распределении вод Ганга между Индией и Бангладеш, Советский Союз постоянно призывает к сдержанности, советует решать спорные вопросы в духе взаимной уступчивости и путем переговоров. СССР с удовлетворением встретил благоприятное завершение состоявшихся в апреле 1976 г. индийско-пакистанских переговоров по вопросам дальнейшей нормализации отношений между двумя странами. Стороны договорились о возобновлении прерванных в 1971 г. дипломатических отношений, восстановили авиационное и сухопутное сообщение, условились принять необходимые меры с целью расширения торговых отношений, развития культурного и научного обмена.

Задача нормализации обстановки на субконтиненте была предметом советско-индийских переговоров в Москве и в Дели в июне 1976 г., в апреле, в октябре 1977 г. и в сентябре 1978 г. Советский Союз и Индия выступили за дальнейшую нормализацию положения на южно-азиатском субконтиненте. Советский Союз приветствовал усилия Индии и других государств этого района, направленные на установление добрососедских отношений и решение всех спорных вопросов мирными средствами путем переговоров без какого-либо вмешательства внешних сил⁴³.

Советский Союз активно поддерживает усилия арабских государств, направленные на ликвидацию последствий агрессии Израиля, и выступает с позитивной программой урегулирования на Ближнем Востоке. На XXV съезде КПСС было указано, что опасность возобновления военных действий на Ближнем Востоке будет сохраняться, пока израильские армии остаются на оккупированных землях, пока лишены своих законных прав и живут в отчаянных условиях сотни тысяч палестинцев, изгнанных со своих земель, и арабский народ Палестины лишен возможности создать свое национальное государство⁴⁴.

Советский Союз продолжает активно искать пути к урегулированию на Ближнем Востоке, указывая на бесперспективность «частичных шагов» и сепаратных сделок, осуждая попытки арабской реакции, империализма и сионизма ослабить, «приручить» палестинское освободительное движение, добиваясь консолидации сил арабских народов на борьбу за ликвидацию последствий израильской агрессии. 29 апреля 1976 г. Советское правительство выступило с заявлением, в котором изложило свои соображения об урегулировании на Ближнем Востоке. Через пять месяцев правительство СССР передало правительствам США, Египта, Сирии, Иордании, Израиля и руководству ООП предложения об урегулировании на Ближнем Востоке и Женевской мирной конференции. Четкая и ясная программа урегулирования на Ближнем Востоке была сформулирована в речи Л. И. Брежнева на XVI съезде профсоюзов СССР 26 марта 1977 г.⁴⁵

Для оздоровления обстановки на Ближнем Востоке необходимы полный вывод израильских войск с оккупированных территорий, удовлетворение законных национальных требований арабского народа Палестины и международные гарантии независимого существования всех государств этого района. Договоренности по этим ключевым вопросам следует добиваться через Женевскую мирную конференцию по Ближнему Востоку.

⁴³ См. «Правда», 28. X. 1977.

⁴⁴ См. Л. И. Брежнев. Отчет ЦК КПСС, с. 16.

⁴⁵ См. «Правда», 29. IV и 2. X. 1976, 27. III. 1977.

Израильских экспансионистов и их американских покровителей такой оборот дела не устраивает. Ищут сговора с Израилем и правые, проимпериалистические силы на Арабском Востоке. Это нашло выражение в паломничестве президента АРЕ А. Садата в ноябре 1977 г. в оккупированный Иерусалим и последующих переговорах. Апогеем процесса, направленного на достижение сговора за спиной арабских народов, явилась встреча в Кэмп-Дэвиде в сентябре 1978 г. президента США, премьер-министра Израиля и президента Египта. Основной замысел этой встречи состоял в том, чтобы расколоть арабов, противопоставить их друг другу и навязать арабским странам по отдельности угодные агрессору условия урегулирования. Не случайно, отдельные страны, в том числе Иордания и даже Саудовская Аравия, отвергли план, выработанный в Кэмп-Дэвиде.

Советская оценка этих маневров империалистов и капитулянтов в египетской верхушке дана Л. И. Брежневым в его речи, произнесенной в Баку 22 сентября 1978 г. Л. И. Брежнев сказал: «Но всякие попытки игнорировать коренные предпосылки действительного решения ближневосточной проблемы, исключить или обойти тех или иных законных участников урегулирования, пожертвовать их интересами, диктовать им свои условия не могут дать ничего, кроме иллюзии урегулирования. В какие бы «рамки» ни облекался сепаратный сговор, который прикрывает капитуляцию одной стороны и закрепляет плоды агрессии другой, — агрессии Израиля, он способен лишь сделать обстановку на Ближнем Востоке еще более взрывоопасной...

Многолетний опыт неопровержимо доказывает, что для действительного решения ближневосточного конфликта есть только один путь. Этот путь — полное освобождение всех оккупированных Израилем в 1967 году арабских земель, полное и недвусмысленное уважение законных прав арабского народа Палестины, в том числе права на создание своего независимого государства, обеспечение надежной гарантированной безопасности всех стран региона, включая, разумеется, и Израиль. Такое всеобъемлющее урегулирование возможно только с участием всех заинтересованных сторон, в том числе Организации освобождения Палестины. И чем раньше оно будет достигнуто, тем скорее Ближний Восток перестанет быть очагом напряженности»⁴⁶.

Позиция Советского Союза находит горячее одобрение народов непосредственно заинтересованных стран ближневосточного района. Президент Х. Асад от имени Национального фронта стойкости и противодействия, который он представлял в ходе своего визита в Москву в октябре 1978 г., дал высокую оценку этой твердой, принципиальной позиции в поддержку справедливого дела борьбы за освобождение оккупированных арабских территорий и восстановление прав арабского народа Палестины. Председатель Исполкома ООП Я. Арафат, находившийся с визитом в СССР в конце октября — начале ноября 1978 г., предупредил: «Палестинский народ не позволит никому решать палестинскую проблему за него, а тем более — вопреки его законным правам. Сепаратные договоренности такого рода не имеют и не будут иметь для арабского народа Палестины никакой силы и являются незаконными»⁴⁷.

⁴⁶ «Правда», 23. IX. 1978.

⁴⁷ «Правда», 2. XI. 1978.

Индийский океан должен стать зоной мира

В связи с задачей обеспечения мира в Азии и не только в Азии важное значение приобретает идея превращения Индийского океана в зону мира.

Все более актуальными становятся за последние годы проблемы международных отношений в бассейне Индийского океана.

Соединенные Штаты создали в Индийском океане цепь военных баз, которые входят составной частью в гигантскую стратегическую дугу американских опорных пунктов, протянувшуюся от Японии к Австралии, далее — через Индийский океан к Южной Африке и Персидскому заливу. Особое место Пентагоном отводится форсированно строящейся сейчас военно-воздушной и военно-морской базе на атолле Диего-Гарсия, входящем в расположенный в центре Индийского океана архипелаг Чагос. Пентагон связывает с Диего-Гарсия далеко идущие планы. В 1975 г. на расширение базы на этом острове было выделено 18,1 млн. долл., в 1976 г. — еще 13,8 млн.

Большое значение Пентагон придает и военным базам в зоне Персидского залива, в частности военно-воздушной базе на острове Масира, расположенном в Аравийском море, поблизости от побережья Омана. Эта база используется Соединенными Штатами в обмен на оказание помощи султану Омана в его борьбе против национально-патриотических сил Дофара. С нее, по замыслу Пентагона, легко контролировать продвижение кораблей к узкому входу в Красное море и в Персидский залив, куда ведет Ормузский пролив, через который танкеры провозят примерно половину нефти, потребляемой ныне Западом. Стремясь обеспечить свои интересы, утвердить свое влияние в нефтедобывающих странах зоны Персидского залива, империалистические круги разработали и проводят в отношении этого района такую политическую стратегию, которая позволила бы им осуществлять контроль над происходящими здесь событиями, вмешиваться во внутренние дела его стран и народов.

Одним из важнейших средств осуществления замыслов империализма в отношении стран Персидского залива является наращивание поставок американского оружия консервативным режимам в этом районе. Почти половина оружия, продаваемого Соединенными Штатами за границу, оказывается в странах Персидского залива, причем упор делается на предоставление вооружений Ирану и Саудовской Аравии. Империалисты, используя некоторые арабские страны, прежде всего Саудовскую Аравию, пытаются установить свой контроль в районе Красного моря в нарушение законных прав других государств и народов этого района, в ущерб интересам свободного международного мореплавания, причем кое-кто подчас договаривается до того, что такой контроль якобы будет способствовать обеспечению безопасности Красного моря. Как, однако, может служить этим целям попытка создания своего рода замкнутого военно-политического блока в районе Красного моря, проведение военно-морских маневров вблизи берегов Эфиопии? Нетрудно видеть, что в действительности основной целью организаторов этой затеи является, как и в других подобных случаях, борьба против стран, избравших прогрессивный путь развития, стремление разобщить их, ослабить и расправиться с каждой из них поодиночке.

Непотопляемыми авианосцами США фактически стали Австралия и Новая Зеландия. Пересмотрев ряд прежних внешнеполитических позиций в сторону укрепления военно-политического союза с США, правительства Австралии и Новой Зеландии демонстративно заявляют

о своей верности военному блоку АНЗЮС, в котором две эти страны объединены с США, ратуют за усиление американского военного присутствия в Индийском океане, предоставляют свои территории в распоряжение американской военщины.

В свете этого закономерно, что многие государства бассейна Индийского океана, обеспокоенные расширением в этом районе системы американских военных баз и постоянным присутствием в Индийском океане военных кораблей США, активно выдвигают вопрос о превращении океана в зону мира.

По инициативе этих стран Генеральная Ассамблея ООН приняла в 1971 г. Декларацию об объявлении Индийского океана зоной мира. В последующие годы ООН обращалась с призывом ко всем государствам содействовать претворению указанной декларации в жизнь. Сейчас рассмотрение этого вопроса в ООН стало все больше перемещаться в плоскость подготовки международной конференции по Индийскому океану, на которой имеется в виду придать декларативным решениям Генеральной Ассамблеи более обязывающий характер. В политической декларации, принятой V Конференцией глав государств и правительств неприсоединившихся стран, которая состоялась в августе 1976 г. в Коломбо, выражена полная поддержка предложения о превращении Индийского океана в зону мира и ликвидации в этом районе империалистических военных баз.

СССР с самого начала занимал и занимает положительную позицию в отношении идеи превращения Индийского океана в зону мира, ибо она отвечает курсу советской внешней политики, направленной на разрядку международной напряженности, прекращение гонки вооружений, укрепление безопасности народов. Позиция Советского Союза по этому вопросу четко сформулирована в отчетном докладе Л. И. Брежнева на XXV съезде партии. «За последнее время,— сказал Л. И. Брежнев,— в ряде стран множатся выступления за то, чтобы район Индийского океана не стал ареной создания военных баз тех или иных держав. Мы сочувствуем этим выступлениям. Что касается Советского Союза, то мы не имели и не имеем намерения строить военные базы в Индийском океане. И мы призываем Соединенные Штаты Америки занять такую же позицию»⁴⁸. Заявленное, содержащееся в отчетном докладе, а также соответствующее положение Декларации о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Индией были встречены весьма положительно в странах этого района.

Первые результаты таких усилий стали заметны в 1977 г. Администрация президента Дж. Картера выразила готовность приступить к переговорам с Советским Союзом об ограничении вооружений в Индийском океане. Встречи делегаций начались 22 июня 1977 г. С тех пор они проводились несколько раз.

Очевидно, что наиболее эффективным было бы радикальное решение вопроса. Именно это постоянно предлагал Советский Союз. В Меморандуме по вопросам прекращения гонки вооружений и разоружения, внесенном 28 сентября 1976 г. в ООН, на этот счет было выдвинуто конкретное предложение: договориться о ликвидации в районе Индийского океана всех иностранных военных баз, не создавать новые базы, сократить военное присутствие неприбрежных государств на взаимной основе. Это предложение в дальнейшем неоднократно подтверждалось с советской стороны. Как заявил в сентябре 1977 г. на Генеральной Ассамблее ООН министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, с этих

⁴⁸ Л. И. Брежнев. Отчет ЦК КПСС, с. 28.

же позиций Советский Союз выступил на двусторонних переговорах с США.

Конечно, радикальный метод решения вопросов разоружения всегда обещает больше эффективности. Но если одна из сторон к этому не готова, то возможно использовать и постепенный, поэтапный подход. Речь должна идти о том, чтобы уже первый этап — этап «стабилизации», «замораживания», или «взаимной сдержанности», — предусматривал запрещение ввода в Индийский океан и развертывания в его водах, на побережье и островах тех систем оружия, которых там не было до сих пор, ограничение нынешним уровнем присутствия в водах океана военных кораблей, а в его воздушном пространстве и на аэродромах — военных самолетов, отказ от строительства там новых военных баз, прекращение расширения баз, уже существующих.

Очень важно, чтобы «стабилизация», или «замораживание», стала началом процесса, который поведет к действительному понижению уровня военной активности в Индийском океане, включая, разумеется, и соответствующие меры в отношении военных баз.

С февраля 1978 г. переговоры, касающиеся Индийского океана, «заморожены». Наши партнеры явно попытались таким образом оказать на СССР нажим в связи с событиями в районе Африканского Рога. «Этим, — заявил А. А. Громыко на XXXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, — обеспокоены многие государства, которые возлагали надежды, что переговоры помогут превращению Индийского океана в зону мира»⁴⁹.

Во время пребывания А. А. Громыко в Вашингтоне в октябре 1978 г. была достигнута договоренность, что переговоры будут продолжены.

Задача обеспечения мира и безопасности в Азии

Программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, сформулированная на XXV съезде КПСС, наряду с другими важными задачами включает следующую: «...вести дело к обеспечению безопасности в Азии на основе совместных усилий государств этого континента»⁵⁰.

Идея обеспечения безопасности в Азии совместными усилиями всех государств этого континента выдвигалась советской дипломатией давно, она в той или иной форме была присуща политике Советского Союза еще в 20-е и 30-е годы, о ней речь шла на XX съезде КПСС. На Международном совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г. Л. И. Брежнев отметил, что жизнь выдвигает в порядок дня «и задачу создания системы коллективной безопасности в Азии», подчеркнув, что речь идет о задаче долговременного характера⁵¹.

Успешное завершение общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству, опыт укрепления безопасности в Европе подчеркивает возможность и необходимость осуществления дополнительных мер с участием всех государств континента с целью укрепления мира и безопасности в Азии и обеспечения дружественного международного сотрудничества в этом районе. Речь, конечно, не может идти о копиро-

⁴⁹ «Правда», 27. IX. 1978.

⁵⁰ Л. И. Брежнев. Отчет ЦК КПСС, с. 31.

⁵¹ Международное совещание коммунистических и рабочих партий. М., 1969, с. 213—214.

вании или перенесении автоматически системы коллективной безопасности в Европе на Азию. Обстановка на Азиатском континенте иная, более сложная, чем в Европе. Вместе с тем не подлежит сомнению, что народы Азии, являющейся одной из колыбелей человеческой цивилизации, сумеют найти правильные решения стоящих перед ними жизненно важных проблем, определяющих не только настоящее, но и будущее.

Советский Союз не предлагает законченный вариант будущего договора о безопасности на коллективных началах или о всеобщем мире в Азии, он не претендует на какие-либо привилегии в этой системе. Будет полезна инициатива любого государства или группы государств в этом деле. Система безопасности, система мира в Азии явится плодом творческих усилий всех стран континента, в ней все будут равны.

Идею коллективной безопасности в Азии поддерживают МНР, СРВ, ЛНДР и ДРА, в ее пользу высказались Иран, ряд арабских стран. Принципы, на которых она могла бы строиться, положены в основу отношений СССР со многими государствами. Советский Союз и Индия, указав на особую важность развития взаимовыгодного сотрудничества, укрепления мира и стабильности в Азии, подчеркнули, что в основу межгосударственных отношений должны быть положены такие принципы, как отказ от применения силы или угрозы ее применения, уважение суверенитета, неприкосновенности границ, невмешательство во внутренние дела, широкое развитие сотрудничества в экономической и других областях на началах полного равноправия и взаимной выгоды⁵².

Пекин запальчиво выступил против предложения СССР о создании системы коллективной безопасности в Азии. Китайские руководители заявили, что СССР стремится создать антикитайский блок, пытается изолировать Китай.

Показательно, что вслед за Пекином американский профессор Д. С. Загория безапелляционно утверждает, будто ни одна азиатская держава не проявила ни малейшего интереса к московскому плану безопасности в Азии, якобы направленному на сдерживание Китая, будто главной целью азиатской политики СССР является установление «санитарного кордона» вокруг Китая⁵³. Некий американский подполковник Ал. Байджел в статье «Московская концепция коллективной безопасности в Азии» пытается доказать, будто предложение о создании системы коллективной безопасности в Азии направлено как против Китая, так и против США⁵⁴.

Такие утверждения как китайских руководителей, так и апологетов империализма являются плодом необузданной фантазии. На измышления насчет того, будто СССР хотел бы «изолировать» Китай, ответ дал Л. И. Брежнев в речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве: «Никто никогда не ставил вопроса о неучастии и тем более о какой-то «изоляции» Китая (не говоря уже о том, что вообще смешно думать об «изоляции» такой большой страны). Что касается Советского Союза, то он приветствовал бы участие Китайской Народной Республики в мерах, направленных на укрепление азиатской безопасности»⁵⁵.

Империализм, выступая против идеи коллективной безопасности в Азии, беспокоится за свои интересы, свои базы на этом континенте

⁵² См. «Правда», 28. IV. 1977.

⁵³ См. «Foreign Affairs», January 1978, p. 306.

⁵⁴ См. «Military Review», February 1977.

⁵⁵ Л. И. Брежнев. За справедливый, демократический мир, за безопасность народов и международное сотрудничество. М., 1974, с. 18.

для осуществления политики «разделяй и властвуй», он пытается подыграть антисоветизму китайских националистов. Тем же, кто определяет политику Китая, тоже не нужна система, которая должна исключить войны и вооруженные конфликты в Азии, вмешательство в дела Индии, Бирмы, Бангладеш, Малайзии, Таиланда, Индонезии, других государств, гарантировать дух доверия и взаимопонимания в отношениях между азиатскими странами, обеспечить равноправное — без каких-либо односторонних преимуществ — участие каждой страны в делах континента. Пекину не нужна такая система, ибо она подрывает сами устои его нынешней политики, основанной на агрессивном курсе и противодействии политическому решению острых международных проблем, искусственном обострении противоречий между странами и расколе мира на враждебные группировки. «Колоссальные потрясения на земле», связываемые маоистами с перспективой третьей мировой войны, — вот на что они хотели бы нацелить весь мир. Система коллективной безопасности явно мешала бы осуществлению подобных планов нынешних лидеров Китая, в том числе их глобальных замыслов в отношении Азии, особенно Юго-Восточной Азии, которую Пекин давно уже рассматривает в качестве своей традиционной «зоны влияния». Реализацию своих замыслов китайское руководство увязывает с нужным ему ростом напряженности в Азии, с борьбой за сферы влияния и пересмотр границ, в ходе которой Пекин считает допустимым применение любых методов, вплоть до вооруженных. За нападка на идею создания системы коллективной безопасности в Азии пекинские лидеры тщательно прячут собственные гегемонистские амбиции, свое стремление доминировать на азиатском континенте, а это, конечно, никоим образом не согласуется с принципом полного равенства всех азиатских стран, содержащимся в самой идее системы.

* * *

Профессор Д. С. Загория, выдавая желаемое за действительное, пишет о «затруднениях» и даже «провалах» Советского Союза в Азии, свою статью в «Форин афэрс» он так и назвал «Затруднительное положение СССР в Азии». Загория при этом утверждает, что СССР-де оказался в Азии в фактической изоляции, что Китай, Япония и США остаются противниками Москвы и могут еще более сблизиться и т. д.⁵⁶ В этом же ключе поет американский автор А. Л. Хорелик в статье «Советская политика в Азии»⁵⁷.

Полемизировать в связи с таким нагромождением нелепостей не имеет смысла. А потому ограничимся лишь краткими замечаниями.

Во-первых, СССР не претендует на особое положение и тем более на гегемонию в Азии, он стоит за равноправные отношения и деловое сотрудничество со всеми странами. Об успехе такой политики говорит расширяющееся сотрудничество СССР с Индией, рядом арабских государств, со странами Юго-Восточной Азии. Что касается отношений с Китаем, то от их нынешнего состояния теряет прежде всего сам Китай, и придет время, когда это поймут и китайские руководители.

Во-вторых, СССР оценивает положение в Азии не через призму каких-то субъективных устремлений, а под углом зрения социального прогресса. Укрепление сил социализма, социальный прогресс за последние годы совершенно очевидны: освобожден Южный Вьетнам, и

⁵⁶ См. «Foreign Affairs», January 1978, p. 306.

⁵⁷ См. «Asian Survey», June 1977, p. 510—511.

СРВ успешно осуществляет строительство социализма, победила народно-демократическая революция в Лаосе и Кампучии, и эти страны идут по пути социализма, быстрыми темпами развиваются МНР и КНДР, после апрельской революции глубокие социальные преобразования происходят в Демократической Республике Афганистан. Ряд стран в Азии в своем развитии ориентируется на социализм.

Советский Союз приветствовал победу революционно-патриотических сил Кампучии, положившую конец мрачным дням тирании и страданий, на которые обрекли кампучийский народ реакционные диктаторы. В телеграмме Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина председателю Народно-революционного совета, председателю ЦК ЕФНС Кампучии Хенг Самрину было также подчеркнуто, что СССР будет и впредь развивать и укреплять традиционные отношения дружбы и сотрудничества между нашими странами, оказывать кампучийскому народу поддержку в строительстве мирной, независимой, неприсоединившейся Кампучии, идущей по пути к социализму.

В-третьих, сближение Китая, Японии и США, учитывая противоречия между ними, — дело не только конъюнктурное, но и весьма проблематичное. К тому же трезво мыслящие люди и в Японии, и в США понимают, что, подогревая воинственные, экспансионистские настроения Пекина, они могут оказаться в положении западных держав, которые потворствовали гитлеровской Германии, но оказались первыми объектами ее агрессии. Наконец, Советский Союз обладает такой мощью и у советских людей настолько крепкие нервы, что нас не запугали различные блоки, создававшиеся до сих пор, сумеем мы противодействовать и новым комбинациям, направленным против СССР.

Политика СССР является неизменно миролюбивой. Он будет проводить ее и впредь, исходя из того, что будущее народов, в том числе в Азии, будет определяться не военным противоборством, а плодотворным сотрудничеством в условиях мира. Превращение самого крупного и самого населенного континента в зону мира и безопасности — цель чрезвычайно трудная, но вполне достижимая — содействовало бы оздоровлению мировой атмосферы, было бы великим благом для всего человечества.

Итоги «потерянного десятилетия» и современное экономическое положение КНР

*В. И. Акимов,
доктор экономических наук*

*В. И. Потапов,
кандидат экономических наук*

В 1977—1978 гг. в китайской печати, заявлениях и интервью ряда видных пекинских руководителей неоднократно упоминалось о «негативном уроке, полученном народом Китая за 10 лет», о «потерянных 10-ти годах», о саботаже «четверки» на протяжении 11—12 лет и т. д. Речь действительно идет о чрезвычайно тяжелых годах в жизни китайского народа — пресловутой «великой пролетарской культурной революции» (1966—1969) и напряженнейшей внутренней борьбе за власть в высшем звене маоистского руководства (первая половина 70-х годов), в результате чего экономика страны оказалась в бедственном положении.

Попытаемся «расшифровать», что же на самом деле означают «потерянные 10 лет». В нашей научной литературе и в печати уже дана характеристика сущности и целей «культурной революции», развязанной Мао Цзэ-дуном и его сторонниками, и этого вопроса мы касаться не будем, но хотелось бы показать ущерб, нанесенный ею стране.

Во-первых, «культурная революция» привела к дезорганизации промышленного производства и транспорта, ее эксцессы неблагоприятно сказались на сельском хозяйстве страны. В итоге в 1967—1968 гг. произошло сокращение национального дохода и падение выпуска промышленной и сельскохозяйственной продукции. В ходе массовых волнений и беспорядков было безвозвратно потеряно громадное число часов рабочего времени. Во многих случаях в результате столкновений маоистов и их противников наносился материальный ущерб производственным предприятиям, средствам транспорта и пр. По приблизительным подсчетам, Китай недополучил в 1967—1968 гг. около 70 млрд. юаней национального дохода (это примерно половина национального дохода за 1966 г.). Промышленное производство в 1967 г. сократилось против 1966 г. на 20%, а производство минерального сырья на 30%¹. Лишь в 1969 г. был восстановлен уровень производства 1966 г. Сбор зерна в 1967 и 1968 гг. оставался на одном уровне — около 190 млн. т, в результате в 1968 г. на душу населения приходилось зерна меньше, чем в 1957 г.²

Во-вторых, «культурная революция» привела к дезорганизации системы управления экономикой. Партийно-административный аппарат, сложившийся за годы существования КНР, был разгромлен, дея-

¹ См. М. И. Сладковский, В. И. Акимов, А. П. Морозов. Проблемы и противоречия индустриального развития КНР. М., 1974, с. 185.

² См. Сельское хозяйство КНР. 1949—1974. М., 1978, с. 280.

тельность Государственного совета, министерств и ведомств в значительной степени была парализована. К февралю 1968 г. две трети высших руководящих работников министерств находились не у дел или были репрессированы.

Было серьезно нарушено централизованное планирование экономики, что явилось одной из важнейших причин ее расстройтва — бесконечных перебоев в работе промышленности, транспорта, торговли, нарушения производственных и иных связей между отдельными районами, ведомствами, отраслями, предприятиями. В 1967—1968 гг. разгул мелкобуржуазной, анархической стихии, враждебной самому существу социалистического ведения хозяйства, достиг в Китае громадных масштабов.

В-третьих, установление в Китае режима военно-бюрократической диктатуры и военного контроля над производством и распределением сопровождалось повсеместно внедрением принудительных форм и методов организации труда. Это постепенно вело к значительному снижению производственной активности трудящихся.

В-четвертых, во время «культурной революции» широко развернулся процесс милитаризации экономики и военизации всей общественной жизни в Китае. По указанию Мао Цзэ-дуна страна превращалась в военный лагерь, в казарму. Громадная пропагандистская машина стремилась унифицировать сознание китайского народа в духе служения пресловутым «идеям Мао», сделать народ послушным орудием в осуществлении великодержавно-шовинистических замыслов Мао Цзэ-дуна и его единомышленников.

Милитаризация китайской экономики в 1967—1968 гг. проявилась прежде всего в повседневном использовании армии для перестройки управления предприятиями, учреждениями, научными и учебными заведениями страны по армейскому образцу. Повсюду насаждалась военная дисциплина, было введено военное обучение крестьян, рабочих, служащих. Китайских трудящихся заставляли «учиться у НОАК быть преданными Мао», призывали готовиться к войне и т. д. Невзирая на спад в народном хозяйстве страны, группа Мао продолжала форсировать развитие военной экономики, особенно тех ее отраслей, которые связаны с созданием ракетно-ядерного оружия. Развитие китайской экономики приобрело все более односторонний, уродливый характер.

Наиболее концентрированное выражение усиленная милитаризация экономики находила и находит в непрерывном росте военных расходов, в повышении их доли в распределении национального дохода. По подсчетам, в 1967 г. военные расходы достигли 15 млрд., а в 1968 г. — 17 млрд. юаней. Для сравнения отметим, что в 1957 г. военные расходы в сопоставимых ценах составляли 5,5 млрд. юаней³. Доля военных расходов в национальном доходе страны в 1968 г. по сравнению с 1957 г. удвоилась.

В-пятых, была дезорганизована система подготовки квалифицированных кадров для народного хозяйства КНР, которое и до «культурной революции» испытывало острую нехватку технических и научных работников, специалистов сельского хозяйства, врачей, руководящего административно-хозяйственного персонала, квалифицированных рабочих и пр. По некоторым подсчетам, Китай только в 1967—1968 гг. недополучил 400 тыс. специалистов, в том числе 140 тыс. технических специалистов, 90 тыс. педагогов, 50 тыс. врачей⁴. Большинство ученых,

³ См. Справочник ГСУ КНР «Великие десять лет». Пекин, 1959, с. 21.

⁴ См. «Экономическая газета», 1968, № 39, с. 44.

инженеров, техников, кадровых работников низшего и среднего звена подвергались репрессиям, многие из них, не выдержав пыток, кончали жизнь самоубийством. Со второй половины 1968 г. развернулась кампания массовой высылки из городов в отдаленные сельские районы специалистов, а также выпускников школ и вузов.

В-шестых, во время «культурной революции» была сорвана разработка и реализация третьего пятилетнего плана, значительно сократился объем капитального строительства, существенно замедлился процесс расширения и обновления основных производственных фондов, резко снизились темпы научно-технического прогресса в стране.

Завершая рассмотрение итогов «культурной революции» в области народного хозяйства Китая, уместно вспомнить о том, что принятая в первые годы существования КНР генеральная линия КПК в переходный период предусматривала превращение Китая примерно за три пятилетия, то есть к 1967 г., в передовое индустриально-аграрное государство. Однако маоистские «большой скачок» и «культурная революция» сорвали выполнение как этого величественного плана, так и 12-летней программы развития сельского хозяйства КНР, предусматривавшей, в частности, увеличение производства зерна в 1967 г. до 360—375 млн. т.

Состоявшийся в апреле 1969 г. IX съезд КПК оправдал и узаконил результаты реакционного политического переворота, совершенного Мао Цзэ-дуном и его сторонниками в ходе «культурной революции», но не выработал никакой конкретной программы дальнейшего социально-экономического развития страны. На съезде даже не обсуждались пути и методы решения назревших народнохозяйственных проблем, хотя экономическое положение страны оставалось чрезвычайно тяжелым.

Несмотря на сохранение в основных чертах маоистской экономической политики, главной целью которой было создание «великого и мощного Китая» путем дальнейшей милитаризации и наращивания военно-экономического потенциала, реальная действительность заставляла внести в нее известные коррективы, что сопровождалось острой внутривластной борьбой в китайском руководстве. Так, в 1971—1973 гг. стали шире применяться некоторые формы материального поощрения рабочих и служащих; были несколько расширены права и хозяйственная самостоятельность сельских больших и малых производственных бригад; несколько ослаблены ограничения в отношении приусадебных участков крестьян; уделено внимание вопросам планирования народного хозяйства; принимались меры к усилению действенности таких экономических рычагов, как хозяйственный расчет, прибыль, рентабельность и др.; предприняты попытки повысить роль административно-хозяйственных руководителей и инженерно-технических работников на производстве, укрепить трудовую и технологическую дисциплину. Было объявлено о реализации в 1971—1975 гг. четвертого пятилетнего плана, хотя никакие контрольные цифры и задания не были обнародованы.

В 1970—1972 гг. проходил медленный и весьма болезненный процесс ликвидации последствий «культурной революции» в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве и в других отраслях народного хозяйства. Хотя экономическое положение страны несколько поправилось в эти годы, в народном хозяйстве продолжали ощущаться многие негативные последствия «культурной революции», маоцзэдуновской политики.

Остро ощущалось отсутствие научно обоснованной программы развития народного хозяйства. Сказывалась незавершенность реорганизации системы управления и планирования (из существовавших до «куль-

турной революции» в Госсовете КНР 80-ти центральных министерств, комитетов, управлений, канцелярий в 1973 г. действовало 42, причем только в 19-ти из них имелись назначенные министры и другие высшие руководители⁵).

Обострились меж- и внутриотраслевые диспропорции — отставали угольная промышленность и некоторые другие отрасли горнодобывающей промышленности, качественная и специальная металлургия, ряд отраслей машиностроения, сельского хозяйства, транспорта. Неумеренный рост мелких промышленных предприятий обострял проблему распределения в промышленности материально-технических и финансовых ресурсов, а также квалифицированных кадров. Все сильнее давала себя знать запущенность капитального строительства. Крайне острой становилась проблема обновления оборудования на предприятиях промышленности, транспорта, связи.

Рост военных расходов истощал экономику страны, особенно отрасли гражданского назначения. По оценкам специалистов, в 1973 г. на военные нужды было израсходовано более 20 млрд. юаней⁶. Занимая одно из самых последних мест в мире по величине национального дохода на душу населения, Китай по абсолютным размерам военных расходов вышел на третье место в мире. «В настоящее время все развитие китайской экономики, — не без оснований писала газета «Вашингтон пост», — нарушается абсолютным и полным приоритетом, который предоставляется национальной обороне... Приоритет в использовании всех промышленных ресурсов — от стали до станков — предоставляется самолетостроению, производству ракет, боеприпасов и всему прочему, что связано с вооруженными силами Китая»⁷.

Прошедший в конце августа 1973 г. X съезд КПК только усилил военно-бюрократический характер власти группы Мао Цзэ-дуна, еще более углубил процесс милитаризации страны, закрепил поворот внешнеэкономического курса вправо. Съезд не выработал программы социально-экономического развития Китая. В ходе подготовки и проведения съезда и после него усилились распри в пекинском руководстве, что не могло не обострить трудности в экономике.

Развернутая после X съезда массовая политическая кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» отвлекала людей от работы, вызывала падение трудовой дисциплины и в конце концов привела к сокращению темпов роста производства. В 1974 г. явно усилились волонтаризм и субъективизм в управлении промышленностью, транспортом и другими отраслями экономики. Наибольшие трудности испытывали угольная, металлургическая промышленность, некоторые отрасли машиностроения, железнодорожный транспорт, а также сельское хозяйство.

На состоявшейся в январе 1975 г. первой сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) была выдвинута программа: превращение КНР к концу нынешнего столетия в «могучую державу». Этой цели пекинские лидеры намеревались достичь «двумя шагами». В качестве первого «шага» намечалось создать к 1980 г. «самостоятельную, сравнительно целостную систему промышленности и всего народного хозяйства». Второй «шаг» (последующие 20 лет) должен был вывести Китай «в первые ряды стран мира по уровню развития народного хозяйства» на основе «всесторонней модернизации сельского

⁵ См. Основные аспекты китайской проблемы. 1965—1975. М., 1976, с. 183.

⁶ См. Китайская Народная Республика в 1973 г. Политика, экономика, идеология. М., 1975, с. 111.

⁷ См. «Washington Post», 15. I. 1973.

хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники»⁸. Однако сессия ВСНП по существу не внесла ничего нового в экономическую политику китайского руководства.

Начавшаяся в феврале 1975 г. очередная политическая кампания — «изучение теории диктатуры пролетариата» — вновь оказала негативное влияние на промышленное производство и работу железнодорожного транспорта. Тогдашнее китайское руководство пыталось в ходе этой кампании форсировать темпы индустриального развития путем искусственного взвинчивания «революционного» энтузиазма трудящихся. Одновременно оно повело наступление на экономические методы руководства производством, принцип материального стимулирования, распределения по труду. В ответ на сокращение зарплаты в феврале — марте в ряде провинций вспыхнули забастовки.

В еще более сложном положении оказалась китайская экономика в 1976 г., который стал годом ожесточенной межфракционной борьбы в китайском руководстве в связи с болезнью и смертью Мао Цзэ-дуна. Положение усугублялось крупными стихийными бедствиями, включая катастрофическое по своей разрушительной мощи землетрясение в районе Таншань — Фэннань. Различия в подходе соперничавших группировок в пекинском руководстве к вопросам экономического развития неизбежно вели к дезорганизации управления народным хозяйством и дальнейшему снижению его эффективности, к нарастанию экономических трудностей, к росту недовольства трудящихся. Впоследствии китайские лидеры были вынуждены признать, что в 1976 г. «промышленное и сельскохозяйственное производство топталось на месте, снизился выпуск некоторых видов промышленной продукции»⁹.

В целом 1974—1976 годы стали наиболее тяжелым периодом после «культурной революции». В докладе на первой сессии ВСНП пятого созыва в феврале 1978 г. Хуа Го-фэн признал, что за этот период страна «недополучила промышленной продукции примерно на 100 млрд. юаней, стали — 28 млн. т, финансовых поступлений — на сумму 40 млрд. юаней. Все народное хозяйство оказалось почти на грани катастрофы»¹⁰.

Маоцзэдуновская «культурная революция», политические кампании 70-х годов, антинародная, милитаристская, враждебная сущности и целям научного социализма маоистская экономическая политика сильно затормозили экономическое развитие КНР в 1966—1976 гг. Это действительно было «потерянное десятилетие» для народного хозяйства, науки и культуры Китая. Как показывают подсчеты, за 1967—1974 гг. средний годовой прирост валовой продукции промышленности составил 4,8% (для сравнения: в 1953—1957 гг., в период планового развития в ходе первой пятилетки, он составлял 18%¹¹). Производство зерна за 1967—1976 гг. увеличилось со 185 до 235 млн. т, а в расчете на душу населения — с 250 до 275 кг, что ниже уровня 1957 г. (286)¹².

Расчеты советских ученых показали, что фактический уровень производства в 1967—1976 гг. был в несколько раз ниже возможного. Например, в 1974 г. могло быть произведено 280, а не 83 млрд. кВт·ч

⁸ См. Первая сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики четвертого созыва (Документы). Пекин, 1975, с. 56—57.

⁹ «Жэньминь жибао», 25. X. 1977.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 7. III. 1978.

¹¹ См. Китайская Народная Республика в 1974 г. М., 1977, с. 8.

¹² См. Китайская Народная Республика в 1976 г. М., 1978, с. 124; Сельское хозяйство КНР. с. 238.

электроэнергии, 65, а не 23 млн. т стали, 230 вместо 60 тыс. металло-режущих станков¹³.

За рассматриваемый период ухудшились технико-экономические показатели работы промышленности. Так, расходы кокса на выплавку каждой тонны чугуна возросли с 558 до 640 кг, а электроэнергии с 26 до 31 кВт·ч¹⁴. Ухудшилось качество многих видов продукции, проблема качества стала одной из наиболее тревожных в китайской экономике. Крайне неблагоприятное положение сложилось в области производительности труда, себестоимости продукции и т. д. Вплоть до конца 1976 г. оставались великвидированными отрицательные последствия «культурной революции» в сфере организации производства и управления экономикой. Китай сильно отстал в научно-техническом прогрессе, что были вынуждены признать и нынешние китайские руководители.

В целом итоги «большого скачка», «культурной революции», событий в первой половине 70-х годов наглядно показали экономическую несостоятельность маоцзедуновских курсов и установок, положенных в основу народнохозяйственной политики пекинского руководства.

Вынужденное изменение отдельных маоцзедуновских установок и лозунгов в экономическом строительстве

Уроки «большого скачка» и «потерянного десятилетия», казалось бы, должны были привести к полному отказу от маоцзедуновской политики в экономике.

Но этого не произошло. Политика нового пекинского руководства по-прежнему направлена на упрочение созданной в годы «культурной революции» военно-бюрократической диктатуры, на милитаризацию страны и создание мощной военной машины, на достижение великодержавных гегемонистских планов.

Нынешние китайские лидеры всемерно подчеркивают свою верность «идеям Мао», общему политическому курсу «великого кормчего». По-прежнему пропагандируются и применяются в экономическом строительстве многие маонистские концепции, лозунги и установки. Так, полностью унаследована маоцзедуновская стратегическая установка на мировую гегемонию, в связи с чем главной задачей экономики остается ускоренное наращивание военной мощи с целью «готовиться к войне». В официальных документах и на страницах китайской печати провозглашается и маонистская генеральная линия — «напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу больше, быстрее, лучше, экономнее». Пропагандируются также лозунги и установки, как «Сельское хозяйство — основа», «Развивать две активности — в центре и на местах», «Учеба у Дацина и Дачжая», «Идти на двух ногах», «Политика — командная сила» и др.

Вместе с тем послемаоцзедуновское руководство вынуждено приспособляться к реальной действительности. По сравнению с периодом «культурной революции» и первой половиной 70-х годов многим маонистским лозунгам и установкам дается иное толкование. И только наиболее скомпрометировавшие себя маонистские постулаты снимаются. Попытаемся выделить основные аспекты в политике и практике нынешнего пекинского руководства, расходящиеся с курсом, который проводился вплоть до конца 1976 г.

¹³ М. И. Сладковский. Китай и Япония. М., 1971, с. 290; Экономика КНР: возможности и реальность. М., 1976, с. 92—93.

¹⁴ См. «Жэньминь жибао». 27. I. 1978.

Во-первых, явно усилилось внимание к экономике, к ее проблемам и нуждам, к ее насущным потребностям. Подобные тенденции нашли свое отражение как в пропаганде, так и в конкретных изменениях в хозяйственной политике.

Ныне не упоминаются лозунг «борьбы с экономизмом» и установка «если хорошо ведется революция, производство автоматически растет», не подчеркивается необходимость «критики теории приоритета производительных сил». В имеющих большое программное значение соотношениях типа «политика — экономика», «производственная борьба — революция» подчеркивается важность экономики, материального производства.

Во-вторых, с середины 1978 г. началась критика тех руководящих работников в промышленности и сельском хозяйстве, которые «не признают объективности экономических законов, не признают экономических законов». Эта критика, в частности, содержится в речи Хуа Гофэна на Всекитайском совещании по учебе у Дацина и Дачжая в области финансов и торговли (июнь — июль 1978 г.) и в установочной статье одного из ведущих китайских идеологов Ху Цяо-му. Одновременно пропагандируется необходимость «считаться с экономическими законами», «действовать в соответствии с экономическими законами».

В-третьих, после смерти Мао Цзэ-дуна в Китае вновь стали подчеркивать важность соблюдения принципа оплаты по труду и в ограниченной степени использовать элементы материального стимулирования. С 1 октября 1977 г. проведено незначительное повышение зарплаты малооплачиваемых рабочих и служащих, то есть той категории работников, которая длительное время выражает недовольство своим материальным положением. Введены различные формы премialsных, распространяется сдельная оплата труда. Китайское руководство обещает крестьянству повысить цены на сельскохозяйственную продукцию («сократить ножницы цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства»), несколько облегчается «бремя» всевозможных расходов коммун и бригад.

В-четвертых, предпринимаются усилия для создания достаточно эффективной системы управления народным хозяйством и его планирования, поскольку в ходе «культурной революции» существовавшая система была развалена. В частности, несколько повышена роль министерств в деятельности отдельных отраслей экономики. Наблюдается тенденция к усилению централизованного руководства. Анализируется деятельность Госплана КНР, государственных комитетов, министерств. Воссоздан Госэкономкомитет для текущего экономического руководства народным хозяйством. Налицо попытки усилить плановое начало в развитии экономики. Более детально разрабатываются годовые и трехлетние (до конца 1980 г.) планы. В печати опубликованы некоторые конкретные данные о планах развития всего народного хозяйства и его важнейших составных частей до 1985 г. включительно.

В-пятых, на страницах печати появляются призывы «управлять экономикой экономическими методами», подчеркивается необходимость использования механизма цен, прибыли, хозяйственного расчета, финансового кредитования и т. д. Как известно, в период «культурной революции» и в последующие годы, вплоть до конца 1976 г., критиковались экономические методы хозяйствования, а сторонники их использования подвергались гонениям. В последнее время в печати отмечается ограниченность эффекта административных методов хозяйствования и выдвигается необходимость их сочетания с экономическими методами.

В-шестых, известные изменения происходят в организации производства и методах хозяйствования. В китайской печати настойчиво подчеркивается значение трудовой и производственной дисциплины, персональной ответственности на всех уровнях — от руководителей до конкретных исполнителей. Осуществляется работа по установлению на предприятиях «системы правил и порядков», которые более не критикуются как «буржуазные». На производстве восстанавливается контроль за качеством продукции, вводятся санкции за низкое качество. Принимаются меры по улучшению техники безопасности, налаживанию работы по ремонту и модернизации оборудования. Повышается роль руководителей и инженерно-технического персонала.

В-седьмых, вновь обращается внимание на развитие специализации и кооперирования в промышленности, в частности в машиностроении, и прежде всего в таких его областях, как сельскохозяйственное и тракторное машиностроение и автомобилестроение. Положительно оценивается практика начала 60-х годов, когда в опытном порядке было создано 13 специализированных компаний в промышленности, на транспорте.

В-восьмых, новое руководство высоко оценивает роль науки и техники в осуществлении «четырёх модернизаций», в создании мощного милитаристского Китая. Повышается внимание не только к научным исследованиям прикладного характера, но и к фундаментальным дисциплинам. В октябре 1978 г. газета «Жэньминь жибао» поместила статью Ху Цяо-му, который с маоистских позиций ратует за то, чтобы «шире внедрять экономическую науку, всемерно повышать ее уровень». Улучшилось отношение к китайским ученым, которых нынешнее руководство активно использует в своих целях.

В-девятых, иначе, чем раньше, трактуется принцип «опоры на собственные силы» во внешнеэкономических связях. Ныне китайские руководители занесивают перед развитыми капиталистическими странами, чтобы получить помощь в осуществлении «четырёх модернизаций». «Ставить иностранное на службу Китаю» — в настоящее время один из основополагающих курсов в индустриализации страны.

Совершенно очевидно, что перечисленные мероприятия более реалистичны и эффективны по сравнению с теми, которые поощрялись Мао Цзэ-дуном и его ближайшими единомышленниками в лице свергнутой «четверки». Однако упомянутые выше нововведения не только не затрагивают самой сущности маоизма, а предназначены как раз для его укрепления. Ныне в Китае наряду с «четырьмя модернизациями» активно ведется и «модернизация» маоизма, чтобы «очистить» его от наиболее обанкротившихся и вредных для военно-экономического развития элементов.

Надо также иметь в виду, что упомянутые нововведения осуществляются очень непоследовательно и противоречиво. Сказывается прежде всего отсутствие единства в высших сферах руководства по таким, например, существенным вопросам программы модернизации, как ее масштабы, темпы, соотношение между развитием экономики и вооруженных сил, отношение к тем или другим маоцзэдуновским постулатам, роль внешних источников и др. Противоречивость особенно видна в осуществлении принципа оплаты по труду и материальной заинтересованности. Применение этого принципа неизменно связывается с проведением курса «политика — командная сила». Всячески подчеркивается, что главное — это политические средства, а материальные поощрения носят вспомогательный характер. Сохраняет свою силу тезис «рационально низкой заработной платы».

Состояние экономики в 1978 году

В китайской печати задачи в области экономики на 1978 г. были сформулированы в самой общей форме. Подчеркивалось, что 1978 год явится «важным годом из тех трех лет, по истечении которых будут достигнуты значительные результаты в осуществлении стратегического решения — «ухватившись за решающее звено, установить всеобщий порядок в стране»¹⁵. Было выдвинуто требование «непременного достижения более высоких темпов» развития экономики, что в числе ряда других причин диктуется якобы необходимостью «строительства мощной обороны». Вновь было объявлено, что «сельское хозяйство является основой народного хозяйства. В новом году вся партия должна всемерно взяться за сельское хозяйство и решительно добиться его подъема». В промышленности основные усилия должны быть направлены на развитие производства электроэнергии и топлива. Выдвигалась также необходимость всемерного развития транспорта. Подчеркивалось, что подъем в перечисленных областях даст возможность «добиться подъема в черной металлургии и промышленности сырьевых материалов, значительно ускорить темпы роста и при нынешней промышленной базе, а во всей промышленности и народном хозяйстве сделать новый скачок». Большое внимание уделено улучшению качества продукции. «Наша цель, — писала газета «Жэньминь жибао» 1 января 1978 г., — заключается в том, чтобы при наименьших расходах дать больше продукции еще лучшего качества... Высокие темпы — не просто вопрос количества, но и вопрос, касающийся качества».

На первой сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва, проходившей с 26 февраля по 5 марта 1978 г. в Пекине, были поставлены следующие задачи: мобилизовать всю страну на всемерное развитие сельского хозяйства; ускорить темпы развития основных отраслей промышленности; «поднять еще выше ведущую роль индустрии»; наладить внутреннюю и развивать внешнюю торговлю; развертывать трудовое соревнование и широко осуществлять техническое новаторство и техническую революцию; усилить единое планирование, поднять активность масс как в центре, так и на местах; твердо соблюдать принцип «от каждого — по способностям, каждому — по труду», постепенно улучшить жизнь народа¹⁶.

В целом экономическая политика в 1978 г. не претерпела существенных изменений по сравнению с 1977 г., хотя внимание к экономике и ее проблемам усилилось. Китайское руководство прилагало большие усилия по оздоровлению внутривнутриполитического положения, восстановлению производства в наиболее пострадавших районах и отраслях, дальнейшему развитию экономики. По-прежнему первоочередное внимание уделялось всемерному наращиванию военно-экономического потенциала.

О значительной активизации деятельности в области экономики свидетельствуют решения упомянутой сессии ВСНП, проведение многих экономических совещаний всекитайского, отраслевого и регионального характера — по торговле и финансам, по науке и технике, материально-техническому снабжению, планированию и др. Первая сессия ВСНП пятого созыва утвердила «Основные положения десятилетнего плана развития народного хозяйства КНР на 1976—1985 гг.», что означает начало практической реализации первой части долгосрочной эко-

¹⁵ См. «Жэньминь жибао», 1. I. 1978.

¹⁶ См. «Жэньминь жибао», 7. III. 1978.

номической программы, предусматривающей осуществление «четырёх модернизаций» к 2000-му г.

В промышленности в 1978 г. основные усилия концентрировались на ликвидации последствий кризисного состояния производства последних лет, на нормализации деятельности предприятий, на создании экономических и организационных предпосылок для реализации программы «четырёх модернизаций», на дальнейшем развитии военного производства.

Одна из наиболее актуальных и сложных задач китайской экономики, в том числе промышленности и транспорта, состоит в повышении уровня управления предприятиями и отраслями, в упорядочении основательно расстроенного хозяйственного механизма. Как одно из важных мероприятий в этом плане следует рассматривать открытую публикацию в начале июня 1978 г. Резолюции ЦК КПК по некоторым вопросам ускоренного развития промышленности («30 пунктов для промышленности») ¹⁷. Наряду с политико-идеологическими мероприятиями в ней содержатся конкретные предложения и меры по улучшению деятельности промышленности.

С мая 1978 г. с целью наведения порядка на предприятиях промышленности и транспорта из министерств и ведомств на крупные предприятия стали направляться руководящие работники. Сообщалось, что 10 министерств и госкомитетов Госсовета КНР направили более 2 тыс. человек, включая министров и их заместителей, на крупные промышленные предприятия для оказания помощи в превращении их «в предприятия дацинского типа» ¹⁸. Как подчеркивалось в этом сообщении, направление на промышленные и транспортные предприятия руководящих работников во главе «рабочих отрядов» и «рабочих групп» является «необходимой мерой», которая «позволит решить политические, производственные» и другие вопросы. Это, в частности, связано с тем, что до сих пор производством занимаются люди, которые «не понимают экономических законов», находятся под влиянием ошибочных взглядов и стиля работы свергнутой «четверки». Признается также, что в стране есть много предприятий, на которых производительность труда низка, себестоимость продукции высока, доходы низкие. Существуют полностью убыточные предприятия ¹⁹.

Как пример, достойный подражания, наряду с Дацином пропагандируется опыт Кайлуаньского угольного комбината в организации управления производством. Отмечается, что на этом крупном предприятии строго придерживаются «системы личной ответственности», а также «системы правил и порядков» ²⁰. В печати появились сообщения о наказании руководящих работников и целых коллективов за недостаточно хорошую работу и проступки (например, за злоупотребление своим служебным положением и очковтирательство наказаны некоторые руководители шерстопрядильной фабрики в городе Баодине, с фабрики снято звание «предприятие дацинского типа в провинции Хэбэй») ²¹.

Судя по многочисленным публикациям в китайской печати, одной из наиболее сложных и болезненных проблем в промышленности является низкое качество продукции. С целью его улучшения принимался ряд конкретных мер. В частности, сентябрь 1978 г. был объявлен «месячником качества». В сообщении Государственного экономического комите-

¹⁷ См. «Жэньминь жибао», 4. VII. 1978.

¹⁸ См. «Жэньминь жибао», 5. VII. 1978.

¹⁹ См. там же.

²⁰ См. «Жэньминь жибао», 26. VII. 1978.

²¹ См. «Жэньминь жибао», 5. XII. 1978.

та, который подвел итоги месячника, отмечалось, что, несмотря на улучшение работы многих предприятий в ходе месячника, в целом по стране «движение за качество» проходило неравномерно. Подчеркивалось, что необходимо и в дальнейшем уделять первостепенное внимание повышению качества.

Для этого рекомендуется шире использовать экономические меры: задерживать зарплату директорам предприятий, если выпускается продукция низкого качества, штрафовать тех, кто выпускает брак, а плохо работающие предприятия обеспечивать в последнюю очередь электроэнергией, топливом, материалами²².

В условиях острой нехватки топлива, энергии и сырья в четвертом квартале 1978 г. в промышленности начали проводить курс на преимущественное обеспечение материальными ресурсами тех предприятий, которые смогли улучшить свою деятельность и производят продукцию лучшего качества, с наименьшим браком и низкой себестоимостью. Госсовет КНР дал указание о проведении подобного курса на заседании Госэкономкомитета, посвященном работе в четвертом квартале 1978 г. В газете «Жэньминь жибао», поместившей информацию об этом заседании, сообщалось, что в настоящее время, когда в Китае имеется более 300 тыс. крупных и малых предприятий, «выборочный подход» к обеспечению их топливом, энергией, сырьем поможет более эффективно использовать ограниченные ресурсы и будет способствовать переводу китайской промышленности на путь повышения качества выпускаемой продукции²³.

В целом положение в промышленности в 1978 г. улучшилось по сравнению с предыдущим годом. Агентство Синьхуа 9 октября 1978 г. приводило высокий показатель темпов роста промышленного производства в первой половине 1978 г. в сопоставлении с соответствующим периодом 1977 г. — 24,6%. Однако надо иметь в виду, что в 1977 г. положение в промышленности было чрезвычайно тяжелым и рост промышленного производства начался лишь с апреля месяца. Выбором этой базы для сравнения и объясняется высокий показатель темпов прироста. В целом в 1978 г. прирост валового промышленного производства составил около 15%.

Угольная промышленность. Эта отрасль, по признанию министра угольной промышленности КНР Сяо Ханя, отстает в своем развитии от потребностей народного хозяйства и является «слабым звеном» национальной экономики²⁴. В 1978 г. всемерно форсировалась добыча каменного угля. В период с 1 января по 10 апреля в 125 угледобывающих центрах страны было организовано соревнование за ежедневное выполнение производственных заданий. План добычи угля за первый квартал был выполнен на 8 дней раньше срока. По сравнению с первым кварталом 1977 г. добыча угля возросла на 26,8% (по другим данным — на 29,9%). Темпы прироста добычи угля в дальнейшем несколько сократились. По сравнению с соответствующим периодом 1977 г. прирост составил: за первое полугодие — 19,3%, за 8 месяцев — 17,6%. По официальным китайским данным, годовой план на 1978 г. по добыче угля был установлен в размере 550 млн. т. Этот план был выполнен на 34 дня раньше срока, и до конца года планировалось добыть 600 млн. т. По тем же данным, в 1977 г. было произведено 500 млн. т угля²⁵. Такой значительный прирост добычи топлива, хотя

²² См. «Жэньминь жибао», 11. X. 1978.

²³ См. «Жэньминь жибао», 9. X. 1978.

²⁴ См. «Жэньминь жибао», 4. I. 1978.

²⁵ См. «Гуанмин жибао», 30. XI. 1978.

объявленные цифры вызывают большие сомнения в их достоверности, был обеспечен, судя по материалам китайской прессы, за счет следующих мероприятий. Во-первых, была интенсифицирована работа крупных и средних угольных комбинатов и шахтоуправлений. Во-вторых, увеличены масштабы капитальных работ в угольной промышленности: в 1978 г. велось строительство более 100 новых угольных шахт и реконструировалось 200 действующих угольных шахт с крупными запасами угля на каждой. На 14-ти ведущих угольных комбинатах в последние годы внедряются импортные и отечественные комплексы машин, позволяющие механизировать основные производственные процессы и в двое-втрое увеличить добычу топлива. В первом полугодии 1978 г. 64,6% угля было добыто механизированным способом. В-третьих, увеличилась добыча угля мелкими шахтами, многие из которых дают низкокачественное топливо с большим содержанием породы. Таких шахт в стране насчитывается более 20 тыс., на их долю приходится одна треть добычи топлива. В ближайшие годы намечается увеличить число мелких шахт.

Несмотря на ощутимую нехватку топлива, его использование остается нерациональным. Сообщалось, что в среднем из каждых четырех тонн сжигаемого угля энергия почти трех тонн растрачивается впустую²⁶. Остро стоит проблема рационального использования остаточного тепла, образующегося при сгорании топлива на промышленных предприятиях, поскольку ежегодно не используется такое количество тепловой энергии, какое дает сгорание нескольких десятков миллионов тонн угля.

Нефтяная промышленность в 1978 г. развивалась более медленными темпами, чем в предыдущие годы. Сообщалось, что по сравнению с соответствующим периодом 1977 г. приросты добычи нефти в 1978 г. составили: в первом квартале — 10,3%, в первом полугодии — 11,2%, за 8 месяцев — 11,4%. Добыча нефти в 1978 г. может быть оценена в 72 млн. т. Добыча газа в первом квартале 1978 г. по сравнению с соответствующим периодом 1977 г. возросла на 15,1%, в первом полугодии — на 14,6%, за 8 месяцев 1978 г. — на 13,5%.

В 1978 г. возросли масштабы капитального строительства в нефтяной и газовой промышленности. За первое полугодие 1978 г. в сравнении с аналогичным периодом 1977 г. объем буровых работ увеличился на 66,7%, число вновь пробуренных нефтяных и газовых скважин возросло на 600 с лишним. В провинции Сычуань была пробурена разведочная скважина глубиной 7175 м — это третья в стране сверхглубокая скважина. К концу октября 1978 г. общий метраж пробуренных скважин на 29% превысил объем подобных работ за весь 1977 г.

В 1978 г. впервые сообщалось о новых нефтепромыслах Жэньцю в провинции Хэбэй. Разведочные работы здесь начались в 1975 г., в 1976 г. пробурено несколько высокодебитных скважин, суточный дебит которых составил 1000 т жидкого топлива. Проложены два нефтепровода большого диаметра общей протяженностью 200 км, построены две крупные насосные станции и другие производственные сооружения.

В 1978 г. введены в эксплуатацию Уханьский и Аньцинский нефтехимические заводы, Маоминский завод смазочных масел, установка по производству окисленного битума годовой мощностью 300 тыс. т на нефтехимическом комбинате в Шэнли. 3 сентября 1978 г. Агентство Синьхуа сообщило, что за последние 10 лет мощности по переработке нефти в стране увеличились примерно в 5 раз, при этом 57,5% прироста

²⁶ См. «Жэньминь жибао», 14. VII. 1978.

мощностей достигнуто за счет реконструкции и совершенствования технологий.

Электроэнергетика. По китайским данным, выработка электроэнергии в 1978 г. в сравнении с соответствующим периодом 1977 г. увеличилась: в первом квартале — на 22,9%, за первое полугодие — на 17%. В целом за год прирост производства электроэнергии составил около 13 млрд. кВт·ч, а общая выработка достигла почти 150 млрд. кВт·ч. Засуха и обмеление рек в ряде районов страны создали большие трудности для работы гидроэлектростанций. В отдельных провинциях ощущалась острая нехватка электроэнергии. Для улучшения положения с электроснабжением принимались различные меры, включая «упорядочение» управления предприятиями электроэнергетической промышленности. О серьезности положения с электроснабжением в Северо-Восточном Китае свидетельствует тот факт, что начальником «руководящей группы» Северо-восточной энергосистемы, охватывающей провинции Ляонин, Цилинь и Хэйлуцзян, стал член Политбюро ЦК КПК, командующий войсками Шэньянского регионального военного округа Ли Дэ-шэн.

В 1978 г. в эксплуатацию введена группа сравнительно крупных энергоблоков, включая импортные. В частности, турбоагрегат мощностью 100 тыс. кВт сдан на Циншаньской ТЭС, турбоагрегаты мощностью по 125 тыс. кВт на Сюйчжоуской и Хуайбэйской тепловых станциях. В провинции Юньань, в Далибайском автономном округе, введена в эксплуатацию ГЭС мощностью 100 тыс. кВт. Велись монтаж и испытание третьего и четвертого агрегатов мощностью соответственно 250 тыс. и 125 тыс. кВт на восстанавливаемой электростанции Доухэ в г. Таншань. Импортный энергоблок мощностью 320 тыс. кВт смонтирован в Тяньцзине. Сообщалось, что к середине 1978 г. более 50% тепловых электростанций вновь достигли или улучшили такие важные технико-экономические показатели прошлых лет, как удельный расход угля и потребление электроэнергии на собственные нужды.

Продолжалось сооружение мелких ГЭС в сельских районах. Сообщалось, что за период с января по август 1978 г. было построено более 2600 малых ГЭС общей мощностью 360 тыс. кВт. Всего же за 29 лет существования КНР в стране в сельских районах создано более 80 тыс. мелких ГЭС. Эти ГЭС вместе с государственными энергосистемами могут снабжать электроэнергией, причем, как правило, в ограниченных размерах, не более 58% больших производственных бригад.

В черной металлургии большое внимание уделялось восстановлению и увеличению производства металла и улучшению технико-экономических показателей отрасли (была поставлена задача: всем предприятиям вновь достичь своих лучших технико-экономических показателей прошлых лет). Официально сообщалось, что годовые планы производства стали и проката были выполнены к 15 ноября 1978 г. При этом выплавка стали достигла 28 млн. т (против 24 млн. т за весь 1977 г.), а производство проката — 19 млн. т (за весь 1977 г. — 16 млн. т). К концу года планировалось довести выплавку стали до 30 млн. т. Годовой план по выплавке чугуна (29,5 млн. т) был реализован к 5 ноября 1978 г., к этому времени получено чугуна на 5 млн. т больше, чем за весь 1977 г. Таким образом, в 1978 г. был превышен максимальный уровень производства черных металлов за 70-е годы (для стали — уровень 1973 г., чугуна — 1973 и 1975 гг., проката — 1975 г.). Однако подобные объемы производства черных металлов не обеспечивают внутренние потребности страны, и Китай ввез в 1978 г. большое количество проката, а также чугуна, скрапа и железной руды.

Сообщалось, что к концу октября 1978 г. на ведущих предприятиях черной металлургии число доменных печей, на которых удельный расход кокса на каждую тонну чугуна не превышал 500 кг, составило 22 единицы против 3-х в 1977 г., а число печей, дающих не менее 1,8 т чугуна на каждый кубический метр полезного объема, возросло до 15 единиц против 2-х в 1977 г. За счет улучшения технико-экономических показателей работы за период с января по сентябрь 1978 г. было сэкономлено 1,5 млн. т кокса и 700 тыс. т металлолома.

Повысилось внимание к качеству черных металлов. 19 мая 1978 г. газета «Жэньминь жибао» писала, что «лучше иметь одну тонну хорошей стали, чем сотню тонн некондиционной», что «количество с плохим качеством — это липовое количество». Сообщалось, что в 1978 г., в частности, качество 30-ти известных видов продукции вновь было доведено до уровня наилучших показателей прошлых лет.

Из числа новостроек металлургической промышленности необходимо отметить ввод в эксплуатацию в самом конце 1977 г. доменной печи с полезным объемом 2580 куб. м и годовой производительностью 1,5 млн. т на Аньшаньском металлургическом комбинате. На Уханьском комбинате установлен импортный прокатный стан с годовой мощностью 3 млн. т. Сдана в эксплуатацию первая очередь Паньчжихуаского металлургического комбината в городе Дукоу (провинция Сычуань), началось строительство второй очереди. Эта новая база черной металлургии находится в горном районе на берегу реки Цзиньшацзян. Рядом расположены крупные месторождения железной руды, а также руд ванадия, титана, кобальта, никеля, хрома, галлия. Строительство комбината началось в 1965 г., первая доменная печь вошла в строй действующих объектов в 1970 г.

Машиностроение. Наиболее характерные черты деятельности этого комплекса отраслей промышленности в 1978 г. — восстановление уровня производства многих видов продукции, активизация деятельности по улучшению качества продукции, начало перестройки ряда отраслей по принципам специализации и производственного кооперирования. Как-либо цифровых данных, характеризующих развитие машиностроения в 1978 г., опубликовано мало. Сообщалось, что в январе 1978 г. выпуск валовой продукции машиностроения по сравнению с январем 1977 г. возрос на 42%, в феврале рост против января составил 9,3%, в марте — 16%. За первый квартал 1978 г. в сравнении с первым кварталом 1977 г. выпуск тракторов возрос на 50%, а за первое полугодие 1978 г. в сравнении с первым полугодием 1977 г. — на 27%. За три квартала 1978 г. в Китае произведены 102 буровые установки, что на 2 единицы больше, чем за весь 1977 г. Эти установки изготовил единственный в КНР специализированный Ланьчжоуский завод нефтехимического оборудования, сооруженный с помощью СССР.

Большое значение придавалось повышению качества выпускаемой продукции. Одним из мероприятий в этой области стала аттестация продукции на «Знак качества» (эта практика позаимствована Китаем из опыта других стран, в частности СССР). В середине октября 1978 г. сообщалось о присвоении «Знака качества» 57 видам продукции, выпускаемой предприятиями Первого министерства машиностроения КНР.

Наряду с проблемой качества в машиностроении существует и много других сложных проблем. Одна из них — устарелость ассортимента выпускаемой продукции. Как писала газета «Жэньминь жибао», отечественное машиностроение выпускает продукцию, большая часть которой соответствует мировому уровню 40—50-х годов нашего столетия и не отвечает потребностям модернизации национальной экономи-

ки²⁷. Она отмечала, что культура производства и технико-экономические возможности оборудования находятся на низком уровне, «еще хуже обстоит дело со специализацией производства: около 80% предприятий ориентированы на выпуск продукции таким образом, что все приходится производить самим».

Во второй половине 1978 г. начата работа по реорганизации машиностроения, с тем чтобы ввести производственную специализацию и кооперирование, повысить уровень производства, обновить ассортимент выпускаемой продукции, провести техническое переоснащение предприятий. В рамках Первого министерства машиностроения предполагается провести работы по реорганизации за 3—5 лет, а в Шанхае, Пекине, Тяньцзине и провинции Ляонин — за 2—3 года. Реорганизация в первую очередь начата в сельскохозяйственном машиностроении и автомобильной промышленности.

Химическая промышленность. По опубликованным в Китае данным, к 28 ноября 1978 г. в Китае было произведено 44 млн. т минеральных удобрений, что на 10,4 млн. т больше, чем за аналогичный период 1977 г. Этот рост связан с выходом на проектную мощность ряда крупных предприятий, оборудование для которых было закуплено за границей. Так, в 1978 г. на запланированный уровень производства синтетического аммиака вышли Дацинский завод химических удобрений, Сычуаньский химический завод, Шэнлийский нефтехимический комбинат. Увеличены производственные мощности на ряде крупных химических предприятий.

За первое полугодие 1978 г. в сравнении с первым полугодием 1977 г. удвоился выпуск химических волокон, а производство синтетических моющих средств возросло на 40%.

В провинции Юньань введен в эксплуатацию химический завод мощностью 300 тыс. т синтетического аммиака и 480 тыс. т мочевины в год. Интенсивные строительные-монтажные работы велись на Тяньцзиньском комбинате нефтехимических волокон, где намечено смонтировать более 2000 импортных и 5200 отечественных установок, 14 тыс. приборов. Комбинат рассчитан на ежегодное производство 80 тыс. т полиэфирных и 50 тыс. т териленовых волокон.

Другие отрасли промышленности. Сообщалось, что в первом полугодии 1978 г. валовая продукция легкой промышленности²⁸ увеличилась по сравнению с первым полугодием 1977 г. более чем на 20%. Бумаги и сахара — на 20%, соли и сигарет — на 10%. В этой отрасли насчитывается 200 тыс. предприятий, а ее продукция составляет 1/5 валовой продукции всей промышленности. За первые четыре месяца 1978 г. против соответствующего периода предыдущего года валовая продукция текстильной промышленности увеличилась на 36%.

Сельское хозяйство. Прошедшие два года показали, что экономическая политика нынешнего китайского руководства в деревне не претерпела существенных изменений, выполнение поставленных перед сельским хозяйством задач сопряжено с большими трудностями. Курс на «дачжаизацию» уездов не выполняется. Обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Во-первых, в 1978 г. китайская печать приглушила пропаганду этого курса. Во-вторых, заявления печати носят противоречивый характер. С одной стороны, печать продолжает ут-

²⁷ См. «Жэньминь жибао», 21. IX. 1978.

²⁸ По принятой в КНР методике в легкую промышленность включается пищевая и бумажная промышленность, предприятия, производящие оборудование для легкой промышленности, машины и приборы бытового назначения, а также предприятия бытовой химии.

ожидать, что «учеба у Дачжяя — это самое главное для быстрого подъема сельского хозяйства», что «опыт Дачжяя правильный», с другой стороны, она подвергает резкой критике формы и методы работы Дачжяе. Вероятно, в самом китайском руководстве нет единства в оценке этого курса.

Движение за «дачжанзаацию» уездов не пользуется популярностью крестьян, к нему пассивно относятся на местах. Уже во второй половине 1977 г. председатель Планового комитета КНР Юй Цю-ли вынужден был признать, что «в некоторых местах» учеба у Дачжяя лишь наполовину настоящая, наполовину ложная, а кое-где это только видимость учебы, что потребует от руководства массовой проверки, с тем чтобы покончить с формализмом»²⁹. Нынешнее китайское руководство обвиняет хозяйственных руководителей в том, что они узко понимают шесть критериев учебы у Дачжяя. Китайская печать отмечает, что эти руководители в основном обращают внимание лишь на первые три критерия, содержащие политико-административные методы воздействия на крестьянство с целью повышения его трудовой активности, в ущерб остальным трем критериям, которые предполагают использование экономических форм и методов в подъеме сельскохозяйственного производства.

Одной из серьезных причин непопулярности «учебы у Дачжяя» является система оплаты труда, существующая в этой бригаде, которую оп уже многие годы пытаются внедрить в других бригадах и коммунах. Прошедшее в октябре 1978 г. в Пекине совещание экономистов-теоретиков и практических работников из центральных органов 17-ти провинций и городов центрального подчинения вынуждено было констатировать, что эта система приводит к уравниловке, так как в ней нет четких критериев оценки объема труда и его качества. Совещание также отмечало, что главное — это учиться у Дачжяя его «революционному духу», а не использовать в хозяйствах конкретные формы и методы работы этой бригады. В итоге на совещании был сделан вывод, что «в настоящее время уравниловка является главным уклоном в вопросе о распределении доходов в деревне»³⁰.

Для китайской деревни доходов остается наличие большого числа производственных бригад (примерно 20% от их общего числа в стране), которые после выполнения обязательств перед государством не могут удовлетворить свои нужды в продовольствии и другой сельскохозяйственной продукции. Эти и многие другие коллективные хозяйства не располагают необходимыми средствами для приобретения у государства сельскохозяйственной техники и химических удобрений.

Во многих районах страны крестьяне при распределении доходов, кроме скудного продовольственного пайка, не получают ничего. Так, крупнейшей житнице страны — провинции Сычуань — задолженность производственных бригад крестьянам составила около 680 млн. юаней, что выше суммы накоплений народных коммун в провинции за два года³¹. Следовательно, задача, выдвинутая на совещании по Дачжяю в 1976 г., — добиться ежегодного увеличения доходов коммун, в том числе 90% их членов, — не выполняется.

Китайское руководство поощряет развитие подсобных промыслов мелкой промышленности в деревне. В 1977 г. в народных коммунах

²⁹ «Жэньминь жибао», 25. X. 1977.

³⁰ «Гуанмин жибао», 14. X. 1978.

³¹ См. «Жэньминь жибао», 13. VI. 1978.

и больших производственных бригадах насчитывалось 1,1 млн. мелких промышленных предприятий, в которых было занято 17 млн. человек. Валовой объем продукции этих предприятий обеспечивал, по заявлению печати, 23,1% общих доходов коллективных хозяйств, а в некоторых уездах этот показатель достигал 30—40%³².

Курс на осуществление в 1980 г. «в основном» механизации сельского хозяйства, как показывает практика, не будет выполнен. За последние два года каких-либо существенных сдвигов в этой области не произошло. Тракторный парк страны оценивается примерно в 400 тыс. единиц (в 15-кратном исчислении), в то время как минимальные потребности определяются в 1,2—1,5 млн. машин. Кроме того, отсутствие необходимой ремонтной базы, кадров механизаторов, топлива выдвигает дополнительные большие трудности в выполнении поставленной задачи в области механизации сельского хозяйства. Уже в 1978 г. пекинская пропаганда начала вносить коррективы в понятие механизации, заявляя, что «это будет механизация на низком уровне»³³.

В деревне ощущается острая нехватка не только машин, но и простейших сельскохозяйственных механизмов и орудий. В обработке земли, сборе урожая и других сельскохозяйственных работах основное место продолжает занимать ручной труд крестьян.

В последние два года пекинские руководители пытаются внедрить некоторые экономические методы управления хозяйством в деревне и стимулирования производственной активности крестьян. Однако, как и раньше, они оставляют приоритет за административными методами работы и продолжают маоистскую политику выкачивания средств из сельского хозяйства для наращивания военно-промышленного потенциала. Выступая на всекитайском совещании по вопросам капитального строительства в полеводстве (август 1978 г.), заместитель премьера Госсовета КНР Ли Сянь-нянь заявил: «Нужно по примеру Дачжяя ставить на первое место пролетарскую политику и руководствоваться во всем маоцзедуновскими идеями, опираться на собственные силы... учитывать прежде всего интересы государства и коллектива»³⁴. Таким образом, пекинское руководство намерено сохранить как сущность, так и формы старой маоистской политики в деревне, которая, как известно, завела в тупик сельскохозяйственное производство.

Сельскохозяйственное производство за истекшие два года развивалось крайне низкими темпами и не в состоянии удовлетворить растущие потребности страны в сельскохозяйственной продукции. В 1978 г. оставалось напряженным положение с продовольствием. Производство зерновых культур (в Китае в рационе питания населения зерно составляет 75—80%) лишь ненамного превысило уровень предыдущего года и достигло примерно 245 млн. т. При таких темпах развития производство зерна в расчете на душу населения растет очень медленно и еще не достигло уровня конца первой пятилетки. Как сообщила газета «Жэньминь жибао» 6 октября 1978 г., производство зерна на душу населения в 1977 г. сохранялось на уровне 1955 г.

Медленными темпами развивается хлопководство. В 1978 г. урожай хлопка-волокна достиг 2,2 млн. т, немного превысив уровень 1976 г. По сбору этой культуры в расчете на душу населения Китай приблизился к 1957 г. (2,53 кг). На низком уровне находится животноводство. Крайне слабая кормовая база является одним из важнейших

³² См. «Жэньминь жибао», 30.XI. 1977.

³³ См. «Peking Review», 1978, N 8, p. 14.

³⁴ См. «Жэньминь жибао», 16. III. 1978.

факторов, сдерживающих развитие этой отрасли сельского хозяйства.

В последние годы в ряде животноводческих районов (Синьцзяне, Внутренней Монголии, Нинся-Хуэйском автономном районе) распашка пастбищ под зерно, которое в мизерных количествах выделяется на корм скоту, привела к сокращению кормовой базы животноводства. Уничтожение пастбищ, защищавших пахотные земли от наступления песков, привело к тому, что огромные площади были занесены песком и стали непригодными ни для земледелия, ни для животноводства. В результате сбор зерна почти не увеличился, а производство кормов сократилось. Недавно «Жэньминь жибао» писала, что только в уезде Хоучэи (Синьцзян) в 1976 г. из-за нехватки кормов пало более 6 тыс. овец. В другом уезде этого района — Гунлю по этой же причине в 1977 г. пало более 50 тыс. голов скота, или 15% от всего поголовья. В Нинся-Хуэйском автономном районе в 1976 г. по сравнению с 1975 г. поголовье овец сократилось более чем на 570 тыс.³⁵

Несколько лучше положение в свиноводстве, составляющем основу мясного животноводства в стране. Поголовье свиней в 1978 г., по оценке, достигло 235 млн. голов, превысив уровень 1976 г. примерно на 7%. В этом важную роль играет политика поощрения выращивания свиней в личных хозяйствах крестьян, на которые приходится 80% всего поголовья свиней в стране.

Т а б л и ц а

Основные показатели развития сельского хозяйства КНР в 1976—1978 гг. (оценка)

Продукция	Ед. изм.	1976 г.	1977 г.	1978 г.	
				Предв.	В % к 1976 г.
Взловой сбор зерна*	млн. т	235	240	245	104,3
В том числе на душу населения	кг	274,5	277,1	280,0	102,0
Хлопок-волокно	млн. т	2,1	2,2	2,2	105,0
В том числе на душу населения	кг	2,45	2,54	2,51	102,0
Поголовье свиней	млн.	220	230	235	107,0
Население	млн. чел.	856	866	875	102,1

* Включая батат и картофель в пересчете на зерно по коэффициенту 4:1.

Испытывая нехватку сельскохозяйственной продукции, Китай продолжал закупать зерно, хлопок, соевые бобы за границей. В 1977 г., например, импорт зерна составил около 7 млн. т. Основными экспортёрами пшеницы явились Канада, Австралия и Аргентина. В 1978 г. к ним присоединились США, у которых в апреле было закуплено 2,5 млн. т пшеницы на сумму около 280 млн. долл.

Транспорт уже длительное время тормозит развитие китайской экономики. В 1978 г. этой отрасли уделялось серьезное внимание, о чем, в частности, свидетельствуют проведение ряда крупных всекитайских совещаний, увеличение капиталовложений, принятие некоторых срочных мер по улучшению деятельности транспортных организаций. Наибольшее значение придается железнодорожному транспорту, на который приходится свыше 80% перевозок угля, черных и цветных металлов. Перед железнодорожным транспортом поставлена задача в течение 1978—1980 гг. увеличить среднегодовые темпы роста грузо-

³⁵ См. «Жэньминь жибао», 15. X. 1978.

оборота в четыре раза против среднегодовых темпов за предшествующие 28 лет существования КНР³⁶. Одна из главных причин отсталости железнодорожного транспорта заключается в абсолютном преследании устаревшей паровозной тяги: на долю электровозов и тепловозов приходится лишь 13% общего объема перевозок.

Сообщалось, что за первую половину 1978 г. годовой план железнодорожных перевозок был выполнен на 54%; по сравнению с первым полугодием 1977 г. рост составил 22,4%; все основные показатели полугодического плана были выполнены досрочно к 14 июня.

В 1978 г. в значительных масштабах велось капитальное строительство на железнодорожном транспорте. По имеющимся данным, в течение года развернулось строительство 10-ти новых железнодорожных магистралей, реконструкция и перестройка 8-ми существующих дорог, реконструкция 7-ми крупных узловых станций. К числу новостроек относятся железная дорога Ханьдань (провинция Хэбэй) — Чанчжи (провинция Шаньси), 800-километровая магистраль Чжичэн (провинция Хубэй — Лючжоу, Гуанси-Чжуанский автономный район). Ведется строительство вторых путей на магистралах Тяньцзинь — Пукоу (провинция Цзянсу) и Пекин — Гуанчжоу. Осуществляются работы по электрификации железной дороги Баоцзи (провинция Шэньси) — Ланьчжоу (провинция Ганьсу), западного участка дороги Ланьюньган (провинция Цзянсу) — Ланьчжоу, железной дороги Шицзячжуан (провинция Хэбэй) — Тайюань (провинция Шаньси) и Сянфань (провинция Хубэй) — Чунцин. Общая протяженность действующих железнодорожных линий увеличилась более чем в два раза по сравнению с 1949 г.

Морские порты Китая на 8 дней раньше срока выполнили полугодовой план по грузообороту, объем которого увеличился на 30,3% по сравнению с первым кварталом 1977 г., за тот же период объем погрузочно-разгрузочных работ, выполненных для внешнеторговых перевозок, увеличился на 50,4%. В дальнейшем темпы прироста погрузочно-разгрузочных работ против 1977 г. сократились. Так, прирост в третьем квартале 1978 г. составил 8,5%. В целом годовой план грузовых перевозок, составивший 250 млн. т, был выполнен на 37 дней раньше срока. Всемерно форсировалась работа Шанхайского порта, на который приходится 40% грузооборота морских портов страны. Шанхайский порт переработал в июле 6,75, а в августе — 7,34 млн. т грузов. Чтобы стимулировать трудовую активность, с начала третьего квартала 1978 г. среди 200 тыс. работников транспорта была внедрена сдельная зарплата и премиальная система.

С 1973 г. в Китае ведется расширение главных портов: Шанхая, Тяньцзиня, Даляня, Циньхуандао, Циндао, Ланьюньгана, Хуанпу, Чжаньцзяна, Яньтая. К середине 1978 г. было введено более 40 глубоководных причалов для судов класса 10 тыс. т и выше. По сравнению с 1972 г. пропускная способность морских портов возросла на 60%.

К 24 ноября был выполнен годовой план перевозок по Янцзы — крупнейшей водной артерии Китая. Объем перевозок возрос на 43% по сравнению с соответствующим периодом 1977 г. и на 10 млн. т превысил максимальный уровень предыдущих лет. Сообщалось, что за период с 1966 по 1976 г. грузовые перевозки по Янцзы практически не росли, оставаясь на уровне около 25 млн. т в год. Некоторый рост наблюдался в 1977 г. Транспортное управление реки Янцзы обслуживает 6 провинций и город Шанхай, основные грузы — сталь, чугун,

³⁶ См. «Жэньминь жибао», 26. IV. 1978.

нефть, древесина, уголь, химические удобрения. В 1978 г. открыт 31 специализированный маршрут комплексных перевозок, на которые падает 68% всех перевозок по Янцзы.

Введен второй в восточной части страны магистральный нефтепровод Линьн (провинция Шаньдун) — Нанкин, длина которого более 1000 км. Его строительство началось в 1975 г. По нефтепроводу нефть с нефтепромыслов Хуабэй и Шэнли поступает в новый нефтепричал в Нанкине и по Янцзы транспортируется в Шанхай, Ухань и т. д.

В заключение отметим, что выход из действительно трудного положения, в котором оказались экономика, наука и техника, народное образование страны в результате длительных попыток претворения в жизнь антимарксистской маоистской идеологии и политики, нынешнее пекинское руководство ищет не на пути возврата к политике, основанной на принципах научного социализма, к политике, эффективность которой подтверждена практикой строительства новой жизни в самом Китае в 1949—1957 гг. Нынешнее руководство Китая пытается, сохранив великодержавно-гегемонистскую сущность маоизма, вывести общество из трудного положения, в значительной мере опираясь на экономические и научно-технические связи с развитыми капиталистическими странами. Однако капитализм пойдет на оказание содействия только при условии, если внутри страны будет проводиться антисоциалистическая политика, а на международной арене — проимпериалистический курс. Отнюдь не случайно в последнее время пекинское руководство делает в своей политике резкий крен вправо. Внешнеполитическая деятельность Пекина претерпевает именно такого рода изменения³⁷.

³⁷ Подробнее о характере и принципах этой деятельности см. в материалах «Круглого стола» в этом номере.

США: «китайская карта» в Азии

И. И. Ивков

Ослабление глобальных позиций мирового империализма, его неспособность направлять развитие мировых событий прежними средствами, то есть с помощью грубой военной силы, вынуждает правящие круги США и других держав так называемого свободного мира менять формы и методы борьбы против мирового социализма, международно-коммунистического движения, сил национального освобождения.

На помощь генералам, подмочившим свою репутацию в джунглях Вьетнама и завязшим в зыбучих песках Арабского Востока, пришли буржуазные политики и идеологи, выдвинувшие идею переноса центра борьбы в сферу социальных отношений, в область усиления политико-идеологического воздействия империализма на широкие народные массы.

Так появилась новая концепция «превентивной социальной стратегии», которая нацеливает империалистические державы на расширение подрывных действий против стран социалистического содружества, на разложение складывающихся антиимпериалистических социальных структур развивающихся стран, раскол левых движений и их организаций.

Выступая на XX съезде Французской коммунистической партии, М. А. Суслов указывал: «Сейчас, когда империалисты все больше отдают себе отчет в невозможности силой одолеть социализм, эта борьба все чаще переносится в сферы экономики, политики и идеологии. Идеологи буржуазии ищут новые формы и методы политической и идеологической борьбы против социализма, рабочего и национально-освободительного движения»¹.

Появление на международной арене воинствующего маоизма с его оголтелым антисоветизмом и великодержавным шовинизмом было воспринято в Вашингтоне и других столицах западных держав как своего рода исторический шанс, которым они намерены воспользоваться для внесения кардинального изменения в расстановку мировых сил в пользу империализма.

Пользуясь тем, что лидеры КНР рекламируют свою страну как «подлинно социалистическое государство», США решили использовать превентивную социальную стратегию применительно к КНР, поставив на службу своим интересам китайский национализм, отступничество пекинских лидеров от марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Вашингтонские стратеги задумали разыграть «китайскую карту» для достижения своих глобальных империалистических целей против Советского Союза, других стран социализма, против международного рабочего движения, сил национального освобождения. «В последнее время,— указывал Л. И. Брежнев,— в США предпринимаются,

¹ «Правда», 15.XII. 1972.

причем на высоком уровне и в довольно циничной форме, попытки разыграть «китайскую карту против СССР»².

Проповедники социальной стратегии разработали далеко идущие планы использования маоистов как орудия в своей борьбе против свободы и независимости народов, применив «мюнхенскую» тактику подталкивания нынешних правителей Китая к военной конфронтации с Советским Союзом и всем социалистическим содружеством. Политики западных держав стали строить расчеты на возможности прямого столкновения, в том числе и ядерного, между СССР и КНР.

Другой целью, преследуемой западными странами при разыгрывании «китайской карты», является организация широкого наступления на социалистические завоевания трудящихся Китайской Народной Республики. Организуя контрнаступление на позиции социализма в самом Китае, империалистические державы намерены размыть там основы социалистического базиса, подвергнуть КНР империалистической конвергенции, постепенному переводу ее экономики на капиталистические рельсы. Недаром западная печать выражает бурный восторг по поводу того, что на так называемой «демократической стене» в Пекине стали все чаще вывешиваться «дацзыбао», в которых содержатся требования широкой демократизации страны по западному образцу, децентрализации управления экономикой, обеспечения свободной деятельности политических партий и организаций.

В Вашингтоне и в других столицах западных держав пришли к выводу, что главным рычагом перетягивания КНР на их сторону должно явиться предоставление Китаю широкой экономической и финансовой «помощи» для осуществления «четырёх модернизаций» с целью превращения Китая в могучее современное государство. Только за последние два года в Китае побывало огромное количество различных делегаций из США и других западных стран, которые не жалели красок для создания радужной картины быстрого экономического взлета Китая при финансовой и технологической помощи со стороны империалистических держав³. В этой связи можно назвать посещение Пекина помощником президента по национальной безопасности З. Бжезинским, визиты в Китай советника президента по науке и технике Фрэнка Пресса, помощника президента по вопросам энергетики Дж. Шлесинджера, министра сельского хозяйства США Р. Берглэнда и многих других. Паломничество в Пекин высокопоставленных деятелей Запада продолжается.

Заправил империализма искушает мысль создать «азиатский фронт» против СССР, включить маоистский Китай с его огромными резервами пушечного мяса в стратегические планы глобальной конфронтации против мирового социализма и международного коммунизма. С точки зрения пентагоновских генералов, маоисты могут стать ценнее нейтронных бомб. Видимо, правящие круги империалистических держав решили на сей раз избежать ошибки, допущенной в свое время Гитлером, когда он вопреки империалистической логике, прежде чем напасть на Советский Союз, нанес удар по «своим», то есть по странам западных демократий. Другой промах Гитлера, по их мнению, состоял в том, что он напал на Советский Союз, не скоординировав по времени выступление милитаристской Японии против СССР. Об этих «просчетах» фашистской верхушки поведал недавно неонацистский журнал

² «Правда», 26. VI. 1972.

³ Только за 8 месяцев 1977 г. Китай посетило 70 делегаций из Соединенных Штатов.

«Национ Ойропа», который упрекает главаря немецких нацистов за то, что он своевременно не договорился с Японией о совместном нападении с запада и с востока на Советский Союз. Журнал сетует, что все могло бы обернуться иначе, не допусти фюрер этой роковой ошибки.

И наследники Гитлера, считая, что они куда умнее своего предшественника, решили действовать осмотрительно, заранее позаботившись о приобретении верных и надежных союзников не только на Западе, но и на Востоке. Это им кажется вполне реальной задачей, если учесть, что маоисты сами предлагают свои услуги, хотят поставить Китай на то место, которое в прошлом в планах нацистских генералов отводилось милитаристской Японии.

Однако западные политики сознательно не хотят учитывать одной небольшой детали. Им просто не хочется верить, что, идя на сговор с мировым империализмом, лидеры современного Китая преследуют свои собственные гегемонистские цели — установление китайского мирового государства, создание мировой Поднебесной с геополитической столицей, но не в Вашингтоне, а в Пекине. Наследники великого кормчего хорошо усвоили завет своего учителя, который недвусмысленно определил грядущую миссию Китая. «Мы должны, — наставлял он своих преемников, — покорить земной шар. Нашим объектом является весь земной шар»⁴.

Новые лидеры послемаоистского Китая далеко превзошли своего умершего кумира в захватнических устремлениях. Они оказались более прагматичными в достижении поставленных целей. Если Мао Цзэ-дун надеялся покорить весь мир, опираясь на свои собственные силы, то его преемники хорошо понимают, что для установления мирового господства Китай должен покончить с вековой отсталостью и в кратчайший исторический период стать современным государством с развитой экономикой и мощными вооруженными силами, оснащенными всеми видами оружия, в том числе ракетно-ядерным.

Для решения поставленной Мао Цзэ-дуном глобальной задачи Китаю нужны кредиты, современная технология, высококвалифицированные научно-технические кадры. И получить все это маоисты пытаются на Западе — в Соединенных Штатах и в странах Западной Европы.

В Пекине рассчитывают уже к 1985 г. получить от западных стран технического и машинного оборудования на огромную сумму — 100 млрд. долл. Китайское руководство понимает, что правящие круги империалистических держав даром денег не дадут, что они могут открыть свои сейфы и разрешить допуск к своей технологии только при одном условии — если Китай даст гарантии, что он будет последовательно выступать против Советского Союза и других социалистических стран, возьмет на себя роль троянского коня в международном рабочем движении и поставит свои возможности и влияние в странах «третьего мира» на службу интересам западных держав.

И маоисты решили доказать, что они достойны доверия империалистических монополий, что на них можно положиться. Они объявили Советский Союз врагом номер один, стали воспевать войну как неизбежное явление, заклеили разрядку напряженности и разоружение как «большой обман» народов, выдвинули лозунг «готовиться к войне, рыть окопы, запасать зерно».

Пекин провозгласил создание единого антисоветского фронта, надеясь включить в него все силы старого мира, которые ненавидят мир

⁴ «Новое время», 1978, № 50, с. 25.

и социализм — от крайне левых экстремистов и махровых антикоммунистов до крайне правых мракобесов и фашиствующих элементов.

Особые надежды пекинские правители возлагают на Пентагон и НАТО — главную ударную силу современного империализма. Со своей стороны, как заявил Дэн Сяо-пин, Китай готов стать «НАТО Востока», то есть взять на себя жандармские функции этого военно-политического блока в отношении азиатских народов.

Идя на широкое сближение с империалистическими державами во имя быстрой модернизации Китая, пекинские стратеги вместе с тем делают все возможное, чтобы накалить международную обстановку, довести ее до такого состояния, когда столкновение между США и СССР стало бы неизбежным. Еще Чжоу Энь-лай продвигал идею советско-американского ядерного столкновения. С трибуны Всекитайского собрания народных представителей он громогласно заявил, что США и СССР «представляют собой очаг новой термоядерной войны» и что «их ожесточенная схватка рано или поздно приведет к мировой войне». Таким образом, этот духовный наставник современных китайских прагматиков уже тогда сформулировал линию на подталкивание Запада к войне против Советского Союза, на развязывание мирового пожара.

Анализируя устремления китайских гегемонистов к мировому господству с помощью стратегии сталкивания двух великих держав, английский журнал «Экономист» не без иронии заметил, что Пекин, втягивая Запад в альянс против СССР, готов воевать с русскими «до последнего американского, английского и французского солдата».

Так Пекин и Вашингтон, пытаясь использовать друг друга для достижения своих корыстных целей, вынашивают различные замыслы столкновения двух других великих держав. При этом маоисты хотели бы, чтобы эта схватка произошла между СССР и США, а пентагоновские генералы предпочитают вести дело к тому, чтобы самим «оказаться на горе и наблюдать, как дерутся два тигра» — Китай и Советский Союз.

Это, однако, не мешает им предпринимать согласованные или параллельные действия против «общего врага», под которым подразумеваются Советский Союз, его друзья и союзники. И Пекин и Вашингтон исходят из того, что на данном этапе международных отношений их интересы совпадают в борьбе против СССР, выступающего в качестве главного оплота мирового социализма, международного революционного движения всех сил мира и социального прогресса.

Общая ненависть к СССР, желание затормозить мировой революционный процесс и повернуть развитие событий в мире в свою пользу создали необходимые предпосылки для координации действий между господствующими кругами США и правящей верхушкой Китая.

Политическое начало переориентировки Китая на империалистические державы было положено закулисной дипломатией бывшего государственного секретаря США Генри Киссинджера во время его визита в Пекин в 1971 г. Прибыв в Китай, американский мастер закулисных дел сразу же нашел общий язык с пекинскими националистами, откровенно изложившими высокому эмиссару из Вашингтона свои широкие антисоветские замыслы. Настроения пекинских лидеров, разумеется, были немедленно доведены до Белого дома, где сочли, что настало время разыграть «китайскую карту» в глобальном масштабе. В поездку в Пекин отправился сам президент Соединенных Штатов Ричард Никсон, которому была оказана в столице Китая небывало радушная встреча. Р. Никсону не пришлось долго уговаривать китайских правителей отно-

нительно совместных действий против СССР и социалистического Вьетнама, который вел в то время победоносную борьбу против американской агрессии. Мао Цзэ-дун и его окружение дали согласие американскому президенту на практический пересмотр всей внешней политики Китая: окончательно отказаться от какого-либо сотрудничества с социалистическими странами, прекратить поддержку национально-освободительных движений в интересах сближения Китая с Соединенными Штатами и другими империалистическими державами.

Первой жертвой разыгрывания стратегами Вашингтона «китайской карты» явился Вьетнам. Как теперь стало известно, пекинские лидеры заверили Р. Никсона и Г. Киссинджера, что они помогут США выбраться из вьетнамской трясины с максимальным сохранением престижа Америки как великой державы. Именно в этот период Мао Цзэ-дун делал все, чтобы не допустить полной победы Вьетнама над американскими агрессорами. В Пекине окончательно отказались от предложения СССР о совместных действиях против империалистической агрессии во Вьетнаме, стали саботировать перевозку по территории Китая грузов, и прежде всего военных, которые непрерывным потоком шли из Советского Союза и предназначались для истекавшего кровью героического вьетнамского народа.

Китайские лидеры до минимума сократили помощь Вьетнаму и другим борющимся народам Индокитая, вели дело к тому, чтобы обескровить Демократическую Республику Вьетнам и вынудить ее отказаться от оказания помощи патриотическим силам на юге Вьетнама. В Пекине не хотели полной победы Вьетнама. Там строили планы ослабления социалистической части Вьетнама, то есть ДРВ, разрыва ее связей с Советским Союзом и превращения в зависимое от Китая государство. Китайские лидеры хотели также иметь на юге Вьетнама, где проживает свыше 2 млн. граждан китайской национальности — хуацяо, слабое государственное образование в форме зависимого от Пекина протектората. Их вполне устраивало существование и других слабых государств на южных границах Китая — полуфеодалного Лаоса, отсталого королевства Камбоджи.

Лицемерная позиция пекинского руководства, которое на словах выступало в поддержку борьбы Вьетнама за свою свободу и независимость, а на деле предавало высокие цели борьбы героического народа, с особой наглядностью проявилась после воссоединения севера и юга и образования Социалистической Республики Вьетнам.

В Пекине не могли смириться с тем, что рядом с Китаем возникло большое социалистическое государство с 50-миллионным населением, заявившее о своей непоколебимой верности великим принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма и оказывающее позитивное воздействие на развитие обстановки в Азии. Китайские руководители считают, что независимая, суверенная Социалистическая Республика Вьетнам является самым большим препятствием для осуществления их гегемонистских устремлений в Юго-Восточной Азии. Именно поэтому они пытаются ослабить Вьетнам, дискредитировать высокий авторитет республики в глазах народов Азии и всего мира, подорвать их веру в возможность победы в борьбе за национальное и социальное освобождение.

Пекинские лидеры решили дестабилизировать обстановку во Вьетнаме, чтобы не допустить победоносного развития страны на пути успешного социалистического строительства. Они подтолкнули лидеров Кампучии, оказавшихся под влиянием маоистской идеологии, на развязывание крупных пограничных столкновений на вьетнамо-кампучий-

ской границе. Одновременно китайцы спровоцировали широкие выступления проживающих на юге и севере Вьетнама хуаняо с целью дезорганизации обстановки в СРВ и ослабления ее международных позиций.

Вьетнам оказался перед лицом военных угроз, создаваемых китайскими властями на границе между двумя странами и со стороны Восточного моря. Маонисты всеми силами и средствами разжигают антивьетнамские настроения в Китае и за его пределами, осуществляют во всевозрастающих масштабах подрывные действия против СРВ.

Естественно, что нажим Пекина на СРВ получил полную поддержку и одобрение в Вашингтоне, где сразу же отказались от выплаты вьетнамскому правительству обещанной по Парижскому соглашению крупной суммы на «залечивание ран войны» и заявили о преждевременности восстановления дипломатических отношений с Социалистической Республикой Вьетнам.

Сейчас, когда национально-патриотические силы Кампучии изгнали из страны маонистскую клику Пол Пота, и Пекин, и Вашингтон по взаимному уговору развернули широкую антивьетнамскую кампанию, запугивая страны Юго-Восточной Азии вьетнамской угрозой, распространяют небывлицы о намерении Вьетнама поработить Лаос и Кампучию путем создания так называемой федерации индокитайских государств, мобилизуют общественное мнение с целью изоляции Вьетнама.

Другим географически важным плацдармом разыгрывания «китайской карты» является Корейский полуостров. Вашингтон пытается использовать обстановку, сложившуюся в Корее, для подрыва мира и безопасности на Дальнем Востоке, для нагнетания напряженности в этом районе.

Если раньше КНР выступала на стороне КНДР и противостояла интригам США, направленным на ослабление социалистического строя на севере страны, то сейчас Пекин, подыгрывая Вашингтону и Токио, оказывает им молчаливую поддержку, не осуждая подавление народных выступлений в Южной Корее и проведение режимом Пак Чжон Ли политики, препятствующей объединению севера и юга Кореи в единое корейское государство. Главная забота китайских «друзей» корейского народа состоит в том, чтобы распространить маонистскую идеологию на территорию Южной Кореи, найти себе социальную опору среди мелкобуржуазных слоев населения этой части страны.

Игнорирование лидерами Китая движения за мирное объединение Кореи — логическое следствие курса Пекина на укрепление союза с реакционными силами империалистических стран. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что маонисты в своей игре с американскими империалистами предают интересы корейского народа ради получения материальных выгод от крупного американского капитала.

Пренебрежительное отношение Пекина к проблеме объединения Кореи было продемонстрировано маонистами в ходе работы 2-й Всемирной конференции по мирному объединению Кореи, которая состоялась в Токио в ноябре—декабре 1978 г. В конференции приняло участие около 500 делегатов от 11 международных организаций и прогрессивной общественности 59 стран мира, в том числе делегации из социалистических стран. Подчеркивая широкий характер этого форума, организаторы конференции обратили внимание на то, что в зале заседаний отсутствовали представители КНР. Комментируя этот факт, японская печать отмечала, что пекинское руководство предпочло уклониться от участия в работе этой конференции потому, что на скамье подсудимых оказались южнокорейский режим, выступающий против объединения

Корей, официальный Вашингтон, проводящий курс на сохранение Южной Кореи в качестве плацдарма агрессии против КНДР, правящие круги Японии, превратившие Южную Корею в свой сырьевой придаток и выступающие за увековечение раздела Кореи на два государства.

Отказ Пекина участвовать в Конференции по мирному объединению Кореи является вполне закономерным актом, если учесть, что появление китайских представителей на форуме, затрагивающем интересы США и Японии, могло бы разгневать Вашингтон и Токио и серьезно повлиять на предоставление Китаю крайне необходимых ему кредитов и новейшей технологии. Пекинские прагматики и на сей раз поставили свой национальный эгоизм выше интернационалистской задачи оказания содействия мирному объединению разьединенного корейского народа.

Находясь в Японии, Дэн Сяо-пин заявил, что он «не считает, что обстановка на Корейском полуострове будет развиваться в направлении напряженности»⁵. Он благосклонно отозвался о «важной роли» диктаторской клики Пак Чжон Хи «в процессе воссоединения Кореи», а также о «способности южнокорейских войск отразить нападение из Северной Кореи». Эти слова китайского лидера, по сообщениям иностранной печати, были восприняты в Вашингтоне как признак того, что Китай не будет поддерживать стремление корейского народа к объединению, как молчаливая поддержка кровавого южнокорейского режима, пытающегося с помощью США и Японии ликвидировать социалистическое государство КНДР.

Еще более наглое заявление сделал Дэн Сяо-пин в интервью корреспонденту американской газеты «Вашингтон пост» в ноябре 1978 г. Разглагольствуя о том, что воссоединение двух корейских государств будет длительным процессом, сей китайский деятель вообще поставил под сомнение необходимость такого воссоединения. В качестве аргумента против объединения Кореи он сослался на Вьетнам, подчеркнув, что воссоединение Вьетнама выдвинуло определенные проблемы перед другими странами.

Из этого заявления Дэн Сяо-пина видно, что китайское руководство опасается, как бы объединенная Корея не встала на путь Социалистической Республики Вьетнам, давая решительный отпор вмешательству Пекина в ее внутренние дела. Для Китая, видимо, легче иметь дело с двумя Кореями, и он предпочел бы навечно сохранить раздел Корейского полуострова на две части. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что после этого заявления Дэн Сяо-пина Вашингтон стал усиленно продвигать идею трехстороннего совещания по Кореи — с участием представителей Южной Кореи, КНДР и США. Вряд ли можно сомневаться в том, что такое совещание, если бы оно было созвано, использовалось бы для оказания давления на Северную Корею.

Иностранные наблюдатели указывают и на то обстоятельство, что заключение японо-китайского договора о мире и дружбе, фактически дополняющего японо-американский договор о взаимном обеспечении безопасности, а также постоянные призывы Пекина к усилению милитаризации Японии и сохранению военного присутствия США в Азии укрепляют позиции американского империализма и южнокорейского режима на Дальнем Востоке, облегчают их нажим на Корейскую Народно-Демократическую Республику, подрывают ее международные позиции.

⁵ «Асахи», 24. X. 1978.

Руководство КНДР неоднократно указывало на опасные последствия милитаризации Японии и усиления ее военной роли в Азии и решительно выступает против американско-японских замыслов усиления военно-экономического потенциала южнокорейского режима, вынашивающего опасные планы развязывания нового конфликта на Корейском полуострове.

Японские милитаристы надеются при поддержке США распространить свой контроль на весь Корейский полуостров. Как сообщает газета «Иомнири», директор Института мира и безопасности Иноки, ранее занимавший пост начальника Академии обороны, заявил недавно, что в середине 80-х годов Японии следует установить военный контроль на Корейском полуострове и с этой целью выступить с инициативой проведения международных переговоров.

Правительство КНДР не может не учитывать реальную угрозу самому существованию республики, исходящую от южнокорейской реакции, за спиной которой стоят американские империалисты и японские милитаристы. Оно вынуждено принимать необходимые меры для упрочения обороноспособности страны. Одновременно правительство КНДР усиливает борьбу за объединение Кореи на мирных демократических началах. Советский Союз исходит из того, что борьба корейского народа за объединение страны является составной частью борьбы за мир и безопасность в Азии, и оказывает активную помощь корейскому народу в достижении этой высокой национальной цели.

Не менее показательна американско-китайская игра, связанная с островом Тайвань. В правящих кругах США давно вынашивалась идея о том, как бы с помощью уступок в отношении Тайваня еще теснее связать КНР с интересами американского империализма. Если раньше США соглашались на нормализацию отношений с КНР только при условии получения гарантий, что китайское руководство не прибегнет к применению военной силы для воссоединения Тайваня, то впоследствии Вашингтон пошел на значительные уступки. Американская сторона удовлетворилась тем, что правительство КНР разрешило американцам поддерживать с тайбэйским режимом культурные, торговые и другие неофициальные отношения, под которыми имеется в виду продажа Тайваню оборонительного оружия в ограниченном количестве.

Значительная эволюция произошла и в позиции КНР по тайваньской проблеме. Еще до установления дипломатических отношений в полном объеме Пекин заверил американскую администрацию в том, что он не встанет на путь ликвидации капиталистических порядков на Тайване после его воссоединения с Китаем. Тайвань, подчеркивал Дэн Сяопин в беседах с корреспондентами американских газет, может сохранить свою социальную и экономическую систему, а Соединенные Штаты могут сохранить свои активы на Тайване.

Обещание руководства КНР оставить Тайвань в сфере капиталистических отношений после нормализации американско-китайских отношений преследует следующие цели. Во-первых, расширить через Тайвань деловые и политические связи с США и другими западными странами, превратить этот остров по аналогии с Гонконгом в место заключения коммерческих сделок с капиталистическими монополиями и источник получения иностранной валюты. Как писала 17 декабря 1978 г. американская газета «Нью-Йорк таймс», Пекин сейчас, видимо, видит в Тайване некое подобие Гонконга. Если следовать этой теории, Тайвань с его индустриальной экономикой и высоким уровнем жизни мог бы принести экономическую выгоду континентальному Китаю, как это делает сейчас Гонконг, приносящий Китаю ежегодно 3 млрд. долл. в

иностранной валюте, что эквивалентно примерно третьей части всех иностранных поступлений в казну КНР в прошлом году.

Во-вторых, использовать совместно с США важное стратегическое положение острова с его первоклассными военно-морскими и военно-воздушными базами для борьбы против Советского Союза и других миролюбивых государств, выступающих против агрессивной политики американского империализма и гегемонистских действий пекинских лидеров в Азии.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в Пекине не спешат с воссоединением Тайваня с КНР. Еще во время визита в Токио Дэи Сяо-пин заявлял, что воссоединение Тайваня с материковым Китаем будет очень длительным процессом, быть может, таким же длительным, как и воссоединение двух корейских государств. Пекин еще до нормализации отношений с США заверил американские банки, действующие на Тайване, что их деятельность на этом острове не станет препятствием для будущего развития отношений с Китаем.

Пойдя на взаимные уступки, обе стороны стали выдавать свою сделку по Тайваню как крупную победу дела мира и разрядки напряженности в Азии и в бассейне Тихого океана. В действительности же, как сообщает иностранная печать, между Пекином и Вашингтоном достигнута негласная договоренность о совместном использовании Тайваня для укрепления военно-стратегических позиций США и Китая в этом важном регионе земного шара.

Надеясь растворить тайваньский вопрос в общем комплексе китайско-американских отношений, Вашингтон и особенно Пекин пытаются придать нормализации дипломатических отношений между двумя странами ярко выраженную антисоветскую направленность. Выступая на пресс-конференции, проведенной в связи с установлением дипломатических отношений между КНР и США, Хуа Го-фэн открыто заявил, что нормализация отношений Китая с США и Японией, подписание китайско-японского договора о мире и дружбе пойдут на пользу развитию отношений между странами в районе Азии и Тихого океана, пойдут на пользу миру и стабильности в районе Азии, Тихого океана и даже во всем мире. Однако, чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений в том, что он имеет в виду под миром и стабильностью во всем мире, китайский лидер пояснил, что нормализация отношений с США, несомненно, отвечает интересам борьбы народов различных стран против гегемонизма. Мы, как выразился Хуа, выступаем не только против большого гегемонизма, но и против малого гегемонизма, не только против глобального гегемонизма, но и против регионального гегемонизма.

Хуа пытается, таким образом, изобразить великоханьских шовинистов и американских колониалистов в качестве «борцов» за свободу и независимость народов, а Советский Союз и Социалистическую Республику Вьетнам — в качестве «агрессоров», якобы стремящихся к установлению глобального и регионального гегемонизма.

Восстановление китайско-американских отношений вызвало большие отклики в мире. Обращает на себя внимание резкая реакция чанкайшистов на разрыв отношений США с Тайбэем. Глава тайваньского режима Цзян Цзин-го выступил с заявлением, в котором он обрушился с нападками на правительство США, осуждая его за «вероломный разрыв договора».

Тайваньские власти объявили о введении на острове военного положения. По их приказанию полиция и полмиллиона тайваньских войск были приведены в «состояние полной боеготовности».

Весьма бурная реакция на нормализацию отношений с КНР последовала со стороны влиятельных тайваньских лоббистов в США. Сенатор Барри Голдуотер назвал установление дипломатических отношений с Китаем «трусливым актом», а сенатор Джеймс Хелмс сказал, что президент Картер «предает Тайвань». Голдуотер угрожал подать на него в суд и доказать, что его действия в отношении Тайваня незаконны и неконституционны.

Печать западных стран также выражает беспокойство по поводу возможных последствий нормализации отношений между США и Китаем за счет Тайваня. Французская газета «Фигаро» считает, что эта нормализация «вызывает столько же тревог, сколько и надежд». По словам газеты, установление дипломатических отношений между США и КНР «способствует постепенному созданию политико-экономического комплекса Соединенные Штаты — Китай — Япония, контуры которого пока расплывчаты»⁶. «Фигаро» полагает, что нормализация отношений с КНР «отразится на престиже и доверии к Вашингтону»⁷.

Английская «Морнинг стар» и другие газеты высказывают предположение, что нормализация китайско-американских отношений приведет не только к расширению поставок военной техники Китаю, но и позволит ему перебросить на советско-китайскую границу войска, дислоцируемые в настоящее время в провинции Фуцзянь, против Тайваня.

Японские деловые круги выражают беспокойство, что установление дипломатических отношений между КНР и США отразится на конкурентоспособности японских товаров на японском рынке, что это приведет к усилению конкуренции между монополиями США, Японии и Западной Европы в борьбе за овладение китайским рынком.

Восстановление китайско-американских отношений вызвало большую тревогу в странах Азии, которые рассматривают дипломатическое признание Соединенными Штатами Китая как начало создания альянса не только против СССР и других социалистических стран, но и против национально-освободительных движений, в поддержку реакционных режимов.

Само по себе установление дипломатических отношений между США и КНР является естественным процессом. «Установление нормальных отношений между двумя суверенными государствами, — подчеркивал Л. И. Брежнев в ответном послании президенту США Дж. Картеру по случаю нормализации китайско-американских отношений, — дело естественное. Советский Союз всегда выступал и выступает именно за такие отношения между странами. Другой вопрос — на какой основе происходит нормализация, какие цели ставятся сторонами»⁸.

Главное, чтобы китайско-американская нормализация отношений не осуществлялась в ущерб третьим странам, не была повернута против их интересов. Советский Союз будет самым внимательным образом следить за тем, во что на практике выльется развитие американо-китайских отношений, и из этого будут делаться соответствующие выводы.

Однако нельзя не отметить, что как США, так и КНР стремятся к тому, чтобы процесс нормализации между ними сопровождался усилением антисоветизма и нагнетанием напряженности на Дальнем Востоке.

Поскольку Китай не располагает необходимым военно-экономическим потенциалом, чтобы бросить серьезный вызов Советскому Союзу,

⁶ «Figaro», 17.XII. 1978.

⁷ Ibid.

⁸ «Правда», 22. XII. 1978.

в Вашингтоне решили подкрепить китайскую карту японской картой, втянуть Японию в свою антисоветскую стратегию, сыграв на ее традиционном милитаризме и еще не выветрившемся самурайском духе. В США приняли решение оказать давление на Японию, с тем чтобы она быстрее пошла на заключение договора о «мире и дружбе» с Китаем на условиях Пекина.

По расчетам американской дипломатии, заключение японо-китайского договора на антисоветской основе укрепит позиции Пекина в борьбе против СССР, сделает его политику более наступательной и агрессивной в отношении Советского Союза. С другой стороны, этот договор, как полагают в Вашингтоне, будет способствовать усилению антисоветских настроений в Японии, еще дальше подтолкнет страну в объятия Соединенных Штатов и маоистского Китая.

Нельзя сказать, чтобы правящие круги Японии не отдавали себе отчета в пагубности пути, на который толкали страну ее американские покровители и вновьявленные друзья из Пекина. Здравомыслящая часть Японии оказывала упорное сопротивление китайско-американскому нажиму, не желая идти на подписание договора о «мире и дружбе» с включением в него статьи о «противодействии гегемонизму», придающей договору открыто антисоветскую направленность.

Китайско-американской дипломатии потребовалось почти пять лет, чтобы преодолеть колебания Японии и навязать ей договор, противоречащий ее национальным интересам. Однако было бы неверно утверждать, что в Японии нет политических сил, которые не заинтересованы в развитии японо-китайских отношений на антисоветской основе. Эти силы есть, и они оказывают большое влияние на все сферы общественно-политической жизни страны и ее внешнюю политику. Крупный монополистический капитал рассматривает Китай как необъятный рынок сбыта своих промышленных товаров и важный источник сырья.

Хотя японское правительство неоднократно заявляло, что оно выступает за дружбу и сотрудничество с СССР и не допустит, чтобы договор с Китаем наносил вред советско-японским отношениям, оно шаг за шагом втягивается в антисоветскую стратегию разыгрывания «китайской карты» против СССР. Нереалистически мыслящие деятели в Токио наивно полагают, что тесное сближение с Китаем может заставить Советский Союз пойти на ряд уступок Японии, в том числе и по так называемому территориальному вопросу.

Ободренные заключенным договором, пекинские лидеры оказывают всевозрастающий нажим на Японию, требуя форсированной милитаризации страны и оказания помощи Китаю в модернизации его вооруженных сил, в оснащении их современной боевой техникой. Кроме того, Пекин домогается получения от Японии на льготных условиях новейшей технологии и современного оборудования, различных машин, сталеизделий и других промышленных товаров, остро необходимых китайской экономике для осуществления программы «четырёх модернизаций».

Постепенное сползание Японии на позиции Пекина и Вашингтона находит конкретное выражение в усилении реакционного курса правящих кругов во внутренней и внешней политике. Японские промышленники на самых различных уровнях требуют увеличения военных расходов и ослабления ограничений на вывоз оружия. Они считают, что такой шаг необходим, чтобы вывести страну из длительного экономического спада. «Чтобы выйти из депрессии, нам нужна где-нибудь еще одна война», — заявил, например, заместитель председателя влиятельной Федерации экономических организаций Инояма — ретивый сторонник развития японо-китайских отношений в духе требований Пекина.

После заключения договора о «мире и дружбе» с Китаем Япония, связанная с США договором безопасности, оказалась в центре политики двух держав. Это ставит страну в особо опасное положение, поскольку она превращается в важнейшую военно-стратегическую базу, предназначенную для обслуживания интересов не только Вашингтона, но и Пекина.

Перспектива японо-китайского альянса, подкрепленного военным союзом с США, вызывает тревогу и озабоченность в демократических кругах страны, которые ясно видят всю опасность сползания Японии на путь антисоветизма. Как указывалось в заявлении ЦК японской компартии, Китай стремится использовать договор о «мире и дружбе» с Японией для расширения военных связей между двумя странами и вовлечения Токио в фарватер своей опасной стратегии и создания военного союза двух стран с участием США. «Японо-китайский договор носит антисоветский характер и имеет ярко выраженную окраску военного союза», — писал в газете «Асахи» японский профессор И. Нагаи. По его мнению, Пекин, прибегая к своей излюбленной тактике, стремится обострить отношения между Японией и Советским Союзом, а затем использовать это в своей антисоветской политике. К этому можно добавить, что скользкий путь, на который Пекин толкает Японию, несомненно, чреват угрозой ее национальным интересам.

Заключение японо-китайского договора привлекло к себе внимание миролюбивых народов Азии, увидевших в нем опасное орудие агрессии и провокации военных конфликтов. Министр иностранных дел Индонезии Мохтар Кусумаатмаджа, говоря о негативных последствиях японо-китайского договора, подчеркнул, что сочетание японской технологии с гигантскими людскими ресурсами Китая представляет серьезную угрозу для стран Юго-Восточной Азии и не может не вызвать озабоченности в этом регионе⁹.

В дипломатических кругах Сингапура пришли к выводу, что в результате объединения экономического потенциала Японии и политической активности Китая Пекин может внедриться в район Юго-Восточной Азии под прикрытием экономической экспансии Японии..

«В странах АСЕАН, — писала газета «Эйша Уолл-стрит джорнал», 15 августа 1978 г., — существуют болезненные опасения относительно влияния Китая на подрывные элементы и экономического проникновения Японии. Даже сама мысль о том, что две крупные страны Азии связаны договором, который предполагает совершенно ясные намерения в отношении стран региона, может взбудоражить Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии».

Можно было бы привести десятки подобных высказываний крупных газет и политических деятелей из других стран Азии, в которых выражается серьезное опасение, что дальнейшие уступки великодержавным домогательствам Пекина, попытки использовать антисоветизм китайских лидеров в эгоистических целях империалистических держав создают угрозу миру и безопасности на Дальнем Востоке, осложняют международную обстановку в Азии и во всем мире.

В сферу координации внешней политики между Китаем и США входят и страны Юго-Восточной Азии. Оба партнера всегда проявляли повышенный интерес к этому стратегически важному району, богатому сырьевыми и людскими ресурсами. Еще в 1964 г. Мао Цзэ-дун поставил перед Китаем задачу захватить Юго-Восточную Азию. «Мы обязательно, — заявил он, — должны заполнить Юго-Восточную Азию,

⁹ См. «Правда», 10. XII. 1978.

включая Южный Вьетнам, Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур... Такой район, как Юго-Восточная Азия, очень богат, там очень много природных ископаемых... В будущем он будет полезен для развития китайской промышленности»¹⁰.

Однако «заполучить» Юго-Восточную Азию для Пекина оказалось таким же трудным делом, как и для Вашингтона. Известно, каким позором покрыли себя казавшиеся непобедимыми Соединенные Штаты на полях сражений во Вьетнаме.

Но дело не только в скандальном поражении американской армии. Появление единого социалистического Вьетнама в лице СРВ, образование Лаосской Народно-Демократической Республики, свержение кровавого режима Пол Пота и образование Народной Республики Кампучии, а также крупные перемены, происходящие в Таиланде, ослабление американских позиций на Филиппинах и в других странах региона создали новую обстановку в Юго-Восточной Азии, что потребовало от Вашингтона пересмотра всей стратегии США в этом районе.

Американские войска вынуждены были отойти на вторую линию «оборонит». Вашингтон приступил к срочному пересмотру своих внешнеполитических концепций, к поиску новых союзников.

В основу новой стратегии Вашингтона была положена та же доктрина борьбы против «коммунистической опасности», подавления национально-освободительных движений азиатских народов. Согласно доктрине Никсона, а затем и доктрине Форда, главное внимание США стали уделять тактике ведения борьбы чужими руками, то есть натравливания одних азиатов против других, избегая непосредственного вовлечения американских вооруженных сил в военные конфликты. Были приняты меры к тому, чтобы побудить Японию взять на себя дополнительные обязательства по поддержанию «стабильности» в Юго-Восточной Азии путем оказания экономической «помощи» странам региона и наращивания мощи японских вооруженных сил. Одновременно предпринимались настоячивые усилия к укреплению зависимых от США военных режимов в Южной Корее, Индонезии, Таиланде.

Однако основные надежды на закрепление своих позиций в Юго-Восточной Азии администрация США стала возлагать на националистические устремления пекинского руководства. В Вашингтоне рассудили так: лучше союз с маоистским дьяволом, чем полная потеря своих экономических интересов и политического влияния в Азии.

Выступая в марте 1977 г. в ООН, президент США Дж. Картер подчеркнул, что Соединенные Штаты и Китай имеют «параллельные стратегические интересы в поддержании стабильности в Азии». Вслед за этим в мае того же года помощник президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский был направлен в Пекин, чтобы скоординировать американско-китайскую политику в Азии, выработать совместную линию по широкому кругу общеазиатских проблем на основе совместной борьбы против окрепших сил мира и социализма в Азии.

В Пекине сразу же откликнулись на призыв прийти на помощь США, оказавшимся в тяжелом положении. Китайские лидеры решили не столько помогать своим коллегам в Вашингтоне, сколько воспользоваться временными затруднениями США, чтобы укрепить свои собственные позиции в ЮВА, в бассейне Тихого океана, за счет тех же Соединенных Штатов.

Чтобы притупить бдительность своих американских «друзей», маоисты неустанно призывают США сохранить свое военное присутст-

¹⁰ См. «Мировая экономика и международные отношения», 1978, № 11, с. 35.

вне в Азии, а тем временем приступили к широким экспансионистским действиям. Они захватили Парасельские острова в Южно-Китайском море, пытались прибрать к рукам Кампучию, спровоцировать крупный конфликт на вьетнамско-кампучийской границе, развязали гражданскую войну на севере Бирмы с помощью засланной туда агентуры, активизировали во всех странах ЮВА подрывную деятельность своей пятой колонны (хуацяо) и промаоистских раскольнических группировок, которые именуют себя «марксистско-ленинскими» партиями.

Одновременно лидеры Пекина стали усиленно обхаживать Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии. Пытаясь перетянуть эту региональную организацию на свою сторону, маоисты заявили о своей поддержке программы для стран АСЕАН идеи «нейтрализации» Юго-Восточной Азии, стали восхвалять асеановскую концепцию превращения этого региона в зону мира, свободы и нейтралитета. Не ограничиваясь «дипломатией улыбок», Пекин решил оказать нажим на страны ассоциации, предложив им создать «единый фронт КНР—АСЕАН» для противодействия «сверхдержавам» на словах и для борьбы против социалистических стран — СССР, СРВ, ЛНДР, а теперь и НРК — на деле.

Однако народы Юго-Восточной Азии не дали себя обмануть льстивыми словами и щедрыми посулами. На примере Вьетнама и Кампучии они воочию убедились, что значит китайская «помощь» и куда ведут дело великоханьские шовинисты. Как не без основания отмечала сингапурская газета «Стрейтс таймс», «добрым словам Пекина об АСЕАН не следует придавать особого значения, поскольку антисоветская направленность надежд, которые Китай возлагает на эту региональную организацию, очевидна»¹¹.

Не удалось убедить страны АСЕАН в добрых намерениях Пекина и такому ловкому политикану, как Дэн Сяо-пин, совершившему специальный визит в страны ЮВА, чтобы рассеять возникшие среди азиатских народов подозрения в отношении подлинных целей китайской политики в Юго-Восточной Азии. По единодушному признанию иностранной печати, Дэн Сяо-пин, несмотря на медоточивые речи, не сумел вызвать симпатии азиатов к Пекину и поколебать их доверие к политике подлинной дружбы и равноправного сотрудничества, которую последовательно проводит Советский Союз в отношении всех народов, в том числе и народов Азиатского континента.

Убийственную характеристику гегемонистским устремлениям Пекина дал заместитель главного редактора вьетнамского журнала «Конг-Шан» тов. Хонг Тьонг, который в журнале «Проблемы мира и социализма» писал: «Великодержавные экспансионисты играют опасную роль штурмового контрреволюционного отряда, который наносит прямые удары по революционным силам в нашем регионе»¹².

Большие надежды в своей антисоветской игре с Китаем вашингтонские политики возлагают на Индию. И это не случайно. Проводимая Индией политика мира снискала ей высокий авторитет на международной арене. Она стремится к созданию таких условий, при которых все страны Азии могли бы жить в обстановке мира и добрососедства. Азиатские народы приветствуют политику Индии, обращенную на достижение тех же целей, за которые борются сами, — на ликвидацию всех форм колониализма, пресечение агрессивных империалистических войн, укрепление национальной независимости освободившихся государств и оздоровление международной обстановки.

¹¹ Цит. по: «Новое время», 1978, № 22, с. 24.

¹² «Проблемы мира и социализма», 1978, № 12.

Большой вес на международной арене обеспечивает Индии равноправное и взаимовыгодное советско-индийское сотрудничество, давно ставшее важным фактором мировой политики. Подписанный в августе 1971 г. советско-индийский Договор о мире, дружбе и сотрудничестве придает отношениям между СССР и Индией особый характер, создавая благоприятные условия для объединения усилий обеих стран в интересах создания атмосферы добрососедства и взаимного доверия во всей Азии.

Высокий международный авторитет Индии, ее традиционная дружба с Советским Союзом приходится не по вкусу американским империалистам и китайским гегемонистам. И в Вашингтоне и в Пекине плетутся различного рода козни, имеющие целью оторвать эту великую азиатскую державу от Советского Союза, расстроить выдержавшую испытание временем советско-индийскую дружбу, втянуть 600-миллионный народ в военные авантюры.

Убедившись в том, что прямые наскоки на Индию не дают желаемых результатов, американско-китайские стратеги стали искать новые подходы к этой стране, стали на путь заискивания и лживых обещаний. Вашингтон сулил крупные займы и кредиты, а Пекин прозрачно намекал на возможность решения территориальной проблемы в пользу Индии.

Смена руководства в Индии и приход к власти Джаната парти породили в Белом доме и в Пекине надежды на возможный отход Индии от политики дружбы с Советским Союзом. После длительного игнорирования Индии в Белом доме было принято решение заняться «выравниванием» отношений с Индией путем «малозаметного присутствия» США в этой стране. В начале 1978 г. президент Дж. Картер совершил поездку в Дели, надеясь вновь «открыть» эту страну для американского капитала, а заодно и вбить клин в индийско-советскую дружбу, побудить Индию отказаться от проводимой ею политики неприкосновенности и неучастия в военных блоках. Дж. Картер обещал правительству Джаната парти положительно решить вопрос о поставке на регулярной основе обогащенного урана для индийских атомных электростанций и предложил экономическое содействие в осуществлении ряда промышленных проектов. Картером была выдвинута, в частности, идея совместного использования странами региона (Индией, Непалом и Бангладеш) водных ресурсов Ганга и Брахмапутры при участии международных финансовых центров.

Как писала индийская печать, Дж. Картер хотел оставить за США роль арбитра под тем предлогом, что осуществление совместного проекта может вызвать столкновение интересов различных стран.

Такое столкновение, как показывает опыт, всегда могут спровоцировать те же Соединенные Штаты, чтобы использовать его в интересах установления своего неокOLONиалистского господства. «Визит Картера, — писала индийская газета «Хиндустан таймс», — мало способствовал уменьшению разногласий между Индией и США по международным проблемам»¹³.

Хорошо понимая истинное значение замаскированных маневров империалистических держав, индийская общественность всегда возражала против попыток соблазнить Индию обещаниями широкой экономической помощи, чтобы в конечном счете побудить ее осуществить значительные изменения в ее внутренней и внешней политике в пользу империалистических держав.

¹³ «Новое время», 1978, № 4, с. 24.

Большую тревогу в Индии вызывают планы Пентагона, нацеленные на расширение военных приготовлений в Индийском океане, где США создали крупную военно-воздушную и военно-морскую базу на острове Диего-Гарсия. Форсированная гонка морских вооружений, проводимая США в Индийском океане с целью сосредоточить здесь значительную часть своего ядерного потенциала, представляет прямую угрозу не только Индии, но и международному миру в целом.

Попытка администрации Картера продемонстрировать «новый» подход к Индии не могла иметь успеха, так как в его основе лежат старые колониалистские устремления. Об этом вынужден был прямо заявить министр иностранных дел Индии А. Б. Ваджпаи. Выступая на заседании совместной индийско-американской комиссии по экономическому и техническому сотрудничеству, он указал, что США пытаются подменить диалог с Индией о развитии равноправного и взаимовыгодного экономического сотрудничества тактикой нажима на Дели с целью расширить проникновение на индийский рынок американских корпораций.

Провал попыток администрации Картера подорвать советско-индийское сотрудничество и вернуться в Индию на старой колониалистской основе вынуждает Вашингтон более активно использовать «китайскую карту» против этой страны. Не без подсказки американской дипломатии в Пекине стали разрабатывать различные варианты открытия дверей в Индию, привлечения ее на свою сторону в борьбе против Советского Союза. Налаживание контактов с Индией маоисты начали с направления в эту страну делегаций на разных уровнях — от журналистов до высокопоставленной делегации доброй воли во главе с видным китайским деятелем Ван Бин-нянем.

Одновременно Пекин давал понять, что китайское руководство готово пойти на уступки Дели в урегулировании спора по пограничным проблемам, смягчить свою позицию по кашмирскому вопросу и пойти на широкое развитие торговли и экономических связей.

Однако индийская общественность имела достаточно оснований, чтобы квалифицировать эти действия пекинских властей как преднамеренный обман. Последующие акции Пекина показали, что в Китае интересуются не действительной нормализацией отношений с Индией на основе равенства и подлинного добрососедства, а стремятся лишь к тому, чтобы вынудить индийское правительство пойти на улучшение китайско-индийских отношений за счет традиционно дружественных связей Индии с иными государствами, и прежде всего с Советским Союзом.

Последующее развитие событий показало, что пекинское руководство не намерено возвратить Индии 15 тыс. кв. миль индийской территории, захваченной КНР во время китайского вторжения в Индию в 1962 г. Более того, китайцы в торжественной обстановке недавно открыли стратегически важную шоссе-артерию, проходящую по отторгнутой индийской территории, превратив ее в главную артерию поставок военных материалов своему союзнику Пакистану, находящемуся в состоянии постоянной конфронтации с Индией. Каракорумское шоссе протяженностью 550 миль, связывающее Пакистан с Китаем через «крышу мира», фактически превратит линию прекращения огня, которая по соглашению в Симле «временно» разделяла Кашмир между Индией и Пакистаном, в постоянную границу между двумя странами. Как выразился один индийский дипломат, эта дорога заложила мины замедленного действия, которые будут взрываться тогда, когда в Пекине сочтут необходимым обострить индийско-пакистанские отношения.

О лицемерности заверений Пекина в том, что он хочет улучшить отношения с Индией, свидетельствует и его подстрекательская деятель-

ность на северо-восточных рубежах Индии, где проживают национальные меньшинства мизо, нага и другие. Маоисты снабжают эти племена оружием и подбивают их на антиправительственные выступления. Пекин продолжает политику вмешательства в отношения Индии с Сиккимом, а также с Непалом и Бирмой, пытаясь создать постоянные очаги напряженности на индийской границе. Иностранная печать сообщила недавно, что Пекин предложил Непалу уступить Китаю часть своей территории, на которой расположены проходы, ведущие в Индию, в обмен на соответствующую площадь китайской территории. Видимо, в дополнение к Каракорумскому шоссе Пекин хотел бы обеспечить себе возможности для давления на Индию со стороны Тибета, где Китай развешивает широкие военные приготовления.

Эти и другие антииндийские действия Китая дали основание генеральному секретарю правящей партии Джаната парти Мадху Лимайе разоблачить подлинные намерения Пекина в отношении Индии. «Намерения Китая, заявляющего о своем стремлении к нормализации отношений с Индией,— писал он в журнале «Иллюстрэйтед уикли оф Индия»,— по-прежнему не ясны. Если руководство КНР коренным образом пересмотрело свою враждебную Индии политику, то это должно быть подтверждено конкретными делами. Нормализация отношений возможна только после того, как китайцы откажутся от своей агрессивной политики в отношении наших территорий и в качестве первого шага выведут свои вооруженные силы из захваченных ими районов. Пекин должен изменить свое отношение к Сиккиму и прекратить оказание помощи мятежникам в северо-восточных районах Индии. Помимо того, Китай должен разъяснить свою позицию в отношении стратегического Каракорумского шоссе. Если же в намерение Китая входит лишь втягивание Индии в антисоветский альянс, который Пекин стремится создать, то Индии необходимо твердо заявить, что она не будет иметь ничего общего с подобными замыслами»¹⁴.

Подлинная сущность политики Пекина, ее лицемерный и лживый характер становятся все более очевидными и для народов других стран Южной Азии. Народы Шри Ланки, Непала, Пакистана, Бангладеш и Бирмы испытали на себе все последствия экспансионистских устремлений Китая, прикрываемых личиной дружбы и демагогической пропагандой.

Саморазоблачение Пекина становится неприятным фактом для тех, кто возлагал столь большие надежды на его антисоветизм и хотел бы использовать «китайскую карту» для изоляции Советского Союза, для подрыва мира и нагнетания напряженности международной обстановки. О бесперспективности американских расчетов наглядно свидетельствует бессилие Пекина изменить невыгодное для него развитие событий во Вьетнаме, Кампучии и других странах Азии, его бесплодные попытки столкнуть героический вьетнамский народ с избранного им пути, провал попыток маоистов удержать народ Кампучии в пекинской узде и закрыть ему дорогу к миру и дружбе с другими народами, к строительству подлинно социалистического общества в соответствии с основополагающими принципами марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Что касается расчетов США на использование национализма китайских лидеров в своих интересах, то их наивность очевидна. Все большее число трезво мыслящих деятелей на Западе, в том числе и в самой Америке, понимают, что нельзя разыгрывать «китайскую карту», не

¹⁴ «Правда», 17. XI. 1978.

рискуя самому стать жертвой этой опасной политической игры. Они отдают себе отчет в том, что за преходящими тактическими выгодами неизбежно последует крупный стратегический проигрыш.

О том, что Китай ведет собственную игру, пишут и говорят многие видные американские политики и специалисты по проблемам Китая. Так, например, крупный английский синолог Б. Лорки утверждает, что Пекин ведет дело к тому, чтобы побудить западные страны открыть свои сейфы для финансирования «четырёх модернизаций», которые должны превратить Китай в сильнейшую державу мира.

Не соглашаясь с теми, кто намерен путем оказания Китаю военной помощи создать мощный противовес Советскому Союзу, глава департамента социальных наук в «Рэнд корпорейши» Р. Соломон в статье «Размышления о китайской проблеме» отмечает, что с точки зрения стратегических интересов и национальной безопасности США рискованно «играть китайской картой», что было бы «опасной иллюзией думать, что Пекин станет сотрудничать с США в международных делах». «Китайские лидеры ныне критикуют разрядку потому, — подчеркивает Р. Соломон, — что они хотели бы втянуть Соединенные Штаты в конфронтацию с Советским Союзом»¹⁵.

Что касается Советского Союза, то его руководители не раз предупреждали американских деятелей об опасности соблазна превратить Китай в орудие нажима на мир социализма. «Такая политика, — указывал Л. И. Брежнев в ответах на вопросы американскому журналу «Тайм», — представляется мне авантюрой, весьма опасной для дела всеобщего мира». И далее: «...Расчеты использовать набравший силу пекинский режим как орудие политики НАТО, канализировать его воинственные устремления в угодном Западу направлении — это, простите меня, не больше чем самонадеянная наивность. Достаточно вспомнить, чем закончилась для западных держав та же мюнхенская политика. Неужели уроки истории так быстро забываются?»¹⁶.

Разумеется, Советский Союз не может не учитывать тот азарт, с которым вашингтонские политики продолжают разыгрывать «китайскую карту», и вынужден принимать дополнительные меры по укреплению своей обороноспособности.

Вместе с тем Советский Союз настойчиво проводит политику, альтернативную напряженности в Азии, предлагает объединить усилия всех стран континента в интересах создания прочной системы безопасности в этом регионе. В основу этой системы могли бы быть положены такие принципы, как отказ от применения силы в отношениях между государствами, уважение суверенитета и неприкосновенности границ, невмешательство во внутренние дела и признание права каждого народа на проведение социально-экономических преобразований.

Осуществление советского предложения об обеспечении мира и безопасности в Азии на основе совместных усилий государств этого района придало бы международной разрядке необратимый характер и создало бы благоприятные условия для экономического и социального прогресса народов великого Азиатского континента.

¹⁵ «Foreign affairs», vol. 50, № 2, January 1978, p. 230—231.

¹⁶ «Правда», 16.1.1979.

Новые партии на политической арене Японии

А. И. Иванов

Начиная с 1976 г. на политической арене Японии появились новые группировки, претендующие на роль самостоятельных партий. Значительную известность в стране получила деятельность Нового либерального клуба (НЛК), стремится упрочить свое положение Социал-демократический союз (СДС). Обе эти новые политические группировки пытаются показать свое «принципиальное отличие» от прежних партий. И хотя НЛК причисляет себя в целом к лагерю консервативных сил, а СДС — к силам прогрессивным, обстоятельства их появления, методы деятельности и, наконец, их объективная роль в политической жизни страны имеют много общего. И это дает нам основание сделать обзор первых шагов НЛК и СДС в рамках одной статьи.

Появление обеих партий тесно связано с новыми моментами внутриполитической обстановки Японии середины 70-х годов. Важнейшим из них стало серьезное расшатывание стабильности власти Либерально-демократической партией ранее в течение длительного времени удава- тался. Усто- ческого рос- номики, ее глубо- недовольства тру- ральных демокра- правящих кругов - новка для упрочен- 1973—1974 гг. кон- правительства» (Ко- лкая партия Японии) и «коалиционного народного правительств- циалистическая партия Японии), которые нацелены на замену власти либеральных демократов коалицией прогрессивных сил, стали приобретать вполне реальное, практическое значение.

Ослабление позиций ЛДП встревожило японскую буржуазию. Она вырабатывает и начинает активно проводить в жизнь серию крупных мероприятий, направленных, с одной стороны, на укрепление ЛДП и ее господствующих позиций, с другой — на заблаговременную подготовку резервных политических сил, которые в случае необходимости могли бы, удовлетворяя требованиям монополистического капитала, заменить ЛДП. Буржуазия совершенствует свою политику раскола демократических сил, ослабления их тяги к достижению единства.

Прежде всего следует отметить, что ЛДП и ее правительство в значительной мере отказались от прежних методов жесткой конфронтации с партиями оппозиции. Как правительство Мики (1974—1976), так и пришедший ему на смену кабинет Фукуда, существовавший до декабря 1978 г., всячески подчеркивали свою готовность к сотрудничеству и «диалогу» с оппозиционными партиями, с профсоюзами и другими общест-

венными организациями. При этом широко используется игра на национальных чувствах и настроениях. Такого рода тактика приносит правящим кругам определенные успехи. На брошенную приманку клюют в первую очередь партии так называемого среднего пути. Результаты такой тактики особенно заметны в сфере парламентской деятельности. За последние два-три года законопроекты либеральных демократов проводятся через парламент значительно быстрее, чем прежде.

Держа в своих руках телевидение, прессу и другие мощные средства формирования общественного мнения, японская буржуазия в своем стремлении не допустить единства демократических сил изыскивает наиболее эффективные способы использования органов массовой информации.

Первоочередным объектом нападок буржуазной пропаганды стала Коммунистическая партия Японии. Как отмечалось в отчетном докладе XIV съезду КПЯ, «в условиях кризиса и противоречий нынешней системы власти ЛДП правящие круги Японии и США перешли к широкому антикоммунистическому наступлению и политике раскола прогрессивных сил, имея целью остановить отступление либеральных демократов»¹.

Коммунисты подвергаются систематическим необоснованным обвинениям в том, что их принципы и идеалы якобы несовместимы с демократией. При этом совершенно игнорируются общезвестные факты, свидетельствующие, что именно коммунисты стояли и стоят в первых рядах борцов за свободу и демократию. Как не вспомнить в этой связи пророческие слова Ф. Энгельса, который еще в конце прошлого века предвидел, что демагогия относительно «чистой демократии» явится последним прибежищем реакции, что в критической обстановке все реакционное наденет демократическую маску². Именно такого рода демагогия используется сейчас для того, чтобы ослабить влияние КПЯ в массах, изолировать ее от других сил демократического лагеря.

Буржуазная пропаганда ведет также кампанию вражды и против другой передовой части прогрессивных сил страны — Социалистической партии Японии.

Прикидываясь доброжелателями, большинство комментаторов — «специалистов по СПЯ» утверждают: если социалисты хотят выйти из состояния застоя, они должны сделать СПЯ «открытой партией», выработать «реалистическую» политику, отказаться от принципов классовой борьбы и увлечения «определенной идеологией». Задача такой пропаганды состоит в том, чтобы оказать поддержку правореформистским элементам, помешать японским социалистам опереться на научный социализм.

Совершенно иной подход японские средства массовой информации проявляют к тем партиям, которые не ставят цели коренного преобразования капиталистического строя, хотя и провозглашают свое стремление к социализму — «гуманному», «демократическому» и «гражданскому». Как правило, деятельность этих партий и их идеологические и политические взгляды освещаются в прессе с благожелательных позиций. Более того, когда Партия демократического социализма (ПДС) и Партия чистой политики (Комэйто) на парламентских выборах 1976, а затем и 1977 гг. добились некоторого продвижения, японская пресса стала создавать своего рода бум вокруг «принципов среднего пути».

Одновременно буржуазная пропаганда всячески подчеркивает, что «современное индустриальное общество» — это общество «многообразия

¹ «Дзэнъэй», 1977, № 419, с. 85.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, с. 218.

ценностей», «плюрализма», в котором различные слои населения имеют право выражать собственные взгляды, в том числе через формирование самостоятельных партий. За этим скрывается боязнь углубляющейся поляризации современного общества, ведущей к неизбежному сплочению трудящихся масс вокруг рабочего класса.

В такой обстановке, когда японская буржуазия, напуганная ослаблением ее главной политической опоры — Либерально-демократической партии, изыскивала возможности сохранения своего господства, возлагая, в частности, определенные надежды на распространение концепции «плюрализма», как раз и появились на политическом горизонте люди, готовые реализовать эту концепцию, создав новые политические группировки.

Итак, каковы же идеологические и политические взгляды, в чем состоит конкретная практическая деятельность НЛК и СДС, появление которых можно рассматривать как своеобразную реализацию социального заказа монополистического капитала?

Новый либеральный клуб — составная часть консервативных сил

Новый либеральный клуб основан выходцами из правящей партии, которые, не порывая с так называемыми принципами консерватизма, иначе говоря, с идеологией, поставленной на службу капиталу, в определенных конкретных условиях пришли к выводу, что тактически им выгодно отмежеваться от ЛДП и действовать в качестве самостоятельной политической организации. Конкретным фактором, подтолкнувшим их на разрыв с ЛДП, явилось резкое возмущение японской общественности правящей партией в связи с разоблачениями по так называемому делу «Локхид». В феврале 1976 г. в Японии стали известны факты получения крупных взяток премьер-министром К. Танака и другими руководителями правительственных органов от американской фирмы «Локхид» в обмен на содействие ей в размещении в Японии заказов на самолеты. Поскольку это был отнюдь не единственный случай коррупции политических деятелей, находящихся у власти, разоблачения нанесли большой удар по престижу ЛДП. Даже буржуазная пресса стала говорить о том, что ЛДП потеряла всякие нравственные принципы, превратилась в «партию почитателей денежного мешка».

В конце июня 1976 г. шесть депутатов парламента (Ёхэй Коно и др.) заявили о своем разрыве с ЛДП. В их заявлении говорилось: «Уже невозможно остановить упадок и одряхление партии. Это развал не одной только ЛДП. Мы опасаемся саморазрушения системы либерализма, а следовательно, и возникновения серьезных помех стабильному управлению государством»³. Ё. Коно и его единомышленники отнюдь не выражали недовольства самой капиталистической системой, порождавшей продажность политиков, их верное служение капиталу, а высказались лишь за придание этой системе благопристойного, привлекательного фасада. С этой целью они выразили намерение разработать «новую консервативную политику», сущность которой, по их собственному разъяснению, должна состоять в «разрыве с коррупцией», «утверждении нового либерализма», «отходе от закостеневшей политики раздачи приказаний»⁴.

³ «Асахи симбун», 26.VI. 1976.

⁴ См. там же.

Было объявлено о создании Нового либерального клуба, который немедленно развернул подготовку к первому самостоятельному выходу на арену борьбы за места в парламенте.

На выборах в палату представителей японского парламента, состоявшихся в декабре 1976 г., за НЛК голосовали около 2,4 млн. избирателей (4,18% от общего числа поданных голосов); фракция НЛК в палате увеличилась с 5 до 17 депутатов (всего НЛК выдвигал на выборах 25 кандидатов). Помимо того, еще 2 депутата были избраны при неофициальной поддержке НЛК. Это был значительный успех для организации, впервые вышедшей на выборы с собственной платформой. Наибольший успех был достигнут в префектурах с преобладающим городским населением: Канагава (избрано 5 депутатов от НЛК), Сайтама (2), Токно (2), Хёго (2).

Однако второй выход на парламентские выборы в июле 1977 г., когда переизбиралась половина состава палаты советников, оказался для НЛК не столь удачным. Вопреки предсказаниям буржуазной прессы, создававшей вокруг НЛК своеобразный бум и сулившей ему завоевание 10% голосов избирателей, выход на положение «третьей партии», НЛК смог провести в палату советников только трех депутатов (одного по общенациональному округу и двух — по местным), по общенациональному округу за кандидатов НЛК голосовало 3,9% участников выборов⁵.

Определенные позиции НЛК удалось завоевать и в органах местного управления. На март 1978 г. НЛК имел 37 депутатов в префектуральных собраниях, в том числе 10 в Токийском; в городских и прочих собраниях было завоевано 13 мест. При поддержке НЛК избраны губернаторы префектур Хиросима и Нагасаки, 18 мэров городов⁶.

Чем же объяснялся первый значительный успех НЛК на всеобщих парламентских выборах и почему не удалось закрепить его на выборах в палату советников?

Нельзя не согласиться с главным редактором журнала «Дзэнъэй» И. Сасаки, который в середине 1977 г. говорил: «Большой интерес к Новому либеральному клубу связан не столько с его политикой, сколько с иллюзорной «новизной», «свежестью», «энергичностью», которая привлекает несведущих людей»⁷.

Действительно, лидеры НЛК стремятся поддержать интерес к своей партии, уделяя много внимания политической рекламе, демагогии, используя, в частности, методы «управления массами», которые Е. Коно изучал в США, а затем разрабатывал в созданном им Институте политической инженерии. Особенно тщательно НЛК готовится к парламентским выборам, выдвигая броские лозунги, обещания, рассчитанные на самые различные слои населения. Предвыборные платформы НЛК полны заверений о его стремлении «реформировать парламент» с целью повышения его эффективности, защищать мелких и средних предпринимателей, реорганизовать систему образования и избавить молодежь и родителей от «экзаменационного ада», принять меры к решению женского вопроса и т. д. И эта демагогия на первых порах срабатывала.

Но ореол «новизны» НЛК как борца против коррупции и антидемократического характера правящей партии постепенно стирается. Привлекательность НЛК в глазах избирателей блекнет по мере того, как выясняется, что его политическая платформа мало чем отличается от основных установок ЛДП. При обсуждении практически всех проводимых

⁵ См. «Дзэнъэй», 1978, № 421 (специальный выпуск), с. 182.

⁶ «Гэккан синдзю курабу», 1978, № 3, с. 105.

⁷ «Дзэнъэй», 1977, № 412.

через парламент законопроектов в конечном счете НЛК поддерживает предложения правящей партии, и это, естественно, скрыть от общественности невозможно.

Неудачное выступление НЛК на выборах в палату советников несколько отодвинуло завершение его формирования как политической партии. Первый, учредительный съезд НЛК состоялся 26 февраля 1978 г., более чем через полтора года после начала деятельности этой организации. На съезде присутствовало 332 делегата и 700 наблюдателей. Съезд утвердил без изменений представленные проекты программы и устава НЛК, курса его политической и организационной деятельности на 1978 г. Было избрано руководство НЛК: представителем (председателем) партии стал Ёхэй Коно, а генеральным секретарем — Такэо Ниснока. Ежемесячный журнал НЛК «Гэккан синдзю курабу» сообщил: «И номинально, и фактически учреждена новая консервативная партия, состоящая из 30 тыс. человек»⁸.

При ознакомлении с программой НЛК бросается в глаза ее декларативный характер, неконкретность. Вся программа умещается менее чем на одной странице. Она содержит общие фразы о стремлении партии к «созданию справедливого и жизнеспособного свободного общества», к «развитию более упорядоченной свободной экономической системы», к «установлению простого, но эффективного правительства». Решение задачи «создания справедливого и жизнеспособного общества» мыслится на пути «воспитания его в самом широком смысле», на основе достижения «народного согласия», учреждения «порядка и морали государства законного правления».

Авторы программы заявляют, что НЛК выступает за «всесторонний пересмотр прежней системы и политики», но вместе с тем не хотят конкретизировать свое представление об обществе, к которому они стремятся, ограничиваясь заверениями о намерении разработать «новые цели государства» и создать «систематический план новых политических мероприятий». Столь же туманный характер имеют внешнеполитические установки, провозглашенные в программе: «учреждение комплексной системы обеспечения безопасности во имя сохранения свободной и богатой Японии», «формирование стабильного международного порядка»⁹.

Создается впечатление, что основатели НЛК сознательно уклоняются от полного изложения собственного кредо по наиболее принципиальным вопросам, поскольку в противном случае им пришлось бы показать его идентичность основным установкам либеральных демократов. В этом смысле показательно обсуждение на учредительном съезде НЛК вопроса об отношении к другим партиям.

Генеральный секретарь НЛК Т. Ниснока в докладе съезду заявил, что ЛДП утратила способность к политическому руководству страной. В то же время, подчеркнул он, силы «среднего пути», «здоровой социал-демократии» также не могут взять на себя функции власти. Что же должен делать в такой ситуации НЛК? Исходя из оценок неизбежности наступления в Японии «эпохи коалиционной власти», Т. Ниснока ставит перед НЛК задачу развивать и совершенствовать партию с целью подготовить ее к взятию власти, а пока прилагать усилия к учреждению «более хорошего консервативного режима»¹⁰.

Для того чтобы не возникли сомнения в характере намерений НЛК, Т. Ниснока сформулировал следующие принципы участия своей партии в коалиции:

⁸ «Гэккан синдзю курабу», 1978, № 3, с. 14.

⁹ См. там же, с. 18.

¹⁰ См. там же, с. 30.

1. Пока НЛК не сможет стать центральной силой власти, решения об участии в каждом конкретном правительстве будут приниматься в зависимости от характера этого правительства.

2. НЛК примет участие только в правительстве либерального режима. В любом случае он не будет участвовать в режиме, который открыто называет себя «прогрессивной властью», «социалистической властью».

3. НЛК не будет избегать участия в коалиции с теми партиями, которые понимают его принципы¹¹.

Таким образом, НЛК ясно показал, что он на стороне консервативного режима, а это означает фактическую поддержку ЛДП, осуществляемую на первых порах извне, с позиций партии, не принимающей участия во власти. Столь откровенное признание вызвало сомнения у ряда делегатов учредительного съезда. Они публично их высказали в форме опасения того, что «четкое выражение склонности к ЛДП может привести к снижению популярности НЛК», а участие в формировании кабинета во главе с такими деятелями ЛДП, как Фукуда, Охира или Накасонэ, сделает бессмысленным выход членов НЛК из правящей партии¹². Но эти высказывания отнюдь не поколебали, а лишь подчеркнули линию НЛК на фактический союз с правящей партией по коренным проблемам при формально сохраняющемся демонстративном «противостоянии» ей.

Желание показать избирателю самобытность линии НЛК обуславливает некоторые нюансы его позиций по сравнению с экономической и политической платформой ЛДП. Назовем наиболее характерные из них.

Отстаивая, как и ЛДП, принцип «свободной рыночной экономики», иначе говоря, выступая за сохранение основ капиталистического строя, НЛК не без оснований пессимистически смотрит на возможности государственно-монополистического капитализма. Отсюда делается вывод о необходимости «отказаться от ненужного вмешательства в экономику со стороны правительства, а сам непомерно раздувшийся государственный аппарат переделать в простой и высокоэффективный». Но этот вывод воспринимается в Японии как анахронизм, поскольку означает призыв к возвращению на уже пройденную ступень в развитии капитализма¹³.

К упомянутой концепции НЛК тесно примыкает ее лозунг исправления несправедливой налоговой системы, осуществления административной реформы, предусматривающей сокращение расходов по управлению, недопущение «роста налогов», о котором говорил на учредительном съезде Т. Нисиока¹⁴. Именно в этом вопросе НЛК наиболее успешно демонстрировал на начальной стадии своей деятельности «противостояние ЛДП», требуя от правительства сокращения налогов более решительно, нежели оппозиционная Партия демократического социализма и Комэйто.

Однако не следует преувеличивать расхождения между НЛК и ЛДП в вопросах экономики. Они представляют собой скорее словесную перепалку. На практике же НЛК чаще всего поддерживает экономическую политику правительства, направленную на использование государства, его бюджета для поощрения крупного капитала. В частности, НЛК настаивал на дополнительном государственном займе в целях покрытия бюджетного дефицита, соглашался с законопроектами о повышении

¹¹ См. там же, с. 31.

¹² «Акахата», 27.II. 1978.

¹³ См. Х. Нукуи. Сангини сэнкё кэкка-то синтоха-но мирай (Итоги выборов в палату советников и будущее новых партий). — «Гэккан сякайто», 1977, № 9 (250), с. 49.

¹⁴ «Гэккан синдзю курабу», 1978, № 3, с. 31.

стоимости коммунальных услуг и т. д. Для уяснения подлинных взглядов НЛК на экономическую политику государства показательна его позиция в вопросе о перестройке государственных железных дорог, испытывающих в настоящее время большие финансовые затруднения. НЛК считает необходимым сохранить все железнодорожные сооружения национализированными, а право на эксплуатацию их передать в частные руки. Таким образом, комментирует эту позицию теоретический орган КПЯ, «государство должно вкладывать большие капиталовложения в оборудование, а его эксплуатацию, приносящая обогащение, поручается частным предпринимателям»¹⁵.

Еще одну особенность экономических взглядов НЛК можно увидеть в его позиции относительно мелких и средних предприятий. Явно заигрывающая с мелкой и средней буржуазией, за счет которой партия хотела бы прежде всего расширить свою социальную базу, увеличить число голосов на выборах, НЛК называет мелкие и средние предприятия «ядром японской экономики» и выдвигает ближайшей задачей «обеспечение самостоятельности этой сферы экономики путем введения мер по запрещению монополий и упорядочению дел в разных отраслях». «Особое внимание к мелким и средним предприятиям, — говорил на учредительном съезде Т. Нисиока, — необходимо в условиях структурной депрессии и повышения курса цены»¹⁶.

Пропагандируя политические взгляды, НЛК особенно подчеркивает свое «внимание к свободе и индивидуальности личности», защиту «принципа справедливой конкуренции». Поднимая «знамя нового либерализма», лидер НЛК Ё. Коно утверждает, что его партия преодолевает «старые методы мышления так называемых сил консерватизма и прогресса»¹⁷.

Насколько противоречит конкретная политика НЛК провозглашаемой им же приверженности принципам демократии и свободы, можно убедиться при анализе его взглядов по вопросам образования.

Общие установки НЛК на улучшение системы образования в Японии правомерны, они вызывают сочувствие в различных слоях населения страны. Популярна в особенности постановка вопроса о «ликвидации экзаменационного ада». Но прогрессивные силы страны сразу же заметили, что предложения НЛК о «реформе образования» имеют в конечном счете реакционную сущность. Так, японские коммунисты отмечают стремление НЛК добиться того, чтобы целью образования была признана защита «свободного общества от дьявольщины коммунизма», чтобы из закона об образовании было исключено упоминание о мире. НЛК настаивает на разделении детей по «врожденным способностям», предлагая ввести новый «квалификационный экзамен», дающий право на сдачу вступительных экзаменов в высшие учебные заведения, что фактически лишает многих этого права; на установление системы ограниченных сроков полномочий преподавателей и пр.¹⁸

Социалистическая партия Японии также видит в предложениях НЛК прежде всего стремление поставить систему образования под контроль буржуазного государства. Отмечается, в частности, враждебное отношение НЛК к общепризнанному праву преподавателей на организацию профсоюзов¹⁹.

Настораживает и политика НЛК в вопросах обороны. Партия выра-

¹⁵ «Дзэнъэй», 1977, № 412, с. 61.

¹⁶ «Гэккан синдзю курабу», 1978, № 3, с. 32.

¹⁷ Там же, с. 18—19.

¹⁸ «Дзэнъэй», 1978, № 421, с. 181.

¹⁹ См. «Гэккан сякайто», 1977, № 9 (250), с. 49.

жаает недовольство тем, что в стране до сих пор общественное мнение настроено против разговоров о «военной силе» и «нет единства национального сознания относительно обороны». Представители НЛК хотят, чтобы японский народ забыл уроки войны и преодолел свою ненависть к армии, вооружению. В платформе НЛК, изложенной накануне выборов в палату советников в 1977 г., указывается, что Япония должна «подготовить силы обороны в степени, достаточной для того, чтобы иностранные государства отказались от мысли о прямой или косвенной агрессии, а подрывные силы внутри страны отказались от мысли о мятеже». Нынешние «силы самообороны» НЛК не считает «чрезмерно большими»; партия полагает, что доля расходов на оборону не должна усугубляться в виде определенного процента к валовому национальному продукту и бюджету страны. На настоящем же этапе НЛК требует «сделать упор не столько на количественное расширение, сколько на эффективное оснащение, обеспечивающее высокие возможности» японских вооруженных сил. НЛК призвал к обсуждению в парламенте «способов обороны» и созданию в нем постоянного «комитета по проблемам обороны»²⁰.

Таким образом, НЛК выступает в ряду тех сил в Японии, которые упорно расчищают послевоенные барьеры на пути к ремилитаризации страны, готовят условия к полной легализации военных устремлений, прикрывая их заботой о праве страны на «самооборону». Лидеры НЛК тем самым способствовали выступлению правящей партии с идеей введения «законодательства на случай чрезвычайных обстоятельств». В демократическом лагере Японии не могли не заметить и того, что так называемые силы самообороны, по замыслу НЛК, должны служить не только орудием борьбы с несуществующей «прямой или косвенной агрессией», но в не меньшей степени и средством вооруженного подавления внутри страны тех сил, которые недовольны социальным строем.

Не оригинален НЛК и в формулировании своей внешнеполитической платформы. Как и ЛДП, эта партия выступает за сохранение военнополитического союза с США. НЛК требовал от правительства Японии активности в деле заключения договора с Китаем, игнорируя то обстоятельство, что китайская сторона вкладывает в договор откровенно антисоветское содержание. Первая зарубежная делегация НЛК, которую возглавил Ё. Коно, была направлена именно в Китай (сентябрь 1977). Что касается позиции НЛК в отношении Советского Союза, то и она мало отличается от позиции ЛДП. На первый план в своих предвыборных программах НЛК выдвигал претензии на советские территории. Вместе с тем лидеры НЛК не могли игнорировать реальную необходимость мирного сосуществования Японии со своим соседом, они провозгласили свое стремление сделать экономическое сотрудничество с СССР на основе уважения взаимных интересов «предпосылкой дружеских отношений» двух стран²¹.

В ноябре 1978 г. делегация НЛК во главе с Ё. Коно по приглашению парламентской группы СССР совершила поездку в Москву. В ходе беседы с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным было выражено общее мнение о необходимости укрепления между Советским Союзом и Японией отношений добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества, отвечающих интересам народов обеих стран²². Возвратившись на родину, Ё. Коно высказался за то, чтобы правительство

²⁰ См. Сангин сэнкё сэйсаку дайко (Политическая программа на выборах в палату советников), Токио, 1977, с. 64—65.

²¹ См. Сангин сэнкё сэйсаку дайко, с. 66.

²² См. «Правда», 25. XI. 1978.

Японии предприняло конкретные шаги в сторону налаживания добрососедских отношений с СССР.

К настоящему времени не только определилось политическое лицо НЛК, но и сформировалась его организационная структура. Согласно уставу, утвержденному учредительным съездом, Новый либеральный клуб строится как национальная федерация, состоящая из районных либеральных клубов, их местных советов и префектуральных организаций. Организационная структура полностью приспособлена к нуждам выборов в парламент и местные органы власти, каждое из звеньев организации соответствует тому или иному избирательному округу. Помимо обычного членства, в НЛК установлены категории членов-юниоров (из лиц до 20 лет, согласных с программой партии), а также друзей партии (граждан, юридических лиц и организаций).

НЛК рекламирует себя в качестве «открытой политической организации», отвергающей централизм и предоставляющей самостоятельные права местным организациям — клубам. Однако на практике самые существенные функции местных организаций, учреждение всех их звеньев, а также выдвижение ими кандидатур на различных уровнях и т. д. требуют одобрения центральных органов НЛК, которые имеют право контроля и применения взысканий ко всем организациям.

В период основания своей организации лидеры НЛК много говорили о борьбе с коррупцией, разоблачали нечистые связи ЛДП с финансово-промышленными кругами. Но уже в своей первой предвыборной программе 1976 г. они официально заявили, что не считают злом получение пожертвований от предприятий. Деятельность НЛК финансируется многими крупными предприятиями как в форме поступлений от компаний в целом, так и в виде индивидуальных пожертвований от отдельных президентов фирм («Сони», «Усио дэнки» и др.). Помимо того, лидеры НЛК непосредственно получают деньги от различных фирм, например от «Марубэни». Специальные приемы, задуманные для сбора средств в пользу НЛК (входные билеты по 30 тыс. иен), посещали ведущие деятели финансово-промышленного мира, в том числе руководители всех организаций предпринимателей района Кансай²³.

В повседневном сознании японцев позиции НЛК часто ассоциируются с понятием «партия среднего пути». Так, во время одного из опросов, проводимых Японским обществом изучения общественного мнения (Нихон сэрон тэсакай), на вопрос: «Какую партию вы имеете в виду, когда говорят о политике и силах среднего пути?» — 37,4% опрошенных назвали НЛК, 18,3 — Партию демократического социализма, 14,7 — Комэйто и 5,8% — Союз социалистических граждан²⁴. Однако политическая ориентировка НЛК не дает оснований причислять эту партию даже к силам «среднего пути», поскольку она не скрывает своей приверженности в принципе к тем же идеям прямой защиты основ капиталистического строя, которые разделяет и Либерально-демократическая партия, находящаяся ныне у власти.

Союз социалистических граждан — политическая группировка без перспективы

На страницах настоящего журнала уже рассказывалось, что с 1976 г. правореформистские деятели внутри Социалистической партии Японии во главе с С. Эда разработали концепцию «нового современно-

²³ См. «Дзэнъэй», 1978, № 421, с. 181—182.

²⁴ «Гэккан сякайто», 1977, № 9 (250), с. 48.

го социализма», или «гражданского социализма», а затем, порвав с СПЯ в начале 1977 г., приступили к формированию собственного политического объединения первоначально в форме так называемого Союза социалистических граждан (ССГ)²⁵.

В июле 1977 г. ССГ испробовал свои силы на выборах в палату советников. Однако эта проба показала, что избиратели были благожелательны только к одному кандидату этой организации — Г. Эда (сыну С. Эда, скончавшегося в мае 1977 г.), который был им известен благодаря своему отцу, а также получил мощную поддержку от японской прессы. В то время как Г. Эда, выступавший по общенациональному избирательному округу, добился второго результата по числу собранных голосов, другой кандидат получил всего 20 тыс. голосов.

После того как осенью 1977 г. ССГ пополнился новыми беглецами из СПЯ, недовольными тем, что СПЯ не приняла их рекомендации отказать от позиций классовой борьбы (среди отступников были Х. Дэн, Я. Нарадзакн, А. Абэ), началось формирование партии, на этот раз под названием Социал-демократический союз (СДС). Бывшим членам СПЯ активно помогали, особенно в теоретическом обосновании позиций новой партии, профессор Н. Сато и некоторые другие лица, в разное время вступившие на путь предательства КПЯ.

22 января 1978 г. была созвана подготовительная конференция (250 человек из 41 префектуры). На ней были опубликованы и обсуждены проекты программного документа, устава и политического курса организации.

Учредительный съезд СДС состоялся 26 марта 1978 г. с участием 143 делегатов от 40 префектур. Все разработанные ранее проекты документов организации получили принципиальное одобрение съезда, но было указано, что необходимо их «улучшать в ходе последующей общенациональной дискуссии».

Представителем (председателем) СДС был избран Хидэо Дэн, генеральным секретарем — Яносукэ Нарадзаки. В руководство партии вошли преимущественно бывшие социалисты-парламентарии, сохранившие или утратившие свои депутатские мандаты.

Упомянутые документы СДС и комментарии к ним, сделанные на конференции и съезде, в достаточной мере выявили основные теоретические и политические установки, принципы организации и направление дальнейшей деятельности новой политической партии. Прежде всего следует отметить, что само наименование «Социал-демократический союз» отражает кредо его организаторов, которые, находясь в рядах СПЯ, упорно сопротивлялись распространению в ней влияния научного социализма, были недовольны активными выступлениями партии в защиту рабочего класса, боевым антимонаполистическим и антинимпералистическим характером ее деятельности. Как и их идейного вождя С. Эда, организаторов СДС привлекали идеалы западноевропейской социал-демократии, прежде всего ее правого крыла, сумевшего обеспечить себе выгодное нерискованное положение внутри современного капиталистического государства. Вместе с тем лидеры СДС понимают, что прямой переход в лагерь правой социал-демократии, которая в Японии с полным основанием ассоциируется с Партией демократического социализма, означал бы их фактическое идейное и политическое банкротство. Поэтому они, не отвергая теоретические установки ПДС, вынуждены признать,

²⁵ См. А. И. Иванов. Японские варианты концепции «среднего пути» и их адепты. — «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 2, с. 117.

что эта партия «на практике во многом играет роль помощника либеральных демократов»²⁶.

Главная установка СДС — «постепенность», «реалистичность», за которой скрывается боязнь навлечь на себя гнев правящих кругов, монополитического капитала. Курс СДС, говорится в его документах, «не может быть радикальным в подлинном смысле этого слова», «мы выбираем путь непрерывного наращивания шаг за шагом постепенных реформ»²⁷.

СДС идеалистически мечтает о постепенном безболезненном преобразовании капитализма в социализм. «Идя к свободному социалистическому обществу, мы основываемся на согласии большинства народа, осуществляя шаг за шагом реформы, стремясь к сбалансированности экономики и стабильности жизни. Процесс этих реформ состоит в постепенном преобразовании капитализма, в то же время это — процесс постепенного формирования социализма, длительный постепенный путь»²⁸.

При таком подходе особая осторожность, разумеется, соблюдается в формулировании отношения СДС к основам капиталистического строя, к частной собственности на средства производства. Лидеры СДС, повторяя зады буржуазной пропаганды и не проявляя собственного стремления к познанию опыта реального социализма, пытаются отпугнуть обывателя от идеи передачи частной собственности в руки трудящихся. В этой связи они утверждают, что «национализация промышленности порождает бюрократизм и может вести к снижению эффективности производства»²⁹. Это антинаучное утверждение совершенно игнорирует тот факт, что СССР и другие страны, в которых социализм стал реальностью, преодолели отсталость своей экономики, превратились в могучие промышленные государства, отличающиеся устойчивостью и динамичностью развития от стран капиталистического мира, именно благодаря утверждению общественной собственности на средства производства и привлечению трудящихся масс к управлению государством, его экономикой.

Лидеры СДС расхваливают преимущества рыночного механизма по сравнению с плановой экономикой. Но именно здесь они вступают в неразрешимое противоречие с суровой действительностью. Они видят «такие недостатки капиталистического рыночного механизма, как гипертрофия принципа получения прибыли, анархия конкуренции», но полагают, что достаточно этот механизм дополнить «макрорегулированием хозяйственной деятельности, плановостью» и другими подобными новшествами, как будут разрешены все проблемы. Что это, как не сознательное замалчивание всем известного краха многочисленных попыток буржуазных экономистов применить заимствованные у социалистических стран принципы хозяйствования без затрагивания основ капиталистического строя?

Тем не менее, опираясь на вышеупомянутые антинаучные, опровергнутые практикой реального социализма посылки, лидеры СДС выдвигают идею построения социализма, в котором национализация промышленности будет ограничена «минимально необходимыми пределами», а «в сфере выражения общественного мнения, издательского дела, культуры и искусства» даже удастся «полностью избежать национализации»³⁰.

²⁶ См. «Сякай минсю рэнго», 1978, № 10, с. 5.

²⁷ См. там же, с. 6.

²⁸ Там же, с. 8.

²⁹ Там же, с. 7.

«Важно, — рассуждают теоретики СДС, — не кому принадлежит предприятие, а, скорее, кто и каким образом контролирует его». По их мнению, на первый план должна быть поставлена цель осуществления принципа «участия» в управлении предприятием лиц, занятых в производстве. В толковании этих теоретиков участие трудящихся в управлении, рабочий контроль в конечном счете выступают не как одно из эффективных средств, которые рабочий класс применяет в переходный период с целью ликвидации капиталистической собственности, а как орудие сохранения этой собственности. Действительно, японские предприниматели уже сейчас берут на свое идеологическое вооружение по-своему толкуемый принцип «участия», рассчитывая, что он поможет увести рабочий класс от борьбы против существующего строя в сторону соглашения с работодателями, заставит его поверить в концепции «социальной гармонии», «общности судьбы труда и капитала» и другие измышления.

Крайняя непоследовательность лидеров СДС проявилась и в их взглядах на проблемы внешней политики. С одной стороны, можно видеть понимание необходимости обеспечения мира, актуальности этой задачи в настоящее время. СДС призывает к выступлению Японии с декларацией об отрицательном отношении к ядерному вооружению, поддерживает идею заключения международного соглашения о неприменении ядерного оружия, выступает за всестороннее сокращение вооружений. С другой стороны, по многим аспектам внешней политики СДС входит в противоречие с провозглашаемыми принципами. Разработана, например, «гибкая» позиция в отношении японо-американского военного союза: на одном этапе — его сохранение при усилении положения о предварительных консультациях, на другом — сохранение союза, но без размещения на территории Японии «наступательных войск» и т. д. Видимо, это — «стыдливый» отказ от борьбы против военного союза с американским империализмом. Появились рассуждения о неотъемлемости права Японии на «самооборону», разрабатывается схема «поэтапного преобразования» нынешних японских вооруженных сил, направленная фактически на их легализацию.

Во всем этом просматривается несомненное воздействие политики пекинских лидеров, которые в целях втягивания Японии на антисоветские позиции выражают ныне недовольство тем, что японские прогрессивные силы ведут борьбу против военного союза США, за срыв ремилитаризации собственной страны. Председатель СДС Х. Дэн, который стал частым гостем Пекина, чутко следит за мнением китайского руководства и проявил себя уже активным его проводником в Японии.

Характерной чертой СДС является отсутствие у него классовых позиций, стремление представить себя партией граждан вообще, то есть лиц, которые, по толкованию документов СДС, «индивидуально или совместно участвуют в самоуправлении» независимо от своей классовой принадлежности.

На учредительном съезде СДС декларировался «свободный, свежий, открытый» характер партии, ее «чистота». Особо подчеркивалась неприязнь организаторов СДС к демократическому централизму; принцип организации собственной партии была названа «самодействующая, самоуправляемая коалиция», которая должна добиваться «политической, интеллектуальной гегемонии в обществе»³¹.

Организационная структура СДС строится так, чтобы обеспечить

³⁰ См. там же.

³¹ См. «Сякай минсю рэнго», 1978, № 10, с. 6.

партии наиболее благоприятные позиции в избирательных кампаниях. Поскольку основные массовые организации (профсоюзы и др.) находятся под влиянием СПЯ, КПЯ, ПДС, то большое внимание уделяется формированию «гражданских комитетов» — органов по работе с избирателями, не определившими свою ориентацию на ту или иную партию. Наиболее активно работа этих комитетов развертывается в так называемых гражданских движениях — движениях потребителей, различных выступлениях граждан по месту жительства и др.

Какую же роль надеется сыграть СДС в политической жизни страны? Его лидеры рассматривают организацию прежде всего как опору для сохранения или восстановления утраченных мест в парламенте. Вместе с тем они надеются на участие в коалиционном правительстве в результате дальнейшего развития политической обстановки. Они осторожно резервируют свою позицию относительно участия в возможной «коалиции консерваторов и партий среднего пути», которая может возникнуть в случае «дальнейшего усиления сдвигов НЛК, Комэйто и ПДС вправо». Хотя они и считают такую коалицию «перелицовкой системы 1955 года» (то есть единоличной власти консервативной партии), но все же видят в ней «прогресс». Идеальной же для СДС представляется коалиция, включающая СПЯ, СДС, Комэйто и ПДС. Ее создание характеризуется как «реалистическая прогрессивная линия среднего пути»³². При этом лидеры СДС мечтают о том, что их взгляды, политический курс и организационные принципы, «оставившие большой след» в СПЯ и, по их утверждению, вошедшие в проект программного документа, предложенного 42-му съезду СПЯ, будут не отвергнуты, а приняты на вооружение японских социалистов.

Реальная роль СДС, таким образом, состоит в том, чтобы извне воздействовать на японских социалистов, помешать им вступить на путь последовательной классовой борьбы и принять на вооружение научный социализм. Она состоит, далее, в том, чтобы препятствовать достижению такого единства прогрессивных сил Японии, центром которого было бы сотрудничество между социалистами и коммунистами. Поддерживая лозунг «прогрессивной коалиции сил среднего пути», СДС фактически помогает ПДС и Комэйто в их стремлении не допустить подлинного единства демократических сил в антимонаполистической, антиимпериалистической борьбе, добиться изоляции компартии от масс.

Подведем некоторые итоги. Появление новых партий является непосредственным последствием нарушения прежней стабильности власти Либеральной-демократической партии в Японии.

Возникновение Нового либерального клуба отражает поиски методов упрочения власти монополистического капитала путем смены вывески одного из отрядов консервативных сил. Как показано выше, НЛК выполняет роль резерва правящей ныне партии либеральных демократов. Ему удалось завоевать определенное влияние в стране, хотя и не столь значительное, как ему прочили средства массовой информации.

Что же касается Социал-демократического союза, то его образование обусловлено активизацией внутри Социалистической партии мелкобуржуазных элементов, среди которых возникли иллюзии возможности прихода к власти путем беспринципного сотрудничества социалистов с ПДС и Комэйто на позициях «среднего пути». На деле же они содействовали лишь дальнейшему дроблению тех сил, которые могли бы

³² Там же.

противостоять консервативному лагерю, помогли закреплению раскола среди партий оппозиции. В отличие от НЛК Социал-демократическому союзу не удалось упрочить свое положение, он остается маловлиятельной политической группой, не имеющей сколь-либо значительного числа сторонников в японском обществе.

Существенное различие провозглашенных идеологических установок и политических платформ не помешало налаживанию контактов между лидерами НЛК и СДС. 23 мая 1978 г. состоялась встреча руководителей партий «среднего пути» (Комэйто, ПДС и СДС), а также Нового либерального клуба. Это «первое знакомство», как сообщала японская пресса, «прошло успешно», на встрече разрабатывалась стратегия «консолидации сил среднего пути». Такое развитие событий не случайно, поскольку обе новые партии, как НЛК, так и СДС, объективно решают одну задачу: помочь по мере возможности и каждый по-своему сохранить основные устои капиталистического общества.

ИСТОРИЯ

Освоение и заселение территории Советского Дальнего Востока

*Л. Д. Кошкарева,
кандидат технических наук*

Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР в документе «Об итогах поездки Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в районы Сибири и Дальнего Востока» отметили важное значение поездки товарища Л. И. Брежнева для выполнения решений XXV съезда КПСС по комплексному освоению природных богатств и развитию производительных сил Сибири и Дальнего Востока, которые играют возрастающую роль в экономике страны.

Выступая в Комсомольске-на-Амуре, тов. Л. И. Брежнев сказал: «Многие из нас хорошо помнят поистине незабываемое время 30-х годов, когда продолжительное освоение Дальнего Востока стало всенародным делом, одной из важнейших задач строительства социализма». Это всенародное дело благодаря огромной заботе нашей Ленинской партии и Советского правительства, благодаря самоотверженному труду советских людей, организованному по-социалистически, принесло замечательные результаты.

Дальний Восток — один из немногих районов нашей страны, экономическое развитие и заселение которых происходило главным образом в советский период. За годы советской власти население здесь возросло в четыре раза, а с 1969 г. увеличилось более чем на 1,5 млн. человек. В 1922 г. на территории этого района насчитывалось всего лишь 14 городских поселений, преобладало сельское население, основными занятиями которого были прибрежное рыболовство и пушной промысел. За годы советской власти на Дальнем Востоке возникло 318 городских поселений, в том числе 47 городов. Если в прошлом для городов были характерны торговые и транспортные функции, то сейчас в них преобладает обрабатывающая промышленность, энергетика, развиты учреждения управления, науки, образования, культурно-бытового обслуживания. Это является свидетельством все возрастающей экономической зрелости района.

История освоения русскими дальневосточных земель насчитывает около четырехсот лет, первые землепроходцы из России появились здесь в 1581 г. До того времени край был почти не заселен, на его огромной территории проживали 15—20 тыс. человек местного населения, большую часть которого составляли тунгусские племена и нивхи. В XVII в. организуются крупные экспедиции, которые достигают берегов Тихого океана. Отважные землепроходцы были настоящими исследователями и вели систематические описания, составляли карты, лоции, экономические оценки. Продвигаясь на восток, русские закладывали на новых землях города, крепости и села. Первым городом Северо-Востока Азии стал Якутск. В 1632 г. енисейский сотник Петр Бекетов заложил здесь острожек. Он оказался настолько удачно расположенным, что сразу превратился в опорный пункт русских экспедиций и торговых связей. В 1638 г. Якутск был утвержден административным центром Восточно-Сибирского воеводства, которое возглавляли Петр Головин и Матвей Глебов. Вслед за этим возникли города Верхоянск, Вилюйск, Олекминск, Среднеколымск. В 1639 г. Иван Москвитин доходит до Охотского моря, закладывает острожек в устье реки Улья и продвигается по морскому побережью на 2 тыс. км. В 1646 г. сюда прибывает отряд С. Шелковникова. В устье реки Охота он заложил Охотск, первый город на побережье Тихого океана. В 1643 г. П. Головин по рекомендации Москвитина направляет отряд Василия Пояркова на Амур, который прошел от устья Зеи до низовьев Амура. Следующей была снаряжена экспедиция по Амуру Ерофея Павловича Хабарова. Он долгое время жил в Приамурье, изучал хозяйство и природу этого района, организовал торговлю. В эти годы здесь были созданы многие поселения, названные именами их основателей, а в 1661 г. на Амуре основан первый город — Албазин.

Исключительно важным было изучение русскими дальневосточных морей. В 1648 г. Семен Дежнев спустился по Колыме, вышел в море и прошел вокруг Чукотского полуострова, а затем Владимир Атласов достиг Камчатской земли. Позднее по инициативе Петра I была организована камчатская экспедиция В. Беринга, которая установила наличие пролива между Азией и Америкой. В 1740 г. Берингом был основан город и порт Петропавловск.

Известно, какое огромное значение имели исследования Геннадия Ивановича Невельского, который доказал островное положение Сахалина и подтвердил возможность плавания в устье Амура и выхода из него в открытое море.

Начальный период освоения дальневосточных земель наполнен крупными географическими открытиями, были собраны ценнейшие материалы о природных условиях и ресурсах края, разработаны предложения о рациональном заселении, прокладке транспортных путей. Все это послужило основой для дальнейшего освоения его территории. Характеризуя этот первый (1581—1696) и последующие этапы, можно сказать, что за эти 115 лет, а еще более за следующие два века, русские успели сделать бесчисленный ряд открытий по всей Северо-Восточной Азии, создали ряд городов, провели дороги, основали школы, университет, провели линию рельсовых путей на протяжении 10 тыс. верст. 300—400 ученых и исследователей затратили труды и время на изучение новых земель, сотни тысяч солдат и переселенцев явились из России и совершили по всей Сибири большую работу. Успеху дела способствовали высоко гуманные отношения русских первопроходцев с местным населением, их разносторонняя помощь и уважение национального достоинства. Освоение огромной территории на востоке прошло без антагонизма и столкновений.

Эти традиции человеколюбия проявлялись на протяжении всех четырех столетий вопреки самодержавной и колониалистской политике царского правительства. Создавалось истинно интернациональное содружество трудящихся — русских, якутов, украинцев, гольдов и др. Эти отношения в значительной степени содействовали проведению больших социальных преобразований, быстрому подъему культуры всего населения Дальнего Востока в советский период.

С 1855 г. на Дальний Восток были направлены первые 480 человек переселенцев. Они оседали в основном на берегах Амура, где до 1862 г. были основаны 72 станции. В 50-е годы XIX в. здесь возникли города Николаевск-на-Амуре, Благовещенск, Хабаровск. Основными отраслями хозяйства в этот период были земледелие, пушная промысел, добыча золота, торговля. Началось систематическое заселение региона. В 1860 г. был основан порт Владивосток. Движение переселенцев усилилось с организацией морских перевозок, активно шло освоение Приханкайской равнины, в 1866 г. здесь возник город Уссурийск.

В 1891 г. началось строительство Сибирской железной дороги, в ходе которого возникло множество железнодорожных поселков, разъездов и постов. Опережающими темпами шло заселение Приморской области. Здесь в 1900 г. существовало уже 259 поселений, а в 1906 г. — 465. За десять лет, с 1897 г. по 1907 г., население Приморья увеличилось с 223,3 тыс. до 528,4 тыс. человек.

Железная дорога послужила толчком к развитию промышленности и продвижению населения в глубь территории района. Начинается добыча свинцово-цинковых руд в поселке Тетюхе (ныне Дальнегорск) и разработка Кивдинского бурого угольного месторождения. На побережье Японского моря создаются рыбацкие поселки. В 1910 г. в Приморской области насчитывалось 1280 промышленных, в основном мелких предприятий, со средним числом работающих 5 человек, в Амурской области — 892. На самом большом заводе — арсенале в городе Хабаровске — работали 500 человек.

В 1897—1907 гг. активно развивались города в южной части Дальнего Востока. Городское население в Приморской области увеличилось в четыре раза и в 1907 г. составило 36,7% от общей его численности. В Амурской области население городов возросло вдвое, увеличилось число промышленных и торговых предприятий, велось упорядочение застройки. В 1912 г. был разработан план города Алексеевска (ныне Свободный) с четким выделением функциональных зон: фабрично-заводской, торгово-промышленной, административных учреждений, усадебной. Структурные элементы, заложенные этим планом, город надолго сохранил.

Несмотря на сравнительно быстрые темпы капиталистического развития, народное хозяйство Дальнего Востока накануне Великой Октябрьской революции представляло довольно унылую картину. Природные богатства использовались хищнически. Основными отраслями были добыча золота, лесная промышленность, рыбный и охотничий промыслы. Товарная продукция этих отраслей большей частью шла на японский рынок в обмен на суда, орудия лова, тару, соль. На юге Приморья и в Амурской области в небольшом количестве добывался уголь. Обрабатывающая промышленность составляла всего лишь 0,3% от общей по стране. Большая часть промышленных товаров и продовольствия завозилась из центральных районов и из-за границы. Улов рыбы не превышал 1 млн. ц. Посевные площади составляли 680 тыс. га. Население

Дальнего Востока к 1920 г. насчитывало 1216 тыс. человек. В годы первой мировой войны переселение на Дальний Восток почти прекратилось.

В дореволюционный период определились основные направления в развитии сети городских поселений юга Дальнего Востока. В освоении района характерно перемещение центров хозяйства и торговли с севера на юг. Сложившиеся города как центры администрации, возникли отдельные промышленные и транспортные центры. Определился осевой характер размещения сети поселений по берегам Амура, Усури, вдоль Сибирской железной дороги, на побережье Японского моря.

С момента установления советской власти на Дальнем Востоке произошли огромные изменения в заселенности района. Гражданская война и военная интервенция нанесли большой урон хозяйству. В 1921 г. добыча угля, улов рыбы, величина посевных площадей составляли примерно половину в сравнении с 1917 г., но уже в 1925 г. улов рыбы возрос в 7 раз в сравнении с 1923 г., добыча угля увеличилась в 1,4 раза по отношению к 1913 г., а объем лесной продукции возрос в 1,2 раза. В 1926 г. объем валовой продукции всего Дальнего Востока превзошел довоенный уровень¹.

В 1922—1923 гг. Советское правительство приняло декреты о быстрейшем освоении Приамурья и Тихоокеанского побережья, было начато планомерное изучение недр, образован Дальгеолком.

Перед Советским Дальним Востоком открылись новые перспективы. Об этом говорил в 1923 г. Председатель ВЦИК М. И. Калинин в своей речи перед трудящимися г. Хабаровска: «И перед всей Республикой, в частности и перед вами, жителями Дальнего Востока, стоит задача — эту часть советской территории, которая поливалась бесконечными народными страданиями в течение целого ряда столетий, эту страну изгнания превратить в страну радости, в территорию, спаянную союзом между рабочими и крестьянами».

В 1920—1926 гг. население только лишь южной части Дальнего Востока увеличилось на 335 тыс. человек. Если в дореволюционный период сюда переселялись в основном крестьяне, то уже в первые годы советской власти стали преобладать работники промышленности. В этот период образованы два города — Белогорск и Спасск. Начиная с первой пятилетки и до Великой Отечественной войны Дальний Восток развивался очень интенсивно. С 1926 по 1939 г. население Урала возросло на 24%, Западной Сибири на 38, а население Дальнего Востока увеличилось на 70%². Темпы роста промышленности в то время были в 3—4 раза выше, чем по стране в целом, и опережали темпы других восточных районов. В 1929 г. было принято решение правительства об ускорении темпов социалистического строительства на Дальнем Востоке. За первую и вторую пятилетки на развитие района направлено 5,1% всех капиталовложений страны. Планом третьей пятилетки намечалось увеличить долю капиталовложений до 7,6%.

В годы первых пятилеток во всех районах Дальнего Востока началось активное освоение недр, развивается добывающая промышленность. В южной части региона возникли крупные центры угледобычи — города Артем и Сучан (Партизанск). В горнодобывающем центре — поселке Тетюхе (Дальнегорск) образован комбинат «Сихали». Разработка руд цветных металлов была начата во многих районах Магаданской области и Якутии. В связи с освоением Севера строятся морские порты Магадан и Тикси. На Сахалине получила значительное развитие добыча нефти. По морскому побережью создаются предприятия рыбной промышленности. Только на Камчатке в эти годы было построено 24 рыбокомбината и 16 рыбоконсервных заводов.

В существующих городах были созданы крупные предприятия обрабатывающей промышленности. Наиболее значительными из них были Дальзавод во Владивостоке, цементный завод в Спасске-Дальнем, масложиркомбинат и сахарный завод в Уссурийске, нефтеперегонный завод и машиностроительные предприятия в Хабаровске. В Якутске в 1940 г. было уже 78 промышленных предприятий. Возникает новый промышленный центр — город Комсомольск, в нем началось строительство металлургического завода.

В советский период формируется новый вид поселений — поселки городского типа. Они возникли в местах добычи полезных ископаемых, в районах лесопереработки. Целая сеть таких поселков была образована на морском побережье: порты и портпункты, базы морского рыболовства и переработки рыбы. Многие из поселков становятся опорными пунктами прилегающих районов, в них развиваются учреждения культурно-бытового обслуживания населения. Уже в 30-е годы население поселков Архара, Завитая, Рухлово, Магдагачи и других составляло более тысячи человек в каждом. На базе прежних железнодорожных поселков были образованы города Бикин, Биробиджан, Облучье.

¹ Н. И. Николаев, Н. М. Сингур. Перспективы развития экономики Дальнего Востока. Хабаровск, 1968, с. 7.

² А. Б. Марголин. Проблемы народного хозяйства Дальнего Востока. М., 1963, с. 195.

Освоению дальневосточных районов способствовало значительное развитие транспортных путей. В эти годы строится второй путь главной Сибирской магистрали. Прокладываются новые железные дороги Хабаровск — Комсомольск-на-Амуре, Буря — Райчихинск, строится автомагистраль Владивосток — Хабаровск. Ведется крупное строительство морских портов, идет транспортное освоение северных рек.

Промышленное и транспортное строительство послужило основой роста городского населения, с 1922 по 1940 г. оно увеличилось в 2,6 раза, было образовано 16 новых городов и 38 городских поселков. За десять предвоенных лет резко возросла промышленность в краевых центрах, были созданы вузы, культурные учреждения. Население Владивостока увеличилось в 2 раза, Хабаровска — в 4 раза.

Коренные социальные преобразования произошли и в сельском хозяйстве — завершилась его коллективизация. Развернулось организованное переселение сельских тружеников из западных районов страны. Крупные колхозы и совхозы создаются в Приамурье и в Приморском крае. На их основе складывается сеть новых сельских поселений.

В годы Великой Отечественной войны происходила активная мобилизация природных ресурсов и промышленного потенциала Дальнего Востока. В 1942 г. вступил в строй завод Амурсталь. Значительно возросли добыча угля, поставки леса, улов рыбы, увеличились посевные площади. В Якутии и Магаданской области развивается добыча руд цветных металлов. Образован город Райчихинск и группа рабочих поселков в Амурской области. В Приморье создан Хрустальненский оловодобывающий комбинат. Активно осваиваются нефтяные месторождения на Сахалине. Создан город Оха, от него проложен нефтепровод до Комсомольска. Строятся железные дороги Комсомольск — Советская Гавань и Хабаровск — Ургал.

Промышленное строительство приобретает комплексный характер. Вблизи городов образуются крупные спутники — промышленные поселки, в Приморском крае складываются групповые системы поселений. Это было началом качественно нового характера расселения на территории района.

После победы нашего народа в Великой Отечественной войне все силы страны были направлены на восстановление хозяйства, разрушенного немецкими оккупантами в западных районах страны. В эти годы темпы роста промышленности на Дальнем Востоке были несколько ниже, чем в целом по Союзу, тем не менее во многих городах велось крупное промышленное строительство.

В 50-е годы создаются машиностроительные заводы в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Биробиджане. В Приморье создан центр квалифицированного машиностроения — Арсеньев и порт Находка.

В эти годы для заселенности района были характерны два направления. Первое — связанное с технической реконструкцией ряда отраслей промышленности, которая вызвала качественные преобразования как сети в целом, так и отдельных поселений. Таким наиболее значительным процессом было преобразование рыбной промышленности. Оно представляет собой региональное выражение современной технической революции. Освоение океанических районов лова и переоснащение флота крупнотоннажными судами потребовали коренной перестройки берегового хозяйства, концентрации его в глубоководных портах. Произошла значительная трансформация сети городских поселений на всем Тихоокеанском побережье, резко возросло население отдельных городов и крупных поселков.

Вторым направлением была активизация самого процесса градостроительства. Объекты индустрии, транспорта и энергетики, заложенные в предыдущие годы, послужили основой для развития городов, произошло сгущение городских поселений. В послевоенный период возникло самое большое число городов и поселков, формируются группы поселений вблизи городов-центров. В Комсомольском промышленном районе созданы поселки Амурск, Болонь, Горный, Пивань, к Совгаваньской группе добавились Ванино, Майский, Октябрьский, в пределах городской черты Райчихинска образованы поселки Прогресс, Широкий, Новобурейский, Новорайчихинск, продолжается развитие Южно-Приморского и Дальнегорско-Кавалеровского промышленных районов, развивается линейная сеть рыбопромышленных поселков по восточному и западному побережьям Камчатского полуострова, создаются группы поселений в Магаданской области и на острове Сахалин. В городах ведется большое жилищное и культурно-бытовое строительство, разработаны проекты планировки многих из них, уточняются границы городских территорий, ведется упорядочение планировочной структуры, улучшается транспортное обслуживание, развиваются пригородные зоны.

Начало 60-х годов характеризуется новым подъемом производительных сил района. С 1961 по 1968 г. в народное хозяйство Дальнего Востока вложено столько же средств, сколько за все годы довоенных пятилеток, возрастают масштабы объектов строительства, крупными предприятиями становятся Солнечный и Ярославский ГОК, Павловский разрез, вступает в строй Амурский целлюлозно-бумажный комбинат. Большой подъем происходит в рыбной промышленности и строительной индустрии. За десятилетие только в южной зоне было построено более 50 предприятий легкой и пищевой промышленности. Развитие транспортной сети ведет к возрастанию произ-

водственных и культурно-бытовых связей между городами. Увеличиваются внутрирайонные автобусные линии.

На базе создания крупных районобразующих объектов заложены несколько новых городов — Славянка, Лучегорск, Амурск, Большекаменск. Усилилось строительство во многих малых городах, были разработаны схемы районной планировки для всех краев и областей Дальнего Востока, а также проекты планировки некоторых промышленных районов и узлов, были выполнены научные работы по демографии, типологии городов, в частности по развитию малых городов.

За годы советской власти заселенность территории Дальнего Востока увеличилась в несколько раз. В прошлом одной из основных осей расселения была Сибирская железная дорога, от нее было проложено несколько ответвлений, кроме того в южной части региона мощным дублером ее стала автомагистраль союзного класса. По всей этой разветвленной системе транспортных магистралей происходило и происходит дальнейшее уплотнение поселений — возникают центры угледобычи и энергетики, крупные предприятия добывающей промышленности, осваиваются сельскохозяйственные угодья. На юге Приморья и в Хабаровском крае ведется строительство сети санаторно-курортных учреждений. В настоящее время плотность населения в зоне Приамурско-Уссурийской полосы самая высокая, во многих ее частях она составляет 100 человек на 1 км² и более.

На формирование заселения многих новых районов повлияло главным образом развитие профилирующих отраслей промышленности. Освоение ресурсов океана — улова рыбы, добычи различных морепродуктов — обусловило создание рыбопромысловых баз, предприятий по переработке продукции, а также мест стоянки и обслуживания многочисленного флота. Такие предприятия и рыбные порты разместились по всему Тихоокеанскому побережью, с этим связано создание целой сети приморских поселений.

Разведка недр и освоение месторождений цветных металлов повлекли за собой создание групп поселений в горных районах Приморского и Хабаровского краев. Большие ареалы расселения возникли в Магаданской области и Якутии.

Третья отрасль специализации района — лесозаготовительная и деревообрабатывающая промышленность. С нею связано освоение больших территорий по всей южной части Дальнего Востока.

В настоящее время наибольшая заселенность сложилась в Приморском крае, Сахалинской области и в южных районах Хабаровского края.

Значительная часть территории Дальнего Востока — зоны сурового климата, заполненные чаще всего горными образованиями. В этих районах освоение тяготеет главным образом к узлам добычи полезных ископаемых, трассам наземных дорог, местам традиционных хозяйств Севера и к морскому побережью.

Рассматривая сдвиги в территориальном распределении производства и населения всей страны, академик Н. Н. Некрасов отмечает устойчивую тенденцию к постоянному увеличению населения восточных районов и сохранение этой тенденции в будущем³.

Дальний Восток отличается высоким уровнем урбанизации. Количественным ее выражением является постоянный рост городского населения, его концентрация, крупность городских поселений. За 1926—1970 гг., по данным всесоюзных переписей, население Сибири и Дальнего Востока увеличилось более чем в 2 раза. Городское население в этот период возросло в 9 раз, а его удельный вес во всей численности городского населения страны повысился от 6% до 11,9%.

В сети городов постоянно развиваются все категории — крупные и большие, средние и малые. В период между переписями 1959 и 1970 гг. доля населения, проживающего в крупных и больших городах, возросла, соответственно увеличилось и их число. Активно развивались Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Зея, Арсеньев, Находка и многие другие.

Города Дальнего Востока, за небольшим исключением, — молодые, средний их «возраст» — 105 лет, поэтому в них еще не возникают проблемы демографической и экологической перегрузки. Почти все они, в том числе и самые крупные, имеют резервы для дальнейшего развития — достаточные территории для промышленности, селитебных зон и мест массового отдыха. Этому способствует благоприятное транспортное положение. В южной зоне, например, Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Комсомольск, Свободный, Советская Гавань имеют все виды внешних транспортных связей. Железнодорожными линиями связаны 24 города, 12 городов являются морскими и речными портами. Во Владивостоке размещаются морские торговый и рыбный порты. Внешние связи нашей страны на востоке концентрирует Находка. Советская Гавань — важный узел морского сообщения с островом Сахалин. Речные порты Хабаровска, Благовещенска, Комсомольска-на-Амуре имеют дальневосточное и международное значение. В последние годы на юге значительно развиваются междуго-

³ Н. Н. Некрасов. Региональная экономика. М., 1975, с. 227.

родные автобусные линии. Только город Уссурийск объединяет 38 маршрутов в различных направлениях.

Равномерному развитию городов способствует политика строгого планирования промышленного строительства, проводимая в нашей стране. Сейчас на Дальнем Востоке промышленные города составляют самую большую группу. За годы советской власти в городах значительно развилась обрабатывающая промышленность. В этой группе крупные центры машиностроения (Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск, Арсеньев), центр легкой и пищевой промышленности (Биробиджан, Уссурийск), центр лесохимии (Амурск), центры деревообработки (Дальнереченск, Лесозаводск, Бикии), центр строительной индустрии (Спасск-Дальний).

Примерно 10—15 лет тому назад Артем, Партизанск, Райчихинск были центрами угледобычи. Сейчас в этих городах значительную долю составляет машиностроение, легкая и пищевая промышленность, и мы относим их к группе смешанного производства — добывающей и обрабатывающей промышленности.

К группе промышленных-транспортных городов относятся Владивосток, Находка, Советская Гавань, Петропавловск, Николаевск. В прошлом морской транспорт как отрасль специализации в них преобладал, теперь здесь значительно выросло машиностроение, и доля транспортных функций по числу занятых снизилась до 20—30%.

Регулирование роста городов обеспечивает их равномерное развитие. На Дальнем Востоке нет особо крупных городов, нет и очень малых. Показательно высокое значение средней плотности городов, по городам южной зоны она составляет 91,1 тыс. человек. Это намного выше значения по СССР в целом (49,4 тыс. человек в 1970 г.) и по некоторым районам страны (в Белоруссии — 42,7 тыс. человек). В Приморском крае средняя плотность городов — 105 тыс. человек, за период 1939—1970 гг. она возросла здесь почти вдвое. Почти половина всего числа городов южной зоны насчитывает население 50 тыс. человек и более. Города численностью менее 10 тыс. человек имеются только на Сахалине, в Якутии и в Магаданской области.

Поселки городского типа также отличаются высокими показателями роста. Число поселков с населением более 5 тыс. человек составляет: по СССР — 43%, РСФСР — 49%, на Украине — 42, в Прибалтике — 0,5%, на Дальнем Востоке таких поселков 33% в его южной части 45%. Большая группа поселков развивается на основе промышленности союзного и международного значения. К ним относятся Лучегорск, Солнечный, Славянка, Чульман, Депутатский и др. В поселках неуклонно увеличивается население, ведется строительство жилых и общественных зданий, повышается уровень благоустройства. Многие из них уже соответствуют рангу города. Высокое хозяйственное значение имеют морские порты и опорные базы рыбной промышленности (Ванино, Усть-Камчатск, Провидение, Тикси, Преображение), а также крупные железнодорожные узлы и опорные станции локомотивного хозяйства (Сибирцево, Магдагачи и др.).

На Дальнем Востоке (без Якутии) в 1959 г. насчитывалось 4674 сельских населенных пункта. К 1970 г. число их уменьшилось до 2535. Ведется планомерное сселение, создаются крупные машинные хозяйства на базе использования мощной техники, что позволяет обеспечить условия жизни, близкие к городским. Средняя плотность сельских поселений в 1970 г. составляла по всему району 390,4 человека, здесь растет число крупных сел с населением более 5 тыс. человек, это административные центры районов, а также центры производства по переработке сельскохозяйственной продукции, лесопромышленные, горнопромышленные, промысловые, транспортные, разрастаются поселки геологических партий, пункты гидрометслужбы.

Новым качественным состоянием сети всех поселений является их сгущение по территории, развитие кооперирования производства, культурно-бытовых, трудовых и других связей. В результате этого образуются целостные территориальные структуры расселения, изменяются роль и значение городов, преобразуются их функции, углубляется процесс урбанизации.

В современных условиях правомерно говорить о выделении региональных систем расселения в границах Магаданской области, Камчатской области, Якутской АССР. По географическому положению также выделяется Сахалинская островная система расселения. При известной территориальной обособленности взаимосвязь региональных систем Дальнего Востока будет сохраняться в силу значительной отраслевой общности. В южной части Дальнего Востока формируется крупная региональная система расселения, объединяющая Приморский край, Хабаровский край, Амурскую область. Это, пожалуй, идеальный пример природной геосистемы, где мощным объединяющим географическим элементом является бассейн реки Амура. Скрепляющей основой служат главные железнодорожные и автомобильные магистрали. Транспортные связи зоны еще более усиливаются со строительством Байкало-Амурской железной дороги и автомобильных дорог. На территории зоны сложилась общность хозяйственной структуры и связанный рисунок расселения.

Система юга Дальнего Востока может оцениваться как устойчивая трехцентровая. Между ее центрами очень четко обозначены связи и распределение функций. Хабаровск является связующим транспортным узлом зоны и приморских районов Даль-

него Востока. Владивосток как дальневосточный научный центр координирует прежде всего работу научных учреждений. Он также является базовым центром санаторно-курортной сети Дальнего Востока. Благовещенск в настоящее время выполняет координационные функции по восточной ветви БАМа. Региональные системы являются составляющими единой системы расселения на территории СССР и в то же время представляют собой сложные сочетания с несколькими иерархическими уровнями. Это крупные зоны, объединяющие низовые административные районы, групповые системы разной степени сформированности и т. д. Сложные построения территориальных структур расселения требуют качественно нового подхода к их изучению, выработки новых приемов планового регулирования, корректировки норм проектирования. В этом проявляется неуклонное развитие всех сторон жизни нашего социалистического общества.

Процессы заселения и освоения территории Дальнего Востока неизменно связаны с социальными преобразованиями и отражают существо нашего политического строя. В свою очередь изменение образа жизни, повышение уровня образования и профессиональной подготовки, развитие сферы науки и культуры — это также и качественные стороны процесса урбанизации.

Темпы роста населения дальневосточных районов во все годы советской власти были выше средних по стране, что объясняется большой долей в составе населения молодых возрастов и значительным пополнением трудовыми ресурсами из других районов. В 1976 г. прирост населения составил здесь 10,9 человека на 1 тыс. жителей (по СССР — 8,9, по РСФСР — 5,9). В исследованиях экономистов отмечалось, что «на Дальнем Востоке удельный вес трудоспособного населения выше, чем в целом по стране, — фактор, благоприятный для развития производительных сил»⁴.

В советский период создана государственная система организованного перемещения трудовых ресурсов, направляемых в сельские районы, на промышленные предприятия, на сезонные работы. Примечательной новой формой переселения на Дальний Восток стало патриотическое движение молодежи. По призыву партии и комсомола тысячи юношей и девушек из всех районов страны ехали и едут на новостройки. Так возникли города Комсомольск-на-Амуре, Мирный, Амурск, порт Восточный. Так теперь строится Байкало-Амурская магистраль.

С первых дней советской власти предметом заботы нашей партии и правительства было повышение уровня материального благосостояния населения, его образования и культуры. Число школ за период с 1914 по 1968 г. увеличилось в 3,5 раза, а контингент учащихся в 14,5 раза. До революции на Дальнем Востоке был один университет, в котором обучалось 100 человек. Сейчас в 27 вузах обучается более 100 тыс. студентов. Высшие учебные заведения имеются во всех краевых и областных центрах, а также в Комсомольске-на-Амуре, Уссурийске и других городах. В 1970 г. число лиц с высшим и средним образованием на 1000 человек населения в возрасте 10 лет и старше составляло 559 и было выше среднесоюзного уровня, а на 1000 занятых в народном хозяйстве приходилось 319 человек с высшим и средним образованием.

На Дальнем Востоке работают десятки научно-исследовательских институтов, непрерывно совершенствуется система вузов и научных учреждений, их профиль приближается к запросам природопользования и потребностям различных сфер народного хозяйства. В Якутии исследуются вопросы развития Севера, в Петропавловске — проблемы вулканизма и рыбного хозяйства, в Хабаровске — лесного хозяйства, деревообработки, машиностроения, во Владивостоке — проблемы океана, развиты исторические и естественные науки, в Благовещенске — вопросы сельского хозяйства.

Примечателен рост специалистов среди женской части населения. Активному участию женщин во всех отраслях хозяйства, просвещения и науки способствует создание сети детских дошкольных учреждений. В 1940 г. в детских садах и яслях находилось 16,4 тыс. детей, в 1960 — 154,1 тыс., в 1970 — 371,8 тыс. Широко развернута сеть массовых библиотек, клубов, спортивных комплексов, кинотеатров. Значительно увеличилась сеть лечебных и оздоровительных учреждений. В 1913 г. на Дальнем Востоке было 244 врача, в 1961 г. их уже насчитывалось 9715. По некоторым показателям социально-культурного обеспечения населения Дальний Восток превосходит многие другие районы страны, большое внимание уделяется развитию сферы обслуживания. За последние годы объем бытовых услуг населению возрос в 3,5 раза.

Примечательной чертой советского общества является то, что многие предприятия, целые города, поселки, села принимают и воплощают в жизнь планы социального развития коллективов. В это движение активно включились и дальневосточники. Такие планы пронизаны заботой и ответственностью всех граждан за хозяйственное развитие, культуру, воспитание молодого поколения. Эти черты нового являются высшими формами социального прогресса, в них находит практическое воплощение движение нашего общества к коммунизму.

За четырехсотлетний исторический период в заселении Дальнего Востока происходили значительные территориальные сдвиги. Первоначальное движение русских на

⁴ Н. И. Николаев, Н. М. Сингур. Перспективы развития экономики Дальнего Востока, с. 17.

восток шло последовательно от Якутии на верхний Амур и к Охотскому побережью. Строительство Транссибирской железной дороги вызвало резкое смещение потоков переселения в Приморье, привлекательное для переселенцев более теплым климатом, наличием широких равнин в его южной части и по долинам крупных рек. Создание порта Владивосток усилило внешнеэкономические связи с соседними странами.

С установлением советской власти началось развитие всех дальневосточных районов. Тем не менее южная зона сохраняет преимущественные показатели по заселенности, а внутри этой зоны идет обратная волна развития экономики с юга к северным ее частям. Активно развивается Хабаровский край. Его доля в объеме промышленной продукции Дальнего Востока накануне Октябрьской революции составляла 14%, а в 1960 г. — 43%. Этому способствовали прокладка железной дороги к морскому побережью, строительство порта Советская Гавань, освоение уникальных оловорудных месторождений, создание Комсомольского промышленного узла. В современном состоянии территориальный хозяйственный комплекс Дальнего Востока имеет обособленные плановые пропорции и соответствует рациональным масштабам использования природных ресурсов. Соответственно развиты как южные, так и северные его районы. Самая южная часть — Приморский край — отличается почти сплошным оселением. Здесь наибольшая средняя плотность населения, по данным 1974 г., она составляла 11,4 человека на 1 км².

До 1922 г. в Приморье было три города — Владивосток, Уссурийск, Дальнереченск. За годы советской власти они выросли в несколько раз. Сегодня во Владивостоке, промышленном центре Приморья, действуют 85 промышленных предприятий. Город, по существу, заново отстроен, выполнены большие работы по его благоустройству. Здесь насчитывается 8 крупных высших учебных заведений, 14 техникумов и несколько профессионально-технических училищ. Особенно значительна роль Владивостока как научного центра. Создано 25 крупных научно-исследовательских организаций, а также многие отраслевые лаборатории, вычислительные центры, опытные станции. Дальневосточный научный центр объединяет работу 18 институтов Дальнего Востока, из них 11 находятся во Владивостоке. В них разрабатывается большая региональная тематика, а также некоторые проблемы глобального уровня.

За годы советской власти в Приморье возникло 54 новых городских поселения. Построены десятки промышленных предприятий, пущены в действие 3 районные электростанции, построены сотни километров железных и автомобильных дорог. Особое значение для края имеет строительство морских портов. Среди них возведен новый порт международной категории в городе Находка. Огромное жилищное строительство ведется во всех городах, поселках, селах. В Приморье создана мощная база строительной индустрии, которая обеспечивает не только край, но и другие районы Дальнего Востока.

Примечательно развитие одного из самых северных районов — Магаданской области. До революции средняя плотность населения здесь составляла 0,02 человека на 1 км², не было ни одного города. За советский период плотность населения возросла в 15 раз. По сравнению с другими северными районами Дальнего Востока в Магаданской области создано самое большое число городских поселений — 54, столько же, сколько в Приморье. Сейчас Магаданская область — горнопромышленный район союзного масштаба, уже в 1960 г. на ее долю приходилось 37,9% объема валовой продукции цветной металлургии Дальнего Востока. На территории области созданы Верхне-Колымский, Магадано-Охотский и Северо-Чукотский горнопромышленные районы. Успешно решается проблема обеспечения области топливом и энергией, создается мощная сеть дорог. Население области неуклонно растет как за счет естественного прироста, так и за счет прибытия населения из других районов страны. Этому созданы серьезные предпосылки, в 1965 г. число мест в сети больниц возросло в 50 раз по сравнению с 1913 г., на 10 тыс. жителей приходилось 46 врачей, что намного выше общесоюзного показателя⁵, создана сеть вузов и техникумов с расчетом на обеспечение потребностей народного хозяйства области. Магаданский комплексный научно-исследовательский институт ДВНЦ оказывает большую практическую помощь горнопромышленности.

XXV съезд КПСС выдвинул задачу обеспечения комплексного экономического развития Дальнего Востока, чтобы поставить на службу стране его огромные и разнообразнейшие природные ресурсы. Известно, сколь велико значение строительства Байкало-Амурской магистрали, морских портов, электростанций, промышленных предприятий в нашем районе. Сочетание традиционных профилирующих производств и ряда важных дополняющих отраслей должно явиться основой для формирования оптимального природнохозяйственного комплекса. Существенно возрастает роль Советского Дальнего Востока в международном разделении труда. Значительная часть объектов строительства разместится в новых, еще совершенно не освоенных и не обжитых районах, предстоит дополнительное насыщение территории.

⁵ Там же, с. 13, 32, 37.

Все более возрастает значение научного исследования природно-географических условий, социально-демографических процессов, экономики, расселения и других проблем, связанных с будущим Дальнего Востока. Проблемы специализации и комплексного развития производства, разрабатываемые традиционно, то есть в отраслевом направлении, дополняются оригинальными исследованиями экономико-географического положения региона и анализом территориальной структуры производства. Ведутся работы по изучению и планомерному регулированию процессов формирования населения, укреплению опорной сети городов, совершенствованию форм организации расселения. Целенаправленно изучаются природные условия района с точки зрения проживания населения, рассматриваются вопросы взаимодействия промышленных объектов и природной среды, экология города.

Эти вопросы нашли отражение в работе научно-практической конференции по проблемам народонаселения Дальнего Востока, которая проходила в марте 1977 г. во Владивостоке. В ней приняли участие более 200 человек — представители партийных и советских органов, а также научных и проектных организаций Дальнего Востока, Москвы, Ленинграда, Ташкента, Горького, Иркутска, специалисты по демографии, экономике, социологии, географии и градостроительству. Большинство докладов было посвящено проблемам движения народонаселения, регулирования расселения и повышения уровня жизни в пределах региона, ряд выступлений отражал теоретические подходы к исследованию социально-демографических процессов, условий и форм расселения.

Конференция приняла развернутое решение, в котором обращалось внимание на необходимость более глубокого исследования социально-экономических факторов воспроизводства населения, которые позволят разработать научные основы демографической политики в регионе.

До недавнего времени в региональных разработках исходными были параметры производства. На современном этапе главный акцент должен быть направлен на развитие творческого потенциала человека с его социальными и культурными потребностями. Для создания постоянного населения на Дальнем Востоке необходим комплекс мероприятий, которые обеспечат более четкое соединение интересов государства с интересами личности в решении народнохозяйственных задач, будут содействовать формированию высокого гражданского сознания советских людей.

Такая совокупная социально-экономическая программа в еще большей мере обеспечит полнокровную жизнь дальневосточного района, опорной базы страны на Тихом океане.

г. Владивосток

Монголо-китайские отношения (XIII—XV вв.)

О. Чулуун,
ученый секретарь АН МНР

В начале XIII в. монголы населяли свои исконные земли на обширной территории к северу от Великой китайской стены. В тот период в южной части Китая находилось государство Южное Сун, а северо-запад и северную часть территории Китая занимали тангутское государство Си Ся¹ и чжурчжэньское Цзинь².

Политические отношения между этими государствами нашли свое отражение в постоянных грабительских набегах, больших и малых военных конфликтах, противоречивших дружественным устремлениям народов. Это отвечало, с одной стороны, интересам господствующего класса Китая, проводившего традиционную захватническую политику, натравливавшего монголов друг на друга и стремившегося разьединить и ослабить их силы и тем самым подчинить себе, а с другой — захватническим замыслам монгольской аристократии, зарившейся на богатство Китая.

В то время монголы и китайцы ощущали острую потребность во взаимном обмене продукцией своих хозяйств — монгольского скота и продуктов животноводства на китайские муку, зерно и товары широкого потребления. Взаимная торговля имела для них жизненное значение.

В начале XIII в. образовалось единое монгольское государство, процесс формирования которого имел определенное прогрессивное значение. Оно было не только закономерным результатом развития страны, но и мощным орудием и катализатором ускорения процесса завершения феодализации, а также консолидации нации.

Создание единого монгольского государства явилось тяжелым ударом для захватнической политики китайских императоров и чиновников, стремившихся постоянно притеснять и угнетать кочевые народы, в том числе монголов.

Вместе с тем монгольские ханы даже до распространения своей власти на Китай использовали китайских ученых и чиновников в качестве придворных советников для организации аппарата государственной власти. Деятельность этих так называемых книжных учителей свидетельствует о том, что китайская знать всеми доступными способами пыталась оказывать влияние на монгольскую правящую верхушку.

Во время правления Хубилая в Северном Китае при нем находились последователи Конфуция — Чжао Би, Ван Э, Яо Шу, Лю Бинь-чжун, Хао Цзин, Сюй Хэн и многие другие китайские чиновники, которые переводили сочинения, излагавшие учение Конфуция, китайские исторические летописи и хроники, а затем знакомили с ними Хубилая. Они постоянно толковали ему о значении распространения конфуцианства в Монголии, убеждали хана в необходимости перенести монгольскую столицу в Пекин, ввести единую религию в Монголии и Китае. Например, большим доверием Хубилая пользовался его «книжный учитель» — китайский чиновник Чжао Би. В источниках отмечается, что Хубилай называл его не по имени, а по званию «дарователь».

Однажды хан обратился к нему с вопросом: «Как управлять государством?» — и получил ответ: «Наверное, нужно устранить из среды своих приближенных коварных предателей»³.

¹ В Китае с начала XI в. тангутское государство именовалось Си Ся (Западное Ся). С 1038 г. оно официально называлось Да Ся (Великое Ся), а в более поздних (конец XI—XII вв.) тангутских документах — Белое Высокое Великое государство Ся. Как называли тангуты свое государство до 1038 г., пока не известно. Е. И. Кычанов. Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся. — Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977, с. 46—61.

² В 1115 г. образовалась чжурчжэньская династия Цзинь. В середине XII столетия (в 1153 г.) цзиньский император — третий преемник чжурчжэньского вождя Агуды — перенес свою резиденцию из Шанцина в город Чжунду (около совр. Пекина) — главную столицу Цзиньской империи до 1214 г.

³ «Чжунго чжэнь-мин да цыдянь» (Большой китайский словарь фамилий и имен). Шанхай, 1940, с. 1421.

Чжао Би хорошо владел монгольским языком, перевел немало книг, излагавших учение Конфуция, знакомя с ними Хубилая⁴.

Широкой известностью в Китае пользовался последователь Конфуция чиновник Ван Э. По всей вероятности, ему принадлежат главным образом перевод «Сокровенного сказания монголов» на китайский язык. Он советовал Хубилаю, что нужно распространить учение Конфуция в других странах, разъяснял хану книги об этом учении. Постоянным его советом были слова о том, что при управлении государством следует придерживаться гуманного учения Конфуция. Но за советами чиновника Ван Э насчет «гуманного учения Конфуция» явно скрывалась тонкая политика.

Китайский чиновник Хао Цзин, встречаясь и беседуя с Хубилаем до провозглашения его великим ханом, давал ему советы о том, как надо действовать, чтобы захватить в свои руки ханский престол. Об этом откровенно пишут в своих сочинениях и китайские историки.

Так, китайский историк Шан Юэ пишет: «По рекомендации китайского чиновника Хао Цзина Хубилай изменил старый порядок провозглашения великого хана на всемонгольском курултае и сам себя провозгласил ханом в 1260 году»⁵.

Чиновник Лю Бинь-чжун был инициатором перенесения столицы монгольского государства в Китай и составил проект строительства города Кайпина, соперничавшего с Каракорумом⁶.

Лю Бинь-чжун и Сюй Хэн разработали административное устройство для монгольского управления Китаем и под названием «Ли-чжэн-и» («Предложение об управлении государством») ⁷ представили его Хубилаю, который принял и реализовал его.

В начале XIII в. учение Конфуция получило большое распространение в Китае и стало проникать в соседние государства. Именно в это время китайские чиновники начали свои настойчивые попытки убедить монгольских феодалов во главе с Хубилаем в преимуществах конфуцианского учения. Однако возглавляемые Хубилаем монгольские феодалы не поддались уловкам китайских чиновников. Монгольские феодалы сознавали опасность распространения учения Конфуция в Монголии и приняли буддийскую религию, которая могла сдерживать конфуцианство. Буддийская религия положила прямую преграду опасности проникновения китайской идеологии.

Монголы очень оберегались чужого политического и идеологического влияния, которое могло ущемить самостоятельность и суверенитет монгольского государства, старались избежать этой опасности.

После образования юаньской империи монгольские ханы стали императорами, управляющими как своей страной, так и Китаем и многими другими государствами. В этот период Монголия была сюзереном, а Китай — подвластной страной. Сама Монголия, откуда зародилось юаньское государство, оставалась самостоятельной, а Каракорум, как и прежде, был политическим центром монголов. Северная Монголия со столицей Каракорумом (нынешняя основная территория МНР), являющаяся очагом независимости всех монголов, также осталась политическим центром всей монгольской нации во времена юаньской империи.

Хубилай первым внес изменения в структуру управления монгольского государства. Во времена юаньской империи всей Монголией управляли три разные по рангу титулованные особы, имеющие соизволения великого хана: Золотой род Чингисхана — «Хуан-тайцзы» («Наследник престола»), «Цзинь-ван» («Правитель коренного населения») и «Цин-ван» («Великий князь»).

По заведенному Хубилаем порядку наследник престола (Хуан-тайцзы) непременно должен жить в Каракоруме, заниматься общим управлением всей Монголией, помимо этого, он по законам ханского государства командует войсками. Во времена юаньской империи главные силы монгольского войска в обязательном порядке должны были находиться вблизи Каракорума. В то время Монголия, с центром в Каракоруме, очевидно, имела достаточное количество военной силы для защиты страны. Хубилай перенес монгольскую столицу в Китай, исходя из ложно понятых требований управления огромной империей с обширной территорией и многочисленным населением, но по своим последствиям это оказало обратное влияние на политическое и экономическое развитие Монголии.

Монгольские феодалы вне зависимости от стремлений своего народа беспощадно 100 с лишним лет угнетали китайский народ, что ныне осуждается монгольскими историками-марксистами. Основное направление политики монгольских ханов в период юаньской империи заключалось в использовании преимущественно кочевых племен для господства над оседлым населением, а именно китайским народом, составлявшим его подавляющее большинство.

⁴ «Юань ши» (История династии Юань), гл. 159, Пекин — Шанхай, 1958.

⁵ Шан Юэ. Чжунго лиши ганъяо (Краткая история Китая), Пекин, 1954, с. 260.

⁶ «Юань ши», гл. 157.

⁷ Хао Цзин. Линь чуан вэньцзи (Линь Чуан. Собр. соч.), гл. 32, Шанхай, 1937, с. 124.

В источниках того времени говорится, что при нанесении побоев монголом китаец не может отвечать тем же⁸, «в случае нанесения побоев монголу китаец может быть подвергнут любому наказанию вплоть до умертвления»⁹, «в случае воровства китаец в первый раз ставится клеймо на левое плечо, во второй раз — клеймо на правое плечо, в третий раз — на шею»¹⁰, «китаец, посаженный в тюрьму, сам отвечает за свое пропитание»¹¹, «китаец не может носить при себе оружие»¹², «китайцы не могут собираться группами и вести беседы»¹³. «Китайцы, охотившиеся совместно в количестве ста человек, подвергаются казни, а в количестве менее ста человек подлежат высылке в отдаленные места»¹⁴. Уже эти упоминания говорят о том, какому угнетению подвергался китайский народ при монгольских завоевателях. Все это привело к непрерывным восстаниям со стороны китайского народа. Характерно, что до начала 60-х годов среди историков КНР существовало полное единодушие в оценке монгольского владычества в Китае как эпохи чужеземного гнета и притеснения феодалами-военачальниками и бюрократами, перешедшими на службу к завоевателям. Об этом свидетельствуют многие работы таких видных историков, как Фан Вэнь-гань, У Хань, Мэн Сы-мин, Ван Чун-у, Юй Юань-ань, Шан Юэ и др.¹⁵. Например, в «Очерках истории Китая», написанных коллективом историков КНР под редакцией проф. Шан Юэ, говорилось: «Монголы во время вторжения в Китай и после установления там своего господства жестоко истребляли и порабощали китайское население, нанесли огромный ущерб сельскому хозяйству и ремеслу, культуре и искусству. Феодалская экономика и культура, достигшие за период Северных и Южных Сунов высокого уровня развития, пришли в упадок. Таким образом, монгольское иго надолго задержало дальнейший прогресс китайского общества»¹⁶.

Такая объективная оценка татаро-монгольского нашествия и владычества была основана на огромном фактическом материале, имеющемся в китайских летописях, на многочисленных письменных свидетельствах современников монгольского нашествия и владычества, на богатых литературных памятниках юаньской династии, на высказываниях исторических деятелей Китая последующих времен. Однако с 1961 г. начали открыто высказываться взгляды о необходимости переоценки отрицательного отношения к монгольскому владычеству в Китае. Об этом, опираясь на многочисленные материалы, известный советский китаевед С. Л. Тихвинский написал в своей работе «Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе». Современные маоистские историки стали в своих работах активно восхвалять кровавые и опустошительные походы Чингисхана и его преемников в Восточный Туркестан, Бухару, Самарканд, Хорезм, Азербайджан, Грузию, Армению, Россию, Польшу, Венгрию и другие страны Европы, называть эти походы «прогрессивными», ибо, как они считали, лишь «при господстве монголов ученые различных государств к востоку и западу от Памирских гор имели большую возможность изучать китайскую философию, литературу и искусство»¹⁷.

Один из упомянутых авторов писал в 1961 г. на страницах «Жэньминь жибао»: «Империя, созданная Чингисханом, сыграла прогрессивную роль в истории Китая... Чингисхан сломал границы между национальностями и восстановил вновь великое многонациональное государство, которого не было со времени династий Хань и Тан»¹⁸. Он включил все завоеванные монголами во времена их походов территории вплоть до берегов Средиземного моря в состав Китайской империи. Так же стали поступать и авторы школьных карт в КНР, включавшие в пределы территориальных границ «в период наибольшего могущества Китая» (заметьте, Китая, а не Монголии) всю Среднюю Азию, Восточную Европу, Ближний Восток и даже Северную Африку¹⁹.

Центральная печать КНР в январе 1962 г. опубликовала восторженный отзыв об основателе монгольской империи Юань в Китае Хубилае: как писала газета «Гуан-

⁸ «Тунжи тяогэ» (Кодифицированные правила из всеобщих законов), гл. IX. XVIII, XV, XVII. Фотолитографическое изд. Пекинской государственной библиотеки. Б5. м., 1930.

⁹ Там же, гл. XXVII.

¹⁰ «Юань дэнь-чжан» (Установления династии Юань), Фотолитографическое изд., гл. XXI. Пекин, 1957.

¹¹ Там же, гл. IX.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Ма Цзю-чан. Ши Тянь-цин (Записки Ши тянь), гл. VII.

¹⁵ С. Л. Тихвинский. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе (Татаро-монголы в Азии и Европе), М., 1977, с. 15.

¹⁶ Шан Юэ. Очерки истории Китая, М., 1959, с. 364.

¹⁷ «Лиши яньцзю», 1961, № 2, с. 88.

¹⁸ «Жэньминь жибао», X. 1961.

¹⁹ С. Л. Тихвинский. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе (Татаро-монголы в Азии и Европе), с. 17.

мин жибао», он «внес выдающийся вклад в развитие нашего единого и многонационального государства»²⁰.

В то время в других многочисленных статьях восхвалялись завоевания монгольских ханов Чингисхана и Хубилая, говорилось о развитии Монголии под влиянием «передовой китайской цивилизации»²¹, о необходимости «учиться у Чингисхана революционному духу сплочения национальных меньшинств»²² и др. Это показывает, что маоистские историки, пересматривая всю историю Китая и выдвигая версию о так называемом сменном управлении Китаем разных династий, пытаются утверждать, что некитайские народы, входящие ныне в состав КНР, и соседние с Китаем народы и страны, в том числе монгольский народ, являются будто бы исконными составными частями Китая, и тем всячески стараются исторически обосновать и оправдать великоханские территориальные захваты, попирают национальные права народов внутри страны и посягают на государственную независимость соседних стран и народов.

Во время юаньской империи монгольские ханы наряду с жестоким законодательством в отношении китайцев установили строгие правила для самих монголов. Например, несмотря на то что в течение ста лет в Китае, чтобы держать его в узде, находилось почти 400 тысяч монголов, ни один из них не вступил в брак с лицом китайского происхождения. Законодательство категорически запрещало монголам вступать с китайцами в родственные отношения. За исключением самих каганов и состоявших на государственной службе чиновников, остальные монголы и члены их семей не имели права говорить в Китае по-китайски. Проживавшие в Китае монголы не могли совместно с китайскими крестьянами заниматься земледельческими и иными работами. Законодательство строго запрещало китайским крестьянам заниматься земледелием в Монголии. Запрещалось даже монгольским детям играть с китайскими детьми. Хотя все это говорит о том, что монгольские завоеватели притесняли китайцев и не допускали дружбу между двумя народами, но внимательное изучение имевшихся обстоятельств свидетельствует и о том, что монголы были вынуждены опасаться растворения в Китае.

С занятием повстанческими войсками китайских крестьян во главе с Чжу Юаньчжаном в 1368 г. города Ханбалыка (совр. Пекин) в основном произошло падение юаньской империи и наступил конец господства монгольских завоевателей в Китае.

Покидая Пекин под напором китайских крестьян-повстанцев, Тогэн-Тэмур не только не считал, что с уходом его из Пекина истекает время правления юаньской династии, но и вообще был не намерен связать свое передвижение на север с крушением монгольской империи. Он считал себя по-прежнему великим ханом юаньской империи, правомерным владельцем государственной печати независимо от того, что столица империи была перенесена из Пекина в Каракорум, а империя носила название «Бэй Юань» («Северная Юань»). Такой же политики придерживались и его преемники Аюушридар и Тугс-Тэмур.

На протяжении 19 лет (1368—1387) в подчинении «Северной Юани» находились провинция Юньнань, на юге Китая, Ляодунский полуостров, на севере Китая, и другие.

Китайские источники упоминают, что государство «Северная Юань», существовавшее до 1387 г. параллельно с минским государством, к 1403 г. постепенно распалось²³.

В действительности единое монгольское государство под названием «Северная Юань» просуществовало с 1387 до 1403 г.

Монгольская империя, созданная в процессе завоеваний Чингисхана и подчинившая себе ряд стран Азии и Европы, распалась с гибелью в 1368 г. юаньской империи, но единое монгольское государство, возникшее в 1206 г., не было уничтожено. Следовательно, нельзя смешивать упадок юаньской империи с распадом монгольского национально-феодального государства. Единое феодальное государство Монголия продолжало свое существование, в этот период центром монгольского государства являлась исконная монгольская территория. Об этом подробно рассказывается в источниках монгольской истории, в частности, то, что от Чингисхана до Тогэн-Тэмюра, или с 1206 по 1634 гг., 16 великих ханов, а от Билэку до Лигдэна, или с 1370 по 1634 гг., 21 хан по наследству правил монгольским народом и его территорией. В период усиления феодальной раздробленности монгольские феодалы были вовлечены в междоусобные войны. Раздорами монгольских феодалов ловко воспользовались правители минского двора: усиленно организуя провокации между западными и центральными частями Монголии, они сталкивали их, ослабляя силы обеих сторон.

Такая политика, естественно, сдерживала угрозу минскому Китаю со стороны монголов, но тем не менее не могла уничтожить государственность Монголии. Монгольское государство, находившееся по соседству с минским государством, со второй

²⁰ «Гуанмин жибао», 21.I.1962.

²¹ «Жэньминь жибао», 10.VIII.1961.

²² «Цзефан жибао», 6.V.1942.

²³ Ж у н М э н - ю а н ь. Чжунго лишн цзинянь, Пекин, 1956, с. 226.

и в первую очередь, конечно, против ее столицы Каракорум. Вся предшествующая захватническая политика монгольских ханов не способствовала развитию производительных сил самой Монголии.

В этот период политическая и экономическая жизнь монгольского государства испытывала немало трудностей. По возвращении на родину монгольские феодалы были лишены возможности эксплуатировать китайский народ, как раньше, и заниматься сбором непосильных налогов с населения, их нужды, когда-то удовлетворявшиеся в высшей степени обильно и роскошно, теперь удовлетворялись лишь продуктами коczego животноводства²⁵. Тем временем хозяйство Монголии в целом переживало ряд трудных моментов. Торговые отношения с Китаем были прерваны. Часто повторявшиеся набеги китайских войск на мирное население и захват их имущества еще больше усложняли без того трудное положение экономики страны. В этих условиях монгольский народ, закаленный в борьбе за свободу и независимость, мужественно стоял на защите своей родины, в любое время давая врагам решительный отпор.

Аюушридар, как и его отец, поставил перед собой задачу прежде всего укреплять государство «Северная Юань» и особое внимание уделял защите страны от агрессии со стороны минского Китая, о чем красноречиво свидетельствуют данные, отраженные в исторических трудах.

Китайский император Чжу Юань-чжан не раз направлял монгольскому хану угрожающие послания, продолжая политику запугивания монголов. В послании, отправленном им в 1370 г., говорилось: «До настоящего времени не поступило ответа на предыдущее письмо, отправленное двумя гонцами. При внимательном рассмотрении это является следствием пагубной политики Вашего достоинства. Судя по всему, Вы полагаете, что являетесь властелином мира, и считаете, что его обитатели должны принадлежать Вам. Если же взять действительный порядок, это отнюдь не так. Есть древнее изречение, что «народ — вода, хан — лодка», вода может держать лодку на плаву, но может и поглотить ее. Почему же Вы, достопочтенный, не осознаете этого, проявляете упорство, почему Вы не склоняетесь? Сегодняшние обстоятельства показывают, что у Вас нет ни богатырской опоры, ни малейших заслуг. Мои войска из дня в день набираются мощи, и разве можно согласиться с Вашим стремлением сохранить все по-старому. Разве можно собственной волей изменить нынешнее положение, установленное Всевеликим Небом. Почему же Вы слушаете лукавых проходимцев и находитесь в печали? Ведь если Вы поскорее установите с нами мир и дружбу и будете соблюдать предначертания Великого Неба и порядок людей, то мои указы будут иметь силу и для подвластных Вам племен. В таком случае Вы, достопочтенный, стали бы одним из владык в державе и сохранили бы право почитать предков. Если Вы не обратите на это внимание и будете продолжать с оставшимся немногочисленным войском нападать на границы, то сами столкнетесь с опасностью. Я введу в Гоби все силы шести своих полководцев. Тогда, если Вы и изъявите сожаление, будет поздно».

Содержание послания свидетельствует, что минский император продолжал политику военных угроз и запугивания, требуя от монголов подчинения и угрожая им военной силой при непринятии предъявленных требований. С другой стороны, последние означало поиски повода для захватнического нападения на Монголию со стороны минского государства. Аюушридар оставил послание китайского императора без ответа. Билэктү-хан, Аюушридар и его полководец Хух-Тэмур, сознавая угрозу минского нападения, провели маневры своих войск в обширной Каракорумской долине, дали отдохнуть коням, провели основательную подготовку.

Хух-Тэмур не раз сражался до этого в Китае и одерживал победу, хорошо знал методы борьбы с китайскими войсками. Он прибегал, в частности, к таким приемам, как срыв снабжения противника продовольствием, внезапные атаки, временный отход с последующим переходом в наступление. Спустя год с лишним, в 1372 г., крупные силы китайцев под командованием военачальников Сюй Да и Ли Вэнь-чжун вторглись в Монголию. Китайское войско расположилось широким лагерем за лесистыми монгольскими горами с целью завоевания Монголии и уничтожения города Каракорума. Однако находившийся в полной боевой готовности Хух-Тэмур, выступив навстречу захватчикам, наголову разгромил их. Это было первое крупное поражение китайских войск после образования минской империи. Минский император убедился в высокой боеспособности монгольских войск, возглавляемых Хух-Тэмуrom, и вынужден был признать невозможность одолеть монголов военной силой²⁶. После этого некоторое время минские войска не осмеливались нападать на Монголию²⁷. Хух-Тэмур был видным полководцем юаньской империи и представителем класса монгольских феодалов. К концу своей жизни, будучи крупным государственным и военным дея-

²⁵ История МНР, т. 1, с. 417.

²⁶ «Мин ши» (История династии Мин), гл. 124. Пекин, 1948.

²⁷ Юй Юань-ань. Нэй Мэнгу лиши гайяо (Очерки истории Внутренней Монголии), Шанхай, 1958, с. 65.

Темлем, Хух-Тэмур бесстрашно боролся за независимость своего государства. Он до Алтайских гор громил и преследовал остатки минского войска, погиб в 1373 г. в местности Хар-Нохойн-Зоо. Таким образом, Аюушридар и Хух-Тэмур наголову разбили 500-тысячное войско китайцев, вторгшееся в глубь Монголии, спасли независимость своей родины, что по достоинству оценивается историей.

В 1372—1373 гг. не последовало крупных военных столкновений между Монголией и Китаем, сохранялось спокойствие. Минское государство, с одной стороны, старалось возвести на монгольский престол попавшего под его влияние Майдарбала, ранее завоеванного в плен, с другой стороны, усилило деятельность, направленную на раскол внутри основных восточных и западных сил монголов.

Направляя Майдарбала обратно в Каракорум, Чжу Юань-чжан в своем послании Аюушридару писал: «Я отправил на юг остановленного в Инчане Вашего малолетнего сына и почти пять лет содержал его с большим почтением. Понимая, что Вы в своих житаниях по Гоби озабочены отсутствием наследника, я назначил специального посла под защитой его почетно возвращаю этого наследника, дабы не прерывать род Минского государства. Прошу достопочтенного хорошо обдумать и обратить внимание на все это»²⁸.

Прежде всего ясно, что послание означало попытку возвести Майдарбала на ханский престол и непосредственно исползовать его в своих интересах. С другой стороны, отсылая Майдарбала с многочисленной охраной, минское государство намеревалось развеять положение Монголии.

После кончины Аюушридар-хана в 1373 г. большинство монгольских нойнов не согласились с возведением на ханский престол Майдарбала, а провозгласили ханом Тугс-Тэмур, который последовательно выступал против капитуляции перед минской империей. В силу этого снова начались войны между минским и монгольским государствами. Тугс-Тэмур ожидал военного нападения со стороны минского государства и сосредоточив свои силы в городах Каракоруме и Инчане, непрестанно пополнял ряды. В 1380 г. крупные военные силы минского государства под командованием полководца Му Ина вторглись в Монголию, захватили и разрушили Каракорум, но, создавая опасность длительного нахождения в Монголии, ушли обратно с награбленным имуществом и скотом²⁹. С этого времени ставка Тугс-Тэмур преимущественно находилась в городе Инчане, что означало намерение не допускать вторжения вражеских сил в глубь страны и, с другой стороны, стремление не превращать вновь Каракорум в поле битвы.

В 1381 г. большие силы государства Мин под командованием полководцев Сюй Дао и Фу Ю-дэ вторглись на территорию монгольского Ордоса и подвергли население избиению и грабежу. В 1382 г. минское войско под командованием Му Ина сломило сопротивление монголов, находившихся в Южном Китае со времен юаньской империи и более 10 лет после образования минской империи сдерживавших ее натиск. Потеря связей с коренной Монголией и невозможность пополнения сил вынудили их в конце концов к сдаче.

Монголы в период правления Тугс-Тэмур неоднократно отражали нападения сил минской империи, защищая свою независимость, и продолжали поддерживать с нею равноправные отношения. Минский император возложил задачу борьбы с монголами на полководца монгольского происхождения Му Ина. После длительной подготовки 1380-тысячное войско подвергло нападению город Инчан. В ходе ожесточенного сражения обе стороны потерпели огромный урон. В разгар битвы Му Ин с 20-тысячной охранницей внезапно атаковал дворец Тугс-Тэмур, но тот, захватив государственную печать, успел бежать со старшим сыном и свитой. В летописях минского периода восторженно описывается, что войска государства Мин захватили сына и жен хана, его министров и нойнов в количестве более 2900 человек, а также свыше 77 тыс. человек населения, 150 тыс. голов скота, однако попытка минского императора захватить монгольского хана в плен снова провалилась.

В китайских источниках упоминается, будто с кончиной Тугс-Тэмур кончилось внешнее юаньское государство, оборвался подлинный род юаньских правителей и был положен конец монгольской государственности. Фактически дело обстояло совершенно иначе. И после Тугс-Тэмур не оборвались традиции монгольского государства, которыми в последующем правили ханы Энхе, Элбэг, Гун-Тэмур, Бунашир.

Особенно обострились политические отношения между Монголией и Китаем в период правления в Китае минского императора Юнлэ (1403—1424 гг.), который пять раз вторгался в Монголию и скончался во время последнего похода. В 1409 г. крупные воинские силы, направленные Юнлэ, вторглись в Монголию и были разбиты войсками Бунашир-хана. Не успел он пополнить свежими силами свои ослабленные войска, как в 1410 г. последовало новое нападение Юнлэ. Это был первый из походов

²⁸ «Сюань-лань-тан цуншу сюйцзи», гл. 96

²⁹ «Юань ши», гл. 126.

Юнлэ. К этому времени произошел разлад между Бунышир-ханом и его первым министром нойном Аругтаем, и военные силы монголов были разделены на две части³⁰. Бунышир-хан выразил строгое порицание своему чиновнику, понизив его в должностях, указывая на необходимость стойко защищать независимость страны. Разлад между ними стал известен и минским правителям.

Китайские войска во главе с Юнлэ в 1410 г. глубоко проникли на территорию Монголии и одержали победу в битве с Бунышир-ханом на берегу реки Онон. Сам Бунышир-хан с семьей воинами, захватив печать, бежал и укрылся в Ойратской Монголии. Вместе с ним был и его сын Дэлбэг. Перед своей смертью хан, вероятно, завещал сыну Дэлбэгу и ойратскому нойну Махмуду совместно бороться против минского государства.

Нойн Махмуд с 1409 г. одно время стоял на стороне минской империи, вследствие чего резко обострились раздоры между Восточной и Западной Монголией. Минские феодалы старались всячески раздуть разногласия, не гнушаясь любых средств для достижения своей коварной цели. Они распустили в Восточной Монголии слухи о том, что нойн Махмуд, не имевший кровного родства с ханом, отравил его и теперь собирается убить Аругтая. Это еще более раздуло смуту восточных монголов, наступило тревожное время, хотя и ойраты и восточные монголы имели единое желание быть под правлением единого хана. Но междоусобица феодалов, предавших интересы народа, нанесла большой ущерб единству государства.

Основной причиной поражения хана в 1410 г. было нападение китайских войск, измена первого министра нойна Аругтая, борьба Махмуда и других ойратских феодалов против Бунышира. Между тем, поддерживая Махмуда, Китай хотел лишь временно использовать его войска, но не был намерен поддерживать его притязания на монгольский престол. Наоборот, минское государство опасалось притязаний Махмуда и вскоре повело борьбу против него в тайном сговоре с Аругтаем.

Когда в 1414 г. нойн Махмуд выступил в поход против Аругтая и дошел до Керулена, на выручку к Аругтаю двинулся во главе войск сам император Юнлэ. Узнав об этом, Махмуд во главе трех туменов конницы встретил его в пути и вступил в бой. Минские войска, обладавшие огнестрельным оружием, добились значительного превосходства, хотя обе стороны потерпели большой урон³¹. С этого времени ойратский нойн Махмуд начал последовательно бороться против минского государства и находившегося с ним в сговоре нойна Аругтая.

После смерти Махмуда эту борьбу продолжал его сын Тогон. Кровавые столкновения между Тогоном и Аругтаем были на руку минскому государству, угрожали независимости и единству Монголии.

В 1422 г. император Юнлэ в третий раз вторгся в пределы Монголии и возвратился к себе с огромной добычей³². Во время четвертого похода он совместно с войсками Аругтая пытался сломить ойратов, но не добился серьезного успеха. В китайских источниках пишут, что ойраты были разгромлены и уже не могли подняться. Но уже на следующий год Юнлэ вновь выступил походом против ойратов и опять-таки не добился перевеса. Это уже говорит об определенной недостоверности и противоречивости китайских источников. В китайских источниках пишут, что император Юнлэ имел большие заслуги в усмирении монголов и неизменно одерживал победы над ними. В действительности же ход военных столкновений не подтверждает этого, обе стороны потерпели большой урон, и можно убедиться, что военные силы монгольского государства не уступали силам народившегося минского государства. В то время Монголия не имела пеших воинов, а содержала конницу, что давало превосходство над китайскими войсками в отношении боевой способности. Монгольская конница пользовалась очень тонкой тактикой, особенно умело применяла тактику отступления с неожиданным контрнаступлением. Но китайские источники описывают это как поражение. Вообще китайцы поражение изображали победой, когда войсками командовал сам император. Поэтому будет правильнее сопоставлять данные китайских источников с историческими материалами других стран.

Император Юнлэ, как и его предшественники, продолжал посылать монгольским ханам гонцов с угрожающими посланиями. Например, после восшествия на престол Бунышир-хана император Юнлэ спешно направил к нему гонца с посланием, в котором, в частности, говорилось: «Я прослышал, что могущество Монголии ослаблено и царствовавшие среди шести ханов, от сына Шуньди (Тогэн-Тэмур) Аюушир-хана до Гун-Тэмур, быстро сменяли друг друга и среди них нет ни одного умершего естественной смертью. Император Тайцзу (Чжу Юань-чжан) милосердно относился к детям Юаньского государства и согласных подчиниться монгольскому хану отпускал с миром. И на Юге, и на Севере знают, что был освобожден и отпущен Тугс-Тэмур-хан. Мое отношение к вам, монголам, не отличается от отношения отца к сыну. Сейчас на

³⁰ История МНР, т. 1, с. 421.

³¹ «Шуй юй чжоу цзилу», гл. XVII.

³² «Мин ши», гл. 327.

анский престол воссел потомок юаньской династии. От спокойного следования за мной во имя справедливости или от отказа зависят ваше счастье, жизнь или гибель. Прошу обдумайте это!»³³.

Однако Буняшир-хан ни в коей мере не был уstraшен угрозами минского императора и продолжал последовательно проводить самостоятельную политику. Был убит чрезвычайный посол Го Цзи — близкий человек императора Юнлэ. Посол, привезший послание китайского императора, требовал покориться и был убит за оскорбления и злобные выпады против Буняшир-хана. Ввиду этого император Юнлэ, как уже говорилось выше, сам пять раз выступал с большим войском против монголов, но не добился успеха.

Несмотря на неоднократный провал политики угроз и попыток завоевания, минское государство продолжало проводить все более коварную политику в отношении монголов, натравливая их друг на друга, подкупая нойнов титулами, подачками и взятками, прибегая к шпионажу и убийствам. Но монгольское государство продолжало оставаться наиболее могучим противником минской империи, чего не скрывают китайские источники. Минская империя, опасаясь монголов, была вынуждена перенести столицу из Нанкина в Пекин, возвести «девять постов» мощных крепостей вдоль Великой китайской стены с крупными гарнизонами и принять другие меры.

Как видно, монгольское государство оставалось крупной самостоятельной силой, оно продолжало вести работу за сохранение своей территориальной целостности за свое существование на равных с минской империей правах.

Ойратский хан Эсэн (1440—1449 гг.), объединивший ойратские племена, разбил торгшегося китайского императора Ин Цзуна и захватил его в плен 15 августа 1449 г. Среди минских правителей царил паника в связи с пленением императора, и они долго скрывали это обстоятельство от народа.

Монголы держали китайского императора в плену почти целый год, после чего пустили его домой. Этот факт не мешало бы напомнить китайским шовинистам и реакционным буржуазным историкам, которые пытаются утверждать, что Монголия была чуть ли не протекторатом минского государства.

Развитие монголо-китайских отношений XIII—XV веков сопровождалось многими различными по характеру событиями, но в большинстве своем это были войны и сражения, проводимые в интересах господствующего класса. Поэтому монголо-китайские политические отношения в то время были напряженными. Народы, населявшие эти районы, немало страдали от разного рода захватнических войн. Но эти войны не были вызваны объективными экономическими потребностями государств. Нельзя поэтому исключать дружественные отношения монгольского и китайского народов. А источником вражды между народами двух стран являлась политика господствующих классов, особенно класса китайских феодалов, проводивших политику «великодержавия и экспансии».

³³ «Мин ши», гл. 127.

Славная страница истории освободительной борьбы корейского народа

К 60-летию народного восстания в Корее

Ю. И. Огнев

Пожалуй, у каждого народа есть свои особенно памятные исторические национально-революционные даты. В истории корейского народа одной из таких ярких и славных дат является 1 марта 1919 г. — памятный день начала народного восстания против японского колониального господства.

Национально-освободительная борьба корейского народа своими корнями уходит в далекое, многовековое прошлое. Длительное время Корея находилась в вассальной зависимости от императорского Китая. На господство в Корее постоянно претендовала и японская империя. Японскому империализму в 1910 г. удалось утвердить свое господство в Корее, превратить ее в свой колониальный придаток, в объект хищнической эксплуатации и беззастенчивого ограбления. И долгие годы свободолюбивый корейский народ вынужден был вести самоотверженную борьбу за национальную независимость. Однако особую силу и размах, реальную перспективу и целеустремленность эта борьба приобрела только после победы Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории всего человечества, положившей начало кризису всей колониальной системы империализма.

Народное восстание, вспыхнувшее в колониальной Корее 60 лет назад, явилось ярким свидетельством пробуждения угнетенных народных масс к активной освободительной борьбе под влиянием Великого Октября. Это огромное по масштабам, по своему эмоционально-психологическому накалу и историческим последствиям выступление корейского народа под лозунгами «Долой колонизаторов!», «Да здравствует независимость Кореи!» началось с мирной демонстрации 1 марта 1919 г. в Сеуле, прокатилось по всей стране и переросло в массовые восстания, в кровавые столкновения безоружного народа с японской полицией и военной силой. Причем выступления самых широких слоев населения страны развернулись не на основе соглашательской тактики буржуазных националистов, которые пытались на начальной стадии возглавить их и свести к петиционным требованиям, пассивному сопротивлению. В них вылился могучий порыв национальной гордости и национального самосознания широких трудящихся масс, интеллигенции, всех корейских патриотов, которые, не страшась жесточайших репрессий, с лозунгом «Тоннип мансе!» (Да здравствует независимость!) мужественно шли на борьбу против вооруженных до зубов колонизаторов.

Наиболее последовательным и решительным участником движения 1919 г. был молодой корейский пролетариат, хотя к этому времени он не имел своего организованного революционного авангарда. В 1919 г. состоялись 104 крупные забастовки, в которых участвовало более 11300 человек. В восстаниях участвовало около половины промышленных рабочих страны¹.

Японские власти, мобилизовав войска и жандармерию, безжалостно расправились с восставшим народом. Героические выступления народных масс были подавлены самыми дикими, зверскими методами, превосходившими ужасы средневековой инквизиции. Только число убитых корейских патриотов составило около 8 тыс. человек, раненых — почти 16 тыс., арестованных — свыше 50 тыс. Страна была покрыта виселицами, тюрьмы не могли вместить всех арестованных². Однако каратели были не в силах заглушить голос корейского народа. Вести о стойкости и героизме корейских патриотов получили широкое распространение далеко за пределами Кореи. Массовые демонстрации в поддержку народного восстания в Корее состоялись на русском Дальнем Востоке, в Северо-Восточном Китае, в Японии, где в это время проживало большое число корейских иммигрантов.

---

¹ См. История Кореи (с древнейших времен до наших дней), т. II. М., 1974, с. 50.

² См. там же, с. 48.

Мужественная борьба корейских патриотов вызвала волну горячего сочувствия советского народа, который вел в это время тяжелую гражданскую войну, сражаясь с интервентами и белогвардейцами. Страна Советов открыто выразила братскую солидарность с корейскими патриотами, считая освободительное движение в Корее своим непосредственным боевым союзником. В обращении к корейскому народу 26 июля 1919 г. правительство РСФСР призывало корейских революционеров к единству действий в борьбе против японской интервенции на Дальнем Востоке. «Только тогда, — говорилось в обращении, — соединенными усилиями мы сможем прогнать японцев из Владивостока и Страны Утреннего Спокойствия»³.

С искренним сочувствием и вниманием следил за революционными событиями в Корее Владимир Ильич Ленин. Общеизвестны его слова о положении в Корее, сказанные на собрании актива Московской организации РКП(б) в декабре 1920 г., в которых бесчинства японской военщины определялись как «соединение всех методов царизма, всех новейших усовершенствований техники с чисто азиатской системой пыток, с неслыханным зверством»⁴.

Мартовское движение 1919 г., несмотря на его слабости, стихийность и неорганизованность, отсутствие руководства со стороны пролетарской партии, представляет собой одну из славных страниц героической антиимпериалистической, освободительной борьбы корейского народа. Оно обогатило корейское революционное движение опытом народных выступлений, поучительными историческими уроками.

Буржуазно-националистические деятели Кореи, пытавшиеся свести мартовское движение 1919 г. к мирным манифестациям и по существу не принимавшие участия в народном восстании, после его поражения в большинстве своем встали на путь соглашательства с империалистическими силами, пытаясь с их помощью прийти к власти в Корее. В апреле 1919 г. они создали в Шанхае так называемое временное эмигрантское правительство Кореи во главе с проамериканским деятелем Ли Сын Маном, который планы достижения Кореей национальной независимости с самого начала своей деятельности строил с расчетом на покровительство и помощь США.

Корейское национально-освободительное движение имело перед собой сильного и хорошо вооруженного и изощренного противника — японский империализм. «Демократическая» демагогия американского правительства, которой оно прикрывало свою агрессивную колонизаторскую политику на Востоке, воспринималась как реальная надежда многими буржуазно-националистическими деятелями Кореи того периода. Следует в этой связи отдать дань гениальному предвидению В. И. Ленина, который в то время предельно просто и ясно охарактеризовал существо американской политики в отношении Кореи: «Если возьмете две империалистические страны: Японию и Америку — они хотят воевать, они будут воевать за первенство в мире, за право грабить. Япония будет воевать за то, чтобы ей продолжать грабить Корею... Но этот корейский маленький кусок хотят вырвать американцы»⁵.

Народное восстание 1919 г. помогло корейским революционерам увидеть, кто является последовательным сторонником независимости Кореи, надежным международным союзником национально-освободительной борьбы всех народов. Надежды корейских буржуазных националистов на поддержку со стороны империалистических государств, как известно, не оправдались. Парижская мирная конференция 1919 г. отказалась даже выслушать корейских представителей. Корейская делегация не смогла добиться включения вопроса о Корее в Версальский мирный договор, подписанный 28 июня 1919 г. Корейские патриоты стали осознавать, что самым надежным международным союзником корейского освободительного движения является рабоче-крестьянская Советская Россия.

Страна Советов с первых дней своего существования выразила солидарность с борьбой всех народов Востока. В частности, в Обращении правительства РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая от 25 июня 1919 г. говорилось: «Если китайский народ хочет стать, подобно русскому народу, свободным и избежать той участи, которую ему приготовили союзники в Версале с целью обратить его во вторую Корею или во вторую Индию, — пусть он поймет, что его единственный союзник и брат в борьбе за свободу есть русский рабочий и крестьянин и его Красная Армия»⁶.

Многие передовые, революционно настроенные корейцы уже тогда понимали, что от судьбы Республики Советов зависит и будущее Кореи. Они сознательно участвовали в борьбе за власть Советов против интервентов и белогвардейцев. В огне гражданской войны и революционного обновления России ковалось интернациональное братство русских, корейцев, китайцев, монголов и других народов Востока.

События в России послеоктябрьского периода, выступления Советского государства в поддержку угнетенных народов вдохновляли корейский народ, убеждали его в

³ «Известия», 15.VIII.1919.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 61.

⁵ Там же.

⁶ «Документы внешней политики СССР», т. II. М., 1958, с. 223.

том, что в лице революционных сил Советской России он имеет надежного союзника в борьбе за достижение независимости Кореи и социального прогресса корейского народа. Под влиянием идей Октября в Корее нарастал подъем освободительного движения.

Корейский народ никогда не забудет исторический август 1945 г., когда он на своей земле восторженно приветствовал советских воинов-освободителей. Советские войска, выполняя свой интернациональный долг, решительно и быстро ликвидировали аппарат японского колониального господства. Образование в 1948 г. Корейской Народно-Демократической Республики явилось большой победой корейского народа в его суровой и длительной борьбе за свободу и независимость, оно открыло новый этап в многовековой истории Кореи. На Корейском полуострове впервые образовалось подлинно народное государство, ставшее для всего корейского народа оплотом свободы, национальной независимости и социального прогресса.

Независимость и самостоятельность КНДР была надежно гарантирована солидарностью всех стран социалистического содружества. Для внешнеполитической линии КНДР главным стал принцип социалистического интернационализма. Однако в масштабах всей Кореи вопрос о национальной независимости не только не был снят, но и приобрел большую остроту. Южная Корея, оккупированная в 1945 г. американскими войсками, и по сей день находится в путах политической и экономической зависимости от США и Японии. На территории юга Кореи до сих пор сохраняется послушный Вашингтону антинародный режим, дислоцируются американские войска и военные базы. Корейский народ вынужден вести упорную борьбу против иностранного вмешательства во внутренние дела корейского народа, за мирное самостоятельное объединение своего отечества.

Миролюбивые, демократические силы планеты решительно осуждают стремление империалистических кругов закрепить раскол на Корейском полуострове, превратить его южную часть в свою вотчину и военный плацдарм. Активными пособниками агрессивной империалистической политики на Дальнем Востоке ныне выступают лидеры маоистского Китая. В соответствии с глобальным курсом Пекина на укрепление союза с реакционными силами империалистических стран китайские руководители открыто высказываются в поддержку японо-американского военного союза, скрепленного «договором безопасности», направленным прежде всего против национально-освободительного движения народов Азии. В то время как Вашингтон и Токио предпринимают шаги к дальнейшему наращиванию военного потенциала Южной Кореи и ведут дело к обострению вооруженной конфронтации на Корейском полуострове, пекинские лидеры форсируют политическое и военно-экономическое сближение с США и Японией, потворствуя не только на словах, но и на деле империалистическим провокациям против КНДР, нагнетанию международной напряженности на Дальнем Востоке.

Однако несмотря на происки реакционных империалистических кругов и пекинских провокаторов, ряды сторонников мирного решения проблемы воссоединения корейского народа неуклонно растут. Справедливая борьба корейского народа находит постоянную поддержку со стороны Советского Союза и других стран социалистического содружества, всех прогрессивных сил мира.

Историко-археологическая экспансия маоизма

Н. Нишамц (МНР)

Марксистско-ленинская историческая наука строго объективно отражает процесс развития общества во всем его разнообразии и противоречивости. Она партийна и принципиальна в своем подходе к явлениям социальной жизни. Но это не означает, что она отступает от объективного освещения явлений социальной действительности. Извращение действительности, фальсификация истории характерны для буржуазной науки, феодальной и рабовладельческой историографии, а также — не в меньшей степени — и для мелкобуржуазного оппортунизма, национализма и прочих реакционных течений.

На всем протяжении истории человечества существовали попытки поставить прошлое на службу настоящему по принципу превращения истории в политику, обращенную в прошлое. Вряд ли, однако, в ней была такая грубая, сознательная, крупномасштабная фальсификация истории, как маоистская, производящаяся к тому же под флагом марксизма.

Действуя в своих великодержавно-шовинистических целях, маоизм превращает историческую науку в орудие агрессии и экспансионизма. Пекин пытается оправдать, обосновать и подкрепить свои великодержавные амбиции извращением истории. Фактически он уже начал развернутую историко-археологическую агрессию против соседних стран, против МНР и СССР в особенности. Об этом свидетельствуют такие более или менее недавние маоистские публикации, как, например, «Очерк истории Китая», в котором вышедший в свет под редакцией Го Мо-жо в Пекине в 1977 г., «Краткое исследование древних следов материальной культуры во Внутренней Монголии» (Хух-Хото, 1976), «Краткая история агрессии царской России против Китая» (Пекин, 1976) и др. Большинство подобных трудов обычно издается под разными псевдонимами, но в ряде случаев при указании авторства используются имена крупных авторитетов независимо от того, насколько последние разделяют великодержавно-шовинистические устремления маоистов.

В «Очерке истории Китая» проводится мысль о том, будто Китай являлся чуть ли не единственной колыбелью человечества, извечным центром мира, а китайцы с самого начала представляют некую единую «нацию срединного процветания». На первой же странице основного текста этой книги авторы, ссылаясь на находку в юго-западной части КНР 10 окаменелых зубов человекообразной обезьяны, существовавшей 10 с лишним миллионов лет тому назад, пишут: «Наша страна (то есть Китай. — Н. И.) является важным ареалом возникновения и развития человечества». При этом даже не упоминается о других, не менее важных районах формирования человека вне Китая.

О древних народностях цян, жун, ди и других прототибетских, протоманьчжурских, протомонгольских, прототюркских, палеоазиатских племенах, которые на заре появления классового общества в Китае обитали в соседстве с древними ханьцами, авторы упомянутой книги недвусмысленно заявляют, что именно эти племена «как раз и были предками ханьской народности. Народ, названный в истории как хуася (китайцы. — Н. И.), сложился в результате их всеобщего слияния» (с. 121).

В начале книги приводится ряд цитат из высказываний Мао Цзэ-дуна относительно так называемой чжунхуа миньцзу, или «нации срединного процветания», ядро которой будто бы составляют собственно китайцы, сплотившие вокруг себя другие народности страны. Вслед за китайскими буржуазными националистами как Мао Цзэ-дун, так и его последователи искусственно объединяют различные нации и народности страны в мнимую «срединную нацию», что в корне противоречит исторической действительности и теории марксизма-ленинизма. В многонациональной стране не может быть вообще единой нации, а в КНР еще рано говорить о такой новой исторической общности людей, как единый народ.

В книге «Краткое исследование древних следов материальной культуры во Внутренней Монголии», в качестве главных авторов и редакторов которой не случайно фигурируют китайцы, поставлена задача доказать на основе археологических данных ту мысль, будто монгольские народности издревле являлись неотъемлемой составной частью китайской нации. При этом полностью отрицается факт самостоятельного существования на севере от Великой стены отдельных протомонгольских племен в глу-

бокой древности и независимого, суверенного монгольского феодального государства в средние века и в начале нового времени. Предисловие книги начинается цитатой из Мао Цзэ-дуна о многонациональном характере китайского государства, но за ней же следуют авторские слова: «Начиная от очень древнего периода хунны, дунху, сяньби, ухуань, жужане, тюрки, уйгуры, чжурчжэни, дансяне, монголы и другие нацменьшинства нашего государства и ханьская народность трудились на этой окраине отечества — в автономном районе Внутренняя Монголия». На 1-й странице основного текста говорится: «Древняя история автономного района Внутренняя Монголия, как и других районов всей страны, начиная с глубочайшей древности составляла часть истории нашей великой отчизны».

Однако следует заметить, что, во-первых, вышеназванные хунны, чжурчжэни, тюрки, дансяне и другие древнемонгольские маньчжуро-тунгусские, тюркские и тангутотибетские племена никогда не являлись нацменьшинствами Китая в древности и средневековье. Нацменьшинствами они становились лишь в период маньчжурского господства или даже несколько позже. Во-вторых, китайцы никогда не были аборигенами Внутренней Монголии. В-третьих, история Внутренней Монголии не может быть рассматриваема как часть истории Китая с древнейших времен, поскольку Внутренняя Монголия до очень позднего времени была частью другого суверенного государства — Монголии.

Авторы «Краткого исследования», ссылаясь на различные предметы материальной культуры, следы городских развалин и «оборонительных» стен китайского происхождения, а также на те или иные китайские надписи, обнаруженные на территории Внутренней Монголии, безапелляционно прокламируют, что эти находки являются-де неопровержимыми доказательствами исконного единства и неотделимости Внутренней Монголии от Китая, тесной связи, интенсивного сближения и слияния монголов с китайцами. Даже если условно допустить возможность обнаружения и достоверность этих предметов материальной культуры из Внутренней Монголии и добросовестность китайского археологического исследования, нельзя не указать на те существенные и принципиальные научно-теоретические, методологические погрешности, которыми оно характеризуется.

Дело в том, во-первых, что если часть материальной культуры действительно свидетельствует о тесной связи внутренних монголов с китайцами, то она еще далеко не отрицает наличие такой же или еще более тесной связи монголов внутренних или южных с северными и западными. Во-вторых, многие другие предметы материальной культуры и археологические данные доказывают наличие именно еще более тесных связей между внутренними и другими монголами. В-третьих, как предметы материальной культуры и археологические данные, так и письменная история вместе с памятниками духовной культуры неопровержимо доказывают наличие у монголов исконных генетических связей и длительное сохранение их этно-лингвистического единства, которое в пределах народной Монголии развивается на новой, социалистической основе. Поэтому теоретико-методологические ошибки, которые были допущены китайскими авторами, носят явно сознательный характер. В силу этого сомнительна достоверность приводимых ими материалов и очевидна явная тенденциозность их трактовки обсуждаемого вопроса.

На страницах 28—29 этой же книги говорится о неких двух китайских «внешних стенах», которые, по словам авторов, были воздвигнуты на северном рубеже Внутренней Монголии при ханьской династии. Независимо от того, насколько верны предположения авторов относительно сооружения этих стен, они почему-то сочли необходимым подчеркнуть, что «эти две северные великие стены», проходя через северо-западную часть Внутренней Монголии, «пересекают современную китайско-монгольскую границу, входят в пределы МНР и, извиваясь и изгибаясь, уходят дальше» (с. 29). Вот так маоисты, отрицающие факт длительного существования границы между Китаем и кочевниками по Великой стене, измышляют все новые и новые «великие стены» на окраинах страны, существовавшие будто бы при ханьской или других династиях, и заставляют их червяком-змеей переползти через чужие границы! Следует, однако, сказать, что ханьскому двору не под силу было возводить какие-нибудь новые «великие стены» на севере Внутренней Монголии, а тем более на территории современной МНР: ему с трудом удавалось защищать саму Великую стену в качестве своей официальной государственной границы, установленной с хуннами, сяньби и другими кочевниками различными договорами. В те времена китайским династиям было гораздо труднее проникнуть к кочевникам, чем последним перейти через Великую стену.

Аннексионистские устремления маоистов в отношении МНР и необоснованные притязания на значительную часть советской территории ярко выражены в книге «Краткая история агрессии царской России против Китая». В ней специально выделен параграф под названием «Подстрекая устремления к «независимости» Внешней Монголии, царская Россия замышляла расширить свои границы до подножия Великой стены нашего государства» (с. 73). Там же говорится: «Внешнемонгольские земли, простирающиеся на север от гобийской пустыни, исторически являлись местом, где жили и действовали многие кочевые народы нашего государства» (с. 73). А на следующей странице

еще раз подчеркивается мысль о том, что Внешняя Монголия «искони являлась частью Китая», и говорится: «Как только вспыхнула синьхайская революция, правительство царской России подтолкнуло горстку монгольских князей провозгласить в декабре 1911 г. «независимость» Внешней Монголии» (с. 74). В данном случае, как и во многих других, что ни слово, то явная ложь и клевета. Монголия не являлась частью собственно Китая, на ее территории испокон веков жили не китайские, а протомонгольские, древнетюркские и другие племена, а в период же маньчжурского господства Монголия, находясь под цинской властью, далеко еще не превратилась в часть Китая. В 1911 г. отнюдь не монгольские феодалы были настроены царским правительством против китайского суверенитета над Монголией, а весь монгольский народ по собственной воле поднялся на очередную антиманьчжурскую борьбу за восстановление своей независимости. Как известно, в период маньчжуро-китайского ига монгольский народ неоднократно поднимался на вооруженную борьбу за восстановление своей независимости и суверенитета.

Основное содержание указанной книги сводится к попытке исторического обоснования территориальных притязаний к Советскому Союзу и разжиганию антисоветизма. В ней выдвигаются совершенно необоснованные притязания на советские Приамурье, Сахалин и юго-восточную часть Казахстана — территории общей площадью более 1,5 млн. км². Как известно, этим притязаниям в советской печати и печати других социалистических стран дан достойный отпор. Кроме неоспоримых исторических и договорных оснований, советский народ имеет на эти свои земли еще очень существенное, по сути дела, священное право. Я имею в виду то, что лишь благодаря Октябрьской революции эти земли были навечно освобождены от всяких форм эксплуатации и угнетения, стали ареной социалистического и коммунистического строительства.

Маоистские же попытки извратить историческую истину, используя для этого отрывочные археологические данные или их тенденциозные и сомнительные истолкования, лишь свидетельствуют о том, что они не брезгают прибегать к откровенным фальсификациям ради неприглядных политических целей.

О третьем пленуме ЦК КПК XI созыва

*Л. М. Гудошников,
доктор юридических наук —*

*В. Ф. Феоктистов,
кандидат философских наук*

Состоявшийся в конце прошлого года третий пленум ЦК КПК XI созыва подвел итоги очередного раунда борьбы за власть в пекинской верхушке и явился вместе с тем важным шагом в дальнейшем оформлении политической платформы «четырех модернизаций», основным направлением которой является превращение Китая к концу столетия в мощную военно-промышленную державу, способную установить сначала региональную, а затем и мировую гегемонию.

Пленум проходил в Пекине 18—22 декабря 1978 г. и, по всей вероятности, открылся лишь после того, как основные вопросы его повестки дня были предreshены внеуставным органом, так называемым «рабочим совещанием ЦК КПК», и предшествовавшими ему другими совещаниями китайской верхушки, которые сопровождалась кампаниями дацзыбао как средством дополнительного давления на политических оппонентов.

Несмотря на ожесточенную войну дацзыбао, ни одна из противоборствующих в китайском руководстве групп не потеряла каких-либо персональных постов, однако в целом пленум явился победой Дэн Сяо-пина и его сторонников, которые сумели увеличить состав ЦК КПК и Политбюро за счет старых работников партийно-государственного аппарата, в основном за счет реабилитированных кадров. Сенсационный характер носило назначение на пост заместителя председателя ЦК КПК видного в прошлом экономического руководителя КНР Чэнь Юня, подвергавшегося репрессии еще за сопротивление «большому скачку». Всеобщее внимание привлекла и посмертная реабилитация героя китайской революции Пэн Дэ-хуая, мужественно выступившего на Лушаньском пленуме ЦК КПК (1959) против мелкобуржуазного авантюристического курса Мао Цзэ-дуна. Вместе с Пэн Дэ-хуаем были реабилитированы известные деятели КПК Тао Чжу, Бо И-бо, Ян Шань-кунь и другие, подвергнутые репрессиям в годы «культурной революции».

Пленумом был принят ряд решений по широкому спектру вопросов. На первый план было выдвинуто решение о завершении длившейся более двух лет кампании критики «четверки», к которой был затем присоединен и Линь Бяо, и переносе «центра тяжести работы всей партии» на осуществление «четырех модернизаций». Специально было подчеркнута одобрение пленумом «правильности» и даже «эффективности» внешнеполитических установок нынешнего китайского руководства. Большое внимание было уделено хозяйственным вопросам и рассмотрению, как было сказано в Коммюнике пленума, «важнейших вопросов, оставшихся от прошлого», в числе которых официальное признание (хотя и в косвенной форме) наличия недостатков и ошибок у Мао Цзэ-дуна, переоценка событий апреля 1976 г. на площади Тяньаньмэнь, деятельности Дэн Сяо-пина в 1975 г., когда он «руководил работой КПК». Наконец, в решениях пленума содержались положения об усилении коллективного руководства, демократии и законности.

Пленум образовал предусмотренную еще Уставом КПК, принятым XI съездом, Центральную дисциплинарную комиссию (комиссию по проверке дисциплины), назначив первым ее секретарем Чэнь Юня, а вторым и третьим секретарями — введенных в Политбюро ЦК КПК вдову Чжоу Энь-лая Дэн Ин-чао и Ху Яо-бана.

Пополнение руководящих органов партии старыми, в том числе и реабилитированными кадрами, несомненно является частью кадровой политики Дэн Сяо-пина, нажиму которого уступил Хуа Го-фэн вместе с другими выдвиженцами «культурной революции». Реабилитации тех или иных деятелей имеют различное значение. Некоторые из них, как сам Дэн Сяо-пин или Ху Яо-бан, вернулись к активной деятельности. Другое дело — Чэнь Юнь, подвергавшийся репрессиям еще в 50-х годах, человек с сильно подорванным здоровьем. Его возвращение в руководящую элиту, на узкий участок работы, имеет скорее символическое значение. Нынешнее китайское руководство стремится использовать в своих целях этого видного революционного деятеля, един-

ственного рабочего по происхождению в высшем эшелоне китайского руководства 580-х годов. Особое значение имеет посмертная реабилитация Пэн Дэ-хуая. Ее нельзя считать политической реабилитацией. Ей предшествовало заявление Дэн Сяо-пина (на беседе с японцами) о том, что у Пэн Дэ-хуая 60% «хорошего» и 40% «плохого». В связи с реабилитацией нигде, в том числе и на траурном митинге в Пекине 25 декабря 1978 г., не было упомянуто о его мужественном выступлении против Мао Цзэ-дуна. В речи Дэн Сяо-пина на этом митинге упоминались главным образом военные заслуги Пэн Дэ-хуая. Все это говорит о том, что произведена реабилитация не политического деятеля, а военного героя.

Отдельного упоминания заслуживает переоценка апрельских событий 1976 г. на площади Тяньаньмэнь, которые в прошлом квалифицировались как «контрреволюционный инцидент». Теперь эти события названы не только «революционным выступлением», но и центром «великого революционного массового движения». Такая характеристика — часть возвышения Дэн Сяо-пина, так же как и апологетика его деятельности в 1975 г. Примечательно, что при этом, вопреки историческим фактам, тяньаньмэньские события лишаются их антияоистского содержания и объявляются лишь борьбой против «четверки» и демонстрацией в поддержку Дэн Сяо-пина.

Значительное место в работе пленума, как явствует из его Коммюнике, заняли экономические вопросы. И это не случайно. Перед страной действительно стоят серьезные проблемы экономического характера, связанные с тем огромным ущербом, который нанес народному хозяйству страны маоистский курс. Это был вынужден косвенно признать и сам пленум, который заявил о существовании в экономике страны многих «проблем», «явлений серьезных диспропорций», «хаотичности в области производства, строительства, обмена и распределения». Пленум признал также, что «в жизни городского и сельского населения» имеется «целый ряд трудностей, накопившихся за многие годы», которые ждут «своего надлежащего разрешения».

Какую же программу предложил пленум для выправления такого кризисного положения китайской экономики?

Несмотря на известные реалистические установки — о необходимости восстановления экономической эффективности производства, возрождения установок экономической политики, «оправдания себя в длительной практике», проведения серьезной реформы управления экономикой и методов хозяйствования — решения пленума по экономическим вопросам не носят характера возврата к социалистическим принципам хозяйствования, поскольку остается в неприкосновенности принципиальный маоистский курс на усиление милитаризации страны, превращение Китая в «могучую, великую, современную» державу с мощным военно-промышленным комплексом. Именно такой смысл несет в себе решение пленума о перенесении центра тяжести работы на осуществление «социалистической модернизации», при одновременном подчеркивании «существования серьезной опасности войны» и необходимости «укрепления обороноспособности» Китая. А это означает, что чисто прагматическое возвращение в этих условиях к более рациональным методам управления экономикой и хозяйствования будет служить не научному социализму, а великоханьскому шовинизму и гегемонизму.

Среди экономических вопросов, обсуждавшихся на пленуме, большое внимание было уделено сельскому хозяйству. Пленум фактически признал, что, несмотря на известные успехи этой основной отрасли экономики КНР, она все еще «очень слабо развита». В Коммюнике пленума, однако, названы лишь самые общие меры по повышению продуктивности сельскохозяйственного производства, нацеленные на дальнейшее вовлечение широких народных масс в осуществление программы «модернизации» Китая, превращения его в мощную державу. Малореальной представляется перспектива сокращения «ножниц цен» и установления эквивалентного обмена между промышленностью и сельским хозяйством, декларированных пленумом, поскольку вытекающий отсюда рост доходов коммун и их членов потребует увеличения массы товаров производственного и личного потребления, что невозможно в условиях нарастающей милитаризации страны и стремления пекинского руководства использовать сельское хозяйство страны в качестве важного источника бюджетных ассигнований на развитие военно-промышленного комплекса. По этой же причине демагогически выглядяет и заявление, содержащееся в Коммюнике пленума, о «необходимости постепенно улучшать жизнь населения города и деревни».

Пленум явился определенной вехой на пути выработки нынешним руководством КПК современной, «модернизированной» версии маоизма, которая более эффективна, чем раньше, обеспечивала бы осуществление прежнего маоистского курса милитаризации Китая, превращения его в «мощную державу» с современным военным потенциалом. Как явствует из Коммюнике пленума, он дал недвусмысленный положительный ответ на вопрос о том, остаются ли «идеи Мао» основой политики нынешнего руководства КПК: «знамя» и «идеи» Мао Цзэ-дуна по-прежнему объявляются незаменимой теоретической базой внутренней и внешней политики КПК и КНР, но, так сказать, в «чистом», освобожденном от «извращений» со стороны «четверки» виде. Более того, эти «идеи», как и руководство со стороны Мао Цзэ-дуна китайской революцией,

квалифицируются как главное условие ее победы; сам же Мао Цзэ-дун объявляется «великим марксистом».

В то же время Коммюнике признает, что в деятельности Мао Цзэ-дуна были «недостатки и ошибки», от которых «не свободен» любой «вождь революции» и которые признавал сам Мао Цзэ-дун. Таким образом, новые руководители Китая, призывая «исторически и научно» осмысливать «великие заслуги» Мао Цзэ-дуна, «целостно и точно» овладевать «научной системой идей Мао Цзэ-дуна», сочетая ее «с конкретной практикой социалистической модернизации», изображают себя не просто наследниками его «дела», но и продолжателями «линии Мао» на более высоком уровне, «очичищенном» ими от ошибок прошлого, в том числе и самого Мао Цзэ-дуна.

Что же касается самих этих «ошибок» и «недостатков», то их конкретный анализ в Коммюнике отсутствует. Все дело сведено по существу к вопросу о несправедливых наказаниях и репрессиях в отношении отдельных деятелей партии.

Коммюнике полностью подтверждает «правильность» внешнеполитического маоистского курса на блокирование с мировым империализмом и раскол мировой социалистической системы.

Вновь повторяются маоистские положения о необходимости борьбы с «гегемонизмом» и «советским ревизионизмом», призывы к «расширению международного единого фронта», направленного против Советского Союза и других стран социалистического содружества.

Призыв Коммюнике «целостно и точно» овладевать «научной системой идей Мао Цзэ-дуна» следует расценивать как закрепление в партийном документе той версии маоизма, выработка которой началась с выходом в свет 5-го тома Избранных произведений Мао Цзэ-дуна в апреле 1977 г. Известная переоценка наследия Мао привела на данном этапе к включению в понятие «система идей Мао Цзэ-дуна» лишь трех его «положений»: теории «окружения города деревней», которую Мао «выдвинул на этапе демократической революции»; «учения о правильном разграничении и правильном урегулировании двух типов неодинаковых по своему характеру противоречий», выдвинутого Мао «на этапе социалистической революции и социалистического строительства», и «теории деления на три мира», выдвинутой Мао «в международной борьбе». Именно эти три «идеи» составляют ныне ту «систему», усваивать которую призывает партийная печать. К этой «системе» примыкает также и доклад Мао «О десяти важнейших взаимоотношениях» (1956), в котором, согласно Коммюнике, изложен «основной курс» хозяйственной политики.

Перенос «центра тяжести работы» на хозяйственные вопросы сказался и на приглушении маоистской установки о необходимости разворачивать «классовую борьбу» в Китае, известной как «теория продолжения революции при диктатуре пролетариата». Вместо нее в Коммюнике сделан акцент на маоцзэдуновскую «концепцию двух типов противоречий» при социализме — то есть на методологическую основу «теории продолжения революции при диктатуре пролетариата». Требование «следовать курсу на строгое разграничение и правильное урегулирование двух типов противоречий» сопровождается в Коммюнике заявлением о завершении в Китае «широкой, подобной буре, массовой классовой борьбы», что является известным пересмотром маоцзэдуновских установок последних лет (в том числе положений IX и X съездов КПК) об острении классовой борьбы при социализме и возрождением более гибкой формулировки Мао, содержащейся в его докладе «О правильном разрешении противоречий внутри народа» в феврале 1957 г. Как известно, положения этого доклада носили правооппортунистический характер, зачисляя национальную буржуазию в категорию «своих», «народа». Возврат к этим формулировкам отражает общее поправление политики нынешнего руководства КПК, его заигрывание с эмигрантской китайской буржуазией. Об этом же говорит и положение Коммюнике о том, что «все патриотически настроенные китайцы — члены одной большой семьи». В угоду этому пробуржуазному националистическому курсу авторы Коммюнике свели «классовую борьбу» на данном этапе к борьбе против «крайне незначительного числа контрреволюционеров и уголовных преступников». Несомненно также и то, что здесь сказалась общая тенденция в политике нынешнего руководства КПК к достижению «политической обстановки стабильности и сплоченности». «Классовая борьба» в стране разрешается ныне лишь в той «степени», в какой она не нанесет «ущерб» этой «обстановке», «необходимой для осуществления социалистической модернизации», то есть всеобщей милитаризации Китая.

В то же время следует отметить, что пленум подтвердил в целом положительную оценку «культурной революции», «развернутой Мао Цзэ-дуном» «из соображений борьбы против ревизионизма». И хотя пленум отметил «недостатки и ошибки» в ее проведении, он призвал «не спешить» с их «подытоживанием».

Значительное место в Коммюнике пленума отводится вопросам «стиля в учебе», который определяется как «следование материалистической линии познания». Коммюнике официально подтвердило ту линию в отношении к наследию Мао Цзэ-дуна, которая усиленно пропагандировалась в центральной пекинской печати начиная с мая 1978 г., — линию на исключительную роль практики для «проверки истины», «реалисти-

ческого подхода» к вопросам теории, иными словами — линию на фактический пересмотр отдельных устаревших «идей» и положений Мао. Не случайно Коммюнике особый упор делает на необходимость «исходить во всем из реальной действительности», «соединять» «идеи Мао» с нынешней «конкретной практикой» модернизации и даже «развивать их в новых исторических условиях». Коммюнике недвусмысленно призывает покончить с «книгопочтением» и «косностью мысли», «раскрепостить сознание» и «выправить идейную линию». Смысл этих призывов состоит в попытках ссылками на «диалектику познания» и «изменившиеся исторические условия» оправдать отказ от ряда обанкротившихся «идей» Мао, обосновать необходимость «новых теорий» в русле «системы» взглядов Мао, которые более эффективно и квалифицированно служили бы осуществлению главной маоистской стратегической установки.

Отдельного анализа заслуживают содержащиеся в материалах пленума положения об укреплении коллективного руководства, усилении законности, развертывании демократии и т. д. Эти положения, вероятно, следует рассматривать прежде всего в свете сложившихся в современном Китае политических реалий. В стране существует коалиционное руководство, ни одна из группировок которого не желает быть объектом произвольных действий со стороны политических оппонентов. Усиления законности требуют интересы эффективного государственного управления. Кроме того, законность и демократия являются постоянным требованием народа, уставшего от долгих лет произвола. Материалы пленума не являются первым официальным признанием беззакония и попрания демократии в стране и первым обещанием ликвидировать эти явления. Однако за этими обещаниями не последовали конкретные мероприятия. Имеющиеся сведения о выработанной политико-юридической комиссией ЦК КПК программе законодательства, опубликованные 29 октября 1978 г. в газете «Жэньминь жибао», свидетельствуют о несколько однобоком ее направлении. Главный упор в соответствии с лозунгом «четырёх модернизаций» делается на хозяйственное законодательство, поощрение изобретательства и рационализаторства, совершенствование отдельных частей государственного аппарата, усиление эффективности труда государственных служащих и т. п. В то же время не планируется издание государственных актов, направленных на развитие демократии, охрану гражданских прав, осуществление народного контроля и т. д. А без этого серьезный разговор о демократии и законности невозможен.

Таким образом, материалы 3-го пленума ЦК КПК XI созыва свидетельствуют о том, что маоизм в его главных принципиальных чертах по-прежнему остается идеологической и политической основой деятельности современных руководителей Китая. Пленум полностью подтвердил антисоциалистический, проимпериалистический внешнеполитический курс Пекина.

Основной смысл решений пленума состоит в стремлении нынешнего руководства КПК изобразить свою политику как новый этап в развитии страны, базирующийся на «научной системе идей Мао Цзэ-дуна», очищенных от «ошибок» и «недостатков» прошлого, которые изображаются лишь как следствие неправильного применения этих «идей».

Созданием обновленной, «очищенной» версии маоизма нынешние пекинские лидеры пытаются скрыть от китайской и мировой общественности истинное содержание «идей» и политики Мао Цзэ-дуна, являвшихся главной причиной того экономического и социально-политического кризиса, который переживает современный Китай.

КУЛЬТУРА И НАУКА

Политика Пекина в области науки

А. А. Антиповский

Отход китайского руководства от требований объективных закономерностей социалистического строительства, которыми КПК руководствовалась в первое десятилетие после образования КНР, весьма дорого обошелся китайскому народу. Теперь, после смерти Мао Цзэ-дуна, его наследники принимают чрезвычайные меры по ликвидации (насколько это возможно, ибо есть потери невозполнимые) тяжелейших последствий маоцзэдуновского правления. Политика нынешних пекинских лидеров в области науки и техники — убедительное тому подтверждение. Однако у всех сторонников социализма возникают естественные сомнения как относительно целей и характера этой реконструкции, так и по поводу совместимости маоизма и науки, особенно в свете постоянно раздающихся из Пекина клятв в верности идеям и принципам маоизма.

Еще К. Маркс указывал на постоянно возрастающую роль науки в общественном прогрессе. Характеризуя ее место в капиталистическом производстве, он писал: «Если процесс производства становится применением науки, то наука, наоборот, становится фактором, так сказать, функцией процесса производства. Каждое открытие становится основой для нового изобретения или для новых усовершенствованных методов производства. Только капиталистический способ производства впервые ставит естественные науки на службу непосредственному процессу производства, в то время как, наоборот, развитие производства предоставляет средства для теоретического покорения природы. Наука получает призвание быть средством производства богатства, средством обогащения»¹.

Социалистический способ производства открыл новые горизонты для развития науки в интересах всех членов общества. Как отметил Л. И. Брежнев: «Сегодня мы можем, видимо, сказать, что наука уже на деле стала непосредственной производительной силой, причем такой производительной силой, значение которой растет изо

дня в день»². В настоящее время в нашей стране и в странах социалистического содружества успешно соединяются достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической общественной системы.

В первые годы после освобождения благодаря братской помощи СССР и других стран социализма китайский народ многое сделал для ликвидации технико-экономической и культурной отсталости. Работа китайских ученых шла в общем русле с прогрессивной мировой наукой.

Положение «Об основных задачах Академии наук Китая», утвержденное 20 июня 1950 г., определяло ключевые направления ее деятельности на первые годы существования республики. В нем получили развитие идеи, сформулированные в «Закоме об организации Центрального народного правительства Китайской Народной Республики», суть которых сводилась к следующему:

1. Поставить науку на службу народу, научные исследования сочетать с практикой, всемерно изучать достижения мировой прогрессивной науки, использовать ее опыт, планировать теоретическую и практическую работу, стремиться к достижению уровня современной мировой науки, отказаться от замкнутости и разобщенности в работе ученых.

2. Научные кадры должны овладевать материалистическим мировоззрением и методологией, поддерживать постоянные связи с государственными учреждениями в особенно с высшими учебными заведениями. Необходимо выявлять имеющиеся научные кадры в стране, а также содействовать возвращению на родину ученых китайской национальности, находящихся за рубежом.

3. В сфере организации направлять усилия на объединение родственных учреждений, прежде всего в области естественных наук; определять основные направления научных исследований, обращать особое внимание на решение тех проблем, которые выдвигает жизнь, и, наконец, постепенно, в плановом порядке создавать те наиболее

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 47, с. 553—554.

² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 4, М., 1974, с. 218.

«устаревшие и современные отрасли науки, которые в Китае отсутствуют»³.

Тогда в Китае придерживались социалистического курса в государственном, культурном и научном строительстве. Даже высшие сторонники Мао говорили об этом⁴.

За десять с небольшим лет только СССР передал Китаю, по существу безвозмездно, более 24 тыс. комплектов научно-технической документации. По мнению иностранных экспертов, если бы КНР купила такую документацию на мировом рынке, то она обошлась бы ей во много миллиардов долларов⁵.

Большое число китайских специалистов было подготовлено в Советском Союзе. Только в системе АН СССР с 1952 г. по 3 апреля 1963 г. находились на обучении 22 китайских специалиста, в том числе 8 аспирантов, из которых было подготовлено 206 кандидатов наук⁶. При этом советская сторона брала на себя 50% всех затрат на обучение китайских студентов и аспирантов.

Принятие 12-летнего плана развития науки и техники на 1956—1967 гг. — значительная веха на пути научного строительства в народном Китае.

В резолюции VIII съезда КПК отмечалось: «В области науки партия и правительство должны всеми силами помогать развитию наук и научно-исследовательским учреждениям министерств и ведомств, союз и крупных предприятий, предоставлять ученым всей страны необходимые условия для осуществления 12-летнего плана развития науки и техники и добиваться того, чтобы многие важнейшие отрасли науки и техники в кратчайшие сроки приближались к передовому мировому уровню»⁷. В разработке и последующей корректировке плана участвовало около 600 советских ученых — специалистов по двадцати пяти основным направлениям науки и техники⁸.

Советский Союз в те годы выразил согласие помочь Китаю в разработке 100 из 50 научных направлений и проектов плана. Однако эти проекты не были осуществлены по вине маоистского руководства.

³ См. Образование Китайской Народной Республики. М., 1950, с. 45—46.

⁴ См. Чэнь Бо-да. Выступление на семинаре ученых в АН Китая 18.VII.1952. Пекин, 1952, с. 2—4 (на кит. яз.).

⁵ См. О. Б. Борисов, Б. Т. Колосов. Советско-китайские отношения, М., 1977, с. 181.

⁶ См. Л. В. Филатов. К вопросу о советско-китайском научно-техническом сотрудничестве. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 4, с. 80.

⁷ Материалы VIII Всекитайского съезда (ПК, М., 1956, с. 478).

⁸ Задачи 12-летнего плана были сформулированы в 1956 г. См. А. Кравченко. Индия масс, М., 1957, с. 62—63.

Значительные осложнения на пути претворения в жизнь этой программы вызвал «большой скачок». Последовавший за ним пересмотр научной программы КНР привел в 1963 г. к составлению нового, 10-летнего плана (1963—1972), с включением отдельных частей первоначального 12-летнего плана. Однако и этот пересмотренный план натолкнулся на непреодолимые препятствия.

«Культурная революция», знаменовавшая полный отход маоистского руководства от марксизма-ленинизма, привела к длительному застою во многих областях науки.

Идея «перевоспитания» интеллигенции, усиленной ее обработки и установления маоистского контроля над ней всегда владела Мао Цзэ-дунем. Он видел идеал в том, что «многие крупные эрудиты и ученые вышли в люди, не имея высшего образования. Среди товарищей в нашем ЦК партии тоже немногие окончили институт»⁹. Особенно нетерпимо относился он к представителям гуманитарных наук. «Надеюсь, что те, кто трудится в области философии, поедут на заводы и в деревни, — говорил Мао, — и проживут там несколько лет, тем самым будет преобразована философская система»¹⁰.

В ходе «культурной революции» бесконечные митинги превращались в массовые судилища над учеными. Ожесточенная критика своих коллег считалась научной работой. В условиях неурядицы и террора всякая научная работа в НИИ, не связанная с военной проблематикой, фактически была прекращена.

Сумятицей «культурной революции» были затронуты оба руководящих органа науки — Академия наук и Научно-технический комитет Государственного совета. 25 января 1967 г. «революционные массы» научно-технических НИИ Пекина провели митинг, на котором «торжественно поклялись отобрать власть у горстки лиц, пробравшихся в партию и идущих по капиталистическому пути», и создали ревком. Через неделю, 1 февраля, на таком же «коллективном митинге борьбы научно-технических кругов столицы с контрреволюцией и ревизионизмом» уничтожающей критике подверглись заместители председателя Научно-технического комитета Чжан Ю-сюань, Фан Чан-цзян, У Хэн и Чжан Цзинфу (вице-президент АН Китая), а также вице-президент АН Китая Пэй Ли-шэн и другие руководящие работники — за проведение «буржуазной ревизионистской линии в науке и технике», а также потому, что за их спиной якобы стоял Лю Шао-ци. В то время различные хунвэйбинские «боевые листки» призывали «из числа левых научных работников сформировать большое количество «бригад взаимпомо-

⁹ Мао Цзэ-дун. Выступление в Ханчжоу 21.XII.1965. — «Минбао», 1969, № 46, с. 84 (на кит. яз.).

¹⁰ Там же, с. 83.

щи» и «кооперативов», чтобы на базе самостоятельных исследований и с помощью коллективных обсуждений творить самостоятельно, осуществлять в подходящей форме взаимную критику и взаимную помощь, не считая себя непогрешимыми»¹¹.

30 июля 1967 г. был создан ревком АН Китая, взявший под контроль ее работу. На учредительном собрании, проходившем в здании ВСНП, выступил Чжоу Энь-лай, призывавший к единству и сплочению на основе «идей Мао Цзэ-дуна» и поставивший задачу превзойти самую передовую в мире науку и технику. Известны десять пунктов («десять задач»), выдвинутых в развитии речи Чжоу Энь-лая членом ревкома АН Китая Ван Си-пэном. Сформулированные им «десять задач» содержали ряд с общими политическими лозунгами «культурной революции» и такие: «модернизировать и революционизировать все научные учреждения, догнать и превзойти мировой уровень в научной и исследовательской работе».

Великодержавный национализм китайских лидеров толкал страну на путь все большей военизации общества. Дело дошло даже до того, что в 1968 г., если верить тайваньским источникам, вынашивалась идея переподчинения АН Китая и ее учреждений министерству обороны¹².

Дольше всего и наиболее непримиримо третировались ученые — представители гуманитарных наук. Длительной и ожесточенной критике подверглись Цзянь Бозань, У Хань, Ян Сянь-чжэнь, Сунь Е-фан и др. Последнего называли «трижды оппозиционером», а его заместителя по Институту экономики АН Китая Юй Лун-гуна — «контрреволюционером-двуручником»; заместителя директора Института национальных меньшинств Су Кэ-цинга — «антипартийным элементом». Так же называли Ся Ная из Отделения философских и общественных наук АН Китая, а ученый секретарь общества психологии Шан Шань-юй, тоже «антипартийный элемент» по маоистской терминологии, был «вынужден покончить жизнь самоубийством».

Пренебрежительное отношение не только к старой интеллигенции, но и ко всякому интеллектуальному труду в корне противоречит ленинской позиции. В. И. Ленин, призывая большевиков избегать насильственных методов в деле перевоспитания старой интеллигенции, писал: «...Глупо воображать, что одним насилем можно решить вопрос организации новой науки и техники в деле строительства коммунистического общества»¹³. Он требовал от коммуни-

тов «научиться скромности и уважению к деловой работе специалистов науки и техники», «поменьше командовать, — вернее: вовсе не командовать», неоднократно подчеркивал, что решающим условием в тактике партии по отношению к буржуазной интеллигенции и ее перевоспитанию должно быть создание благоприятной атмосферы товарищества, контроля и организующего пролетарского влияния. «Если все наши руководящие учреждения, т. е. и компартия, и Соввласть, и профсоюзы, не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием своего дела и с любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи»¹⁴, — указывал В. И. Ленин.

«Перевоспитывая» интеллигенцию, ученых, маоистское руководство все больше утверждало культ Мао. Научных работников ведомственных и академических научных учреждений с середины 1968 г. стали привлекать к участию в «слетах активистов живого изучения и применения идей Мао Цзэ-дуна». На состоявшемся в АН Китая, например, подобном слете его участники критиковали ученых, выражавших в 1957 г. недовольство по поводу того, что неспециалисты руководят научно-исследовательскими учреждениями. Других обвиняли за участие в «собраниях бессмертных» (шэньсяньхуэй) в Шанхае, Пекине и Кантоне (1962), где будто бы подвергалась сомнению руководящая роль партии в научно-исследовательской работе и называлось «абсурдом» то, что неподготовленные в научном плане молодые люди руководят учеными¹⁵.

По сообщению радио провинции Ганьсу от 28 апреля 1968 г., в отделении Академии наук провинции Ганьсу для «восстановления порядка» были введены «утренний ритуал для вдохновения» и «вечерний доклад» перед портретом Мао Цзэ-дуна.

Утилитарно-прикладной подход к роли науки (сельское хозяйство, военная промышленность, медицина), определившийся во время «культурной революции», сопровождался неслыханным попранием человеческого достоинства ученых. Последние полтора десятилетия жизни Мао характеризовались если не полным отсутствием фундаментальных исследований, то крайней малым вниманием к ним.

Вместе с тем в эти годы наблюдался рост ассигнований на военно-прикладные исследования. Как сообщала зарубежная печать, на научно-исследовательские работы в целом за 1966—1967 гг. было израсходовано около 2 млрд. юаней в год, то есть в

¹¹ «Цуйцзю чжаньбао» («Боевой листок «Покончим со старым»), Пекин, 17.V.1967, № 1, с. 6 (на кит. яз.).

¹² См. «Чжунгун няньбао», Тайбэй, 1969, с. 170—188.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 56.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 350—351.

¹⁵ См. «Гуанмин жибао», 14.VIII. 1968.

масса больше, чем в 1960 г.¹⁶ Результатом их великодержавных усилий и были такие события, как запуск в 1966 г. ракеты средней радиуса действия с ядерной боеголовкой на расстоянии 1—1,5 тыс. км, испытание первой водородной бомбы в 1967 г. (первый взрыв атомной бомбы осуществлен в КНР в 1949 г.), выпуск первой мощной цифровой ЭВМ, работающей на транзисторах, а так- ЭВМ с памятью на дисках, которая в 1971 г. демонстрировалась на Кантонской выставке.

Антиисоветизм — неотъемлемая часть политики маоистского руководства и в области науки. Если ученый раньше симпатизировал Советскому Союзу, то это расценивалось как тяжкий проступок. Были обвинены в оппозиции «культурной революции», шпионаже «в пользу ЦРУ и Советского Союза» и подвергались гонениям директор Института математики Хуа Ло-гэн, директор Института атомной энергии Цань Сань-я и его заместитель Ван Ган-чан, директор Института автоматки У Жу-ян, директор Института электромашиностроения Да-ган, директор Института металлургии Ли Сунь и др.

Западные обозреватели и специалисты обращали подчеркнутое внимание на факт «кособой неприязни» маоистского режима к ученым, симпатизирующим Советскому Союзу, и благорасположения к ученым, связанным с американской школой, которые спокойно работали и работают в КНР. Тезис «Ли Ньюс», например, называла имена Чжао Чжун-яо, «ведущего деятеля в ядерной программе коммунистического Китая», «лучившего ученую степень в Калифорнийском технологическом институте, и Цянь Юэ-сяня, руководителя «ракетной программы красного Китая»¹⁷, имевшего в прошлом тесные связи с Массачусетским технологическим институтом и американским ракетостроением. Условия развития науки в Китае в 60-е годы складывались крайне неблагоприятно. На долгое время была нарушена нормальная жизнь научных учреждений, разрушено их централизованное управление, бесплодно растрочены время и силы научных работников. Развитие научных исследований приобрело уродливый, однобокий характер. «Наступление на буржуазную науку» привело к резкому снижению уровня китайской культуры в целом.

В начале 70-х годов была возобновлена деятельность АН Китая, проведена реорганизация ее и ведомственных научных учреждений с четко выраженной переориентацией науки на Запад. Однако в условиях существования политической системы, утвердившейся в период «культурной революции», создание более или менее стабильного положения для работы научной и науч-

но-технической интеллигенции продвигалось в то время с большим трудом.

Отказ от социалистических принципов руководства наукой, ее переориентация на Запад становились все более заметными в последние годы жизни Мао Цзэ-дуна.

В январе 1975 г. Чжоу Энь-лай выдвинул задачу осуществления «четырёх модернизаций», где важное место было отведено науке и технике. В июле-сентябре того же года была проделана работа по определению места и роли науки в жизни современного китайского общества и подъеме экономики всей страны в будущем. Выработанные тогда «Тезисы отчета о работе Академии наук Китая»¹⁸ вызвали резкое обострение борьбы в верхнем ярусе пекинского руководства. Ближайшие сторонники Мао Цзэ-дуна, именуемые теперь «бандой четырех», выступили с резкой критикой этого документа и повели решительную борьбу против Чжоу Энь-лая, Дэн Сяо-пина и их сторонников. Этот документ был рассмотрен на заседании Госсовета, и, как заявляет ныне Фан И, было положено начало выкорчевыванию последствий вредительской деятельности «банды четырех» в области науки и образования. Однако кончилось это тем, что после смерти Чжоу Энь-лая Дэн Сяо-пин был повторно изгнан с политической арены.

Мао и «банда четырех», защищая свое детище — «культурную революцию», повели решительное наступление против попытки дезавуировать «успехи культурной революции» со стороны последователей Чжоу Энь-лая в китайском руководстве.

Вокруг «Тезисов» развернулась острая борьба, которая продолжается до сих пор. Нынешняя их оценка полностью противоположна оценке начала 1976 г., когда утверждалось, что авторы «Тезисов», «состряпанных по указке» Дэн Сяо-пина, «отрицают великую пролетарскую культурную революцию, извращают революционную линию председателя Мао, выступают против осуществления диктатуры пролетариата и против установки «браться за классовую борьбу как за решающее звено» в целях реставрации капитализма в науке и технике»¹⁹ и т. д. Теперь же усиленно подчеркивается, что этот документ выработан по указанию Мао Цзэ-дуна и Чжоу Энь-лая под руководством Дэн Сяо-пина, Хуа Гофэна и Ли Сянь-няня.

Таковы две противоположные оценки «Тезисов», именованных в начале 1976 г.

¹⁸ В китайской прессе «Тезисы» не публиковались. Их содержание известно по отдельным выдержкам, а также по гонконгской прессе. Там же впервые были приведены данные о том, что в системе АН Китая насчитывается 93 научно-исследовательских учреждения, в которых работает 36 тыс. рабочих и служащих, включая 25 тыс. научно-технических работников («Чжаньван», 16.IX.1977, № 375, с. 20).

¹⁹ «Гуанмин жибао», 20.VIII.1976.

¹⁶ См. «Science Journal», L., 1968, № 4, с. 78—84.

¹⁷ «Daily News», 16.X.1969.

«контрреволюционной, ревизионистской ядовитой отравой», а в 1977 г. ставших директивным документом развития науки и техники. Острая постановка вопроса о ликвидации влияния «четверки» вызывается, по-видимому, и сопротивлением ее сторонников. Однако политика «прагматиков», выдвинувших знамя «четырёх модернизаций», взяла верх.

Сегодня, определяя задачи по созданию современной науки и техники, Пекин по-прежнему намеревается осуществить ускоренное развитие тех научных направлений, которые способствуют увеличению военного потенциала. Об истинных намерениях пекинских руководителей в области «модернизации обороны» довольно откровенно писала китайская пресса еще в начале 1977 г., характеризуя военную промышленность как «часть народного хозяйства, как отрасль промышленности, в которой комплексно используются новейшие достижения науки и техники»²⁰. При этом подчеркивалось преимущественное развитие астрофизики, биологии и некоторых других областей науки и техники, имеющих выходы в военное применение²¹.

Китай активно стремится завязать контакты с научными центрами и военно-промышленными комплексами капиталистических стран. Многие китайские ученые, аспиранты, студенты в соответствии с заключенными договорами проходят стажировку в Западной Европе и Японии. В Пекине частыми гостями бывают японские и швейцарские специалисты по электронике, западногерманские горные инженеры, инженеры-металлурги, а также специалисты из Франции, Англии, Канады и других стран. Довольно часто КНР посещают многочисленные делегации ученых США, в том числе ученых китайского происхождения. В 1977 г. КНР посетили лауреаты Нобелевской премии по физике и математике Ян Чжэнь-ин, Ли Чжэн-дао, Дин Чжаочжун. Американские ученые китайского происхождения пользуются особым расположением, их принимают Хуа Го-фэн, Дэн Сяо-пин, Е Цзянь-ин, Фан И и другие руководители Китая.

Организуя приемы на высшем уровне, руководители Пекина явно стремятся убедить китайских специалистов, проживающих за границей, что в КНР создаются исключительно благоприятные условия для развития науки, проявляют большую заинтересованность в получении опыта и знаний хуацяо, которые в лекциях и на собеседованиях информируют ученых КНР о новейших научных достижениях зарубежных ученых, что, безусловно, является серьезной помощью в деле преодоления от-

сталости в области пауки и техники, в выполнении специальных программ и т. п.

В начале 70-х годов возобновилась деятельность некоторых НИИ, начали функционировать и вновь созданные научные учреждения. На 1976 г. общее число НИИ равнялось 1016, из которых 440 (43,4%) НИИ были заняты изучением биологии, 350 (34,4%) — технические, 226 (22,2%) — физические²².

Поскольку в Китае долгое время не публикуется никаких данных о научно-исследовательских учреждениях, их структуре, количестве научных сотрудников, характера и направлении их работы, то нельзя утверждать, что эти сведения, полученные западными специалистами косвенным путем, достаточно точны. Что касается официальных данных, то «Жэньминь жибао», например, сообщала, что провинции и уезды располагают более чем 1700 НИИ, занимающимися только вопросами сельскохозяйственной техники²³, что тоже весьма сомнительно.

В последнее время начали появляться некоторые нестатистические данные о научном строительстве. Так, например, объявлено о выделении из АН Китая самостоятельной Академии общественных наук.

До 1977 г. АН Китая имела 5 отделений, в которые входило 70—90 научно-исследовательских учреждений. Более чем в двадцати из них директорами или их заместителями были люди, получившие образование или работавшие в научных центрах США (13), Западной Европы (13), Японии (1)²⁴.

«Культурная революция», развязанная Мао Цзэ-дуном, нанесла непоправимый вред науке в Китае. В отчетном докладе XI съезду КПК Хуа Го-фэн утверждал: «Из-за вредительства «группы четырех» было серьезно подорвано дело науки и техники в нашей стране, в результате чего еще более увеличился разрыв между нами и передовым мировым уровнем науки»²⁵.

В Постановлении ЦК КПК о созыве Всекитайского совещания по вопросу развития науки от 18.IX.1977 г. также официально признано, что «науке и технике в Китае нанесен большой вред в результате вмешательства и саботажа Лю Шао-ци, Линь Бяо и особенно «банды четырех», которая мешала изучению передовой западной технологии, душила всякую инициативу внутри страны», в результате чего Китай задержался в научном развитии на 10—20 лет²⁶.

Аналогичное признание содержится в докладе Хуа Го-фэна 26 февраля 1978 г. на

²⁰ «Гуанмин жибао», 20.I.1977.

²¹ Имеется в виду ускоренное развитие атомной энергии, техники полупроводников, вычислительной техники, лазерной техники и автоматизации.

²² В 1964 г. общее число НИИ равнялось 686, а в 1958 г. — 416. См. также: «U. S. — China Business Review», 1976, vol. 3, № 2, p. 40.

²³ См. «Жэньминь жибао», 24.XII.1977.

²⁴ См. «U. S. — China Business Review», vol. 3, № 2, p. 43.

²⁵ «Жэньминь жибао», 23.VIII.1977.

²⁶ «Жэньминь жибао», 23.IX.1977.

сессии ВСНП 5-го созыва: «Сократившись ранее отставание нашей страны от передового уровня мировой науки и техники за последние годы снова возросло»²⁷.

Дэни Сю-пин и Дэн Ин-чао в беседе с английской писательницей китайского происхождения Хань Су-ин, например, утверждали, что «саботировавшая научно-исследовательскую деятельность «банда четырех» отбросила страну на 50 лет назад»²⁸. Бурная печать не без основания делает вывод о наличии в современном Китае «ценно поколении духовных калек».

Если при жизни Мао печать твердила только о «победах» китайских ученых, то теперь мажорные тона сменились на минорные. Более того, пекинские руководители усиленно подчеркивают научно-техническую отсталость страны, напрашиваясь на помощь с Запада. Признается, что число научных работников и специалистов в стране незначительно, а их профессиональный уровень низкий, что деятельность многих научно-исследовательских учреждений в результате господства «банды четырех» АН Китая была прекращена, что в НИИ лабораториях ощущается нехватка самой элементарной научной аппаратуры и измерительной техники, уничтоженной в период «культурной революции» или в период «четверки» и ее атак на «теорию производительных сил», острый дефицит квалифицированных специалистов высшего среднего звена, отсутствие широкой сети информационно-справочных центров.

Отсутствие активной поддержки и участия в экономической революции, которая должна изменить судьбу и перспективы социалистического строительства в Китае», газеты обращают внимание на то, что «отряды ученых слишком слабы, научно-исследовательские группы устарели, а в структуре науки наряду с плохо укомплектованными научными центрами НИИ много научных направлений, в которых нет специалистов вообще».

Уделяя внимание налаживанию научно-исследовательской работы, восстановлению престижа научно-технических специалистов²⁹, китайская пресса критикует укоренившуюся при жизни Мао Цзэ-дуна точку зрения о том, что умственный труд — это наиболее презираемый вид общественной деятельности, а ликвидация научно-исследовательских учреждений, преследование

научных работников и опытных специалистов — это «новый опыт». Теперь китайское руководство рассматривает интеллигенцию как «костяк и боевую силу на передней линии науки и техники, просвещения, здравоохранения, культуры и печати». Интеллигенцию призывают «не бояться заниматься изучением и исследованиями в области технических наук, не бояться заниматься теорией, не бояться изучать передовые достижения зарубежной науки»³⁰.

Ведется работа по популяризации науки среди молодежи, выдвигаются требования действенного контроля за научной работой, начался прием в аспирантуру. Принятые должны быть политически грамотными, иметь высшее образование, обладать сравнительно глубокими знаниями по специальности, в достаточной степени владеть иностранными языками, уметь вести научную работу и т. п.

В 1977—1978 гг. в Китае велась работа, во-первых, по восстановлению научно-исследовательских учреждений «с должной системой разделения труда, назначением директоров», работающих под руководством партийных органов, секретарями в которых назначаются «специалисты или почти специалисты»; во-вторых, создан Государственный комитет по науке и технике при Госсовете КНР; в-третьих, Государственным плановым комитетом подготовлены предложения по долговременному планированию научного и технического развития; в-четвертых, министерствами и ведомствами, а также парткомами провинций, городов центрального подчинения и автономных районов представлены сведения о положении и перспективах развития науки. По всей стране было проведено обсуждение вопросов развития науки и техники.

В результате были подготовлены предложения к Всекитайскому совещанию по вопросу развития науки, состоявшемуся во второй половине марта 1978 г. На совещании был вынесен проект плана развития науки и техники в масштабе всей страны на 1978—1985 гг. В принятом на совещании документе определены следующие позиции: 1) По некоторым важнейшим отраслям науки и техники приблизиться или достигнуть передового мирового уровня 70-х годов. 2) Довести число научных работников до 800 тыс. человек. 3) Создать ряд современных научно-экспериментальных баз. 4) Создать общегосударственную многоотраслевую систему научно-технических исследований³¹.

На совещании с докладом выступил член Политбюро ЦК КПК, вице-президент АН Китая, председатель Комитета по науке и технике Фан И, который для решения этих четырех задач на первое место выдвинул восемь главных направлений:

³⁰ «Гуанмин жибао», 29.III., 24.VI., 8.XII.1977.

³¹ См. «Хунци», 1978, № 4, с. 23.

²⁷ «Жэньминь жибао», 7.III.1978.

²⁸ «Spiegel», 21.XI.1977.

²⁹ Если верить сообщению агентства «Жэньхуа», то за год с лишним после разгрома «четверки» АН Китая и подведомственные ей организации в Пекине восстановили на работе всех, кто ранее ее лишился. Реабилитируются также и погибшие ученые. Так, 5.III.1978 г. на кладбище Бабаошань состоялась церемония захоронения урн с прахом ученого-геофизика Чжао Цзю-чжана и математика Сюн Цин-лая, погибших «по линии Бяо и «банды четырех»».

1. В области сельского хозяйства — ведение комплексного обследования земледелия, лесного хозяйства, животноводства, подсобных промыслов и рыболовства, рационального освоения и использования этих ресурсов и охраны окружающей среды; внедрение передовой агротехники и механизации сельского хозяйства.

2. В области источников энергии — продолжение поисков новых нефтяных и газовых месторождений, осуществление механизации ведущих угольных шахт, создание крупных гидроэлектростанций, тепловых и атомных электростанций, ведение исследований по использованию солнечной энергии, внутреннего тепла Земли, энергии ветра, приливов и отливов, исследований по управлению термоядерному синтезу.

3. В области сырья и материалов — ведение исследований, направленных на обеспечение металлургической промышленности сырьем и материалами, выход на первое место в мире по производству титана и ванадия, приближение или достижение передового мирового уровня в области технологии извлечения меди, алюминия, никеля, кобальта и редкоземельных металлов; развитие высокими темпами производства цемента и других строительных материалов нового типа (пластмассы, синтетический каучук и синтетические волокна), отличающихся прочностью и многообразием применения.

4. В области компьютерной техники — создание сравнительно квалифицированных научных кадров, компьютерной промышленности, внедрение микровычислительных машин и введение в эксплуатацию сверхскоростной крупной ЭВМ.

5. В области лазерной техники — изучение и развитие за первые 3 года лазерной физики, лазерной спектроскопии и нелинейной оптики, решение серии научно-технических проблем в оптической связи и т. д.

6. В области космической науки и техники — создание современного центра по исследованию космического пространства, разработка и запуск научных и прикладных искусственных спутников Земли, космических лабораторий и зондов.

7. В области физики высоких энергий — сооружение за первое пятилетие протонного ускорителя мощностью 30—50 млрд. электронвольт и еще более мощного — в последующее пятилетие.

8. В области генетики — развертывание фундаментальных исследований в области генной инженерии в сочетании с исследованиями в молекулярной биологии, молекулярной генетике и биологии клетки; внедрение новой техники генной инженерии в медицину и фармакологию, в профилактику и лечение трудноизлечимых заболеваний, в выведение новых высокоурожайных культур, способных фиксировать азот.

Фан И указывал на необходимость комплексного использования ресурсов, на использование промышленных отходов и уменьшение загрязнения окружающей сре-

ды и т. д. В программе намечены более конкретные задачи по проведению научных и технических исследований в 27 отраслях (природные ресурсы, сельское хозяйство, промышленность, военное дело, транспорт, океанология, охрана окружающей среды, медицина, торговля, культура, просвещение и др.), а также исследования по фундаментальным и прикладным наукам, из которых выделено 108 видов работ в качестве наиболее важных.

Однако в отличие от 12-летнего плана этот план имеет совершенно иные цели и характер, не совместимые с принципами социализма. Националистическое, великодержавное знамя, под которым проходит КНР кампания по созданию современной науки и техники, призвано подогреть в народе чувство национальной исключительности. Непомерно раздуваются успехи, достигнутые китайскими учеными в далеком прошлом и за время существования КНР. Особенно бросаются в глаза призывы к созданию великого Китая, оснащенного ракетно-ядерным оружием.

Призывая парткомы всех ступеней «сobilизовать всю партию, бросить все силы в науку», нацеливая их на организацию работы по пропаганде и изучению Сообщения ЦК КПК о созыве Всекитайского совещания по развитию науки, пекинские правительники открыто ведут пропаганду войны. «Оборона страны в современных условиях... писала «Жэньминь жибао», — неотделима от развития науки и техники. Атомная бомба, водородная бомба, управляемые ракеты и т. п. являются продуктом современной науки и техники. К тому же вслед за развитием науки и техники могут появиться новые виды оружия. Мы должны осуществлять модернизацию нашей обороны, должны всемерно крепить нашу оборонную мощь»³².

Китайские руководители не только не скрывают военной направленности нынешней кампании по развитию науки и техники, они ее подчеркивают. Открытие Всекитайского совещания по вопросу развития науки было приурочено к 20-й годовщине создания Академии военных наук, в связи с чем Е Цзянь-ин выступил со статьей «Развивать передовую пролетарскую военную науку нашей страны», в которой наряду с панегириком Мао Цзэ-дуну, которому «мешали» Пэн Дэ-хуай, Линь Бяо и «группа четырех», призывал следовать совету древних — «во время мира готовиться к войне», тем более «в современном переломном мире, чреватом большой войной из-за прорывов двух сверхдержав — Советского Союза и США»³³.

Высшие руководители страны (Е Цзянь-ин, Дэн Сяопин, Ван Дун-син, Сюй Сяньцян, Не Жун-чжэнь, Чэнь Сянь-линь, Вэй Го-цин, Су Чжэнь-хуа, Чжан Тин-фа, Ван

³² «Жэньминь жибао», 24.IX.1977.

³³ «Жэньминь жибао», 15.III.1978.

Юнь, Су Юй, Ло Жуй-цин) посетили специально военных наук министерства обороны и встретились с ее работниками. Этот визит явился своеобразным прологом ко всей работе Всекитайского совещания по вопросам развития науки и последующей маоистской практики, когда акцент делается на части науки, связанные с военным производством, с пропагандой войны.

Ускорение модернизации обороны — требование подготовки к войне и важнейшее содержание возложенной на нас исторической генеральной задачи на новый период — говорится в статье «Осуществить модернизацию обороны»³⁴.

В начале мая 1978 г. в Пекине проведено рабочее совещание по вопросам развития науки и техники, созванное по инициативе пекинского горкома. На нем был предложен план развития науки и техники

1978—1985 гг. в соответствии с документами Всекитайского совещания по вопросам развития науки, принято решение создать в Пекине в течение 8 лет современную электронную промышленность и оптическое приборостроение. В августе с.г. в значащую состоялась 4-я Всекитайская научная конференция по проблемам лазерной техники. Ее работой руководил вице-президент АН Китая Ян Ци-цы. На конференции было представлено 250 докладов сообщений из 120 научно-исследовательских учреждений, вузов и промышленных предприятий. В городе Урумчи в июле проведено совещание по вопросам развития науки в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Выше 1200 представителей научно-исследовательских учреждений обсуждали проблемы внедрения в производство электронных и полупроводниковых приборов, биохимических препаратов. В отдельных провинциях (Хубэй, Гуанси) составлены 88-летние планы развития науки и техники, предусматривающие «ликвидацию отсталости отечественной науки и техники». Для решения этих задач Китай намерен значительно увеличить число студентов, обучающихся за границей (особенно в Европе), до 3000 человек, а через 10 лет это число может возрасти до 10 тыс. Просьба принимать по 5 тыс. студентов ежегодно поставлена в неофициальном порядке перед США во время визита в Пекин в июле 1978 г. Фрэнка Пресса³⁵, главы американской научной делегации, советника президента Картера по науке и технике. Вице-президент АН Китая Чжоу Пэй-юань выразил надежду на то, что отношения в области науки и техники с США и другими странами будут постоянно развиваться в

связи с хорошим началом, положенным этим визитом. Фан И, выступая на приеме в честь этой делегации, сказал, что Китай постоянно стремится учиться у других народов и стран в тех областях науки и техники, в которых они сильны. «Поскольку американский народ, — заявил Фан И, — находится на переднем крае мировой науки и техники, мы можем многому научиться. Еще более широкие перспективы откроются в области научно-технических контактов и двустороннего сотрудничества после окончательной нормализации китайско-американских отношений».

Желание получить научные и технические знания на Западе толкает Китай к негласному поощрению выезда граждан из страны для «посещения родственников», контактов китайцев с иностранцами и смешанных браков. Китай заинтересован в получении знаний прежде всего по технике и естествознанию. Студенты, согласно сообщению агентства Франс Пресс, разделяются на 3 категории: 1) выпускники школ, сдавшие в марте экзамены; 2) молодые специалисты, которым нужна быстрая и более специализированная подготовка; 3) лица свободных профессий, которым нужна специализация.

Нынешние руководители Китая, по-видимому, хотели бы повторить и японский вариант «технической революции», на который они смотрят с завистью. Пагубная для развития науки общеполитическая платформа маоизма, поджигательские призывы к перекраиванию карты мира при помощи самых смертоносных видов оружия, от чего в нынешнем Китае пока не собираются отказываться, низкий уровень развития науки и техники — все это таит в себе неизбежность конфликта в современном китайском обществе. С другой стороны, какие бы усилия ни предпринимались нынешними китайскими руководителями в деле налаживания научно-исследовательской работы, в среде научных работников долго будет жить боязнь быть опять подвергнутыми поруганию.

Курс на милитаризацию страны неизбежно приведет к острейшим конфликтам великодержавных устремлений с потребностями экономического, социального и культурного развития китайского общества, в том числе развития науки и техники в Китае. Пекинские руководители до сих пор не могут представить никаких реальных обоснований своей программы «четырёх модернизаций», никаких доказательств ее действительности. Решить подобные грандиозные задачи при общей нестабильности политической обстановки в стране, да к тому же волонтаристскими, субъективистскими методами, — задача весьма и весьма трудная, а в такие ограниченные сроки она просто невыполнима.

³⁴ «Жэньминь жибао», 31.V.1978.

³⁵ «Christian Science Monitor», 3.VIII.1978.

Школа на службе маоизму

*Н. Е. Боровская,
кандидат филологических наук*

В современном Китае продолжают нарастать глубокие противоречия между социал-шовиннистской политикой пекинского руководства и объективными потребностями развития страны.

Ускоренное экономическое развитие, повышение материального и культурного уровня, безусловно, отвечало бы коренным интересам китайского народа, однако выдвигание военных нужд на первый план ставит под сомнение достижение этих целей. С другой стороны, намечаемые нынешним руководством меры для увеличения промышленного производства, в том числе активизации инженерно-технического персонала, повышения квалификации рабочих и т. п., не устраняют коренных причин многолетних неудач, а означают лишь создание элементарных условий для функционирования современного производства.

На I-й сессии ВСНП 5-го созыва (март 1978 г.) Хуа Го-фэн усиленно развивал тезис о том, что преодоление экономической и технической отсталости Китая является вопросом жизни и смерти государства. По его словам, отставание Китая от уровня передовой науки и техники за последнее десятилетие увеличилось (по подсчетам специалистов — на 10—15 лет и более). Усиленное подчеркивание этого обстоятельства имеет, конечно, и пропагандистский смысл — изображение заботы о судьбах государства и народа. Однако по существу подобное отставание волнует пекинских лидеров прежде всего в плане состояния военного потенциала страны.

Выступая на сессии ВСНП, Хуа Го-фэн, в частности, призвал искать и готовить квалифицированные кадры, «ломавая общепринятые шаблоны». Что это означает в современном Китае?

Решения сессии вслед за XI съездом КПК явно продемонстрировали стремление более эффективно приспособить идейное наследие Мао Цзэ-дуна к нуждам великодержавно-гегемонистского курса Пекина, проводить прежние маоистские установки более «квалифицированными» и изощренными методами. Так, например, ключ к осуществлению так называемых «четырёх модернизаций» сегодня в Китае видят в квалифицированных специалистах. В до-

кладе Хуа Го-фэна было отмечено, что «во всех участках работы ощущается нехватка молодых кадров со специальными знаниями»¹. Несколько раньше, летом 1977 г., признавал, что «ряды научно-технических работников малочисленны и уровень их низок»². Острая нехватка специалистов высшим образованием должна была ощущаться уже к 1966—1967 гг.: по подсчетам зарубежных сиологов, в течение 1956—1967 гг. общая потребность в научных инженерно-технических работниках должна была составлять около 6 млн. человек, тогда как получили высшее образование в 1949 по 1966 г. всего 1550 тыс.³

За годы «культурной революции» и последующие несколько лет страна недополучила более 1 млн. специалистов. По одному выражению видного китайского физика, ныне председателя научно-технического общества Чжоу Пэй-юаня, с кадрами специалистов сложилось такое положение, когда «старый урожай на исходе, а новый еще на корню».

Репрессии, обрушившиеся на интеллигенцию, привели к тому, что она в значительной степени бездействовала. Судьба выпускников вузов 70-х годов трагична и по другой причине — лишь небольшая часть из них, формально имеющих высшее образование, может быть использована на работе по специальности ввиду чрезвычайного низкого уровня их подготовки. Большинство выпускников последних лет придется обучиваться.

Нынешнее китайское руководство пытается списать вину за подобное положение на «четверку», которая «держала народ невежеством», заявляя, «чем неграмотнее революционной», утверждая при этом, что нужны специалисты лишь одного «профиля» — «передовой отряд борцов против горстки идущих по капиталистическому пути»⁴.

¹ «Жэньминь жибао», 7.III.1978.

² «Хунци», 1977, № 9, с. 86.

³ Chu-yuan Cheng. Scientific and engineering manpower in Communist China 1943—1963. Wash., 1965, p. 110.

⁴ См. «Гуаньмин жибао», 24.XI.1977.

⁵ «Хунци», 1977, № 9, с. 12.

Обвиняя «четверку», китайское руководство умалчивает о том, что «революция в образовании», являющаяся составной частью «культурной революции» и погубившая «золотой урожай» специалистов на корню, проводилась по инициативе и с благословения Мао Цзэ-дуна. Когда сегодня в Китае заявляют, что «четверка» «сеяла анархию в среде учащихся, подогревала хулиганские настроения», вспоминается, как «блудливую» молодежь поднимали на борьбу с партийными кадрами, «авторитетами», в частности профессорами и преподавателями, под девизом самого Мао Цзэ-дуна: «Бунт — дело правое».

Звание интеллигента ныне реабилитировано, их уже не называют «вонючим девятым сословием». Однако привить народу, особенно молодежи, уважительное отношение к преподавателям однородовой кампанией нельзя. По рассказам учителей из Пекина, до сих пор педагог, осмелившийся сделать замечание ученику, рискует в конце дня обнаружить свой велосипед, оставленный утром у дверей школы, сломанным.

Ев то же время определенные силы в китайском руководстве, увлеченные идеей превращения Китая в мощную милитаристскую державу, готовы расшаркаться перед «специалистами» и «авторитетами». Учителям, как и научным работникам, теперь обещано обеспечивать не менее $\frac{5}{6}$ рабочего времени для труда по специальности⁶. Перемена весьма существенная, если вспомнить, что в предшествующие годы у преподавателей совершенно не оставалось времени для подготовки к занятиям — им приходилось ежедневно наравне со всеми членами коммуны трудиться в поле.

Учителя и учащиеся, которым на протяжении многих лет прививалось пренебрежительное отношение к учебе, потеряли интерес к занятиям. Потребуется немало усилий, чтобы вернуть молодому поколению веру в науку. На это уйдет не один год. Теперь в стране развернулась широкая кампания не столько «популяризации», сколько «реабилитации» научных знаний среди народа вообще и особенно среди молодежи и школьников (показ научно-популярных кинофильмов, выставки научно-технического творчества, встречи молодежи с известными учеными, публикация в печати очерков и рассказов о научных достижениях).

Политика руководства, возглавляемого Хуа Го-фэном, на первый взгляд свидетельствует о том, что оно озабочено прежде всего развитием экономических функций образования — подготовкой кадров, способных принять участие в подъеме производства. «Образование должно служить экономическому базису»⁷ — таков лозунг сегодняшней китайской пропаганды. Выпускники трехлетних лет, получившие практические навыки для работы в отраслях местной (зачастую кустарной) промышленности и в

сельском хозяйстве, не могут удовлетворить требованиям современной промышленности. Отсутствие широкой общетехнической подготовки не позволяет им как эффективно работать в народном хозяйстве, так и быстро повысить квалификацию или переквалифицироваться.

Цель нынешних мероприятий в области образования очевидна — подготовить отряд специалистов, способных обеспечить развитие модернизирующихся отраслей экономики в максимально сжатые сроки, дабы по крайней мере к концу столетия Китай был во всеоружии для осуществления своей гегемонистской «миссии». Один из руководителей министерства просвещения назвал нынешнюю политику в образовании «более гибким применением основных принципов», т. е. курса, заложенного Мао Цзэ-дуном⁸.

Ускорение темпов подготовки кадров — не новая для Китая задача, ее пытались решить путем сокращения школьного курса с 12 до 9 лет, а институтского — до 2,5—3,5 лет. Нынешнее руководство не отбросило это средство в целом, а избавилось только от крайностей: школьная десятилетка теперь дополняется 4—5-годичным вузовским курсом. Принимаются и другие меры — после того, как ЦК КПК официально высказался за прием в школы с более раннего возраста, некоторые районные отделы образования вынесли решение о приеме детей в городской местности с 6 лет (вместо 7)⁹. Раннее развитие способностей, школьное обучение детей с 6 и даже 5 лет, ускоренное развитие высшего образования — вот те вопросы, которые привлекают сегодня внимание китайских педагогов и исследуются центром по изучению зарубежного опыта в педагогике, восстановленным в 1978 г. На основании опыта Франции, ФРГ, США, Японии были составлены соответствующие рекомендации¹⁰. Подобные меры уже обсуждались в 1957 г. при подготовке «скачка», но тогда сторонники поступления в школу с 7 лет победили, мотивируя свою позицию тем, что большинство окончивших начальную школу идет работать на производство и снижение возраста поступления в школу означает, что к работе будут приступать дети 12 лет. Очевидно, что эта мера может быть оправдана только после введения всеобщего среднего образования, которое китайское руководство запланировало на 1985 г. — срок весьма сомнительный.

⁸ «The China Quarterly», 1977, № 72, p. 818.

⁹ См. «Гуанмин жибао», 4.VII.1978.

¹⁰ В настоящее время педагогика Китая — наука очень молодая для этой страны — ориентируется преимущественно на опыт развитых капиталистических стран, пренебрегая достижениями социалистической педагогики. С 1978 г. начали значительно расширяться контакты и китайской высшей школы с вузами капиталистических государств.

⁶ См. «Гуанмин жибао», 24.XI.1977.

⁷ «Гуанмин жибао», 26.I.1977.

Наиболее широко китайская пропаганда рекламирует изменение правил приема в вузы. Часть выпускников, как и прежде, до «культурной революции», будет приниматься в вузы со школьной скамьи (20—30%). Эта мера коснется прежде всего вузов определенных профилей, представляющих наибольший интерес с точки зрения «четырёх модернизаций», а также требующих непрерывности подготовки (институты физкультуры, языковые вузы). В связи с этим следует отметить и другие «новшества».

Впервые после начала «культурной революции» китайским юношам и девушкам было разрешено подавать заявления в вузы самостоятельно и по собственному выбору. К декабрю 1977 г. на 278 тыс. мест было подано 5700 тыс. заявлений, 6 млн. человек приняли участие в июльских экзаменах 1978 г. — молодежь истосковалась по учебе.

Эта мера сопровождается существенными ограничениями: в заявлении местным властям абитуриенты указывают не более 5 вузов и 2 факультетов для каждого вуза, а местные власти решают, куда направить их на учебу¹¹. К экзаменам не будет допускаться молодежь, посланная в предыдущие годы после окончания школы в деревню, но не выехавшая туда «без уважительных причин».

Трудно предсказать, будут ли реализованы даже эти довольно скромные планы. Многолетняя маоистская пропаганда сделала свое дело — многим выдвиженцам «культурной революции» пути решения задач образования представляются «революционными» в духе 1966 г. Они упорно противятся любым, даже незначительным проявлениям здравого смысла. Проходившие в апреле — мае 1978 г. всекитайское рабочее совещание о образовании и всекитайское рабочее совещание по набору в вузы продемонстрировали, насколько сильны их позиции. Они видят даже в незначительных отступлениях от курса «культурной революции» угрозу маоистской «классовой линии» (в вузы в конце 1977 г. принято всего 3—10% лиц не из семей рабочих и крестьян).

Стремление ускорить подготовку кадров продиктовало намеченные министерством просвещения сроки. Проект основных положений плана развития фундаментальных наук Китая, принятый в ноябре 1977 г., предусматривает в течение 3—5 лет создать предварительную, а за 8 лет — многопрофильную систему исследований в Академии наук и вузах. Министр просвещения Лю Сяо, выступая на всекитайском рабочем совещании по образованию, поставил задачу — в течение 3 лет завершить формирование сети учебных заведений, чтобы заложить основу быстрого развития обучения в последующие 5 лет¹².

Нынешняя материальная база школ настолько слаба, что прогнозы министерства

просвещения представляются необоснованными. Прежде всего школы не обеспечены учебными зданиями. Основная причина этого (недостаточность государственных ассигнований) усугубляется тем, что в период «культурной революции» и до настоящего времени партийные, государственные учреждения и воинские части занимали лучшие здания школ, вузов и даже детских садов. Согласно официальной статистике, к маю 1978 г. было занято вузовских зданий на 150 тыс. ученических мест, средних школ на 900 тыс. ученических мест, начальных школ на 810 тыс. ученических мест (соответственно 25%, около 4%, 0,5% их общего числа). Попытки вернуть учебным заведениям занятые помещения, предпринимавшиеся с 1972 г., до сего года не увенчались успехом, так как вселившимся туда учреждениям некуда переезжать. В сентябре 1978 г. Госсовет КНР поддержал требование министерства просвещения немедленно возвратит школы, вузам и детским садам захваченные у них земли, оборудование и помещения — крайний срок назначен на август 1979 г. Печать признает, что отсутствие школьных помещений тормозит развитие просвещения, но в то же время предупреждает, что процесс строительства школьных зданий — дело медленное. Так, например, в «передовой» провинции Аньхой соотношение вновь построенных школьных зданий к занятым другими учреждениями составляет 1:5. Даже если оно является таковым по всей стране, то в 1977 г. было введено в строй менее 1% ученических мест для средних и около 0,1% для начальных школ. Большинство нынешних школьных помещений требует капитального ремонта: потолки текут, а кое-где вот-вот обвалятся, парты разной высоты, сломанные, многие помещения полутемные. До сих пор не ассигнования из госбюджета, а сбор средств с населения, труд учителей и учащихся в строительстве и ремонте зданий признаются важнейшими источниками¹³.

В целях ускоренной подготовки кадров для ведущих отраслей экономики и наращивания военного потенциала нынешнее руководство избрало путь, уже предлагавшийся Чжоу Энь-лаем на сессии ВСНП в 1959 г., — выделение среди учебных заведений всех ступеней группы «ключевых». Обладающие лучшей материальной базой, укомплектованные более подготовленными педагогами, снабженные более современным оборудованием и лабораториями, эти учебные заведения призваны в будущем дать стране основную часть квалифицированных кадров. «Ключевые» учебные заведения составляют около 20% от общего числа вузов, причем подавляющее большинство их (80%) представляют естественнонаучные и технические вузы¹⁴. (В 1977 г. всего 25% абитуриентов

¹¹ См. «Жэньминь жибао», 12.V. и 14.VI.1978; «Гуанмин жибао», 26.VII.1978.

¹² См. «Жэньминь жибао», 11.VI.1978.

¹³ См. «Жэньминь жибао», 20.IX.1978; «Гуанмин жибао», 12.IX.1978; «Жэньминь жибао», 26 и 27.VIII.1978.

¹⁴ См. «Жэньминь жибао», 2.III.1978.

изъято в гуманитарные вузы и на соответствующие факультеты). Среди прочих — всеобщее педагогических, 5 медицинских, 4 сельскохозяйственных и лесных, художественный спортивный вузы.

В «ключевых» школах, создаваемых на уровне провинций, районов (городов), уездов, а также отдельных ведомств и предприятий (20 специализированных школ находятся непосредственно в ведении министерства просвещения), в учебных программах может быть введено углубленное изучение одной из естественных наук или отраслей техники. Имеется в виду прежде всего обеспечение отрасли промышленности, связанные с строительством новых баз черной и цветной металлургии, нефтегазовых промыслов, электростанций, портов.

Руководство Китая, возглавляемое Хуа Гофэном, в области образования вновь (в очередной раз!) провозгласило курс «идти на двух ногах». Его нынешнее толкование подразумевает не просто разграничение регулярных и нерегулярных учебных заведений в отличие от попыток периода «культурной революции» распространить учебно-производственную систему на все учебные заведения, а выдвигание первых в качестве образца, по которому постепенно должна перестраиваться работа учебно-производственных школ. Именно за такую систему ратовал в свое время Лю Шао-ци. В период «культурной революции» его обвиняли в том, что он якобы стремился «загнать детей рабочих и крестьян в учебно-производственные школы и воспитать рабочую силу для нужд государства», под которыми подразумевались выпускники регулярных школ, получившие больше основательную подготовку и имеющие больше возможностей поступить в вузы. Сейчас китайская пропаганда тщетно пытается доказать отличие нынешнего курса «идти на двух ногах» в области образования от «двух систем образования», предлагавшихся Лю Шао-ци, и выдать Мао за его противоположника¹⁵. Это не соответствует действительности: неоднократно выступая в защиту многообразия типов школ, Мао Цзэ-дун подразумевал под этим расцвет учебно-производственных самокупаемых учебных заведений преимущественно сельского типа, был ярким противником единой регулярной школы.

Многие факты (в частности, подтверждение курса Мао «опоры на собственные силы» в народном образовании) свидетельствуют о том, что новое руководство рассматривает нерегулярные учебные заведения не как временную меру, а как долгосрочную вещь: «...длительное время в государственные высшие и специальные учебные заведения будет поступать незначительная часть молодежи, а в ключевые — еще меньше»¹⁶ (в 1976 г. вузы, получающие государственные ассигнования, составляли около 30% их общего числа. — Н. В.). Сосредоточение усилий

на «ключевых» школах под видом тактики «идти на двух ногах» по существу замедляет распространение образования. О противоречивости такого курса заявлял еще в 1959 г. тогдашний министр просвещения: «Пока мы придерживаемся принципа «идти на двух ногах» в деле распространения образования и повышения его уровня, будет оставаться противоречие между количеством и качеством». И теперь большую часть специалистов будут готовить различного типа учебно-производственные, а также вечерние и заочные вузы. В 1977 г. около 400 регулярных институтов приняла около 300 тыс. человек, а слушателей рабочих университетов числится 780 тыс. человек, и еще около 1 млн. человек обучалось в так называемых университетах коммунистического труда¹⁷.

Причина сохранения широкой сети нерегулярных школ и вузов далеко не только в объективных трудностях. Еще в 1951 г. была выдвинута задача: к 1957 г. «все нерегулярные учебные заведения перевести в единую регулярную систему»¹⁸. Теперь никаких конкретных сроков и самой этой задачи в Китае не ставят. Взяв курс на милитаризацию, китайское руководство и не помышляет о значительном увеличении государственных ассигнований на развитие просвещения, на расширение сети школ и вузов за счет средств государственного бюджета. Это косвенно было признано в докладе Хуа Гофэна на сессии ВСНП — он настаивал на «максимальном выявлении всех потенциальных возможностей имеющихся вузов». Более того, китайская печать вынуждена признать, что до сих пор во многих уездах, как и в предыдущее десятилетие, средства, предназначенные на развитие образования, направляются на другие нужды. Например, в уезде Датун (провинция Шаньси) из фондов, предназначенных на развитие образования, было изъято 30 тыс. юаней¹⁹.

Впервые в истории КНР после сессии ВСНП 1978 г. был объявлен дополнительный набор в вузы «приходящих студентов» из числа успешно сдавших экзамены, но не прошедших по конкурсу в декабре 1977 г. Эти студенты не обеспечиваются общежитием, но при распределении на работу получают те же права, что и остальные. Что же касается студентов, получивших образование в нерегулярных и заочных вузах, то, как говорилось на сессии ВСНП 1978 г., они могут претендовать на такое же распределение на работу, как и студенты регулярных вузов, только после сдачи дополнительных экзаменов, подтверждающих наличие у них соответствующих знаний. Различия между вузами разных категорий весьма существенны, однако пекинские лидеры стараются не фиксировать на этом внимания. На всекитайском совещании по набору студентов в вузы и техникумы было даже предложено не

¹⁷ «The China Quarterly», 1977, № 72, p. 816.

¹⁸ См. «People's China», 1951, № 11, p. 17.

¹⁹ См. «Гуанмин жибэо», 7.VII.1978.

¹⁵ См. «Гуанмин жибэо», 1.II.1978.

¹⁶ «Жэньминь жибэо», 7.XII.1977.

допускать для участия в экзаменах в вузы тех, кто уже обучается в 2—3-годичных нерегулярных вузах (университетах коммунистического труда и т. д.).

Подобный курс никак не свидетельствует о процессе демократизации образования. Ни в выступлении Хуа Го-фэна на XI съезде КПК, ни на сессии ВСНП, ни в Конституции КНР 1978 г. даже не декларировался принцип бесплатности образования, в том числе и начального. Следовательно, за исключением относительно малого процента городских детей, обучающихся в школах полного учебного дня, огромная масса сельских детей по-прежнему вынуждена будет довольствоваться примитивными школами, не открывающими доступа к высшему образованию.

Лучше по сравнению с предыдущим десятилетием будет обстоять дело с постановкой преподавания в школах полного учебного дня, однако цели и характер обучения неизбежно будут диктоваться великодержавным курсом китайского руководства.

В феврале 1978 г. был составлен экспериментальный проект учебных планов для начальных и средних десятилетних школ полного учебного дня²⁰. В учебные планы для начальных школ было включено 8, а для средних — 14 дисциплин (то есть столько же, сколько их было до «революции в образовании»). Нагрузка учащихся еженедельно (классные занятия) примерно такая же, как в 1956/57 учебном году — 26 часов в начальной и 28—29 в средней школе. Согласно одобренному Госсоветом КНР Проекту введения в опытном порядке системы десятилетнего образования в дневных школах²¹, срок обучения в каждой из ступеней школы теперь на год меньше (до 1966 г. 12 лет, в период «культурной революции» 9 лет). Учебные программы по сравнению с серединой 50-х годов сокращены и, очевидно, составляются на основе экспериментальных проектов, которые разрабатывались после апрельской сессии ВСНП 1960 г.

В школьных программах делается акцент на предметы естественнонаучного цикла — физику, химию, математику. Новые единые и стабильные учебники по этим дисциплинам составлены (только для «ключевых школ») на основе «последних достижений современной мировой науки».

Все эти тенденции, несомненно, отражали бы объективные потребности индустриализации, если бы не решимость пекинских правителей спекулировать ими в целях наращивания военного потенциала в гегемонистских интересах.

Что касается преподавания гуманитарных дисциплин, то новое руководство продолжает идти по пути, намеченному «культурной революцией». Язык и литература остались единым предметом, как это было в старом Китае (они были разделены только на короткий период в 50-е годы). Это полностью

противоречит научному подходу и приводит к малограмотности и бескультурью выпускников. Как в свое время и «ультралевые», новое руководство сочло, что материалы по древней и средневековой литературе и истории излишне загромождают программы и отнимают у учащихся слишком много времени. Учебники по этим дисциплинам предполагается сокращать за счет почти полного исключения материалов по древности и средневековью²². Было решено (со ссылками на Мао Цзэ-дуна) включить в учебники по истории материал в основном по новейшему периоду. Часто проводятся вульгарные аналогии развития литературы с историей научных открытий. Тем самым китайское руководство лишает молодежь возможности сознательного осмысления исторического и историко-культурного процесса.

Трудно предвидеть, насколько долго продержатся подобные программы и учебники. По признанию журнала «Хунци», «революция в образовании переживает ныне экспериментальную стадию»²³. Однако подобный подход к составлению учебных программ — еще одно доказательство пренебрежительного отношения китайского руководства к культурной функции образования.

Явно подыгрывая недовольству учителей и учащихся перегрузкой производственным трудом, новое руководство демагогически заявило, что «четверка» исказила указания Мао Цзэ-дуна об «обучении при открытых дверях», о «связи теории с практикой». В печати и на совещаниях работникам народного образования неоднократно внушалось, что в указании Мао Цзэ-дуна от 7 мая 1966 г., развернувшем «революцию в образовании», участие в промышленном и сельскохозяйственном труде, военное дело и «критика буржуазии» рассматривались как занятия второстепенные, что главное дело школьников — учеба. Однако на практике удельный вес труда уменьшился только в расписании регулярных школ, особенно «ключевых». В пекинских средних школах учащиеся уже не трудятся на пришкольных заводиках и сельскохозяйственных участках по несколько часов в день — для этого отводится 2 дня в неделю, начиная с 3 класса. Помимо этого, школьники по-прежнему работают 2 месяца в период каникул.

Удельный вес общеобразовательных дисциплин в расписании регулярных школ повысился. В 1977 г. в старшей средней, младшей средней и начальной школе каждый семестр им отводилось соответственно 75, 80 и 85% учебного времени (в начале 70-х годов — 60, 60 и 70%). Что же касается учебно-производственных школ, то работа на пришколь-

²² В конце 1977 г. китайская печать упоминала о письме ученика средней школы, в котором признавалось, что не только он и его одноклассники, но и многие студенты не знают величайших классиков китайской литературы Ли Бо и Ду Фу («Гуанмин жибао», 29.XI.1977).

²³ «Хунци», 1977, № 12, с. 13.

²⁰ См. «Гуанмин жибао», 22.II.1978.

²¹ См. «Жэньминь жибао», 13.II.1978.

в школах и сельскохозяйственных учреждениях в целях самокупаемости по-прежнему является важной составной частью учебного процесса.

Еженедельные занятия различными видами (трудовой и общественной деятельности включая дополнительные занятия) ограничены 10 часами в начальной и 14—15 в средней школе²⁴, что не на много отличается от занятия регулярных школ до «культурной революции». Как заявил Дэн Сяо-пин, выступая на всекитайском рабочем совещании по образованию, «различные ступени и виды школ должны по-разному решать вопрос о том, в каком виде деятельности будут участвовать учащиеся, куда посылать их на работу и на какой срок»²⁵.

Призывая «установить правильное соотношение между воспитанием политической деятельности и овладением специальными знаниями», новое руководство не отказывалось от привлечения школьников к участию в политических кампаниях и продолжает сводить все внутриполитические баталии к школе — критика «четверки» занимает огромное место в воспитательной работе школы. Материалы текущих политических кампаний по-прежнему используются в качестве учебных пособий на уроках языка²⁶. Отвечая на вопросы корреспондента одной центральной газеты о том, каковы будут новые учебные планы, ответственный работник министерства просвещения особо подчеркнул, что в сфере нравственного воспитания в них будут поставлены задачи научить детей «смело критиковать ревизионизм»²⁷. Это, как известно, означает воспитание молодежи в духе ненависти к Стране Советов.

По сообщению газеты «Тяньбао» от мая 1978 г., министерство просвещения совместно с другими ведомствами разослало инструкции по вопросам спортивной и санитарно-гигиенической работы в школах, в указывалось на необходимость соединения этой работы с «учебой у НОАК», ведением «подготовки к войне», с занятиями волевыми видами спорта: строевой подготовкой, метанием гранат, маршами с полной выкладкой и т. п.

Подошло к тому как в конституции 1978 г. введен весь набор средств политического террора времен «культурной революции», в

идейно-воспитательной работе с молодежью сохранены все методы контроля за политическими настроениями («собрания критики» и прочее), воспитания воинствующих националистов, «нерассуждающих винтиков». Одно из подтверждений этого — так называемое движение за выработку «революционного стиля», развернувшееся по инициативе 10 пекинских начальных и средних школ²⁸. На всекитайском рабочем совещании по образованию Дэн Сяо-пин обратился к школьникам с маоистским призывом «упорно трудиться, героически противостоять врагу», который звучал с 1963 г., после того как Мао Цзэ-дун призвал «учиться у Лэй Фэна». Лэй Фэн как «образцовый герой» остался, хотя и в видоизмененном облике — он стал служить воплощением идеала «и красного, и специалиста», умелого вожатого, ратующего за подтягивание дисциплины в школе.

Выполнение поставленной на сессии ВСНП задачи — ввести к 1985 г. всеобщее обязательное 10-летнее образование в городах и 8-летнее в деревнях — если и возможно, то при невообразимом напряжении сил, за счет «самокупающихся» учебно-производственных школ. Базы для иного результата пока в Китае не создано. Хуа Го-фэн в докладе на сессии ВСНП назвал всеобщее начальное образование основой для планов на будущее. Как уточнило всекитайское рабочее совещание по образованию, на это отводятся ближайшие 3 года. Между тем еще в начале 1976 г. было объявлено о выполнении этой задачи.

Основание для сомнений по этому поводу дала сама китайская печать. Еще в 1972 г. местные власти признавали, что представленные ими цифры по отдельным уездам о введении всеобщего начального 5-летнего обучения были дутыми, а спущенные ранее сверху директивы о немедленном введении начального всеобщего обучения не соответствовали объективным экономическим условиям. Оказалось, что в отдельных районах начальным 5-летним образованием было охвачено всего 70% детей школьного возраста. Во многих районах, особенно горных и пограничных, ввиду тяжелого материального положения семей далеко не все дети посещали начальную школу, а те, кто ходил в школу, посещали занятия нерегулярно и не всегда ее оканчивали. В связи с отсевом в процессе учебы (по отдельным коммунам и уездам — 7—10%, а то и 22%) реально получивших образование оказывалось значительно меньше объявленного процента охвата обучением²⁹.

Фальсифицированной статистике, публиковавшейся в предшествующие десятилетия, как свидетельствуют сейчас должностные лица в самом Китае, верить нельзя³⁰. Статистические данные о числе учащихся, опубликованные китайской печатью в 1977 г.,

²⁴ См. «Гуанмин жибао», 22.II.1978.

²⁵ «Жэньминь жибао», 26.IV.1978.

²⁶ В ряде средних школ, начиная с 1977/78 учебного года, на уроках языка введен дополнительный раздел — «Восхваление председателя Хуа, разоблачение и критика «идеи четырех». Партийным ячейкам начальных школ предлагалось равняться на начальную школу «Наньцайюань» города «Заньцзякоу (провинция Хэбэй), где было составлено около 40 рассказов (в других школах — это песенки) о Хуа Го-фэне в качестве дополнительного учебного материала «Гуанмин жибао», 3.V.1977).

²⁷ «Гуанмин жибао», 22.II.1978.

²⁸ См. «Гуанмин жибао», 31.V.1978.

²⁹ См. «Гуанмин жибао», 30.VIII.1972;

«Жэньминь жибао», 26.III.1972.

³⁰ См. «Правда», 13.XI.1977.

весьма путаны и противоречивы: то 200 млн., то 100 млн.³¹ По нашим оценкам, оно составляет примерно 170 млн. человек и в ближайшие несколько лет вряд ли значительно увеличится.

24 ноября 1977 г. «Гуанмин жибао» сообщила, что за 17 лет (с 1949 по 1965 г.) 102,6 млн. неграмотных были обучены чтению. Эта цифра, во-первых, опровергает фантастическую цифру, приводимую в китайской же печати, согласно которой только в 1958 г. 90 млн. человек посещали курсы ликбеза³². Во-вторых, она свидетельствует о том, что после 1957 г. работа по ликвидации неграмотности велась медленно, неорганизованно, формально.

Если в 1965 г. школу посещало 61,7% детей школьного возраста, следовательно, сегодня около 40% молодежи неграмотно. В отдельных районах, населенных наименьшими числами, в 1965 г. школу посещало 20—30% детей школьного возраста, и неграмотная молодежь там составляет 70—80%. По оценкам зарубежных исследователей, в целом по стране к середине 70-х годов было неграмотно 40% населения страны³³, то есть столько же, сколько в середине 60-х годов. В городе этот процент ниже, тем не менее 16 декабря 1977 г. «Гуанмин жибао» писала об организации пекинскими уличными комитетами курсов по ликвидации неграмотности, которые посещают как те, кто никогда не учился, так и те, которые когда-то учились на подобных курсах, но все забыли. Как признала сама китайская печать, работа по ликвидации неграмотности глохнет каждый раз, когда разворачивается очередная «политическая кампания»³⁴.

Последовательная демократизация образования как сторона социалистической культурной революции возможна только на базе глубоких и всесторонних общественных преобразований, которых сегодня в Китае нет. Демократизация образования предполагает возможность не только поступления в то или иное учебное заведение, но и завершения обучения и его продолжения. Уровень образования в стране останется низким до тех пор, пока руководство Китая не создаст

реальные условия для его повышения. Расширение сферы обучения и повышение его качества — процесс длительный, многолетний и требующий крупных затрат. На нем не могут не сказываться такие отрицательные факторы, как отсутствие систематической работы по ликвидации неграмотности, тяжелое материальное положение населения, острая нехватка педагогического персонала и школьного оборудования.

Судя по разноречивости некоторых сообщений китайской печати, в сфере просвещения идет острая борьба. В мае 1977 г. на совещании в Шанхае сообщалось, что в некоторых учебных заведениях оказывается сопротивление критике «четвертки». В конце 1977 г. печать признавала, что эта кампания «проходит неравномерно»³⁵. Тем не менее если нынешние тенденции удержатся, то можно рассчитывать на некоторые сдвиги. Но отказавшиеся от псевдоэгалитаризма инициаторов «культурной революции» нынешние пекинские лидеры не поставили дело народного образования на социалистические рельсы, как они пытаются это представить, а всего лишь нормализуют положение в области образования на самом элементарном уровне. Все преобразования в этой области сводятся лишь к некоторому возрождению структуры образования, но не его характера. Осуществление действительных материальных и иных гарантий равноправия в образовании, развитие культурно-воспитательных функций государства, использование научно-технических знаний для улучшения жизни народа, идейно-политическое и нравственное воспитание масс — только решение этих и многих других задач позволяет говорить о социалистическом народном образовании.

Целый ряд мероприятий — подготовка единых учебников, создание сети «ключевых» школ, координация развития школ разного уровня, отбор школьников в вузы по способностям, возобновление и расширение деятельности аспирантуры, переподготовка учителей и др. — имеет целью подготовить высококвалифицированных специалистов для нужд гегемонистского курса пекинского руководства, но не для нужд развития самого китайского общества и социалистической культурной революции.

³¹ См. «Жэньминь жибао», 8.IV.1977; «Гуанмин жибао», 29.VIII.1977.

³² См. «Хунци», 1958, № 7, с. 6.

³³ См. «China Notes», N. Y., 1974, vol. 12, № 3, p. 29.

³⁴ «Гуанмин жибао», 25.IV.1975.

³⁵ Там же, 14.XII.1977.

БОРЦЫ ЗА ВЕЛИКОЕ ДЕЛО

Коммунист-ленинец, публицист, литератор.

К 80-летию со дня рождения Цюй Цю-бо

*В. И. Глунин,
доктор исторических наук*

*М. Е. Шнейдер,
доктор филологических наук*

Цюй Цю-бо (29 января 1899—18 июня 1935) был одним из самых выдающихся организаторов, руководителей и теоретиков КПК, видным деятелем международного коммунистического движения, блестящим публицистом и литератором.

В личности Цюй Цю-бо удачно сочетались художественный талант, качества политического бойца, неиссякаемая энергия и поразительное трудолюбие. Его творческое наследие включает многие сотни произведений, отличающихся необычайно широким диапазоном интересов. Это — теория научного коммунизма, политическая экономия, история, китайское и международное рабочее движение, публицистика, поэзия и проза, литературная критика и эстетика, переводы трудов основоположников марксизма-ленинизма, русской классической и советской литературы.

Вступление Цюй Цю-бо в общественно-политическую и литературную жизнь своей страны связано с антиимпериалистическим студенческим движением «4 мая» 1919 г., в котором он принял активное участие. К этому же времени относятся и его первые выступления в пекинской печати, проникнутые жгучим интересом к «большевистской революции» в России, стремлением «понять сущность этой революции»¹. Большое влияние на выбор идейно-политической ориентации Цюй Цю-бо оказал первый китайский марксист Ли Да-чжао, вовлекший его в пекинский марксистский кружок и способствовавший поездке молодого журналиста, довольно свободно владевшего русским языком, в Советскую Россию в качестве корреспондента либеральной газеты «Чэньбао» (Ли Да-чжао был тогда одним из редакторов этой газеты)².

Двухлетнее пребывание в Советской России (1921—1922) оказало решающее влияние на мировоззрение Цюй Цю-бо, его дальнейший жизненный путь профессионального революционера и литератора. Происходит его окончательный переход на позиции марксизма-ленинизма, в феврале 1922 г. он вступает в КПК. Первый представитель китайской прессы в Советской России, он в блестящих репортажах, составивших несколько книг, рассказывал своему народу правду о молодой социалистической республике рабочих и крестьян. Чувствами искренней дружбы и глубокого уважения к родине Октября, к советскому народу, партии коммунистов, принципам подлинного интернационализма пронизаны все творчество и политическая деятельность Цюй Цю-бо.

В богатом и очень разнообразном наследии Цюй Цю-бо содержится множество свидетельств его искренней дружбы к нашему народу. Мы находим эти свидетельства в таких подлинно человеческих документах, оставленных для потомков талантливым литератором, как книги «Путевые заметки о новой России» (1922) и «Сокровенные мысли о Красной столице» (1924), как статья «Возвращение из Красной России», в его очерках и статьях о В. И. Ленине. Чувства дружеского расположения Цюй Цю-бо к нашей стране, к ее культуре нашли свое выражение в той огромной любви и заинтересованности китайского писателя в русской классике и советской литературе, которые он пронес через всю свою яркую жизнь борца за коммунизм.

¹ См. Цюй Цю-бо. Очерки и статьи. М., 1959, с. 89.

² См. М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цю-бо (1899—1935). М., 1964, с. 17—18, 24—25.

В представлении молодого китайского революционера Октябрьская революция была неразрывно связана с величайшими достижениями нашей отечественной культуры. Вот как описал Цюй Цю-бо свои впечатления от первой экскурсии по Москве в начале 1921 г.: «Отгремели годы войны и революции, а светоч русской культуры не померк — он по-прежнему сверкает и искрится. Разрушенные войной железные дороги, отсутствие достаточного количества книг и газет — все это забывается, когда оказываешься в Третьяковской галерее... Величие и богатство русской культуры, ее высокий, подлинно гражданский пафос, необыкновенные таланты и поразительные шедевры, потрясшие весь мир, — все это убеждает в том, как велико значение русской революции!»³.

Всем написанным о Москве, о Советской России Цюй Цю-бо дополнил серию зарубежной публицистики о родине Октября, начатую Джоном Ридом и продолженную другими интернационалистами — друзьями Советского Союза: Альбертом Рисом Вильямсом, Иваном Ольбрахтом, Богумилом Шмералем, Полем Вайяном-Кутюрье. В своих книгах, очерках, газетных статьях и репортажах он знакомил китайский народ с общественно-политическим устройством молодого социалистического государства, его повседневной жизнью, пропагандировал опыт Октября, призывал к братской дружбе между двумя великими народами.

Цюй Цю-бо видел, что советский народ, занятый мирным, созидательным трудом, не помышляет ни о каких территориальных захватах. Лучшим доказательством тому служило значительное сокращение вооруженных сил Республики Советов после окончания гражданской войны. Корреспонденции китайского журналиста убедительно опровергали клеветнические вымыслы об «агрессивности Советов».

С восторгом пишет Цюй Цю-бо о Москве, величии которой китайский журналист видел в революционном энтузиазме⁴.

Цюй Цю-бо стремился правильно понять и оценить мероприятия коммунистической партии и Советского правительства, чтобы донести их подлинный смысл до своих читателей. В статье «Коммуна», например, он разъясняет суть политики военного коммунизма. В статье «Русский социализм» автор приветствует стремление Советского правительства к быстрейшему налаживанию внешнеторговых связей с другими странами. И здесь он объясняет китайским читателям сущность миролюбивой внешней политики Советского правительства, направленной на мирное сосуществование государств с различным строем.

В очерке «Раны войны и расцвет культуры» рассказывается о первых шагах советской власти в установлении культурных и научных связей с зарубежными странами⁵.

Знание русского языка давало возможность, как говорил Цюй Цю-бо, «заглянуть в самую душу общества». Он считал: «Если хочешь разобраться в общественной жизни какой-либо страны, ни в коем случае не следует основываться лишь на нескольких законах и декретах»⁶.

О дружелюбии и радушном гостеприимстве простых советских людей, об их заинтересованности во всем, что касается внутренней и внешней политики Советского правительства, Цюй Цю-бо рассказывает в статье «Возвращение из Красной России»⁷.

Умение Цюй Цю-бо подмечать самое важное, находить общее за отдельными, частными явлениями советской жизни, делать правильные выводы об увиденном — все это свидетельствовало о неуклонном росте политической зрелости молодого китайского революционера⁸.

Многие очерки Цюй Цю-бо посвящены В. И. Ленину. Впервые молодой китайский журналист увидел Владимира Ильича и беседовал с ним в дни работы III конгресса Коминтерна в Москве летом 1921 г.⁹.

В очерке «Красный Октябрь» Цюй Цю-бо делится со своими соотечественниками впечатлениями о праздновании 4-й годовщины Октября на московском заводе «Электросила» («Динамо»), о приезде Ленина к рабочим, о его выступлении перед ними¹⁰.

Цюй Цю-бо и в последующие годы не раз обращался к образу великого вождя трудящихся. В начале марта 1924 г. в Шанхае состоялся траурный митинг памяти В. И. Ленина. Выступая перед собравшимися, Цюй Цю-бо говорил о Ленине как о руководителе первой в мире социалистической революции, основателе славной Коммунистической партии Советского Союза и первого в мире государства рабочих и крестьян. И китайский революционер снова подчеркивал, что Ленин всегда оставался простым, понятным и доступным человеком. Цюй Цю-бо выразил уверенность в том, «что ки-

³ Цюй Цю-бо. Очерки и статьи, с. 62—63.

⁴ См. Цюй Цю-бо. Избранное. М., 1975, с. 32—33.

⁵ См. там же, с. 28—31.

⁶ Там же, с. 28.

⁷ См. там же, с. 41.

⁸ См. там же, с. 46.

⁹ См. там же, с. 34.

¹⁰ См. там же, с. 38.

гайский народ будет вечно преклоняться перед Лениным, так как Ленин — это символ революции»¹¹.

В статье «Ленин и социализм», опубликованной 25 марта 1924 г. в журнале «Дунфан цзачжи» (т. 21, № 6, с. 27—32), Цюй Цю-бо, в частности, пишет: «Бессмертие Ленина в корне отличается от бессмертия всех других героев и великих личностей. Ленин оставил после себя не только доброе имя, не только память о своей личности, о своих добродетелях, о своем духе, перед которыми будут благоговеть грядущие поколения. Он оставил после себя пролетарскую революционную партию, новое пролетарское государство, международную организацию пролетариата...»¹².

И снова о простоте Ленина — титана революции читаем мы в другой статье Цюй Цю-бо, озаглавленной «Ленин» («Чжун сюэшэн», 1932, № 25, с. 56—61): «Ленин — великая личность XX века, но вместе с тем Ленин обыкновенный человек... он был лишь частью массы, лишь частью пролетариата». И далее: «Ленину был чужд бонапартизм... У Ленина нет ничего общего с теми, способными вызвать лишь усмешку великими людьми, которые считают себя пророками, стоящими над массами, или непогрешимыми мудрецами — единственными хранителями высшей истины»¹³.

В январе 1923 г. Цюй Цю-бо возвращается из Москвы на родину и сразу же включается в активную партийную работу. Организаторские способности Цюй Цю-бо, ярчайший талант партийного публициста и теоретика, верность принципам марксизма-ленинизма быстро завоевали ему авторитет среди товарищей. Партия выдвигает его на самые передовые и ответственные посты. На протяжении десяти лет он был бессменным членом ЦК КПК четвертого, пятого и шестого созывов, членом Политбюро ЦК (1927—1930), редактором политических и теоретических органов ЦК — журналов «Синь циннянь», «Цяньфэн», «Сяндао», «Буэрсайвэйкэ». Летом 1927 г., в трудную пору временных неудач революции и кризиса в партии, Цюй Цю-бо был избран на высший руководящий пост — генерального секретаря ЦК КПК.

На этом посту Цюй Цю-бо внес значительный вклад в организацию арьергардных боев национальной революции во второй половине 1927 г. Он участвовал в подготовке плана Наньчанского восстания и плана «восстания осеннего урожая», означавших начало практического поворота партии лицом к деревне, разработку новой политической ориентации партии на аграрную революцию и вооруженную борьбу под лозунгом Советов. Под руководством Цюй Цю-бо партия в 1927—1928 гг. очистила свои ряды от правых оппортунистов, троцкистов и ликвидаторов, преодолела острый организационный кризис и политический разброд. На VI съезде партии Цюй Цю-бо выступил с отчетным политическим докладом ЦК. Немало ответственных заданий партии выполнил он и в последующие годы, работал в составе ЦИК Советского рабоче-крестьянского правительства, был наркомом просвещения, находился в шанхайском подполье, в рядах китайской Красной армии. Он руководил работой III пленума ЦК КПК (сентябрь 1930), между III и IV (январь 1931) пленумами фактически возглавлял Политбюро ЦК.

Цюй Цю-бо был также видным деятелем международного рабочего и коммунистического движения, неутомимым борцом за укрепление братских интернациональных связей между пролетариатами всех стран. Он был участником III, IV и VI конгрессов Коминтерна, в 1922 г. — съезда народов Дальнего Востока, созданного по инициативе Коминтерна, в 1926 г. входил в состав Дальневосточного Бюро ИККИ в Шанхае. Особенно активным было участие Цюй Цю-бо в работе VI конгресса Коминтерна — в рабочем президиуме конгресса, в комиссиях по выработке программы Коминтерна и тезисов о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах. На трибуне VI конгресса он выступил с речью, направленной на защиту принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, подчеркнув необходимость непримиримой борьбы против заражения пролетариата буржуазным национализмом»¹⁴. Цюй Цю-бо был избран членом Исполкома Коминтерна, а затем и Президиума ИККИ, в журнале «Коммунистический Интернационал» публиковал статьи, направленные против международного оппортунизма. В течение нескольких лет он возглавлял Коминтерне делегацию КПК. Заслуги Цюй Цю-бо — интернационалиста были высоко оценены коммунистами многих стран. Когда весть о гибели Цюй Цю-бо (он был расстрелян 18 июня 1935 г. по приказу Чан Кай-ши) стала достоянием мировой общечеловечности, память этого выдающегося китайского революционера отметили в специальных заявлениях Исполком Коминтерна, Центральные Комитеты компартий Японии, Индонезия, Англии, США, Канады и Германии¹⁵.

¹¹ Цюй Цю-бо о В. И. Ленине. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 1, с. 145.

¹² Там же, с. 152.

¹³ Там же, с. 152—153.

¹⁴ См. Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна, вып. IV. М.—Л., 1929, с. 500.

¹⁵ Подробнее об интернационалистской деятельности Цюй Цю-бо см. Е. Ф. Коллеаев. Коммунист-интернационалист Цюй Цю-бо. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2, с. 208—215.

Цюй Цю-бо вошел в историю КПК не только как крупный практический партийный работник, но и как выдающийся теоретик марксизма в Китае. Разносторонне образованный марксист, он внес серьезный вклад в разработку теоретических вопросов китайской революции, стратегии и тактики КПК. В его теоретических трудах и публицистике нашли отражение наиболее актуальные проблемы, возникавшие перед партией в ходе революционной борьбы: классовый состав китайского общества и характер китайской революции, соотношение национальных и социальных аспектов освободительного движения, система классовых и политических союзов и динамика единого фронта, проблемы гегемонии пролетариата и вооруженной борьбы, рабочий и аграрно-крестьянский вопросы и т. д. Теоретическое наследие Цюй Цю-бо содержит немало новаторских обобщений и наблюдений, но в то же время отражает общий уровень развития тогдашней китайской марксистской мысли.

Наиболее плодотворными в политической биографии Цюй Цю-бо были периоды борьбы за единый фронт и национальной революции 1925—1927 гг. Все эти годы он активно отстаивает линию Коминтерна на политический союз коммунистов с национально-революционной партией Сунь Ят-сена в общенациональной освободительной борьбе против милитаризма и империализма, на политическое просвещение и самостоятельную организацию рабоче-крестьянских масс, ведет неустанную борьбу против влияния буржуазного национализма и реформизма на рабочий класс, исследует возможности завоевания гегемонии пролетариата, строительства революционной власти и революционной армии.

Накануне и во время III съезда КПК, когда решался вопрос о вступлении коммунистов в гоминьдан, Цюй Цю-бо вместе с Ли Да-чжао, Чжан Тай-лзем и другими интернационалистами решительно выступил в защиту коминтерновской тактики единого фронта, против «лево»-сектантской линии Чжан Го-тао и Цай Хэ-сэня и ликвидаторской позиции Мао Цзэ-дуна¹⁶. Политическая принципиальность Цюй Цю-бо, его высокая по тем временам теоретическая подготовка были по достоинству оценены ЦК партии, который поручил молодому коммунисту разрабатывать проект партийной программы, представленной III съезду¹⁷.

После III съезда партии Цюй Цю-бо возглавляет редакцию центрального теоретического журнала «Синь циннянь» и нового теоретического журнала «Цяньфэн». Основное внимание в этот период Цюй Цю-бо уделяет теоретическому обоснованию тактики единого фронта, разработке проблем взаимоотношений между буржуазией и пролетариатом, роли и места обоих классов в китайской революции. При этом он настойчиво подчеркивает и конкретизирует на китайском материале положения Маркса, Энгельса, Ленина о необходимости активного участия пролетариата в буржуазно-демократической революции с целью решительного слома отживших феодальных порядков и создания наиболее благоприятных условий для последующей борьбы рабочего класса за социализм¹⁸.

Теоретическую и публицистическую деятельность Цюй Цю-бо сочетает с активным участием в реорганизации гоминьдана и на его II съезде в январе 1924 г. избирается в состав ЦИК этой партии. Летом 1924 г. он сыграл заметную роль в преодолении «лево»-уклонистской линии Чэнь Ду-сю, Цай Хэ-сэня и Мао Цзэ-дуна, добивавшихся выхода коммунистов из гоминьдана, прекращения оказания всякой поддержки военным мероприятиям гоминьдана, ликвидации революционной власти и революционной базы в Гуандуне, что означало бы на практике упразднение единого фронта¹⁹. В то же время в ряде статей он раскрывает процесс политической дифференциации внутри гоминьдана, критикует антикоммунистические выходы и соглашательство правых гоминьдановцев, побуждает гоминьдановских лидеров к более решительным революционным действиям, к развязыванию политической активности рабочих и крестьян в интересах национально-освободительной борьбы²⁰.

¹⁶ Подробнее о дискуссии на III съезде КПК см. В. И. Глунин. Борьба за единый национальный фронт в Китае. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3, с. 128—131.

¹⁷ См. Цюй Цю-бо. Спорные вопросы китайской революции. [Б. м.] 1928, с. 93 (на кит. яз.); В. И. Глунин. Борьба за единый национальный фронт в Китае, с. 127.

¹⁸ См. Цюй Цю-бо. Современный китайский парламентаризм и милитаризм. — «Цяньфэн», 1923, № 1, с. 10—23; Цюй Вэй-то. Развитие китайской буржуазии. — Там же, с. 23—29; его же. Методы империалистической агрессии в Китае. — Там же, с. 40—50; его же. Восточная культура и мировая революция. — «Синь циннянь», 1923, № 1, с. 67—76; Цюй Цю-бо. От демократизма к социализму. — Там же, 1923, № 2, с. 79—102.

¹⁹ См. В. И. Глунин. Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае (1920—1927). — В кн. Коминтерн и Восток. М., 1969, с. 270—280.

²⁰ См. Цзюй Юань (Цюй Цю-бо). Реорганизация гоминьдана и революционное движение в Китае. — «Сяндао», № 49, с. 373—374; Цюй Вэй-то. Гоминьдан и низшие классы. — Там же, № 55, с. 424—425.

Одной из самых ярких страниц в жизни Цюй Цю-бо, оставивших глубокий след в его политическом мышлении, было участие во всеобщей антиимпериалистической стачке в Шанхае, получившей название движения «30 мая» 1925 г. Во время этого движения он окунается в самую гущу рабочих масс, входит в состав Шанхайского Генсовета профсоюзов, редактирует газету «Жэсюэ жибао» — рупор радикального крыла единого антиимпериалистического фронта. С присущими ему страстностью и теоретическим блеском Цюй Цю-бо решительно отстаивает классовые интересы пролетариата против соглашательской буржуазии. Он был инициатором и главным участником борьбы против дайцитаоизма — буржуазного антикоммунистического идеологического течения в гоминьдане, активно проявившего себя летом 1925 г. В ряде статей²¹ и в полемической брошюре «Национальная революция Китая и дайцитаоизм» Цюй Цю-бо подверг сокрушительной критике попытку соглашательской буржуазии остановить революцию на полпути, пресечь развертывание классовой борьбы пролетариата, ограничить ее рамками буржуазно-националистического реформизма.

В полемике с дайцитаоизмом Цюй Цю-бо первым обратил внимание на реакционную сущность китайского буржуазного национализма. Буржуазно-националистические взгляды Дай Цзи-тао и его последователей он расценивал как проявление «империализма китайской буржуазии», как «китайский империализм», претендующий на мировое господство и имеющий откровенно расистский характер²². Примечательно, что в полном виде брошюра Цюй Цю-бо переиздавалась КНР лишь в качестве материала для «внутреннего пользования» в закрытых учебных заведениях. В открытом сборнике «Единый фронт в период первой гражданской революционной войны» (Пекин, 1957) раздел с критикой великодержавных империалистических вождельцев дайцитаоистов полностью опущен.

К числу крупнейших теоретических заслуг Цюй Цю-бо принадлежит его анализ проблем вооруженной борьбы в Китае. Первые его выступления по этому важному вопросу относятся к 1923 г. Призывая к революционной войне и созданию народной армии, Цюй Цю-бо тогда еще не видел конкретных путей к реализации этих общих лозунгов. С 1925 г. он приступает к систематической разработке военной темы. Цюй Цю-бо одним из первых в КПК сформулировал важнейшее положение о том, что в Китае главной ударной силой революции является регулярная революционная армия, а главной формой борьбы — революционная война. Проблемы вооружения и вооруженной борьбы народных масс, боевые действия регулярных революционных армий в тесной связи со всеми иными формами политической борьбы трудящихся детально рассмотрены в серии его статей, опубликованных во второй половине 1925 г. и в первой половине 1926 г. в журнале «Сяндао» (№№ 119, 120, 134, 149, 151, 152, 153, 154, 155, 157, 158). Обобщенная теоретическая трактовка проблем революционной войны в Китае была дана в статье Цюй Цю-бо «К вопросу о вооруженной борьбе в ходе китайской революции»²³, в брошюре «Спорные вопросы китайской революции»²⁴, в статье «Проблемы вооруженного восстания»²⁵, а также в ряде решений, разработанных ЦК КПК под руководством Цюй Цю-бо в 1927—1928 гг.²⁶

С конца июня 1925 г., когда дальнейшее продолжение всеобщей политической стачки в Шанхае становилось бесперспективным, руководство КПК выдвигает лозунг всеобщего вооружения народа. Вооруженная борьба революционного народа мыслится как сочетание вооруженных восстаний масс с военными действиями регулярных революционных армий, хотя соотношение между этими формами вооруженной борьбы оставалось тогда еще неясным. Цюй Цю-бо был одним из наиболее активных пропагандистов идеи вооружения рабоче-крестьянских масс. При этом, однако, в отличие от Чэнь Ду-сю и Ли Ли-саня, склонявшихся к авантюристической попытке организовать вооруженное восстание шанхайского пролетариата в заведомо неблагоприятных для этого условиях, Цюй Цю-бо в своих статьях толковал лозунг вооружения народа лишь как «вооруженную подготовку» к будущей борьбе за власть, а не как

²¹ См. Цюй Цю-бо. Значение движения Цюй Цю-бо и перспективы движения «30 мая». — «Сяндао», № 128, с. 1167—1172; его же. Национальная революция и классовая борьба в движении «30 мая». — Там же, № 129, с. 1183—1186.

²² См. Цюй Цю-бо. Национальная революция Китая и дайцитаоизм. — «Справочные материалы по истории китайской революции», т. 2. Пекин, 1957, с. 85—86 (на кит. яз.). Подробнее о полемике с дайцитаоистами см. А. Г. Крымов. Идеологическая борьба в Китае в период движения «30 мая» 1925 г. — В кн. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1978, с. 61—71.

²³ «Синь циньянь», 1926, № 4, с. 20—30.

²⁴ Цюй Цю-бо. Спорные вопросы китайской революции. [Б. м.] 1928 (на кит. яз.).

²⁵ «Буэрсайвэйкэ», 1927, № 10.

²⁶ См. А. М. Григорьев. Важная веха в истории КПК. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, с. 105.

призыв к немедленному вооруженному восстанию. Он прямо указывал, что «в настоящее время у нас пока еще нет сил» для немедленного свержения существующей власти²⁷.

С осени 1925 г., после октябрьского пленума ЦК КПК, призыв к вооружению народа, к развертыванию революционной войны против милитаристов и империалистов, к активному участию масс в этой войне стал одним из основных политических лозунгов КПК. В связи с разразившейся в конце 1925 г. чжили-фэнтяньской войной Цюй Цю-бо вместе с другими руководителями КПК выступил с призывом превратить войну милитаристскую в войну революционную, в том числе путем использования противоречий между милитаристами. В одной из своих статей он выражал надежду, что «всемирная война против фэнтяньцев сможет стать началом национальной революции, открыть новый период национально-революционного движения»²⁸.

Тема вооружения народа, «вооруженной революции», «революционной войны» и в последующие месяцы постоянно присутствовала в документах ЦК КПК и в партийной пропаганде, в том числе в статьях Цюй Цю-бо, постепенно трансформируясь в лозунг поддержки Северного похода. Таким образом, утверждение маоистской историографии, будто в 1925—1927 гг. руководство КПК пренебрегало вооруженной борьбой или недооценивало ее, а приоритет в постановке проблем революционной войны в Китае якобы принадлежит Мао Цзэ-дуну, не соответствует действительности, если иметь в виду теорию и повседневную политическую пропаганду. Другое дело — практическая реализация идеи вооружения трудового народа. В этой области партия не имела возможности быстро достичь внушительных результатов, хотя и прилагала к этому большие усилия. Начало этой работе было положено еще в 1924 г. участием коммунистов в создании Национально-революционной армии, а затем рабочих дружин (пикетов) во время шанхайской и гонконг-кантонской забастовок, а также крестьянских отрядов самообороны в Гуандуне. Развертывание военной работы партии в общекитайском масштабе связано с решениями октябрьского (1925) пленума ЦК КПК о вооружении рабочих и крестьян, о создании военного отдела ЦК КПК, военных комиссий в Кантоне, Пекине, военных курсов в Шанхае для обучения рабочих дружин. К началу Северного похода партия уже имела кадры боевых офицеров и политработников, прошедших подготовку в военном училище Вампу. Под командованием коммунистов находился ряд подразделений НРА, сыгравших впоследствии видную роль в создании китайской Красной армии.

Анализ опыта использования различных форм революционной борьбы, накопленного в предыдущие годы, приводит Цюй Цю-бо летом 1926 г., накануне Северного похода, к выводу, что этот опыт «уже создал необходимые условия для вооруженной революции»²⁹. Подробно рассмотрев все основные формы борьбы, испытанные в Китае в те годы, — демонстрации, бойкоты, всеобщие забастовки, вооруженные восстания и революционные войны, Цюй Цю-бо делает смелое новаторское обобщение, что «в данный период революционная война является главной формой борьбы, а другие формы должны быть использованы для непосредственной или косвенной подготовки к революционной войне»³⁰. В соответствии с этой идеей «главной действующей силой революционной войны» становилась «регулярная революционная армия», ведомая революционной партией³¹. Важно при этом подчеркнуть, что Цюй Цю-бо предупреждал против абсолютизации идеи революционной войны, указав на необходимость «умело использовать все формы революционной борьбы применительно к главной цели — революционной войне»³².

Основные теоретические стратегические и тактические вопросы революционного движения в Китае, в том числе и военная проблема, нашли отражение в известной публицистической брошюре Цюй Цю-бо «Спорные вопросы китайской революции»³³.

Особенно ценной в брошюре была попытка осмыслить в свете марксистской теории особенности китайской революции, которые многим его современникам казались «уродством», а Цюй Цю-бо представлялись вполне закономерными для полуфеодальной крестьянской страны³⁴. «В Китае, — писал он, — никогда не будет таких условий, ка-

²⁷ См. Цюй Цю-бо. Империалистическое побоище 30 мая и национальная революция в Китае. — «Сяндао», № 119, с. 1097. См. его же. Фэнтяньские милитаристы после кровопролития 30 мая. — Там же, № 120, с. 1105—1107.

²⁸ Цюй Цю-бо. Антифэнтяньская война и национально-революционное движение. — «Сяндао», № 134, с. 1225.

²⁹ «Синь циньянь», 1926, № 4, с. 21.

³⁰ Там же, с. 22.

³¹ См. там же, с. 28—29.

³² Там же, с. 29.

³³ Подробный анализ этой работы см. Л. П. Делюсин. Цюй Цю-бо и Пэн Шу-чжи о проблемах китайской революции. — В кн. Революция 1925—1927 гг. в Китае, с. 74—95.

³⁴ См. Цюй Цю-бо. Спорные вопросы китайской революции, с. 4.

ние имелись при классических революциях в Западной Европе. Китайская крестьянская революция должна выражаться в военной форме»³⁵. Это обобщение явилось синтезом его прежней идеи о решающей роли революционной войны и установки Коминтерна на аграрную революцию. Тем самым Цюй Цю-бо первым в Китае сформулировал теорию революционной крестьянской войны как главной формы развития китайской революции. Подчеркивая роль и значение революционной армии для рабочего класса и крестьянства в борьбе за «диктатуру народных масс», Цюй Цю-бо приходит к выводу, что эта революционно-демократическая диктатура «также будет неизбежно носить военный характер»³⁶.

Практический опыт руководства вооруженной борьбой КПК во второй половине 1927 г. позволил Цюй Цю-бо сделать новый важный шаг в разработке военной теории. Речь идет о роли партизанской войны как средства раскачки крестьянских масс, создания партизанских баз и строительства вооруженных сил КПК. Эти идеи, получившие широкое применение в последующей практике КПК, были сформулированы и обоснованы в резолюции Политбюро ЦК КПК от 30 октября 1927 г., в решениях ноябрьского (1927) пленума ЦК КПК и в статье Цюй Цю-бо «Проблемы вооруженного восстания», опубликованной в декабре 1927 г. Возможность развертывания партизанской войны в сельских районах автор выводил из политической раздробленности страны, отсутствия сильной централизованной власти, слабости средств самозащиты деревенской верхушки. Результатом этого глубокого анализа был фундаментальный вывод о том, что «партизанская война должна вести к созданию революционных баз»³⁷, и о возможности завоевания власти первоначально в одной или нескольких провинциях.

Много сил и энергии отдавал Цюй Цю-бо пропаганде и распространению марксизма-ленинизма в Китае³⁸. Им были переведены на китайский язык многие труды В. И. Ленина, программные документы Коминтерна. Цюй Цю-бо принадлежит также заслуга первого китайского перевода пролетарского гимна «Интернационал».

Теоретическая и практическая деятельность Цюй Цю-бо дает полное основание считать его одним из наиболее последовательных представителей пролетарского, интернационалистического направления в КПК. Вместе с тем в его теоретических воззрениях и практической работе нашли отражение некоторые типичные для того времени «детские болезни» китайского коммунистического движения, в том числе революционная горячность, нетерпение и проистекавшие отсюда склонность к «левизне», преувеличенные представления об уровне политической сознательности и революционных возможностях рабоче-крестьянских масс, недооценка роли средних слоев. Особенно серьезные левополитические ошибки были допущены Цюй Цю-бо в 1927—1928 гг. Отголоски таких ошибок прослеживаются и в отчетном докладе Цюй Цю-бо VI съезду партии³⁹, и в недооценке им авантюристической, националистической сущности линии Ли Ли-сяня. Однако подобные ошибки Цюй Цю-бо, кстати весьма распространенные в тогдашнем руководстве КПК, не могут заслонить его огромных личных заслуг перед китайской революцией и международным коммунистическим движением.

Исключительно важное место в жизни Цюй Цю-бо занимают 1931—1933 гг., проведенные им в Шанхае. Находясь в партийном подполье, он создает здесь большую часть своих художественных произведений, оригинальных и переводных, множество литературоведческих работ, критических статей, составивших впоследствии четырехтомное собрание его сочинений. Как отмечалось выше, Цюй Цю-бо уже не был новичком в литературном творчестве — им он занимался постоянно, всю свою жизнь, начиная с юности, с конца 1910-х годов. Он писал стихи, переводил на китайский язык произведения Лермонтова, Тютчева, Пушкина, Гоголя, Л. Толстого, Чехова, Горького, Д. Бедного, Серафимовича, Луначарского, Павленко, других русских и советских писателей, драматургов, поэтов. Множество его работ раннего и более позднего периодов посвящено пропаганде в Китае русской классики, звавшей китайский народ на борьбу за светлое будущее и являвшей достойный образец для нарождавшейся в Китае в те времена новой литературы⁴⁰ — критического реализма.

Находясь в Шанхае, Цюй Цю-бо продолжает активно выступать на страницах подпольной партийной печати, подписывая свои статьи различными псевдонимами, которых у него насчитывалось до шести десятков. Его переводы из классиков марксизма-

³⁵ Там же, с. 32—33.

³⁶ Там же, с. 127.

³⁷ См. А. М. Григорьев. Важная веха в истории КПК, с. 105.

³⁸ См. Цюй Цю-бо. Основы ленинизма. — «Синь циньянь», 1925, № 1, с. 29—77; его же. Ленинизм и троцкизм. — Там же, с. 81—90; его же. Ленинизм и национальная революция в Китае. — «Сяндао», № 143, с. 1300—1303.

³⁹ На это обратил внимание А. М. Григорьев.

⁴⁰ См. М. Е. Шнейдер. Русская классика в Китае. — Переводы. Оценки. Творчестве освоение. М., 1977.

ленинизма, статьи о теоретических и практических вопросах революционной борьбы китайского народа, об опыте коммунистической партии и социалистическом строительстве в СССР (за три года пребывания в Шанхае он написал более пятидесяти таких работ) регулярно появляются на страницах различных печатных органов КПК. Но главным делом, которому он посвятил себя в шанхайский период, было идейное, творческое руководство совместно с Лу Синем деятельностью Лиги левых писателей Китая (1930—1936) — китайской секции Международного объединения революционных писателей (МОРП).

Заочное знакомство Цюй Цю-бо с Лу Синем состоялось во второй половине 1931 г. С весны следующего года и вплоть до трагической гибели Цюй Цю-бо в 1935 г. этих двух выдающихся революционеров и литераторов связывала прочная и глубокая боевая дружба, оставившая заметный след в истории борьбы за новую китайскую культуру, что теперь всячески замалчивается маоистской печатью⁴¹.

Титаническому труду Цюй Цю-бо — политического публициста и литератора не смогли помешать ни тяжелый недуг, ни житейские невзгоды, ни постоянная угроза ареста. Достаточно напомнить, что за три года шанхайского подполья он двенадцать раз переезжал с квартиры на квартиру, вводя в заблуждение шпики и провокаторов. В ноябре — декабре 1932 г., а также в феврале и во второй половине июля 1933 г. Цюй Цю-бо и Ян Чжи-хуа, его жена, верный друг и помощник, находили приют в доме Лу Синя.

Несмотря на разгул гоминьдановской реакции, в Китае первой половины 30-х годов росло и ширилось революционное движение, а вместе с ним набиралась сил революционная литература. Под влиянием марксистско-ленинской эстетической мысли в Китае начался процесс становления научного литературоведения. Одним из ведущих теоретиков Левого лиги, первым в Китае крупным литературным критиком-марксистом был, несомненно, Цюй Цю-бо. Под благотворным воздействием ленинских работ «Партийная организация и партийная литература», «Лев Толстой, как зеркало русской революции», «Л. Н. Толстой», «Л. Н. Толстой и его эпоха», «Задачи союзов молодежи» и «О пролетарской культуре» (некоторые из них Цюй Цю-бо сам перевел на китайский язык) он постепенно преодолел свои ранние заблуждения рапповского толка и окончательно утвердился в научных взглядах⁴².

Цюй Цю-бо перевел на китайский язык многие труды Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова и Луначарского по эстетике⁴³, успешно их популяризировал. В своих статьях он разрабатывал многие теоретические вопросы литературного творчества, анализировал произведения своих современников — Лу Синя, Мао Дуня, Чжан Тянь-и, Ян Хань-шэна и других китайских писателей, разоблачал писания апологетов буржуазной теории искусства и идеологии фашизма⁴⁴.

Остановимся лишь на некоторых проблемах этого плана, получивших наиболее полное осмысление в работах Цюй Цю-бо, и прежде всего на проблеме художественного мастерства, всегда имевшей существенное значение для китайской литературы новейшего времени. Китайский критик рассматривает художественное мастерство в тесной связи с мировоззрением писателя, его талантом и знанием жизни. Для создания художественного произведения, писал Цюй Цю-бо, «одной только политической позиции явно недостаточно. Нам необходимо разобраться в том, какое художественное воплощение нашли эти политические взгляды в данном произведении»⁴⁵. И если окажется, что оно содержит в себе лишь несколько отвлеченных теоретических положений, то говорить о нем как о художественном произведении, конечно же, не приходится⁴⁶. Ибо специфика литературы, подчеркивал он неоднократно, в том, что она «мыслит образами», благодаря впечатляющей силе которых она «не только отражает жизнь, но и влияет на нее»⁴⁷.

Пролетарские писатели, считал Цюй Цю-бо, призваны создавать не просто летопись революции, показывать не отдельные случаи и факты, а рисовать цельные полотна народной жизни. Задачу нового искусства китайский критик-марксист видел в том, чтобы на основе глубокого проникновения в ход разворачивающихся событий, изучения жизни народа создавать яркие образы людей — тех, кто, говоря словами А. Н. Толстого, «пылал на кострах революции». Принципы изображения революции в произведениях искусства, как их понимал Цюй Цю-бо, очень близки к установкам, которых придерживался в своем творчестве К. С. Станиславский. Он, как известно, говорил: «Мало показать на сцене революцию только через толпы народа, идущего

⁴¹ Подробно о дружбе Лу Синя и Цюй Цю-бо см. М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цю-бо (1899—1935), с. 53—59; В. В. Петров. Лу Синь и Цюй Цю-бо. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 4, с. 122—134.

⁴² См. М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цю-бо, с. 207—211.

⁴³ Подробно см. там же, с. 94—97, 104—108.

⁴⁴ См. там же, с. 117—153; 195—212.

⁴⁵ Цюй Цю-бо. Собр. соч., т. 1. Пекин, 1954, с. 335 (на кит. яз.).

⁴⁶ См. Цюй Цю-бо. Очерки и статьи. М., 1959, с. 147.

⁴⁷ Там же, с. 189, 190.

с: флагами. Надо показать революцию через душу человека — действующего лица...»⁴⁸.

Вслед за Горьким Цюй Цю-бо не раз предостерегал китайских писателей от схематического и невыразительного изображения образов и характеров, в особенности представителей враждебного мира. В своей программной работе «Актуальные вопросы пролетарской литературы для широких народных масс» (1931) китайский критик решительно выступает против тех, кто допускает в своем творчестве упрощенчество, создает образы и характеры по установившимся стандартам. «Контрреволюционеры, — пишет Цюй Цю-бо, критика подобные произведения, — обязательно дикие звери... Революционеры — непременно мудрые и добродетельные, твердые, настойчивые, решительные и т. п. Жизнь ведь не так проста! Враги, друзья, союзники... не являются цветами, вырезанными из бумаги, — все они живые люди!» Что же касается подобного упрощенчества в искусстве, то оно, по твердому убеждению Цюй Цю-бо, чревато весьма опасными последствиями: такая литература идейно разоружает массы, делает их беспомощными перед лицом коварного врага, перепред сложностями жизни⁴⁹.

Разрабатывая творческий метод пролетарского реализма (термин, имевший хождение в 20—30-е годы), Цюй Цю-бо не ограничивался требованиями правдивого изображения писателями в своих произведениях окружающей действительности. Метод этот, по Цюй Цю-бо, предполагал освященный великими идеями и революционным пафосом показ далеких целей, светлых идеалов, предполагал романтическую приподнятость образов и характеров. «Призыв не забывать о важнейших предпосылках реализма, — разъяснял критик, — отнюдь не означает, что можно отбросить в сторону и пафос, и идеи, и конечную цель». Напротив, «подлинный реализм... призван отображать великую героическую борьбу, происходящую в современном мире, дух самопожертвования во имя светлых идеалов, пафос революционных битв... во имя далеких целей»⁵⁰. Тем самым китайский литератор подчеркивал органическую связь пролетарского реализма с революционным романтизмом, что было полностью созвучно мыслям Горького. Таким образом, вовсе не Мао Цзэ-дун, о чем без устали твердит пекинская пропаганда, а Цюй Цю-бо первым в Китае разработал проблему взаимодействия реализма с романтизмом в художественном творчестве.

В своих статьях Цюй Цю-бо еще не применял новый для того времени термин «социалистический реализм». Но пролетарский реализм, как его понимали Лу Синь и Цюй Цю-бо, на наш взгляд, вплотную подходил к социалистическому реализму. Об этом, в частности, свидетельствуют призывы Цюй Цю-бо, обращенные к китайским пролетарским писателям, изображать жизнь в ее исторически конкретной революционной правдивости, показывать тесную связь индивидуума с коллективом, личности — с народом, с широкими, исторически значимыми движениями, раскрывая при этом величие и благородство простых людей, способных на подвиг во имя достижения революционных идеалов⁵¹.

Во время дискуссии 30-х годов с китайскими буржуазными литераторами, проповедовавшими «свободу творчества», аполитичность искусства, Лу Синь и Цюй Цю-бо, опираясь на ленинское учение, на высказывания Луначарского и Горького, решительно отстаивали партийность литературы. «Каждый писатель, — отмечал Цюй Цю-бо, — сознательно или бессознательно, берется ли он за кисть или же хранит молчание, является представителем идеологии какого-либо класса. От огромной заплывающей, называемой классовым обществом, нигде невозможно спрятаться, а тем более невозможно место неким «надклассовым человеком»»⁵².

Важное место в публицистике Цюй Цю-бо занимает разоблачение писателей-националистов. Он не раз подчеркивал, что создание в Китае пролетарской литературы для широких народных масс немыслимо без решительной борьбы против реакционной литературы и искусства⁵³, против идеологии фашизма и расизма. Китайский критик имел в виду прежде всего произведения тогдашних писателей-националистов — откровенно антисоветский роман «Война у ворот родины» Зань Го-аня, который воспел «подвиги» китайской военщины, затеявшей конфликт на КВЖД; антикоммунистический роман «На линии Лунхайской дороги» Хуан Чжэнь-ся, который пытался оправдать непрекращающиеся междуусобицы милитаристов и томиньдановский террор, и «Кровь желтых людей» — расистскую, фашистскую по своей сути драму в стихах того же Хуан Чжэнь-ся⁵⁴. Лу Синь писал по поводу этой пьесы, что автор ее, ярый националист, провозгласив современными «вождями жел-

⁴⁸ Цит. по: Н. Т е л е ш е в. Записки писателя. М., 1950, с. 104.

⁴⁹ См. Цюй Цю-бо. Очерки и статьи, с. 150.

⁵⁰ Цюй Цю-бо. Собр. соч., т. 2, с. 1008.

⁵¹ См. Цюй Цю-бо. Очерки и статьи, с. 143, 144, 149; его же. Собр. соч., т. 2, с. 869, 1008.

⁵² Цюй Цю-бо. Очерки и статьи, с. 203.

⁵³ См. там же, с. 131.

⁵⁴ Подробнее см. М. Е. Ш н е й д е р. Творческий путь Цюй Цю-бо, с. 117—122.

той расы» японских империалистов, рассматривает захват Японией Северо-Востока Китая как «первый шаг похода на Запад», «как увертюру к спектаклю, в котором китайцы пойдут за японцами уничтожать Советский Союз»⁵⁶.

Весьма важно коснуться еще одной стороны деятельности Лиги левых писателей Китая, Лу Синя и Цюй Цю-бо — их отношения к войне⁵⁶. Принятое Исполкомом Лиги в ноябре 1931 г. постановление «О новых задачах пролетарской революционной литературы», в разработке которого активно участвовал Цюй Цю-бо, предусматривало борьбу против империалистической войны и в первую очередь — против угрозы нападения империалистов на Советский Союз, против войны за империалистический раздел Китая. Поднять китайский народ на активную борьбу против несправедливой, империалистической войны — вот в чем, по мысли Цюй Цю-бо, состояла задача китайской революционной литературы⁵⁷.

Наиболее значительной и зрелой литературно-критической работой Цюй Цю-бо является его «Предисловие к сборнику избранных публицистических произведений Лу Синя» (1933). В этой статье китайский критик-марксист первым в отечественном и мировом литературоведении, опираясь на конкретно-исторический анализ, определил место и выдающуюся роль Лу Синя в создании китайской литературы новейшего времени, раскрыл творческие традиции великого художника и показал их непреходящее значение для будущего. И именно Цюй Цю-бо, а не Мао Цзэ-дун, как тщатся теперь доказать присяжные критики из Пекина, сделал это первым и сделал поистине блестяще. Важно подчеркнуть и то, что в «Предисловии» Цюй Цю-бо воплотились ленинские идеи о культурном наследии, что оно отличается четкостью понимания тесной связи идеологических и литературных явлений с теми социальными процессами, которые происходят в обществе. Опыт социально-эстетического анализа — и это ощущается постоянно — Цюй Цю-бо воспринял из ленинских работ о Толстом. Примечательно также и то, что в статье о творчестве Лу Синя китайский критик не только всемерно опирался на ленинский метод анализа, на ленинские идеи о литературе и искусстве, но и использовал даже форму статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена»⁵⁸.

Само собой разумеется, что как политические, так и литературоведческие взгляды Цюй Цю-бо никогда не устраивали маоистов — ни в годы, предшествовавшие «культурной революции», ни тем более во время нее, когда в целях утверждения «абсолютного авторитета» и приоритета Мао Цзэ-дуна во всем и везде подверглись коренному пересмотру и перекройке история Китая и история КПК, а в истории китайской литературы новейшего времени и в ней самой был произведен полнейший разгром. Подлинный интернационалист, Цюй Цю-бо в политических и литературных статьях всегда ратовал за дружбу с советским народом, боролся против великоханьского шовинизма, против националистической ограниченности в рядах КПК, вместе с Лу Синем и другими передовыми китайскими литераторами участвовал в создании новой китайской реалистической литературы, исполненной подлинно революционного пафоса, активного гуманизма и внимания к человеку, к его чувствам и мыслям. Он решительно выступал против каких бы то ни было штампов и трафаретов в художественном творчестве. Все это находится в вопиющем противоречии с маоизмом вообще, в том числе с маоистскими постулатами, касающимися литературно-художественного творчества, которые завели литературу и искусство Китая наших дней в тупик. Вот почему на творческое наследие Цюй Цю-бо в КНР наложен строжайший запрет, имя его, как правило, замалчивают, а деятельность всячески чернят и извращают.

Вопреки историческим фактам и истинному положению вещей, например, не только полностью замалчивается теперь его участие в левом литературном движении 30-х годов, в деятельности Лиги левых писателей Китая. Более того, Цюй Цю-бо объявлен в последнее время первоисточником ошибочных взглядов на Лу Синя и его творчество, имевших хождение среди китайских писателей в конце 20-х годов⁵⁹. С другой стороны, сейчас, когда в Китае идет так называемая реабилитация жертв «культурной революции», признаны, наконец, положительная роль и значение литературы и искусства 20—30-х годов, обогланных якобы только «бандой четырех», много пишется об их славных традициях, о полезности различных начинаний тех лет. Так, отмечается то положительное, что было сделано тогда в области создания мас-

⁵⁵ См. Лу Синь. Собр. соч., т. 2, М., 1955, с. 363.

⁵⁶ Подробнее см. М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цю-бо, с. 190—195.

⁵⁷ См. Цюй Цю-бо. Очерки и статьи, с. 109, 114, 115.

⁵⁸ Подробнее см. Л. Е. Черкасскай, М. Е. Шнейдер. Ленинские идеи и образ В. И. Ленина в китайской литературе. — В кн. В. И. Ленин и литература зарубежного Востока. М., 1971, с. 73—75.

⁵⁹ См. например: Фан Юй-сяо. Лу Синь и левое движение 30-х годов в области литературы и искусства. — «Ляонин даскэ сюэбао», 1978, № 3, с. 62.

совой литературы, в деле латинизации китайского языка, легшей фактически в основу современной реформы китайской письменности, а о Цюй Цю-бо, внесшем в свое время поистине новаторский вклад в это дело⁶⁰, не говорится ни слова⁶¹.

А вот еще один весьма характерный пример фальсификации истории, чем славятся современные китайские историография и литературоведение. Как уже отмечалось нами, многие важные ленинские положения благодаря статьям Цюй Цю-бо стали руководством к действию для Лиги левых писателей Китая. По мысли В. И. Ленина, сближение литературы и искусства с широкими трудовыми массами есть процесс двусторонний. Он говорил: «Для того чтобы искусство могло приблизиться к народу и народ к искусству, мы должны сначала поднять общий образовательный и культурный уровень»⁶². Далее В. И. Ленин привел перечень необходимых для этого культурно-просветительных мероприятий. Цюй Цю-бо начал осуществлять их на практике в полном объеме, когда по указанию партии в январе 1934 г. уехал из Шанхая и стал народным комиссаром просвещения рабоче-крестьянского советского правительства в Центральном советском районе Китая (провинция Цзянси) и ректором советского университета. На этих постах Цюй Цю-бо все свои знания, силы и кипучую энергию коммуниста-ленинца отдавал созданию основ новой социалистической культуры на китайской земле. Он открывал школы для детей и взрослых, пункты по ликвидации неграмотности, крестьянские клубы. В вечерних школах наряду с мужчинами впервые стали учиться и женщины. В городе Жуйцзине — центре Советского района — Цюй Цю-бо организовал театральное училище имени М. Горького и театральную труппу. Он руководил постановкой пьес о революционной борьбе, собирал, редактировал и сам писал революционные стихи, пьесы и народные песни⁶³.

Теперь же, когда после разгрома «банды четырех» в китайской печати снова заговорили о том славном времени в истории китайской революции, имя оклеветанного маоистами Цюй Цю-бо по-прежнему вообще не упоминается, хотя он сыграл выдающуюся и, пожалуй, исключительную роль в развитии песенного творчества, театрального искусства⁶⁴ и вообще культуры Советских районов Китая.

В связи с общей оценкой деятельности Цюй Цю-бо нельзя пройти мимо отношения маоистов к этому выдающемуся революционеру. Маоистская историография стремилась исказить и принизить роль Цюй Цю-бо в истории КПК, замалчивая его революционные заслуги, выпячивая и раздувая ошибки. В начале 50-х годов в КНР было издано собрание литературных произведений Цюй Цю-бо, но его политическое наследие было предано забвению. В годы «культурной революции» Цюй Цю-бо вместе со многими другими заслуженными деятелями КПК объявили «оппортунистом» и «изменником», надругались над его останками. Имя Цюй Цю-бо до сих пор фигурирует в маоистском «черном списке», потому что его деятельность и творчество неотделимы от принципов социалистического интернационализма, давних традиций китайско-советской дружбы, которые маоисты пытаются вытравить из памяти китайского народа.

⁶⁰ См. например: «Вопросы культурной революции в КНР». М., 1960, с. 114—116; М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цю-бо, с. 50—51.

⁶¹ См. например: Фань Ци-синь, Чэнь Люй-кунь. Вклад левого движения литературы и искусства. — «Сысян чжаньсянь», Куньмин, 1978, № 2, с. 38.

⁶² Цит. по К. Дяткину. Воспоминания о Ленине. — В кн. В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1967, с. 664.

⁶³ Подробнее см. М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цю-бо, с. 212—213.

⁶⁴ См., например, «Гуанмин жибао», 24 IX. 1977.

Страницы из жизни Хо Ши Мина

Е. В. Кобелев

—Для нас, вьетнамских коммунистов, существуют две родины: одна — Вьетнам, другая — Советский Союз, первая в мире страна победившего социализма¹.

ЛЕ ЗУАН

В один из весенних дней 1934 г. в шанхайскую гавань вошло для мелкого ремонта советское торговое судно, направлявшееся во Владивосток. Капитан судна был предупрежден о том, что должен скрытно взять на борт важного пассажира. В вечерних сумерках со стороны моря к судну подошла джонка, и на борт парохода поднялся худой, среднего роста человек, одетый в китайское черное долгополое платье с закрытым стоячим воротничком.

Несколько дней плавания, и пароход вошел в красавицу-бухту Золотой рог, откуда открылась величественная панорама раскинувшегося на сопках Владивостока. При оформлении въездных документов на вопрос анкеты, кто мог бы поручиться за него в Советском Союзе, неизвестный ответил: член Президиума Исполкома Коминтерна Д. З. Мануильский, ответственные работники ИККИ П. А. Миф и В. Я. Васильева. И хотя документы у этого человека были выписаны на имя китайского служащего Сун Мань-чо, люди, которых он назвал, уже более десяти лет знали его как вьетнамского патриота Нгуен Ай Куока — сотрудника Восточного и Дальневосточного секретариата Исполкома Коминтерна, основателя Коммунистической партии Индокитая.

Путь к свободе

Более года томился Нгуен Ай Куок в застенках английской колониальной тюрьмы в Гонконге. Из тюрьмы его вырвала пролетарская солидарность. Узнав об аресте вьетнамского коммуниста, Исполком Коминтерна, действуя через посредство французской секции Международного общества помощи рабочим (МОПР), установил контакты с английскими социалистами. Те, используя свои возможности, сумели привлечь к защите Сун Мань-чо — под таким именем действовал Нгуен Ай Куок в Гонконге — известных адвокатов: в Гонконге — Фрэнсиса Лозби, в Лондоне, когда в Тайном королевском совете рассматривалась апелляция по «делу Сун Мань-чо», — Ноуэлла Притта. Благодаря умелым действиям защиты Тайный королевский совет, несмотря на энергичное давление со стороны французских колониальных властей, вынес вьетнамскому коммунисту оправдательный приговор.

После выхода из тюрьмы Нгуен Ай Куок вынужден был несколько месяцев скрываться от агентов Сюртэ жёнераль в китайском курортном городке Сямыне. Затем он перебрался в Шанхай, где рассчитывал попасть на советский пароход, идущий во Владивосток. Ведь именно этим путем он сам неоднократно направлял на учебу в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) молодых вьетнамских патриотов.

Чтобы попасть в порт, а затем на советский пароход, нужно было во что бы то ни стало восстановить оборванные конспиративные связи с работниками Коминтерна. Но как это сделать? Где-то на территории международного селтльмента в Шанхае вели свою незаметную для постороннего глаза работу боевые соратники Нгуен Ай Куока — представители Исполкома Коминтерна при ЦК КПК Артур Эверт, Отто Браун, Манфред Штерн — будущий «генерал Клебер», как будут звать его в годы гражданской войны в Испании. Но путь к ним был для Нгуен Ай Куока наглухо закрыт. Попытаться вести какие-либо поиски в европейской части города, кишевшей полицейскими агентами, было бы, пожалуй, верхом неосторожности.

¹ «Правда», 31. III. 1966.

Но и в китайской части города скрываться было не менее сложно — там свирепствовала чанкайшистская охранка. Нгуен Ай Куок, продолжая играть начатую еще в Гонконге роль богатого китайского коммерсанта, жил в приличном отеле. Но долго так тянуться не могло: деньги таяли на глазах. По вечерам он запирался в номере, ел вареную картошку с водой и допоздна стирал и чистил терявшее свой прежний лоск китайское долгополое платье.

Наконец ему неожиданно повезло. В Шанхай в составе делегации европейских парламентариев — противников войны прибыл его друг и соратник по совместной работе в рядах ФКП Поль Вайян-Кутюрье. Вот через кого можно связаться со своими, решил Нгуен Ай Куок, надо только передать Полю письмо и договориться о месте и времени встречи. В газетах он прочел, что на одной из встреч китайских сторонников мира с делегацией присутствовала вдова Сунь Ят-сена Сун Цин-лин. В борьбе, которая постоянно шла в гоминьдане, она всегда была на стороне левых. После чанкайшистского переворота Сун Цин-лин в знак протеста против забвения идеалов Сунь Ят-сена уехала в Советский Союз и жила там несколько лет. Этой женщине можно довериться — принял решение Нгуен Ай Куок.

Он пишет письмо Полю, и, хотя оно без подписи, Поль должен сразу понять, от кого: Нгуен Ай Куок напоминает ему эпизоды из их прежних встреч, которые были известны только им двоим. Затем он берет такси и требует отвезти его к дому Сун Цин-лин. Этот небольшой, утопавший в зелени дом, расположенный на территории Французской концессии, был известен многим. Еще в 1919 г. он был подарен Сунь Ят-сену его почитателями — китайскими эмигрантами в один из самых трудных моментов его скитальческой жизни. Очутившись у этого дома, Нгуен Ай Куок степенно выходит из такси, подходит к калитке и бросает конверт в отверстие ящичка для писем.

Поздним вечером следующего дня в парке, расположенном на границе между китайской частью города и международным селтльментом, произошла долгожданная встреча с первым в Шанхае знакомым человеком.

— У нас во Вьетнаме говорят: и за тысячи верст от родной стороны встретишь близкого друга, — воскликнул Нгуен Ай Куок, сжимая в объятиях старого товарища.

— О, товарищ Нгуен, неужто ты жив? А ведь тебя уже похоронили. Видно, тебе суждено долго жить, если верить французской народной мудрости, — радостно хлопая его по спине, отвечал Поль. Нгуен Ай Куок недоуменно глядел на него. — Да, хотя ты, конечно, об этом можешь и не знать.

И Поль рассказал ему, что через некоторое время после его исчезновения из Гонконга во французских газетах появились сообщения о смерти Сун Мань-чо в гонконгской тюрьме. Французская газета «Опиньон» писала: «Большевистский вожак Нгуен Ай Куок, который заставил говорить о себе, особенно в период коммунистических волнений во французском Индокитае, умер от туберкулеза в тюремной лечебнице»². Газета опубликовала портрет Нгуен Ай Куока и посвятила ему некролог, в котором была освещена его политическая деятельность. Воздав должное его таланту руководителя, газета сетовала: «Этот тщедушный аннамит, который только что скончался в тюремной лечебнице в Гонконге, мог бы стать, если бы он с самого начала выбрал благой путь, подлинным помощником для своих сограждан, для Французско-покровительницы»³.

Случилось так, что эти сообщения совпали по времени с гибелью генерального секретаря КПИК Чан Фу, замученного в застенках сайгонской тюрьмы. «Юманите» писала в те дни: «Наряду с товарищем Нгуен Ай Куоком товарищ Чан Фу был великим борцом нашего Интернационала. Сообщения о гибели двух революционных вождей Индокитае опубликовали и советские газеты. Во вьетнамской группе слушателей КУТВа — многих из них Нгуен Ай Куок лично направил на учебу, другие же учились вместе с Чан Фу — был организован траурный митинг памяти двух павших товарищей, на котором выступали с речами представители Коминтерна и дирекции КУТВа.

Возможно, сообщения о гибели Нгуен Ай Куока были инспирированы французской охранкой с целью, с одной стороны, спасти свое лицо после провала «дела Сун Мань-чо», с другой — вызвать растерянность в рядах коммунистического движения в Индокитае. Могло быть и так, что слухи о его гибели были специально распространены супругами Лозби в Гонконге, чтобы сбить французских ищеек со следа, а тем временем благополучно переправить Нгуен Ай Куока в Сямьнь. Скорее всего, ближе к истине второе предположение, так как после этих событий имя Нгуен Ай Куока много лет не фигурировало на страницах французских газет и в полицейских досье. Только в начале 40-х годов один из агентов Сюртэ генераль в северо-вьетнамской провинции Каобанг информировал свое ведомство в Ханой, что, по слухам, циркулирующим среди местных жителей, в горах появился революционный вожак по имени Хо Ши Мин, однако некоторые считают, что это — Нгуен Ай Куок.

² «Opinion», 23. VI. 1932.

³ Ibid.

На это агенту ответили, что указанные слухи не имеют под собой никаких оснований, так как Нгуен Ай Куок умер еще в 1932 г. в Гонконге⁴.

— Поль, я два года провел как на необитаемом острове, отрезанный от мировых событий, от нашего дела, — взволнованно заговорил Нгуен Ай Куок. — Скажи, что произошло за это время у меня на родине, как там Советская Россия?

Он слушал рассказ Поля о трагических событиях во Вьетнаме, и на глаза его навертывались слезы. В море крови потопили колонизаторы советское движение в провинциях Нгеан и Хатинь. После подавления восстания в стране был развязан жесточайший белый террор. И прежде всего колонизаторы обрушились на только что созданную коммунистическую партию. Многие ее первичные организации и руководящие органы были разгромлены. В сентябре 1931 г. погиб Чан Фу и вместе с ним еще несколько членов ЦК партии — всех их выдал предатель. Погиб в 1932 г. на гильотине верный друг и товарищ Нгуен Ай Куока Ле Хонг Шон. Не стало и его самого любимого «племянника», бойкого, веселого парнишки и бесстрашного подпольщика, первого вьетнамского комсомольца Ли Ты Чонга.

— Да, товарищ Нгуен, потери большие, — подытожил свой горестный рассказ Поль. — Но Компартия Индокитая жива и действует. У нас есть данные, что в основных городах Вьетнама партийные организации уже восстановлены. Укрепляет свои позиции во Франции и наша коммунистическая партия. В России наступление социализма идет по всему фронту. Слыхал новые слова — индустриализация, коллективизация, пятилетка? Скоро своими глазами увидишь, какие огромные перемены стоят за этими словами.

Через несколько дней после встречи с Вайян-Кутюрье Нгуен Ай Куока нашел человек, который передал ему привет от товарищей из Москвы. Долгожданная связь, без которой подпольщики фактически выключены из активной жизни, наконец-то, после стольких мытарств, была восстановлена. «Три года носило меня, как щепку по волнам, и вот я снова в великой семье рабочих и крестьян» — слова сами складывались в тот радостный вечер у Нгуен Ай Куока в «казао» — самую любимую у вьетнамцев форму народного песенного стиха.

Снова в Москве

И вот он снова в Москве, на знакомой просторной площади между тремя вокзалами, откуда десять лет назад он выехал в Кантонскую республику, чтобы там, у границ своей родины, вести революционную пропаганду среди вьетнамских патриотов и готовить почву для создания в Индокитае партии коммунистов.

Жаркая июльская Москва встретила Нгуен Ай Куока разноголосым гомоном толпы и звоном трамваев. Она показалась ему все такой же, как и прежде, и все же в чем-то была неузнаваемой. Повсюду бросались в глаза приметы нового. На улицах было гораздо больше, чем прежде, машин. Площадь между тремя вокзалами загромождала окруженная дощатым забором вышка строящегося метрополитена. В Охотном ряду он не нашел знакомой церкви, а с левой стороны на месте старых лавок поднимались леса новой строящейся гостиницы. По узкой Тверской рядом с привычными грохочущими трамваями уже ходили автобусы и первые диковинные троллейбусы. На углу Газетного переулка — раньше, он помнил, здесь были недостроенные кирпичные стены кинотеатра — обиталище беспризорников — теперь высилось внушительное здание телеграфа.

Но еще больше, прямо-таки разительные перемены происходили в жизни советских людей. На многочисленных транспарантах, на первых полосах газет он читал знакомые раньше лозунги и призывы, заживавшие восторгом и энтузиазмом: «Пятилетку в четыре года!», «Даешь индустриализацию!», «Будущее — за колхозами!», «Кадры решают всё!» Прав был Поль — столько новых слов рождает победно шагающий социализм, что Нгуен Ай Куоку, вполне владевшему, казалось, русским языком, теперь приходилось трудно.

После месяцев, проведенных в казематах английской тюрьмы, после глубокого душевного потрясения, вызванного поражением движения Советов Нге-Тинь и гибелью многих лучших сынов партии, его соратников, друзей, учеников, все, что видел Нгуен Ай Куок в Советской стране, ложилось целебным бальзамом на не зажившие еще раны, давало новый заряд бодрости, силы и веры в то, что и на их, вьетнамских патриотов, улице будет праздник.

В Восточном секретариате Исполкома Коминтерна Нгуен Ай Куок был встречен как герой. Его принял и тепло приветствовал от имени сотрудников заведующий Восточным секретариатом О. В. Куусинен. Коминтерновцы, как и все советские люди, еще жили воспоминаниями о грандиозной борьбе, которая развернулась во всем мире за спасение болгарских антифашистов — Г. Димитрова, В. Коларова, В. Танева,

⁴ «Nhân dân», 19. V. 1976.

После каждой лекции (в 1935 г. руководство НИИНКП предложило товарищу Линову вести курс лекций по истории партии и основам организационно-партийной работы во вьетнамской группе. — Е. К.) он вначале уточнял, правильно ли схвачены ее смысл и цель, затем — связаны ли полученные знания с практикой, с революционной борьбой, наконец — все ли сложные термины понятны.

Все это делалось им настолько естественно, в непринужденной атмосфере, в форме обычной дружеской беседы, что ни у кого даже и не возникало ощущения, что он отвечает урок.

...Хотя Бак Хо и лечился в санатории, он оставался все таким же худым, с нездоровым цветом лица. Но, странная вещь, его никогда не видели хворзавшим всерьез, и я не помню случая, чтобы он был прикован долго к постели. Зимой температура в Москве нередко опускалась до -30 — -35° . Но он всегда держался молодцом, потому что вел очень размеренный образ жизни, скрупулезно следуя установленному режиму дня. Каждое утро он занимался гимнастикой, в его комнате всегда можно было видеть гантели и эспандер⁵.

Форум коммунистов мира

С начала 1935 г. работа всех коминтерновских служб и учреждений в Москве проходила под знаком подготовки к VII конгрессу Коминтерна. С особым нетерпением ожидали его открытия вьетнамские коммунисты — ведь это был первый конгресс после создания Компартии Индокитая. Вскоре из далекого Вьетнама прибыла в Москву и официальная делегация партии. Возглавлял ее возмужавший за эти годы бывший слушатель курсов политической учебы, организованных Нгуен Ай Куоком в Кантоне, а ныне авторитетный деятель партии Ле Хонг Фонг. С ним приехали еще два человека — темнокожая, как крестьянка, каждый день обжигаемая тропическим солнцем, с широкими, как будто постоянно раскрытыми от радостного удивления глазами юная Минь Кхай, вторым был мало кому знакомый юноша по имени Хоанг Ван Нон — посланец самой северной провинции Вьетнама Каобанг, где со дня создания КПИК возникла довольно сильная партийная организация, имевшая свою опорную базу в сельских районах.

Было решено, что каждый член делегации выступит с отдельным докладом или сообщением. Над текстами выступлений работали все вместе — и члены делегации, и местный актив во главе с Линовым. Ле Хонг Фонг должен был выступить с основным докладом «Борьба КПИК, прежде всего движение Советов Нге-Тинь», Хоанг Ван Нон — с сообщением на тему «Революционная борьба народов Индокитая и вопросы образования Демократического фронта». Минь Кхай, как самой юной и одной из немногих азиатских делегатов, руководство Коминтерна предоставило честь выступить с речью от имени женщин Востока.

VII конгресс Коминтерна открылся 25 июля в Доме Союзов. Хотя Линов формально не входил в состав вьетнамской делегации, он как сотрудник Восточного секретариата ИККИ участвовал во всех заседаниях конгресса. Там он вновь встретился со своими старыми знакомыми Н. Крупской, Д. Мануильским, И. Пятницким, М. Кашеном, В. Коларовым, познакомился с такими выдающимися деятелями мирового коммунистического движения, как Г. Димитров, К. Готвальд, Бела Кун, В. Пик, П. Тольятти, М. Торез и другие.

Решения и выводы конгресса имели неограниченное значение для вьетнамской революции. Как известно, на конгрессе была дана развернутая характеристика фашизма как открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов монополистического капитала и сформулированы задачи коммунистического и рабочего движения перед лицом надвигающейся фашистской опасности. Хотя эти задачи касались в первую очередь европейских компартий, выводы конгресса об угрозе фашизма помогли вьетнамским коммунистам впоследствии сформулировать и последовательно претворить в жизнь правильную, принципиальную линию в отношении японского милитаризма, который уже в те годы, расширяя экспансию все дальше на юг Китая, становился опасным врагом вьетнамской революции.

Особенно важную, пожалуй непреходящую, роль сыграли в будущей успешной деятельности КПИК сформулированные в докладе Г. Димитрова и резолюции конгресса положения о политике народного антиимпериалистического фронта в колониальных и зависимых странах. VII конгресс восстановил и развил выработанный еще при участии В. И. Ленина и обоснованный в решениях IV конгресса тезис об антиимпериалистическом едином фронте в колониях и зависимых странах как форме объединения всех сил национального освобождения.

Для Нгуен Ай Куока и его соратников особенно было важно, что VII конгресс отверг сформулированные ранее левацкие установки о необходимости осуществле-

⁵ Duong Bac Ho di cuu nuoc, Ha-noi, 1975, tr. 227—232.

... в колониальных и зависимых странах «рабоче-крестьянской революции», создавая «советское правительство», которые были преждевременными для большинства стран и означали недооценку общенациональных антиимпериалистических задач. Для большинства колоний и полуколоний, указывалось на конгрессе, первым шагом действительно народной революции неизбежно должен стать этап национально-освободительной борьбы, заостренной против империалистических угнетателей. Было бы непростительной ошибкой откладывать дело национального освобождения до поры, пока созреют все условия для победы рабоче-крестьянской власти. Небоязливо добиваться создания единого народного фронта, с одной стороны, вовлекая широчайшие массы в борьбу против растущей империалистической эксплуатации, против жестокого порабощения, за изгнание империалистов, за независимость страны; с другой — активно участвуя в возглавляемых национал-революционерами и национал-реформистами массовых антиимпериалистических движениях.

Во Вьетнаме не было в тот период ни возглавляемых националистическими элементами массовых движений, ни сколь-нибудь серьезной силы в лице национальной буржуазии. Перед вьетнамскими коммунистами в силу этого не стоял вопрос, обычно связанный с мучительным процессом дискуссий и споров в партии, — участвовать или не участвовать в том или ином движении. Перед ними лежала почти нетронутая целина, которую можно и нужно было вспахать, а именно: выдвинуть общенациональные, общедемократические лозунги, найти приемлемую форму единого фронта и смело вовлекать в него самые широкие круги населения страны, всех, кто готов выступить против колонизаторов, в том числе и национальную буржуазию, которая в подавляющей своей части так же, как и вся нация, страдает от империалистического гнета.

Возможно, с позиций сегодняшнего дня, когда мы знаем, как и почему победили национально-освободительные революции и во Вьетнаме, и во многих других странах, все сказанное выше может показаться азбучной истиной, хотя, впрочем, проблема единого народного фронта во многих странах и по сей день продолжает оставаться актуальной. Для вьетнамских же коммунистов, когда они страстно искажали, говоря словами Ленина, «подход к пролетарской революции» в своей стране, осознание положения VII конгресса о тактике единого фронта в колониальных и полуколониальных странах стали путеводной звездой в их последующей деятельности, к этим положениям они не раз возвращались на своих партийных пленумах и съездах. Именно тактика единого национального фронта, проводимая гибко и творчески с учетом степени зрелости национально-освободительного движения и конкретных задач, стоящих перед ним, стала одним из решающих факторов побед вьетнамского народа вначале в августе 1945 г., а затем в двух войнах сопротивления — против французских колонизаторов и американских агрессоров.

Для вьетнамских делегатов VII конгресс стал яркой демонстрацией международного признания молодой КПИК. Выступления вьетнамцев вызывали у зарубежных коллег неподдельный интерес. Когда юная Минь Кхай закончила свою пламенную речь, рассказав, как быстро пробуждаются и встают в ряды революции вьетнамские женщины, несколько делегатов вскочили со своих мест и под гром аплодисментов горячо расцеловали ее. А в перерыве заседания ее сердечно приветствовала Н. К. Крупская. В ходе работы конгресса, продолжавшейся целый месяц, вьетнамские делегаты были желанными гостями у московских рабочих и красноармейцев, встречались с делегациями компартий многих стран, прежде всего ВКП(б) и ФКП.

Наконец, самое радостное событие для вьетнамских коммунистов произошло на заключительном заседании. Участники конгресса утвердили решение Исполкома, принятое еще в 1931 г., о приеме Коммунистической партии Индокитая в ряды Коминтерна. Представитель КПИК Ле Хонг Фонг был избран кандидатом в члены ИККИ. Отныне набиравшее силу коммунистическое движение Индокитая было представлено в руководящем органе международной организации коммунистов.

По поручению ИККИ Ле Хонг Фонг, вооруженный решениями VII конгресса, выехал на родину, чтобы начать подготовку к созыву пленума ЦК КПИК. А через несколько месяцев собрались в путь и Минь Кхай с Ноном, которые решили добираться на родину через Францию, выдавая себя за путешествующую супружескую пару.

Перед отъездом они встретились с Линовым, чтобы получить от него последние указания. Настроение у всех троих было приподнятое — во Франции только что произошло к власти правительство Народного фронта, в который входила ФКП. Они еще не знали, в какой мере это важное событие отразится на обстановке в Индокитае, но были убеждены, что открываются новые, чрезвычайно благоприятные возможности для деятельности партии.

— Победа Народного фронта во Франции, — говорил им Линов, — это для нас беспрецедентный шанс, который мы никоим образом не должны упустить. Главное сейчас — обеспечить монолитное единство в партии, особенно между ее внутренней и зарубежной частями. По приезде в Сайгон передайте ань Зюи (Ле Хонг Фонгу. — Е. К.) три следующих соображения:

Первое. В результате победы Народного фронта во Франции должна изменить-

ся в позитивном плане и обстановка в Индокитае. С учетом этого зарубежному ЦК партии следует немедленно вернуться на родину и взять на себя непосредственное руководство патриотическим движением, оставив за рубежом лишь очень небольшую группу товарищей для связи с внешним миром.

Второе. Троцкисты повсюду, и во Вьетнаме тоже, обнаружили свою реакционную сущность. Наша партия должна решительно отмежеваться от них и не идти с ними ни на какие компромиссы.

Третье. Надо всемерно добиваться создания Демократического антифашистского, антивоенного фронта, вовлекая в него широкие патриотические силы, всех, кто способен вести борьбу за спасение родины и народа. Однако надо помнить, что, идя на союз с другими силами, ни в коем случае нельзя поступаться жизненными интересами партии и рабочего класса.

Уже прощая Минь Кхай и Нона на Белорусском вокзале, Нгуен Ай Куок снова вернулся к их прощальной беседе:

— Вы все поняли, что я сказал? Постарайтесь запомнить все слово в слово и передать ань Зюи. Еще раз повторяю: абсолютно никаких компромиссов с троцкистами, о чем бы ни шла речь⁶.

Генеральная репетиция победы

В июле 1936 г. Ле Хонг Фонг, прибывший в Сайгон из Шанхая под видом богатого китайского коммерсанта, вместе с другим членом ЦК КПИК, своим однокашником по учебе в КУТВе Ха Хюи Тапом, созвали пленум ЦК КПИК с целью внести изменения в резолюцию I съезда партии в соответствии с решениями VII конгресса Коминтерна. Пленум указал на задачи индокитайской революции на новом этапе — встать в ряды возглавляемого Советским Союзом всемирного фронта борьбы за демократию и мир, против фашизма и войны — и одобрил курс на создание национального антиимпериалистического фронта, который получил впоследствии название Демократического фронта Индокитая.

Движение за создание Демократического фронта вылилось в невиданный прежде по масштабам национально-демократический, революционный подъем. Повсюду создавались комитеты действия за созыв Конгресса народов Индокитая, созывались митинги и собрания, на которых составлялись требования народа к правительству Народного фронта Франции о проведении во Вьетнаме демократических реформ и улучшении жизни населения. Когда в конце 1936 г. в Сайгон прибыла контрольная комиссия во главе с Жюстенем Годаром, направленная правительством Народного фронта с целью рассмотрения на месте положения в Индокитае, то по всему тысячекилометровому пути ее следования от Сайгона до Ханоя на каждой станции членов комиссии встречали многолюдные демонстрации населения, им вручались сотни петиций с народными пожеланиями.

Прокатившаяся по Вьетнаму волна стачек, митингов, собраний под лозунгом «Свобода, демократия, амнистия политзаключенным» приносила свои результаты. Осенью и зимой 1936 г. сотни политзаключенных, среди них многие руководящие деятели партии, вернулись из тюрем и с каторги, пополнив ряды борцов и укрепив руководство демократическим движением. Ветеран КПВ председатель ЦК Отечественного фронта Вьетнама Хоанг Куок Вьет, находившийся в те дни на острове смерти Пуло-Кондор, вспоминает: «...Из французских газет мы узнали о блестящем успехе Народного фронта на всеобщих выборах в мае 1936 г. Надежда охватила не одних нас. Наши чувства разделяли и здоровые националистические элементы. После образования нового правительства ожидание стало для нас просто невыносимым. Наконец первая группа амнистированных заключенных покинула остров. Прошло лето, которое показалось нам нескончаемым, и мы почти потеряли надежду. Но однажды утром нас вызвал начальник охраны. С явным огорчением он смерил нас взглядом с головы до ног, особенно товарищей Зуана (Ле Зуана. — Е. К.) и Донга (Фам Ван Донга. — Е. К.).

— Как? И вы в этой группе? — с неприязнью бросил он.

— А вам не нравится? вспомните, что нас арестовали ни за что, без единой улики...»

После шести тяжелых лет подпольной борьбы в условиях жестокого террора и преследований Компартия Индокитая впервые получила возможность выйти на широкую политическую арену. Она открыто, не таясь, обращалась к народу. Легально издаваемые ею книги и газеты несли в массы идеи марксизма-ленинизма, разъясняли курс и политику КПИК и Коминтерна. Могли ли еще год-два назад вьетнамские коммунисты даже мечтать о том, что в своих газетах, издаваемых в Сайгоне и в Ханое, они будут беспрепятственно публиковать не только документы своей партии, но и резолюции VII конгресса и другие важные материалы Коминтерна?

⁶ *Nguyêt Tu, Chi Minh Khai, Hà-nôi, 1976, tr. 70.*

Было снято полицейское табу, грозившее тюремной решеткой каждому, кто осмелится бы его нарушить, с темы о Советской России. И органы печати КПИК с лихвой возместили долгие годы молчания, широко и разносторонне знакомя своих читателей с жизнью и борьбой первого государства рабочих и крестьян. Орган ЦК КПИК журнал «большевик» писал в ноябре 1937 г., накануне XX-й годовщины Великого Октября: «Октябрь открыл новую эпоху в истории человечества, эпоху пролетарской революции, строительства социализма в СССР — общей родине всех пролетариев и поработанных народов. Наш долг — бороться против замыслов империалистов уничтожить Советский Союз, чтобы сохранить наше первое социалистическое государство»⁷.

Легальная деятельность в массах, активное использование печатной пропаганды способствовали росту авторитета и влияния партии среди населения. Гонимая колониальными властями «кучка бунтовщиков», как именовали КПИК прежде продажные жести колонизаторов, предстала перед народными массами мощной, хорошо организованной и дисциплинированной политической силой. В ходе борьбы за демократические свободы и улучшение жизни народа партии удалось поднять на борьбу и действенно воспитать «массовую политическую армию», включавшую миллионы людей в городе и деревне, подготовить новый большой отряд партийных активистов. В этом смысле движение Демократического фронта заложило необходимые идеологические и организационные предпосылки для создания в скором будущем единого национального фронта, под знаменем которого и была осуществлена Августовская революция.

Словом, три года борьбы за создание Демократического фронта Индокитая (1936—1939), когда впервые была использована тактика сочетания методов легальной, полуполиальной и подпольной деятельности, когда партия получила возможность развернуть действительно массовую политическую и агитационную работу, когда реальные достижения перемежались и с неизбежными при таком крутом повороте обыватей неудачами, позволили КПИК накопить богатейший опыт, который в иные времена приобретает десятилетиями. Именно это и дало впоследствии все основания руководителям КПИК назвать период борьбы за Демократический фронт «золотым», после Советов Нге-Тинь, генеральной репетицией Августовской революции.

Нгуен Ай Куок внимательно следил за развитием демократического движения на родине, стараясь, насколько можно, помочь своим товарищам советами и рекомендациями. Его «письма издалека» — маленькие листки папиросной бумаги с напечатанными от руки статьями — каким-то чудом преодолевали тысячи километров, отделивших Москву от Ханоя и Сайгона, и регулярно появлялись за подписью П. К. Лин в газете «Наш голос» и других легальных изданиях партии.

Многие свои соображения относительно путей и методов борьбы за единый демократический фронт в условиях Вьетнама он впоследствии суммировал в докладе, представленном в ИККИ. «Национально-демократический фронт, — писал он, — должен объединить не только народы Индокитая, но и прогрессивные элементы Франции, не только трудящиеся классы, но и национальную буржуазию. Партия должна проводить гибкую политику по отношению к национальной буржуазии. Надо вовлечь и держать ее в рядах фронта, всячески поощрять ее действия в общих интересах, политически изолировать ее в случае необходимости. Крайне недопустимо, чтобы она оставалась вне фронта, так как это привело бы ее на сторону реакционеров, что только укрепит их силу».

Касаясь тактической линии КПИК в рядах фронта, он подчеркивал, что партия никак не может навязывать фронту свою руководящую роль. Ей предстоит доказать в высшей степени беззаветную преданность общему делу своей самоотверженной борьбой и повседневной работой. И тогда широкие массы сами признают правильность политики партии и ее способность руководить движением. Только так партия займет принадлежащее ей по праву место... Чтобы выполнить эти задачи, партия должна вести бескомпромиссную борьбу против фракционности, покончить с сектантством и узостью взглядов, организовать систематическое изучение основ марксизма-ленинизма, с тем чтобы постоянно повышался политический и общеобразовательный уровень членов партии...»⁸.

Шел четвертый год учебы и работы Нгуен Ай Куока в Советской стране. Это были годы необычайного энтузиазма, великих трудовых свершений советского народа. То, о чем мечтали на протяжении веков лучшие умы человечества, то, что научно предсказали великие учителя рабочего класса и всех угнетенных — Маркс, Энгельс, Ленин, стало явью. На одной шестой части планеты социализм одержал полную, бесповоротную победу. Победа социализма в СССР не только подтвердила правильность теоретического положения марксизма-ленинизма об объективной неизбежности смены капитализма социализмом, но и доказала практическую возмож-

⁷ М. П. Исаев, А. С. Чернышев. Советско-вьетнамские отношения. М., 1997, с. 60.

⁸ Хо Ши Мин. Соч. (1920—1969). Ханой, 1971, с. 40—41.

ность построения социализма. Это было вдохновляющим примером для вьетнамских коммунистов, для всех борцов за национальное и социальное освобождения.

Как и другие зарубежные коммунисты, работавшие и учившиеся в Москве, Нгуен Ай Куок жил интересами, радостями, стремлениями советских людей. Ведь первая страна социализма была детищем мировой революции, а значит, и их, зарубежных революционеров. Об этих днях жизни Нгуен Ай Куока вспоминает один из бывших сотрудников Коминтерна Н. Н. Голеновский:

«В те годы я работал референтом по связям с партиями при Исполкоме Коминтерна и был ответственным за группу индонезийских коммунистов. Однажды в общезнании КУТВа на Пушкинской площади, где сейчас расположено здание АПН, в комнате Алимина (руководящий деятель Компартии Индонезии. — Е. К.) я познакомился с немолодым уже вьетнамцем, которого звали Линов. Он дружил с индонезийскими коммунистами и часто бывал у них в гостях. Мне вспоминается очень деликатный, ровный в обращении человек, моложавый на вид, хотя и было ему тогда далеко за сорок. Он неплохо говорил по-русски, хотя и с довольно забавным акцентом, любил шутку и очень заразительно смеялся.

Индонезийские, вьетнамские, японские, китайские, арабские студенты жили в общезнании дружной семьей. Мечтая о возвращении на родину, к активной революционной работе, они не отделяли себя от советских людей, жили их помыслами и интересами. Как и советские люди, они участвовали в коммунистических субботниках, по воскресеньям выезжали за город и трудились на участках подсобного хозяйства КУТВа. Вместе с сотнями тысяч восторженных москвичей они радостно встречали на усеянной цветами и праздничными листовками улице Горького героев-летчиков Чкалова, Байдукова, Белякова, совершивших впервые беспосадочный перелет через Северный полюс в Америку. По вечерам они бегали в кинотеатр «Центральный» на Пушкинской площади смотреть опаленную дымом сражений испанскую хронику, радуясь и страдая за испанских республиканцев, первыми вступивших в смертельный бой с фашистской чумой. По нескольку раз с восхищением смотрели легендарного «Чапая» — тогда он только что вышел на экраны и на него ходили целыми цехами, заводами, воинскими частями.

Меня поражало, с какой юношеской страстностью Линов, который был старше многих вьетнамцев, работал на субботниках, радовался трудовым подвигам советских людей, переживал трагические события в Испании.

В середине 1938 г. он неожиданно исчез из Москвы. И только в конце 1945 г. от индонезийского коммуниста Семауна я узнал, что президент нового Вьетнама Хо Ши Мин — это не кто иной, как наш Линов»⁹.

К середине 1938 г. во внутривосточной жизни Китая произошли важные позитивные перемены. Перед лицом открытой агрессии со стороны милитаристской Японии гоминьдан и КПК сумели договориться о сотрудничестве в войне сопротивления захватчикам, и, таким образом, единый национальный фронт, за создание которого боролись левые силы Китая, стал политической реальностью.

Такой поворот событий имел большое значение и для вьетнамских патриотов, так как перед ними открывалась возможность вернуться в пограничные с Вьетнамом районы Китая, находившиеся под контролем гоминьдана. К началу II мировой войны основная масса вьетнамских коммунистов, среди них — Нгуен Ай Куок, выехала из Советского Союза в Китай, чтобы оттуда пробираться на родину.

За годы подпольной революционной деятельности Хо Ши Мин трижды побывал в Советском Союзе — в 1923—1924, 1927—1928 и 1934—1938 гг. В общей сложности он провел в нашей стране, в которой он действительно обрел вторую родину, более шести лет. Эти годы оставили неизгладимый след в его памяти, навсегда сделали его верным другом советского народа. Когда он в 1941 г. вернулся во Вьетнам, он горячо рассказывал своим товарищам по оружию в сырой пещере горного Вьетбака и в открытой всем ветрам бамбуковой хижине в партизанской зоне о далекой необъятной России, о великих свершениях советского народа, строящего социализм, и эти рассказы согревали их лучше всякого костра, придавали им новые силы, зажигали светом решимости их глаза.

А через много лет, став уже Президентом свободного Вьетнама, он сказал такие слова, проникнутые глубочайшим чувством пролетарского интернационализма: «Перед лицом империалистов, пытающихся продлить существование своего ненавистного всем народам и уже пошатнувшегося строя, мы, революционеры всех стран, должны всемерно и ежечасно укреплять свое единство вокруг СССР и Коммунистической партии Советского Союза»¹⁰.

⁹ Из записи беседы автора с Н. Н. Голеновским.

¹⁰ Хо Ши Мин. О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе. М., 1970, с. 150.

Отважный сын китайского народа,

715 лет со дня рождения Лю Чжи-даня)

А. С. Титов

Самый отважный из отважных, самый храбрый из храбрых, самый честный из честных, самый неподкупный из неподкупных, гроза тиранов и эксплуататоров, друг и защитник обездоленных — так воспевал и воспевает трудовой народ Северо-Западного Китая своего легендарного вождя Лю Чжи-даня, семьдесят пять лет со дня рождения которого исполнилось в минувшем году.

«Современный Робин Гуд», — называл его американский журналист и писатель Эдгар Сноу. По его свидетельству, среди бедноты имя Лю Чжи-даня вселяло надежду, а среди помещиков и ростовщиков — ужас¹.

Лю Чжи-дань (настоящее имя Лю Цзин-куй) родился в 1903 г. в глухом уголке Северо-Западного Китая — уезде Баоань (ныне Чжидань) в провинции Шэньси, в крестьянской семье. После окончания начальной школы он поступил в среднюю школу в городе Юйлинь, расположенном около Великой китайской стены. Часть учителей школы была в прошлом учениками первого китайского марксиста и одного из основателей Коммунистической партии Китая — Ли Да-чжао, который направил их в Северо-Западный Китай для пропаганды марксизма. Некоторые из них стали не только пропагандистами марксизма, но и организаторами вначале групп революционной молодежи, а затем, в 1922—1923 гг., и первых коммунистических кружков. Во время учебы в Юйлинской средней школе Лю Чжи-дань под влиянием этих учителей приблизился к революционным идеям и принимал активное участие в деятельности революционной молодежи. Вместе с ним в Юйлинской средней школе учился и занимался революционной деятельностью Гао Ган, с которым впоследствии они стали организаторами и руководителями вооруженных сил КПК (китайской Красной армии) и советских районов в провинциях Шэньси и Ганьсу.

В 1925 г. Лю Чжи-дань стал членом Коммунистической партии Китая, а осенью того же года по указанию партии выехал в Кантон и поступил на учебу в военно-политическую академию Вампу, которая при активной помощи Советского Союза готовила командные кадры для Национально-революционной армии Китая. После окончания в 1926 г. академии Вампу Лю Чжи-дань в качестве политработника участвовал в Северном походе в составе 4-й Национально-революционной армии. В 1927 г., после контрреволюционного переворота гоминьдана, Лю Чжи-дань, перейдя на нелегальное положение, некоторое время работал по заданию партии в провинциях Хубэй и Аньхой, затем вернулся в свою родную провинцию Шэньси. Там в начале 1928 г. по указанию провинциального комитета КПК он возглавил вооруженный отряд повстанческих сил, ядро которого составляли курсанты Сианьской военно-политической школы, называвшейся «второй Вампу», где в 1926—1927 гг. вели работу коммунисты Ши Кэ-сюань, Ли Лин, Дэн Сяо-пин и др.² В начале апреля 1928 г. отряд был укреплен новой группой коммунистов, возглавлявшейся опытным командиром-коммунистом Тан Шу, который стал начальником штаба у Лю Чжи-даня³.

Летом 1928 г. в Южной Шэньси началась очередная междоусобная борьба местных милитаристов. В это время Лю Чжи-дань вместе с другими коммунистами и своим отрядом поднял восстание в уездах Вэйнань и Хуасянь, известное как «восстание Вэйхуа». Здесь еще зимой 1927—1928 гг. несколько коммунистов из Сиани организовали начальную школу, ставшую одновременно явкой уездного комитета партии, и начали работу среди крестьян. В конце апреля 1928 г. отряд под командованием

¹ E. Snow. Red Star over China. N.-Y., 1961, p. 219.

² Ян Сяо-чу. Воспоминания о восстании в Вэйхуа. — Из искры может разгореться пожар. Пекин, 1958, т. 1, ч. 2, с. 908 (на кит. яз.); Ли Ли-го. Красная звезда на Северо-западе. — «Реют Красные знамена». Пекин, 1957, № 5, с. 111 (на кит. яз.).

³ Ян Сяо-чу. Воспоминания о восстании в Вэйхуа, с. 912—913.

Лю Чжи-даня захватил часть волостей этих уездов и совместно с местным уездным комитетом объявил о создании Советского правительства и Рабоче-крестьянской революционной армии Северо-Запада. Советская власть сразу начала раздел конфискованной у помещиков земли, уничтожение земельных и долговых документов, ликвидацию помещиков, ростовщиков и деревенских мироедов (тухао). Однако советская власть просуществовала в этом районе лишь около месяца. Превосходящим силам местной и гоминьдановской реакции удалось сломить упорное сопротивление отряда Лю Чжи-даня и немногочисленных крестьянских отрядов. С остатками своего отряда Лю Чжи-даня перебрался на север провинции, в родной Баоань, где вместе со своими единомышленниками-коммунистами продолжал вести пропагандистскую и организаторскую работу среди местного населения и солдат, поднимая их на борьбу против помещиков, ростовщиков, местной и гоминьдановской реакции. В этих целях он использовал все представлявшиеся ему возможности. Так, возглавив в Баоане отряд миньтуаней (помещичьей самообороны), Лю Чжи-дань арестовал и расстрелял ряд помещиков и ростовщиков, наиболее жестоко эксплуатировавших население. Эти действия вызвали панику и переполох у местных властей. В результате городское управление города Баоань было распущено, а Лю Чжи-даню и его трем ближайшим помощникам пришлось бежать в соседний уезд, где, создав отряд численностью свыше 300 человек, они начали борьбу против местной и гоминьдановской реакции⁴. Когда отряд Лю Чжи-даня был окружен превосходящими силами регулярной армии Фэн Юй-сяна и ему грозил полный разгром, Лю Чжи-дань вступил в переговоры о вхождении его отряда в состав войск Фэн Юй-сяна. В данном случае Лю Чжи-дань действовал в соответствии с установкой провинциального комитета КПК, данной еще в 1927 г. Ши Кэ-сюаню — «искать хозяина, чтобы сохранить силы»⁵. Вскоре Лю Чжи-дань стал командиром полка подразделения войск Фэн Юй-сяна, несших гарнизонную службу в Западной Шэньси. Находясь в войсках Фэн Юй-сяна, он продолжал вести активную революционную деятельность, за что был объявлен вне закона и арестован. Однако благодаря своему влиянию, главным образом среди членов тайного шэньсийского общества «Гэлаохуй» («Старших братьев»), Лю Чжи-дань вновь был помилован, а его полк реорганизован в транспортную бригаду, которую он возглавил⁶. И на этот раз Лю Чжи-дань со свойственной ему энергией продолжал вести революционную работу в районе действий своей бригады. Много энергии он отдавал формированию революционных сил, привлекая лучших офицеров и солдат из своей бригады в ряды Коммунистической партии Китая. Не прекращал Лю Чжи-дань и борьбу против контрреволюции и помещиков. Эти действия Лю Чжи-даня вызвали протест со стороны помещиков и шэньши. Они потребовали, чтобы Лю Чжи-даня отстранили от командования бригадой и строго наказали. В результате бригада Лю Чжи-даня была окружена и разоружена, а сам Лю Чжи-дань выслан к себе на родину в Баоань. За ним последовали многие офицеры и солдаты из его бывшей бригады⁷. Они явились костяком вооруженных отрядов, созданных вскоре Лю Чжи-данем и действовавших на границе провинций Шэньси и Ганьсу.

Говоря о восстаниях, которые были организованы китайскими коммунистами, в том числе и Лю Чжи-данем, в провинции Шэньси после поражения революции в 1927 г., Гао Ган в 1942 г. подчеркивал, что «Лю Чжи-дань был первым, кто извлек правильный урок из поражений перечисленных восстаний». «Товарищ Лю Чжи-дань», — продолжал Гао Ган, — хорошо знал обстановку на местах и настроения масс. Он имел многолетний опыт и лично участвовал в восстании в Вэйхуа. Уроки поражения этих восстаний навели его на правильный путь: для достижения победы в вооруженной борьбе необходимо развернуть партизанские действия в горах. Идя по этому пути, тов. Лю Чжи-дань в 1929—1930 гг. в одиночку перебрался в район на границе провинций Шэньси и Ганьсу, где организовал боевые действия, захватывая у милитаристских и бандитских отрядов оружие, необходимое для партизанской борьбы. Несмотря на многочисленные неудачи, несмотря на то что он подвергся аресту и был брошен в тюрьму, тов. Лю Чжи-дань не пал духом. И результаты его твердого курса и решительной борьбы в конечном счете послужили для партии фундаментом, на котором впоследствии были созданы революционные вооруженные силы и опорная база в Шэньси-Ганьсу»⁸.

⁴ E. S p o w. Op. cit., p. 220—221.

⁵ Ян Сяо-чу. Воспоминания о восстании в Вэйхуа, с. 909—910. До начала 1928 г. отряд, возглавляемый Ши Кэ-сюанем, сменил трех «хозяев», используя столкновение между отдельными милитаристами.

⁶ E. S p o w. Op. cit., p. 221.

⁷ Ibid.

⁸ Гао Ган. Разбор вопросов истории партийной организации пограничного района Шэньси—Ганьсу—Нинся. Доклад на совещании высших партийных кадров пограничного района Шэньси—Ганьсу—Нинся 17—18 ноября 1942 г. Издание Северо-Западного бюро ЦК КПК, июнь 1943 г., с. 10—11 (на кит. яз.).

В эти годы Лю Чжи-дань проявил себя как блестящий организатор, талантливый руководитель и командир, человек большого мужества. Он обладал искусством сливаться с массами, прямой характер, силой духа и кристальной честностью. Это был настоящий, закаленный в революционных битвах боец-коммунист, прошедший испытания на линии огня и в тюремных застенках. Как революционный вождь народных масс Лю Чжи-дань получил всеобщее признание не только в Северо-Западном Китае, но и за его пределами. С уважением к нему относились не только друзья, но и враги. Даже отдельные офицеры и солдаты, находившиеся в милитаристской и гоминьдановской армиях в соседней провинции Шаньси, дезертировали из своих частей и переправлялись через реку Хуанхэ, чтобы присоединиться к объявленному вне закона легендарному Лю Чжи-даню⁹.

После захвата японцами Маньчжурии осенью 1931 г. по решению шэньсийского провинциального комитета партии, принятому в дни празднования годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, была создана Объединенная антиимпериалистическая армия Северо-Запада, основу которой составляли вооруженные отряды Лю Чжи-даня и пробившийся из провинции Шаньси партизанский отряд. Создание Объединенной антиимпериалистической армии обуславливалось тем, что захват японцами Маньчжурии вызвал антияпонские настроения даже среди господствующих классов. Во многих воинских частях гоминьдановской армии, указывал позднее Гао Ган, «представители средних и высших слоев устанавливали связи с организациями КПК и Красной армии, вели переговоры о сотрудничестве в борьбе против японских захватчиков. Многие известные деятели включались в антияпонскую борьбу и вступали в контакт с членами КПК»¹⁰. Хотя руководство партийных организаций в провинции Шаньси и воспользовалось этим обстоятельством для увеличения рядов Красной армии, что явилось несомненным успехом, но, по словам Гао Гана, оно «отказалось от сотрудничества с представителями средних и высших слоев, стоявших на антиимпериалистических позициях»¹¹. В результате Объединенная антиимпериалистическая армия вскоре была реорганизована в Шэньси-Ганьсускую партизанскую колонну Рабоче-крестьянской Красной армии, которая под руководством Лю Чжи-даня, Гао Гана и других коммунистов развернула свои действия в районе Сюньи — Чуньхуа — Яосинь — Ицюань — Синнин — Нисян и создала советский район Шэньси — Ганьсу¹². Сразу же началась конфискация земель и имущества помещиков, тухао, шэньши и распределение их среди трудящихся-крестьян — бедняков и середняков. Были упразднены все современные налоги и сборы, а также долговые обязательства.

Осенью 1932 г. Шэньси-Ганьсуская партизанская колонна была преобразована в 26-й корпус Красной армии. Несмотря на некоторые неудачи в начальный период, вызванные левацкими, авантюристическими действиями отдельных руководителей, в частности политкомиссара 2-го полка Ду Хэна, 26-й корпус Красной армии и партизанские отряды под руководством Лю Чжи-даня и Гао Гана постепенно укреплялись в политическом и организационном отношении. К концу 1933 г. 26-й корпус и партизанские отряды одержали ряд побед и создали советские районы в Хуачи, Циньняне, Хэнсусе, Баоане и других местах. Тогда же, ввиду разгрома шэньсийского провинциального комитета партии, был создан Особый комитет КПК¹³.

26-й корпус Красной армии, возглавляемый Лю Чжи-данем, постоянно поддерживал партизанское движение непосредственно военными действиями, а также кадрами и оружием¹⁴.

Летом 1934 г. главные силы 26-го корпуса Красной армии и партизанские отряды в северной Шэньси под командованием Лю Чжи-даня разгромили первый поход гоминьдановских войск, возглавлявшихся Ян Ху-чэном, и укрепили положение советских районов Шэньси-Ганьсу и северной Шэньси.

В целях политического и военного объединения советских районов и создания партийного руководства на совещании в Чжоуцзясяне в январе 1935 г. было решено сформировать Северо-Западный комитет КПК и провинциальное правительство, а для обеспечения единого командования частями Красной армии и партизанскими отрядами — Реввоенсовет¹⁵. Шэньсийское провинциальное правительство, учредив свой банк и почту, стало выпускать денежные знаки и почтовые марки, открыло начальные школы и приступило к организации кооперативов¹⁶.

Весной 1935 г. гоминьдановские войска под командованием Ян Ху-чэна предприняли второй «карательный поход» против советских районов и Красной армии в Шэнь-

⁹ E. Snow. Op. cit., p. 221.

¹⁰ Гао Ган. Указ. соч., с. 12—13.

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 18—21.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ E. Snow. Op. cit., p. 221—222.

си. Этот поход был более мощным по своим масштабам. План разгрома этого похода был разработан Лю Чжи-данем и Гао Ганом и осуществлен под их руководством. В ходе боев было разгромлено более 20 батальонов войск противника, захвачено много оружия, которым впоследствии были вооружены части Красной армии и партизанских отрядов. В это время численность Красной армии увеличилась вдвое, а партизанских отрядов — втрое. Было занято шесть уездных городов: Яньчан, Яньчуань, Аньсай, Баоань, Аньдин и Цзинбян. Территория советских районов Шэньси — Ганьсу и северной Шэньси в целом увеличилась в два раза¹⁷. К середине 1935 г. Красная армия и партизанские отряды под руководством Лю Чжи-даня и Гао Гана контролировали 22 уезда в провинциях Шэньси и Ганьсу, где была создана советская власть. Чан Кай-ши, обеспокоенный размахом и успехами советского движения в Шэньси — Ганьсу, направил туда летом 1935 г. в помощь Ян Ху-чэну бывшего правителя Маньчжурии Чжан Сюэ-ляна со стотысячной Северо-Восточной армией¹⁸.

Ян Ху-чэн, не дожидаясь прибытия войск Чжан Сюэ-ляна, стал готовиться к третьему «карательному походу», выделив еще большие силы. Для разгрома этого похода при активном участии Лю Чжи-даня и Гао Гана Реввоенсоветом был разработан стратегический план, предусматривавший концентрацию основных сил и нанесение массированных ударов по силам противника сначала на восточном фронте, затем на западном и наконец на южном. В результате части Красной армии и партизанские отряды под руководством Лю Чжи-даня и Гао Гана разгромили две бригады и уничтожили два полка противника на восточном фронте, вынудив остатки вражеских войск бежать за реку Хуанхэ, а затем повели наступление в направлении на Хэншань и Вэйкэ. Это было начало разгрома третьего «карательного похода» гоминьдановских войск¹⁹.

Успешная борьба Лю Чжи-даня, Гао Гана и других коммунистов Северо-Запада против местной и гоминьдановской реакции была приостановлена и омрачена действиями так называемой группы представителей ЦК КПК во главе с политкомиссаром 25-го корпуса Красной армии Чэнь Цзы-хуа, которая прибыла в северную Шэньси в октябре 1935 г. в составе 25-го корпуса под командованием Сюй Хай-дуна и была уполномочена Мао Цзэ-дуном провести реорганизацию партийных и военных органов в советском районе Шэньси — Ганьсу и северной Шэньси, а также учинить расправу над местными руководящими работниками под предлогом борьбы с контрреволюцией. Официальным предлогом для реорганизации и так называемой «чистки» явился длительный отрыв руководства района Шэньси — Ганьсу и северной Шэньси от ЦК КПК.

В соответствии с полученными установками группа представителей ЦК КПК, возглавляемая Чэнь Цзы-хуа (в состав комиссии входили Чжу Ли-чжи²⁰ и Не Хун-цзюнь²¹, никто из руководящих работников советского района Шэньси — Ганьсу и северной Шэньси в эту группу не был включен), произвела реорганизацию руководства партийных и военных органов, действовавших в Шэньси — Ганьсу. Северо-Западный комитет был реорганизован в Шэньсийский провинциальный комитет партии, на пост секретаря был назначен Чжу Ли-чжи, а его заместителем Го Хун-тао. Реорганизован был также и местный Реввоенсовет, председателем которого стал Не Хун-цзюнь. Из 25-го и 26-го корпусов была сформирована 15-я армейская группа, командующим которой стал Сюй Хай-дун, а его заместителем Лю Чжи-дань; политкомиссаром 15-й армейской группы был назначен Чэнь Цзы-хуа, а Гао Ган стал начальником политотдела 15-й армейской группы. Отвечая на вопрос, что означала эта реорганизация, Гао Ган впоследствии говорил: «Тов. Лю Чжи-дань и я были вытеснены из главных партийных и военных органов... Предпринятая... на совещании в Юнпине реорганизация партийных и армейских органов была запланирована, чтобы вытеснить тов. Лю Чжи-даня и наших сторонников из руководящих органов в партии и армии»²².

По тем же данным, «в самый критический момент борьбы по разгрому третьего «карательного похода»... тов. Лю Чжи-дань и большая группа старых кадровых работников, создавших Красную армию и советские районы в Шэньси — Ганьсу, были арестованы по подозрению в «контрреволюции», а многие товарищи были напрасно ок-

¹⁷ Гао Ган. Указ. соч., с. 25—26.

¹⁸ E. S p o w. Op. cit., p. 221—222.

¹⁹ Гао Ган. Указ. соч., с. 27—29.

²⁰ Там же, с. 197.

²¹ Чжу Ли-чжи одно время работал в Шанхае, где был арестован и заключен в тюрьму; после освобождения из тюрьмы работал в Хубэйском провинциальном комитете КПК, а затем в советском районе Хубэй — Хэнань-Аньхой; видимо, вместе с 25-м корпусом покинул этот район. Судя по данным Гао Гана, Чжу Ли-чжи прибыл в северную Шэньси за несколько дней до прибытия туда 25-го корпуса Сюй Хай-дуна и других членов группы представителей ЦК КПК. См.: Гао Ган. Указ. соч., с. 25—27.

²² Гао Ган. Указ. соч., с. 23, 29.

светаны, в результате чего в партии и в советских районах на территории Шэньси—Ганьсу сложилась крайне серьезная критическая ситуация»²³.

При поддержке 25-го корпуса Красной армии группа представителей ЦК КПК, под предлогом «борьбы по искоренению контрреволюции», начала так называемую «чистку», а в сущности, расправу над местными руководящими кадрами. Было арестовано свыше 200 человек, то есть фактически все руководство советского района Шэньси—Ганьсу и северной Шэньси.

По свидетельству Гао Гана, который также был арестован осенью 1935 г., Чжу Ли-чжи, Го Хун-тао, Не Хун-цзюнь, Дай Цзи-ин (начальник управления безопасности в советском районе Хубэй—Хэнань—Аньхой, а затем в 25-м корпусе Сюй Хай-дуна) и другие «хватали людей, не проводили никакого расследования, не искали доказательства, полагались исключительно на признания, полученные под пытками, когда арестованному показывали список имен многочисленных подозреваемых и били его до тех пор, пока он не называл их «контрреволюционерами»²⁴. Очень многие из арестованных были расстреляны. По позднему признанию ЦК КПК, «во время этой кампании «борьбы по искоренению контрреволюции» в северной Шэньси было уничтожено более 120 прекрасных кадровых работников», что явилось «не только ошибкой, но злодеянием в ходе революции»²⁵.

Вред, который нанесла кампания «борьбы по искоренению контрреволюции» в северной Шэньси осенью 1935 г., по словам Гао Гана, был огромен. В ходе этой кампании «пострадало много честных партийных товарищей и погибло много старых кадровых работников», которые были основателями и создателями Красной армии и советских районов в Шэньси—Ганьсу. Кроме того, эта кампания произвела крайне удручающее впечатление на бойцов и командиров Красной армии и ослабила ее силы; среди населения возникла паника и началось массовое бегство, территория советского района уменьшилась. Возник серьезный кризис»²⁶.

Согласно маоистской версии, дело обстояло так: «Осенью 1935 года на территорию революционной опорной базы на севере Шэньси (состоявшей из района, расположенного на стыке провинций Шэньси и Ганьсу, и северной части провинции Шэньси) прибыл в качестве представителя Центрального Комитета сторонник ошибочных «левых» взглядов тов. Чжу Ли-чжи. Вместе с другим «левым» уклонистом тов. Го Хун-тао, который уже работал здесь, они стали последовательно проводить в жизнь «лево»-оппортунистическую линию во всех областях работы — политической, военной, организационной, — оттеснив от руководства товарищей Лю Чжи-даня, Гао Гана и др., проводивших правильную линию и создавших на севере провинции Шэньси Красную армию, а также основавших там опорную базу революции. В дальнейшем в ходе работы по искоренению контрреволюции Чжу Ли-чжи и Го Хун-тао, пойдя по крайне ошибочному пути, арестовали большую группу работников — сторонников правильной линии, чем создали в районе революционной опорной базы на севере провинции Шэньси серьезный кризис. В ноябре Центральный Комитет партии после завершения Великого похода прибыл на север провинции Шэньси, исправил эти «лево»-уклонистские ошибки, освободил из тюрьмы товарищей Лю Чжи-даня, Гао Гана и других и таким образом вывел революционную опорную базу на севере Шэньси из того опасного положения, в котором она находилась»²⁷.

Такова официальная маоистская версия о кровавых событиях в северной Шэньси осенью 1935 г. Однако, как всегда, маоистские версии и фальсификации не выдерживают проверки фактами. В действительности дело обстояло так: по прибытии в северную Шэньси вскоре после прибытия туда 25-го корпуса Сюй Хай-дуна комиссия ЦК КПК по партийным делам под руководством Мао Цзэ-дуна занялась проверкой деятельности группы представителей ЦК КПК, возглавляемой Чэнь Цзы-хуа, «по искоренению контрреволюции» в советском районе Шэньси—Ганьсу. Фактически она одобрила деятельность этой группы, указав лишь, что ею были допущены ошибки и перегибы, заключавшиеся в том, что некоторые работники были арестованы без достаточных на то оснований. Вина за эти ошибки и перегибы была возложена на Не Хун-цзюня и Дай Цзи-ина. Лю Чжи-даня, Гао Ган и некоторые другие ответственные работники были освобождены из тюрьмы, но не были полностью реабилитированы. Их обвинили «в правом ликвидаторстве и в анархистском подходе в отношении контрреволюционной группировки», в том, что при их потворстве «контрреволюционная группировка смогла вести планомерную деятельность»²⁸.

²³ Там же, с. 30—31.

²⁴ Гао Ган. Указ. соч., с. 33—34.

²⁵ Жэнь Би-ши. Соображения по некоторым вопросам. Доклад на совещании высших кадровых работников пограничного района Шэньси—Ганьсу—Нинся 8—11 января 1943 г. Б. м., 1943, с. 52 (на кит. яз.).

²⁶ Гао Ган. Указ. соч., с. 34.

²⁷ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 4, М., 1953, с. 401—402.

²⁸ Жэнь Би-ши. Указ. соч., с. 59.

Груз вины, который возлагался на Лю Чжи-даня, Гао Гана и других ответственных работников советского района Шэньси—Ганьсу, должен был, по замыслу Мао Цзэ-дуна, превратить их в послушных исполнителей его воли. Кроме того, их освобождение, по сути дела, было вынужденным, так как прибывшие с Мао Цзэ-дуном партийные и военные работники, незнакомые с условиями работы на Северо-Западе и даже не понимавшие диалекта местного населения, не могли разобраться в ситуации. Даже после освобождения Лю Чжи-даня и Гао Гана Мао Цзэ-дун продолжал относиться к ним с недоверием и подозрительностью. Только семь лет спустя — в конце 1942 — начале 1943 г. — ЦК КПК пересмотрел вопрос «об искоренении контрреволюции» в советском районе Шэньси—Ганьсу и признал решение комиссии ЦК КПК по партийным делам от ноября 1935 г. в отношении Лю Чжи-даня, Гао Гана и др. неправильным. По словам Жэнь Би-ши, ЦК КПК признал, что многие положения этого решения «не соответствовали фактам и ошибочны», в частности, «была неправильной оценка руководства пограничного района Шэньси — Ганьсу и 26-го корпуса Красной армии»²⁹, то есть Лю Чжи-даня и Гао Гана.

Выступая на совещании высших кадровых работников пограничного района Шэньси—Ганьсу—Нинся 8—11 января 1943 г., Жэнь Би-ши говорил: «Наше нынешнее совещание в результате обсуждения признало, что линия, проводимая в то время тов. Лю Чжи-данем и Гао Ганом, не только не была ошибочной, а, напротив, единственно правильной линией, отвечающей практическим потребностям»³⁰. Тогда же был пересмотрен вопрос и о главных виновниках ошибок и перегибов во время кампании «борьбы по искоренению контрреволюции» в советском районе Шэньси—Ганьсу осенью 1935 г. Главными виновниками были признаны Чжу Ли-чжи и Го Хун-тао³¹. Эти люди осенью 1935 г. пользовались полным доверием Мао Цзэ-дуна. Так, Го Хун-тао был назначен в конце 1935 г. зам. зав. орготделом ЦК КПК и секретарем шэньсийского провинциального комитета КПК, а Чжу Ли-чжи — секретарем шаньсийского провинциального комитета партии.

Семь лет спустя, сваливая всю вину за кровавые события в Северной Шэньси на Чжу Ли-чжи и Го Хун-тао, Жэнь Би-ши говорил, что по их вине «были почти брошены на произвол судьбы советские районы в Северной Шэньси и Красная армия, почти полностью были потеряны лучшие партийные кадровые работники в Северной Шэньси и нанесено поражение революции»³². Однако и семь лет спустя Чжу Ли-чжи и Го Хун-тао даже не были исключены из партии, так как маоистское руководство признало, что их «ошибки» якобы явились следствием господствовавшей тогда в партии так называемой «лево-уклонистской линии». «Причины, породившие эту ошибочную «борьбу по искоренению контрреволюции», — говорил Жэнь Би-ши, — заключаются, с одной стороны, в том, что тов. Чжу Ли-чжи и Го Хун-тао проводили в то время ошибочную политическую линию, господствовавшую в партии в период от «событий 18 сентября 1931 г.» до совещания в Цзуньи, а ошибочная «борьба по искоренению контрреволюции» в Северной Шэньси явилась результатом проведения и развития с их стороны ошибочной линии левого оппортунизма. Отсюда видно, что если политическая линия ошибочна, то и политическая деятельность не может быть правильной, что может привести к поражению революции»³³.

Главный виновник кровавых событий в советском районе Шэньси—Ганьсу осенью 1935 г. — Мао Цзэ-дун, по сценарию которого проходила вся кампания «борьбы по искоренению контрреволюции» в Северной Шэньси, и на этот раз вышел сухим из воды. Когда происходил пересмотр оценки кампании «борьбы по искоренению контрреволюции», в Северной Шэньси в конце 1942 — начале 1943 г. под руководством Мао Цзэ-дуна шла известная кампания «чжэнфэн» («исправления стиля работы») и, естественно, все делалось для того, чтобы тень подозрения не пала на него как причастного к этим кровавым событиям. И все же позже, хотя и окольным путем, о причастности Мао Цзэ-дуна к этим событиям было сказано в выступлении генерального секретаря ЦК КПК Чжан Вэнь-тяня (Ло Фу). На VII съезде КПК в 1945 г., «каясь» в своих «грехах» перед Мао Цзэ-дуном, он говорил: «В Шэньси, когда велась борьба с контрреволюцией — арест Гао Гана, я настаивал, но не до конца, на разборе данного дела. Я не понимал, что Гао Ган и другие были ... вождами. После того как Го Хун-тао совершил ошибки и т. п., я отнес их на счет товарища Мао Цзэ-дуна»³⁴.

Следует указать, что, продолжая фальсифицировать историю Коммунистической партии Китая и китайского революционного движения в угоду культуре личности Мао Цзэ-дуна, нынешние его пекинские последователи пытаются голословно утверждать,

²⁹ Там же, с. 52.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ П. П. Владимиров. Особый район Китая 1942—1945. М., 1973, с. 537.

будто Лю Чжи-дань не был жертвой махинаций Мао Цзэ-дуна, а его «верным и последовательным учеником»³⁵.

Характеризуя Лю Чжи-даня, Гао Гана и других руководителей советского района Шэньси—Ганьсу, оставшихся в живых осенью 1935 г., Жэнь Би-ши в своем выступлении в январе 1943 г. на совещании высших кадровых работников говорил, что, несмотря на то что им пришлось пережить большие неприятности в связи с арестом и заключением в тюрьму и они не имели возможности обжаловать тогда неправильные действия в отношении их, Лю Чжи-дань и другие не пали духом, они до конца оставались верными делу партии и революции. Жэнь Би-ши призвал участников совещания и всех китайских коммунистов брать пример с Лю Чжи-даня, Гао Гана и других оставшихся в живых руководителей советского района Шэньси—Ганьсу³⁶.

В начале 1936 г., в связи с так называемым восточным походом частей Красной армии из провинции Шэньси в провинцию Шаньси, Мао Цзэ-дун назначил Лю Чжи-даня командующим 28-м корпусом Красной армии, сформированным в основном из местных партизанских отрядов. По-прежнему опасаясь Лю Чжи-даня, Мао Цзэ-дун бросал 28-й корпус на самые тяжелые участки боевых действий. Но Лю Чжи-дань с честью выходил из трудных положений и отличился в боевых действиях в провинции Шаньси. Когда в апреле 1936 г. части Красной армии, возглавляемые Мао Цзэ-дуном, были вынуждены под давлением превосходящих сил противника отступить из провинции Шаньси в советский район Шэньси—Ганьсу, Лю Чжи-даню было приказано возглавить штурм вражеских укреплений, захват которых обеспечивал другим частям Красной армии переправу через реку Хуанхэ. Лю Чжи-дань блестяще выполнил и эту задачу, но сам был убит в этом бою. Ему было тогда всего лишь 33 года.

Лю Чжи-дань прожил короткую, но яркую жизнь. Он отдал ее без остатка борьбе за национальное и социальное освобождение китайского народа, за социалистическую перспективу развития Китая. Он был славным сыном Коммунистической партии Китая и отдал свою жизнь за осуществление ее идеалов.

Исключительно правдивую и яркую характеристику Лю Чжи-даню дал его соратник и друг Гао Ган в своем выступлении на совещании высших партийных кадров пограничного района Шэньси—Ганьсу—Нинся 17—18 ноября 1942 г. Он говорил: «А теперь обратимся к Лю Чжи-даню, который не только твердо стоял на позициях правильной линии, но который по своим личным качествам служит примером большевика. Он неуклонно отстаивал позиции партии, отстаивал правильную линию партии, вел бескомпромиссную борьбу со всеми оппортунистами «левого» и правого толка. И на судебных процессах, и в бесконечных боях он полностью доказал свою безграничную преданность партии. Он тесным образом был связан с массами, великолепно знал обстановку в массах и их нужды. Он умел самостоятельно наметить курс и неуклонно следовать этому курсу в борьбе. Он умел соблюдать партийную дисциплину и обладал высоким духом принципиальности. По всем этим качествам он полностью соответствовал тому образцу большевистского работника, о котором говорил Г. М. Димитров. Он обладал духом готовности к учебе, во всем исходил из реальности, правильно сочетал теорию с практикой, конкретно применял истины марксизма-ленинизма в борьбе в Северо-Западном Китае. У него был богатейший опыт и глубокие знания по политическим и военным вопросам, по работе в советских и в гоминьдановских районах, по внутривнутрипартийным и внепартийным делам. Он обладал особой одаренностью как военный деятель. А поэтому мы должны хорошо учиться у тов. Лю Чжи-даня, должны равняться на тов. Лю Чжи-даня в нашем движении вперед»³⁷.

³⁵ Верно служил партии и стране — памяти тов. Лю Чжи-даня. — «Жэньминь жибао», 4.VIII.1977.

³⁶ См.: Жэнь Би-ши. Указ. соч., с. 54.

³⁷ Гао Ган. Указ. соч., с. 48.

Сюй Бэй-хун и социалистическое искусство

Т. А. Пострелова,
кандидат исторических наук

20—40-е годы характеризовались широким распространением влияния молодого социалистического государства — Советского Союза на другие страны. Воздействие советского опыта, в частности советской культуры, испытывал на себе и Китай, его прогрессивная интеллигенция, в первую очередь литераторы, живописцы, графики и другие мастера искусства. Одним из них был Сюй Бэй-хун — живописец, педагог, теоретик, активный пропагандист за рубежом китайского искусства, а у себя на родине — советский живописец и графики, впоследствии один из основателей китайско-советского Общества дружбы, первый президент Академии художеств КНР, первый председатель объединения профессиональных художников Китая.

К началу 30-х годов Сюй Бэй-хун был уже знаком с русским изобразительным искусством и искусством Советского Союза, ибо 20—30-е годы он провел во Франции, Германии и других западноевропейских странах, где в то время с триумфом проходили выставки русской и советской живописи.

В 30-х годах Сюй Бэй-хун — профессор изящных искусств Центрального университета Нанкина, работает сотрудником китайской секции (салона) Выставки иностранных школ (то есть интернациональной) в Национальном музее Парижа. Он уделяет много внимания творчеству, знакомству с теорией и практикой реалистического метода, в частности с искусством молодого социалистического государства. В начале 1934 г. Сюй Бэй-хун как активный пропагандист китайского искусства был приглашен в Советский Союз с целью организовать в Москве и Ленинграде выставку китайской живописи. Художник заявил в связи с этим, что твердо верит в миролюбивые чувства правительства и всего народа Советского Союза. «СССР, — сказал он, — не занимается агрессией: кроме того, он ликвидировал неравноправные договоры с Китаем. Я знаю, что СССР после Великой Октябрьской революции усиленно занимается строительством. Я давно мечтал посетить страну, поэтому сразу же принял это приглашение»¹.

В апреле 1934 г. Сюй Бэй-хун как директор Выставки китайской живописи приезжает в Москву. С 8 по 27 мая в Государственном историческом музее экспонируются свитки и альбомные листы (206 произведений художников VII—XX вв., работавших в туши или в цвете)². Тогда же Сюй Бэй-хун напечатал в Каталоге выставки одну из вступительных статей³, выступал с лекциями по истории китайского искусства, участвовал во встречах с советскими деятелями искусства и науки в ВОКСе, Государственном музее восточных культур, МОСХе, китайском посольстве и других учреждениях.

Встречался он со многими советскими работниками, деятелями культуры и, конечно, с художниками, творчество которых так или иначе влияло на формирование мировоззрения Сюй Бэй-хуна.

В июне 1934 г. открылась выставка в ленинградском Эрмитаже. Вместе с крупнейшим востоковедом академиком В. М. Алексеевым китайский художник, гость нашей страны, стал одним из авторов вступительной статьи к Каталогу выставки, открытой в Ленинграде⁴.

На банкете 14 июля 1934 г., организованном ВОКСом в честь открытия выставки, с речью выступил академик В. М. Алексеев⁵. В ней он дал глубокий анализ истории культуры китайского народа и в связи с этим высоко оценил пропагандистскую деятельность Сюй Бэй-хуна и ее значение для европейского зрителя. Причем В. М. Алексеев

¹ Хуан Мяо-цзы. Сюй Бэй-хун. Пекин, 1957, с. 13.

² ЦГАЛИ, ГТГ, ф. 990, оп. 1, ед. хр. 289.

³ См. Выставка китайской живописи. Каталог. М., 1934.

⁴ См. Выставка китайской живописи. Каталог. Л., 1934; ЛОА АН СССР, ф. 820, оп. 1, № 395, лл. 1—25.

⁵ См. ЛОА АН СССР, ф. 820, оп. 1, № 633, лл. 1—56; № 395, лл. 1—25.

ев оценивал китайское искусство не только как филолог и знаток искусства, но и как ученый с определенным философским кредо: «Я из тех, которые вполне сознательно убеждены, что китайская культура не только объект, но и субъект»⁶.

Отдельной темой в выступлении В. М. Алексеева прозвучала оценка китайской выставки советским зрителем: «Я видел на выставке — люди потрясены»⁷.

В. М. Алексеев еще раз подчеркнул важность культурных связей между нашими народами и отдал должное Сюй Бэй-хуну, который явился первым китайским художником, прибывшим с первой китайской выставкой в СССР.

Сюй Бэй-хун в своих письмах того периода к Василию Михайловичу в форме эссе давал оценку художникам, представленным на выставке, рассказывал о себе⁸, что помогло академику в работе над статьей для Каталога.

В завершение первого визита Сюй Бэй-хуна (впоследствии художник дважды посетил нашу страну) он преподнес в дар Советскому Союзу ряд живописных произведений китайских художников, что свидетельствовало о его теплых, дружеских чувствах к советскому народу, к советскому государству.

В том же году по инициативе Сюй Бэй-хуна Центральный университет Нанкина принял решение в порядке обмена художественными произведениями направить в музей Советского Союза работы современных китайских художников, а китайский зритель получил 10 прекрасных произведений русской и советской классики. В том же году Сюй Бэй-хун подарил С. Меркулову свое произведение «Кошки», а известнейший советский скульптор преподнес китайскому художнику два своих гипсовых слепка — «Лев Толстой» и «В. И. Ленин».

В январе 1935 г. на приеме в честь Сюй Бэй-хуна прозвучали слова о том, что «в Советском Союзе проводилось много выставок произведений зарубежного искусства, но китайская выставка имела наибольший успех. Ознакомление с выставкой вызвало еще более глубокий интерес к китайскому искусству в художественных кругах Советского Союза. Мы надеемся, что настоящий обмен художественными ценностями послужит базой для дальнейшего взаимопонимания культур двух великих народов»⁹.

В 1948 г. в своих неопубликованных пока что воспоминаниях о Советском Союзе Сюй Бэй-хун писал: «После того как я приехал в Москву, меня поместили в лучшей гостинице столицы. Было решено организовать выставку в Государственном историческом музее, на левой стороне Красной площади. 6 мая она была открыта председателем ВОКСа А. Аросевым, который пригласил иностранных представителей. В своей речи А. Аросев говорил о мечтах Ленина и Сунь Ят-сена. Эта выставка — один из начальных шагов для дальнейшего взаимопонимания культур двух великих народов. И сегодня, спустя 10 лет, она не забыта москвичами. Тогда же в дни открытия ее ежедневно посещало несколько тысяч человек. Один рабочий прислал мне письмо, в котором просил передать благодарность китайским художникам. Меня пригласили выступить в Академии художеств. На встрече председательствовал Фаворский — известнейший график. Присутствовало много советских художников, среди них такие советские мастера, как И. Грабарь, А. Дейнека, А. Кравченко. Они стали моими хорошими друзьями. Известные мастера — живописец Нестеров и художники Кукрыниксы — приняли меня очень тепло, многие преподнесли мне свои произведения. Самым незабываемым было то, что выдающийся скульптор С. Меркулов подарил мне на память бюсты Владимира Ильича Ленина и Льва Толстого.

Ленинград тоже пригласил меня. Была организована выставка китайской живописи в самом крупном музее Советского Союза — в Эрмитаже. Меня приняли также известный советский китаист В. Алексеев и художник А. Рылов. Самое сильное впечатление от пребывания в Советском Союзе то, что здесь нет безработицы, поэтому и нет безработных художников. Такого я не видел ни в Европе, ни в Азии»¹⁰.

По возвращении на родину в 1935 г. Сюй Бэй-хун, работая преподавателем в Центральном университете Нанкина, много сил отдавал пропаганде достижений первого социалистического государства, советского искусства, метода социалистического реализма. И первым результатом этого была выставка советской графики, организованная им в Шанхае, а затем в Нанкине¹¹. Из Москвы и Ленинграда Сюй Бэй-хун привез живописные и графические произведения советских художников, а также репродукции их работ.

В предисловии к Каталогу выставки советской графики в Китае Сюй Бэй-хун писал: «Взаимоуважение и взаимная дружба народов мира должны начинаться с куль-

⁶ Там же.

⁷ Там же, № 633, л. 56.

⁸ См. ЛОА АН СССР, ф. 820, оп. 3, № 214, лл. 1—2.

⁹ Цит. по: Х у а н М я о - ц з ы. Сюй Бэй-хун, с. 13.

¹⁰ Х у а н М я о - ц з ы. Сюй Бэй-хун, с. 14.

¹¹ См. ЦГАОР, в. 5283, оп. 11, ед. хр. 456.

турного обмена. Выставки произведений искусства будут способствовать повышению мастерства художников всех стран»¹².

Во многих статьях, опубликованных тогда в журнале «Мэйшу шэнхо», Сюй Бэй-хун излагал основы метода социалистического реализма, рассказывал об истории русского и советского искусства, подчеркивал, что в Советском Союзе творческие работники живут и работают в благоприятных условиях, и заключал, что таких условий нет ни в одной стране. Говоря о советском зрителе, Сюй Бэй-хун писал, что это самый серьезный, требовательный, объективный зритель. Сравнивая посетителей парижского Салона, в первую очередь из класса имущих, с посетившими в Москве и Ленинграде выставку китайского искусства рабочими, крестьянами, служащими, военными, учащимися и другими, Сюй Бэй-хун отдавал предпочтение качественно новому, демократическому составу советских зрителей.

Сюй Бэй-хун одним из первых стал активным борцом за создание Общества культурных связей между Китаем и Советским Союзом¹³.

Знакомство с творчеством советских художников отразилось на многих работах Сюй Бэй-хуна того периода. И хотя эти работы были созданы в анималистическом жанре, либо представляли собой пейзажи, за ними всегда стояло стремление передать чувства, связанные с мечтой об освобожденном, независимом Китае, с протестом против японской агрессии. Либо это был рассказ о вечно прекрасном: надежде, весне, радости, счастье. К таким произведениям можно отнести: «После дождя на реке Ли», «Сороки на иве», «Крик петуха перед бурей», «Утренняя мелодия», «Весна еще не пришла», «На берегу озера», «Черный петух», «Конь», «Табун», «Спящая утка».

Другая группа произведений, на которых отразилось воздействие советской живописи, — исторические и жанровые композиции. Это решенный композиционно в стиле китайской классической живописи вертикальный свиток «Сычуанцы, носящие воду» и неоконченное живописное полотно «Юй Гун передвигает горы».

В отдельную группу следует выделить портреты тех лет. Раньше портреты императоров и их приближенных, представителей крупной знати и чиновников были исполнены в рамках жесткой канонизированной догмы. Изображаемого писали как некую идеализированную модель, носителя определенных философско-религиозно-правственных достоинств. Сюй Бэй-хун порвал с этой традицией, что впервые можно наблюдать в его работах 1910—1920-х годов. Работы 30-х годов — как бы следующий этап в овладении реалистическим методом. Оценивая их, можно говорить о творческой зрелости художника. Мастерство Сюй Бэй-хуна, обогащенное опытом зарубежных мастеров, основывается тем не менее на лучших национальных традициях, это чувствуется прежде всего в таких работах, как «Портрет госпожи Сюй», «Портрет юной девушки», «Портрет молодой женщины», и др.

В связи с этим можно сказать, что искусство Сюй Бэй-хуна, его опыт, в том числе и как деятеля культуры, в те годы оказали огромное воздействие на формирование мастеров реалистической живописи Китая, в дальнейшем окрепшей и давшей интересные, высокогражданственные, гуманистические произведения.

¹² Хуан Мяо-цзы. Сюй Бэй-хун, с. 15.

¹³ См. ЦГАОР, ф. 5283, оп. 4, ед. хр. 206.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Русский маньчжуровед Г. М. Розов

*В. С. Мясников,
доктор исторических наук*

ОТ РЕДАКЦИИ

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» систематически знакомит своих читателей с историей отечественного востоковедения, публикуя обзорные статьи, фрагменты будущих монографий, материалы научного наследия выдающихся ученых, рецензии. Особое внимание редакция уделяет очеркам жизни и деятельности крупных представителей востоковедческой науки. Этот жанр не только позволяет определить общий вклад ученого в развитие науки, но и заглянуть в его творческую лабораторию. Исторический очерк всегда конкретен. И эта его особенность очень важна сегодня при разоблачении тех попыток фальсификации истории русского китаеведения и востоковедения в целом, которые предпринимаются маоистской псевдонаукой. В современных китайских публикациях содержатся грубые клеветнические выпады против русских китаеведов XVIII—XIX вв. Против тех, кто пытался постичь «страны чужой язык и нравы», чтобы наладить духовные контакты двух соседних великих народов, ныне возводятся облыжные обвинения в неблаговидных мотивах и недобросовестных целях их работы. Замигиваются факты, свидетельствовавшие о симпатии китайского населения к доверия правительства страны к будущим русским ученым, которые начинали свою деятельность (поскольку это был единственно возможный в те годы путь) в качестве прикомандированных к Русской духовной миссии в Пекине, а также к русским врачам, пытавшимся облегчить участь местного населения.

Достаточно широко известно, что нынешний великоханьский шовинизм унаследовал традицию средневековой цинско-китайской ксенофобии, и недавние публикации в Китае вновь напомнили об этом. Современные пекинские идеологи идут еще дальше, усугубляя антисоветизм маоистской политики и пропаганды антирусскими внушениями по поводу якобы имевшей место «исторической враждебности» двух наших народов и стран. В «подтверждение» этой политической химеры была выпущена наукообразная фальсификация под претенциозным названием «История агрессии царской России в Китае» (Пекин, «Жэньминь чубаньшэ», 1978).

Однако эти попытки рассчитаны на невежд. Они не выдерживают никакой критики при сравнении с реальной исторической картиной как отношений двух государств в далеком прошлом, так и становления китаеведческой науки в России. С точки зрения современных научных знаний издаваемые в Пекине опусы выглядят убогой поделкой. Совершенно ясно, что отношение историков-марксистов к религиозной стороне деятельности духовной миссии не нуждается в разъяснениях. Речь идет об оценке общего характера этой миссии, ее роли в становлении исторических и культурных связей наших двух стран. Даже буржуазное китаеведение ныне пришло к выводу, что характер деятельности Русской духовной миссии в Пекине существенно отличался от политических и миссионерских интриг иезуитов, подвизавшихся при цинском дворе. Это и обусловило ту терпимость, с которой маньчжурское правительство относилось к пред-

ставителям России в Пекине, и дало основание для продолжения работы миссии даже после того, как католические проповедники христианства фактически вынуждены были прекратить свою «работу»*. Более того, 10 августа 1830 г. Лифаньюань** даже ходатайствовал перед российским Сенатом о награждении Вениамина, тогдашнего главы Русской духовной миссии, так как сама китайская сторона не знала, чем поощрить его за труды. Это ходатайство было удовлетворено, и в январе 1831 г. из Петербурга направили в Пекин личную награду Вениамину, которую ему и вручили в Лифаньюане***.

Предлагая вниманию читателей материалы о жизни и деятельности выдающегося русского маньчжуроведа Г. М. Розова, редакция исходит из того, что в «Очерках истории русского китаеведения» П. Е. Скачкова [М., 1977] этому скромному труженику науки уделено сравнительно небольшое место. Между тем интерес к его трудам в наши дни существенно возрастает. Группа европейских и американских синологов во главе с проф. Г. Франке работает над программой издания источников и материалов по истории чжурчжэней, а именно Г. М. Розов многие годы посвятил переводу и изучению основного источника по чжурчжэньской истории — «Цзинь ши», он был одним из пионеров в этой области, его труд и поныне не утратил своего огромного значения для отечественного и мирового китаеведения.

* * *

Имя Григория Михайловича Розова (1808—1853) относится ныне к числу полузабытых имен русских востоковедов первой половины XIX в. Это объясняется тем, что его практическая деятельность ограничивалась кругом обязанностей переводчика с маньчжурского в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и была известна лишь сравнительно узкому кругу лиц, научные же труды его не были опубликованы и остались достоянием архивов, хотя их издание принесло бы автору заслуженную известность. Даже в специальной литературе о Г. М. Розове практически нет сведений. Лишь Э. Бретшнейдер в своей обстоятельной «Истории европейских ботанических открытий в Китае» упоминает о Григории Розове как о «молодом человеке, который отправился в Пекин с 11-й Русской духовной миссией, чтобы изучить там китайский, маньчжурский и монгольский языки. В 1830 г. он был спутником Бунге¹ при проезде через Монголию в Пекин, и когда Розов десять лет спустя вернулся из Китая, он передал Бунге небольшую коллекцию растений, собранную им близ Пекина и в Монголии во время путешествия домой в 1841 г. Профессор В. П. Васильев (бывший с миссией в Пекине в 1840—1850 гг.) говорил мне, что он был не миссионером, а студентом, прикомандированным к миссии»².

Полвека спустя Б. К. Пашков посвятил несколько строк Г. М. Розову — автору одной из первых в отечественном востоковедении грамматик маньчжурского языка³. Этим, собственно, и ограничиваются литературные известия о Григории Розове — маньчжуроведе, первоклассном знатоке маньчжурского, китайского и монгольского языков, посвятившем свои ученые занятия маньчжурской и китайской филологии, а также средневековой истории Китая и сопредельных государств.

Он родился в 1808 г., вероятно, в Новгороде или в Новгородской губернии, получил образование в Новгородской семинарии. Как указывал Розов, родители его были

* См. E. Widmer. The Russian Ecclesiastical Mission in Peking during the 18th Century, Camb., Mass., 1976, p. 146.

** Лифаньюань — палата (приказ), ведавшая управлением «внешними», вассальными провинциями (Монголией и Тибетом). Ведение дел с Россией также было отнесено к этому ведомству.

*** ЦГА КНР, АМЦД (Архив Минской и Цинской династий), ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло), д. 16, лл. 00001--00002, 00013--00015.

¹ Бунге А. А. (1803—1890) — русский флорист-систематик. В 1825 г. окончил Дерптский университет. Был профессором Казанского (1833—1836) и Дерптского (1836—1867) университетов (См. Биографический словарь деятелей естествознания и техники. Т. 1, М., 1958, с. 118). При отправлении в Пекин 11-й духовной миссии Бунге по поручению Академии Наук сопровождал ее вместе с астрономом Фуксом и монголоведом О. М. Ковалевским.

² History of European Botanical Discoveries in China, by E. Bretschneider, London — St. Petersburg, 1898, V. 1, p. 346.

³ Б. К. Пашков. Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности. — «Краткие сообщения Института Востоковедения АН СССР». 1956, т. XVIII, с. 3—18.

«из духовного звания», никаких сведений о том, владели ли они или он сам каким-либо имуществом, не имеется, всю жизнь источником его существования был казенный кош — от семинарских харчей до чиновничьего жалованья.

21 года от роду он окончил семинарию и дал согласие отправиться в далекий Пекин с очередной сменой состава духовной миссии. Новгородский митрополит Серафим докладывал в синод, что «к поступлению в звание псаломщика в Пекинской духовной миссии изъявил согласие Новгородской семинарии ученик 2-го разряда Григорий Розов, окончивший ныне курс семинарского учения с хорошою нравственностью и успехами»⁴.

Выбор жизненного пути, очевидно, в равной мере был определен и любознательностью молодого ума, и безысходностью материального положения⁵. Будущий псаломщик миссии немедленно был отправлен в Петербург, получив от правления семинарии 225 руб. на экипировку и дорожные расходы. По приезде в Петербург Григорий Розов был приставлен «к переводчику при Азиатском департаменте монаху Иакинфу для обучения китайскому языку»⁶.

Занятия с Н. Я. Бичуриным не могли не оставить глубокого следа в душе молодого семинариста. Известная общность их судеб — происхождение из бедной семьи, семинарские годы, отправление в Пекинскую миссию — сближали учителя и ученика. Вместе с тем хорошо известно, каким энтузиастом научного изучения Китая был «первый русский китаевед», как он многих своих современников, в том числе А. С. Пушкина, увлекал своей страстью к народу и культуре «Срединного государства». Это горячее отношение к предмету научных занятий Н. Я. Бичурин прививал и своим ученикам, которые могли получить у него поистине энциклопедические знания о Китае. Занятия языком по созданной Н. Я. Бичуриным «Грамматике», сотни книг из его личной библиотеки, которые могли служить пособиями при изучении любых текстов, альбомы со сделанными в Пекине зарисовками, китайские вещи и т. п. — все это создавало такую атмосферу, благодаря которой китаеведение сразу же переставало быть надоедливой зубрежкой трудной иероглифики и превращалось в средство познания огромного и удивительного мира.

26 декабря 1829 г. Розов был зачислен псаломщиком при Пекинской духовной миссии. Маршрут миссионеров в Пекин лежал через Сибирь, Забайкалье, Монголию. Последним русским городом на этом пути была Кяхта, куда Розов и его спутники прибыли в конце июня 1830 г. После кратковременного отдыха и хлопот, связанных с оснащением каравана, они по старой ургинской дороге отправились в столицу Поднебесной. Там им предстояло провести десять лет.

Следует заметить, что отношение цинских властей к миссии в этот период было неплохим, а глава ее, Вениамин, заслужил большое уважение в официальных кругах столицы маньчжурской империи преподаванием в казенном училище русского языка для будущих переводчиков, назначавшихся на различные должности в учреждения, ведавшие отношениями с Россией.

Вместе с тем условия жизни в Пекине для миссионеров были очень тяжелыми. Розов и его спутники прибыли в главный город цинской державы в конце июня 1831 г. и сразу же попали в «футянь» — самое влажное и жаркое время года, изнуряющее человека духотой, связанной с нею бессонницей, вызывающее общую апатию. Жилые помещения и классы для занятий в миссии были тесными и неудобными. С трудом привыкали вновь прибывшие к острой и пряной кухне, в которой не было столь привычных хлеба, молочных продуктов и многого другого. Не легче становилось и зимой, когда дули холодные северные ветры, от которых не спасали плохо отапливаемые помещения⁷, и весной, когда особо свирепствовали пыльные бури, приносящие с собой тучи всепроникающих мельчайших частичек лёсса. Лишь дальневосточная осень голубиной неба и золотом листья, спокойной прохладой и щедростью плодов земли напоминала о родной природе. Непривычный климат и плохо устроенный быт вызывали частые болезни среди миссионеров. И хотя с почтой из России присылали тюки и ящи-

⁴ АВПР, ф. СПб гл. архив, IV—1, 1829—63, д. 11, л. 2.

⁵ Как указывает известный историограф миссии Адоратский, члены миссии «большей частью недобровольно, из послушания шли в неведомую страну, потому что в отечестве им не удавалось пристроиться. Такая подневольная жизнь была для многих пыткой». (см. Адоратский. Отец Иакинф Бичурин, — «Православный собеседник», 1886 г., ч. 1, с. 167.)

⁶ АВПР, ф. СПб гл. архив, IV—1, 1829—63, д. 11, л. 2.

⁷ Один из руководителей миссии Аввакум Честной в рапорте Азиатскому департаменту писал: «Студенческие комнаты узки и тесны, неудачны для занятий с учителями, зимою опасны для здоровья. Нельзя прислониться ни к одной стене — иначе сырость и холод проникнут во все кости, и ревматизм, здесь столь обыкновенный, — неизбежен... В зимнее время ноги постоянно страдают от жару, а плечи и спина — от сырости и холода» (Цит. по: К. А. Скачков. Пекин в дни тайпинского восстания. М., 1958, с. 15.)

ки с медикаментами, но уже год спустя один из студентов миссии — Курляндцев — вынужден был по болезни уехать домой.

Уроки Бичурина не были забыты Розовым, он тотчас же стал просить, чтобы его зачислили студентом на освободившееся вакантное место. Но этот вопрос мог быть решен лишь в Петербурге, поэтому, несмотря на поддержку со стороны начальника миссии, лишь 20 марта 1833 г. «на основании высочайше утвержденного доклада Григорий Михайлов Розов... поступил в студенты означенной миссии и уволен из духовного звания». Событие это было для Г. Розова вдвойне радостным: он не только сбросил церковное облачение, но и его стремление к изучению Китая, его языка и обычаев, истории и быта, проявленное им с первых дней пребывания в Пекине, получило теперь официальное одобрение и поощрение. Новому студенту одновременно был пожалован в награду годовой оклад⁸. Он мог теперь сам покупать книги, приплачивать учителям. С апреля его вместе с иеромонахом Ф. Киселевским в Сретенском подворье миссии начал учить китайскому языку маньчжурский солдат Дэ, имевший первую ученую степень сюцай⁹.

Переход Розова из духовного звания в студенты миссии означал, что в Пекине теперь из него готовили будущего чиновника, образованного в китайских делах. Уже в сентябре 1833 г. совет миссии на основании предоставленного ему права произвел Григория Розова в низший по табели о рангах гражданский чин — коллежского регистратора¹⁰.

В этом же году в миссии произошло неожиданное событие, взволновавшее всех. В Пекин из самой далекой южной провинции Цинской империи пришел пешком русский старик, заявивший, что он уроженец Смоленщины и что зовут его Иван. В 1777 г. при бегстве торгового из пределов России он был захвачен в плен и продан в рабство в Юньнань. Ему было уже за восемьдесят, он не мог больше работать на медных рудниках и стремился лишь к одному — умереть дома. Его отпустили в миссию, с тем чтобы при смене ее состава он был отправлен в Россию. Этот пример неудержимого стремления к дому, к родине, неволью наваял на миссионеров очредной приступ тоски по родным краям¹¹.

Но Г. Розов упорно продолжал занятия языками. С 1835 г. он основное внимание уделяет маньчжурскому языку, причем ему посчастливилось стать учеником наиболее образованного из всех прикрепленных к миссии учителей — маньчжура Сэ, служившего одновременно переводчиком и чиновником комиссии сочинений государственной истории. Розов довольно быстро совершенствовался в знании маньчжурского и вместе с Сэ начал подбирать себе для перевода какое-либо крупное сочинение по истории маньчжуров. Одновременно он начал составлять маньчжурско-русский словарь и готовить грамматику маньчжурского языка. В области маньчжуроведения он шел тем же путем, что и Бичурин в синологии.

Не только климат и неустроенность быта отрицательно действовали на здоровье миссионеров, изнуряли их и многочасовые занятия (порой по 12—14 часов в день). В апреле 1835 г. Сенат ходатайствовал перед цинским правительством об изменении условий Кяхтинского (1727) договора, касавшихся пребывания в Пекине членов духовной миссии. В «листе» (письме), направленном в Лифаньюань, подчеркивалось, что десятилетний срок пребывания в Пекине членов миссии, определенный трактатом, является для многих членов миссии весьма трудно переносимым. В связи с этим высказывалась просьба о разрешении производить смену хотя бы части членов миссии через 5 лет, когда для миссии направлялся караван с серебром. Рассмотрев это послание, чиновники Лифаньюаня сочли, что целесообразнее производить отсылку больных членов миссии и учеников по мере необходимости, а не раз в 5 лет. Это их предложение и было утверждено императором¹².

В 1836 г. по болезни покинул миссию и отправился на родину еще один студент — Кованько. Розов же продолжал трудиться как одержимый, не щадя собственного здоровья. Предметом его занятий, наряду со словарем и грамматикой, был перевод с

⁸ АВПР, ф. ДЛС и ХД, 1840—53, д. 2895, л. 1.

⁹ Ф. Киселевский так характеризовал в своих записках учителей, напимавшихся для миссии: «Солдат сюцай Энь нанят в начале мая, в половине того же месяца с бесчестьем отставлен... Крестьянин сюцай Ван — с половины мая 1833 г., в конце августа отставлен за пьянство... Чортхэ лама, учитель тибетского языка с января 1833 г., в конце декабря того же года оставил нас, как раков на мели. Солдат сюцай Чэн нанят с сентября 1833 г., получал 4 ланы в месяц. Учитель китайского языка — один из лучших, но такая шельма, которая беспрепятственными отпусками и неявками к сроку причиняет множество беспокойства и досады. Он ходил только по 1836 г. и отставлен». (Цит. по: К. А. Скачков. Указ. соч., с. 16.)

¹⁰ АВПР, ф. ДЛС и ХД, 1840—53, д. 2895, л. 1.

¹¹ ЦГА КНР, АМЦД, ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло), д. 17, лл. 00031—00032.

¹² Там же, д. 18, лл. 00003—00005, 00011—00015.

маньчжурского истории династии Айсинь гурунь (кит. — Цзинь), создавшей в 1115 г. «Золотую империю», разгромленную затем в 1234 г. монголами-чингисидами. Выбор этого сочинения для перевода на русский, с одной стороны, вероятно, был подсказан преподавателем-исторнографом Сэ, а с другой — навеян методикой Бичурина, стремившегося осветить для русского и европейского читателя основные моменты истории Китая и его соседей. Перевод производился с маньчжурского, но для контроля и правильного понимания трудных мест служили и имевшиеся в личной библиотеке Розова два издания «Цзинь ши» на китайском языке: одно состояло из 10 бэней (томиков) в двух тао (съемных переплетах), а другое — из 18 бэней в двух тао и содержало обширные комментарии к наиболее трудным частям текста¹³.

Занятия Розова поощрялись руководством миссии — ведь успешность ее деятельности определялась и научными достижениями ее членов. Точно по прошествии трех лет после присвоения низшего чина совет миссии произвел его 4 сентября 1836 г. в губернские секретари — чин 12 класса по тогдашней табели о рангах. Исключительная целеустремленность и упорство, свойственные Розову, позволили ему добиться успехов, каких не достиг ни один из его коллег по миссии.

Тем временем миссионеры начали готовиться к возвращению домой. В «листе» от 22 октября 1838 г. сенат известил Лифаньюань о намерении русского правительства произвести смену состава духовной миссии во главе с Вениамином. Выезд из Кяхты нового состава миссии намечался на начало августа 1839 г. Император Сюаньцзун (Шаогуан) в мае 1839 г. разрешил произвести замену, а Лифаньюань обещал выслать в Кяхту чиновника для препровождения новой миссии в Пекин и отпуска старого состава миссии¹⁴. Переписка по этому поводу между Сенатом и Лифаньюанем была известна миссионерам. Но как ни велико было их нетерпение, они были бессильны ускорить ход событий. Совет миссии 4 сентября 1839 г. произвел Г. Розова в коллежские секретари — 10-й гражданский чин.

Новый состав миссии прибыл в Кяхту лишь в конце мая 1840 г. Последние дни пребывания в Пекине были омрачены для миссионеров смертью сверстника Розова и его напарника по занятиям китайским языком Ф. Киселевского. Врач миссии П. Е. Кириллов, пользовавшийся славой отличного медика не только в миссии, но и во всей китайской столице, не смог спасти этого своего пациента, скончавшегося 1 июня 1840 г. Из девяти прибывших с Розовым его товарищей в обратный путь отправлялось лишь шестеро.

Кяхта радушно встретила возвращавшихся на родину пекинских «сидельцев». И для них все было радостно: и русские лица вокруг, и русская речь, и гостеприимное хлебосольство. Григорий Михайлович особенно сблизился с семейством служившего при Кяхтинской таможне надворного советника Александра Михайлова. Дочь Михайлова — Христина — тронула его сердце заботливой ласковостью, живым умом, чистосердечностью. Да и ее заинтересовали не только рассказы Григория Михайловича о том, как живут китайцы не в соседнем Маймайчэне, а там, в своей далекой и загадочной столице, но и подмеченная ею какая-то скрытая внутренняя сила этого скромного и образованного человека. Расставание их было грустным, но миссию уже ждали в Петербурге.

Через Сибирь как и в первый раз, проехали зимним путем и к весне 1842 г. добрались до столицы. Руководство миссии дало Розову наилучшую аттестацию, и он был «на основании доклада г-на вице-канцлера, удостоенного высочайшего утверждения, во 2-й день мая 1842 года оставлен при Азиатском департаменте в качестве переводчика с маньчжурского языка»¹⁵. В тот же день последовал и другой указ, гласивший, что «по засвидетельствованию начальства об отличном усердии и трудах его во время десятилетнего пребывания в Пекине» Г. М. Розову предоставлен «пожизненный пенсioen по пятисот рублей серебра в год и следующий чин титулярного советника». Его научные успехи в миссии, упорный и целеустремленный труд были отмечены орденом Станислава 3-й степени.

Скромный семинарист, прилежный студент при миссии превратился в государственного чиновника. Он уже не принадлежал ни себе, ни науке, к которой стремился. Каждый шаг его отныне отмечался в формулярных списках.

Когда в январе 1844 г. Григорий Михайлович решил жениться, он подал в Азиатский департамент рапорт: «Желая вступить в первый законный брак с дочерью служащего при Кяхтинской таможне надворного советника Михайлова, девицею Христиною Александровою, с общего согласия на оный как самой девицы, так и ее родителей. — покорнейше прошу Азиатский департамент дозволить мне сей брак и снабдить меня свидтельством»¹⁶. По счастью, начальство благосклонно отнеслось к этой женитьбе.

¹³ АВПР, ф. СПб, гл. архив, IV—1, 1829—63, д. 11, л. 72 об.

¹⁴ ЦГА КНР, АМГД, ф. Документы на русском языке по истории китайско-русских отношений (Ло), д. 18, с. 00023—00029.

¹⁵ АВПР, ф. ДЛС и ХД, 1840—53, д. 2895, лл. 3—4.

¹⁶ АВПР, ф. СПб, гл. архив, IV—1, 1844—51, д. 2, л. 5.

С этим, петербургским периодом жизни Г. М. Розова совпадает по времени подъем научного Китаеведения в России, связанный в первую очередь с трудами Н. Я. Бичурина. Если в момент первого знакомства Розова с Бичуриным последний представил русскую общественности географические описания сопредельных с Китаем стран, то теперь одно за другим выходили в свет его основные сочинения по истории Китая и его соседей¹⁷. Читатели и критики проявляли большой интерес к этим трудам. Началось развиваться и преподавание китайского языка в России. В 1835—1836 гг. открылась школа китайского языка в Кяхте, в 1837 г. началось преподавание Китаеведческих дисциплин в Казанском университете.

Сам Г. М. Розов располагал прекрасной библиотекой китайской и маньчжурской литературы, приобретенной им в Пекине. Его книжная коллекция свидетельствовала о разностороннем характере интересов ученого. Так, кроме двух уже упоминавшихся изданий «Цзинь ши», он имел для работы в области истории Китая такие труды, как «Тунцзянь ганму» (120 бэней, 12 тао), «Мин ши» (111 бэней, 12 тао), «Дун хуа лу» (16 бэней, 2 тао), «Минмо цзинчу цзылэ» — «Очерк последнего периода Минской династии и начала династии Цзылэ» (то есть Цинской. — В. М.) — редкое сочинение, рукопись которого на китайском и маньчжурском языках обошлось Розову недешево. Как вспомогательным пособием он пользовался «Китайской хронологией» («Лидайди ваньяньбяо») ¹⁸.

Весьма богато в розовской коллекции была представлена китайская классическая литература. Здесь находились и древние каноны: «Шуцзин», «Шинцзин», «Ицзин», «Чуньцю», «Сышу», причем некоторые из них в разных изданиях, а «Сышу», например, было и с параллельным маньчжурским текстом; а также классические средневековые романы — «Хунлоу мын», «Цзинь, Пин, Мэй». Г. М. Розова интересовали и географические описания Цинской империи, у него под рукой были: «Описание Пекина» («Чжэньян шилю»), китайский «Адрес-календарь» («Дайцзинь кушень»), «Описание западного края» («Юйцзян туши»), «Гуань син цзи» («География Китая»), «Европейские географические сочинения для китайцев» («Шэной тумо»), справочная книга, в которой давалось определение высоты северного полюса для каждой провинции Цинской империи, — «Саньтань хэн синту», а также почти два десятка китайских карт, литографированных и рукописных.

Но все же самую большую часть библиотеки составляли филологические труды, среди которых в первую очередь заслуживают внимания: «Канси цзыдянь» — китайский толковый словарь, созданный в период правления маньчжурского императора Сюань Е (Канси) и состоявший из 40 бэней в 6 тао, «Маньхань цинвэнь цимэнь» — «Книга для первоначального изучения маньчжурского и китайского языков», «Цинхань цинвэнь» — «Маньчжурско-китайская фразеология», «Маньчжу гувэнь» — перевод с китайского на маньчжурский «Образцовых сочинений» (36 бэней в 6 тао). Китайские и маньчжурские фразеологии под названиями «Саньхэ ваньли», «Саньхэ юйлу» и десятки других книг также служили пособиями для овладения китайским и маньчжурским языками и практической работы с ними ****.

Невольно возникает вопрос, почему же Г. М. Розов не продолжил столь успешно начатую в миссии деятельность переводчика китайской и маньчжурской классики? Почему на родине он не следовал примеру Н. Я. Бичурина и даже не попытался опубликовать уже готовые труды свои? На наш взгляд, не может быть однозначного ответа, объясняющего причину прекращения Г. М. Розовым научного творчества. Вероятно, ряд причин и обстоятельств привели к этому.

Во-первых, на долю Г. М. Розова приходилась большая часть официальных переводов с маньчжурского и китайского языков в Азиатском департаменте. Ведь другим переводчиком с китайского там числился Н. Я. Бичурин, который и в силу своего возраста, и в связи с работой над «Собранием сведений...» не мог уже отдавать время «казенным» переводам.

Кроме того, на Розова как на знатока Китая возлагалась обязанность не только переводить «листы» Лифаньюаня и российского Сената, но и составлять обобщающие документы. Период его службы в Азиатском департаменте падает как раз на начало колониальной экспансии западных держав и США в Китае. Русское правительство внимательно следило за ходом первой «опиумной» войны, обстоятельствами подписания неравноправных договоров, дальнейшими намерениями Англии и Франции. Ин-

¹⁷ «Описание Тибета в его нынешнем состоянии», СПб, 1828; «Записки о Монголии», СПб, 1828; «Китай, его нравы, обычаи» (1840), «Статистическое описание Китайской империи» (1842), «Китай в гражданском и нравственном состоянии» (1848), «История первых четырех ханов из дома Чингисова» (1829), «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» (1834), «История Тибета и Хухунора с 2282 г. до н. э. по 1227 г. н. э.» (1833), «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии с древнейших времен» (1851).

¹⁸ АВПР, ф. СПб, гл. архив, IV—I, 1829—63, д. 11, лл. 71—74.

**** После смерти Г. М. Розова его библиотеку приобрел Азиатский департамент, откуда позднее она перешла в фонды ГПБ им. Салтыкова-Щедрина.

Формация из Пекина поступала с большим опозданием. Оценка сообщений английской и французской печати, действий цинского правительства производилась, разумеется, и компетентными чиновниками МИД в Петербурге. Активизировалась и собственная позиция России на Дальнем Востоке, на конец 40-х годов приходятся первые успешные экспедиции Г. И. Невельского, наступает заключительная фаза определения дальневосточной русско-китайской границы, происходят существенные сдвиги в экономических отношениях двух стран. В этих условиях Г. М. Розову пришлось, естественно, сосредоточить максимум усилий на работе в Азиатском департаменте.

Другой причиной того, что Григорий Михайлович не мог заниматься научным Китаеведением, являлось состояние его здоровья. Ведь не случайно с момента возвращения из Пекина он постоянно получал пенсию. Лишения и изнурительный труд, пережитые им во время пребывания в миссии, не прошли бесследно.

И, наконец, мы знаем, как дорого обходилось издание Китаеведческих работ в то время, с какими финансовыми затруднениями сталкивался, например, Бичурин. Живя на оклад (600 руб. в год) и пенсию (500 руб. в год), Г. М. Розов фактически не мог себе позволить «лишние» траты, у него была довольно многочисленная семья, кроме трех своих детей, он воспитывал после смерти брата, бывшего в Новгороде священником, трех осиротевших племянниц. Из бюджета семьи, еле сводившей концы с концами, выделить любые, даже самые мизерные суммы на книгоиздательство было бы непозволительной роскошью.

Между тем продвижение Розова по служебной лестнице продолжалось без отклонений. За 15 лет службы он был награжден знаком отличия. Наиболее ярким эпизодом его деятельности в эти годы было преподавание маньчжурского языка членам 13-й духовной миссии, готовившейся в 1848 г. к отправлению в Пекин. Миссию формировал Палладий Кафоров, специально прибывший из Пекина. Он же, вместе с Бичуриным и А. Честным, знакомил будущих миссионеров с основами китайского языка. Маньчжурскому же их обучал Г. М. Розов, среди учеников которого следует отметить М. Д. Храповицкого, проявившего во время пребывания в миссии большой интерес к истории Цинской империи.

Опыт преподавания был вполне успешным. В декабре 1848 г. директор Азиатского департамента ходатайствовал о выдаче 600 руб. серебром «обучавшему членов помянутой миссии маньчжурскому языку коллежскому ассессору Розову в награду за усердие, постоянно им оказываемое, и за особенные труды его по обучению членов пекинской миссии»¹⁹. Ходатайство было удовлетворено.

В начале 50-х годов здоровье Г. М. Розова значительно ухудшилось, петербургский климат, очевидно, был не менее пагубным для его больного организма. 4 февраля 1853 г. Григория Михайловича не стало. 14 февраля 1853 г. директор Азиатского департамента писал в связи с этим: «Служивший в Азиатском департаменте главным переводчиком маньчжурского языка надворный советник Розов помер 4-го февраля, оставив жену и трех малолетних детей без всякого состояния. Розов с отличием служил с лишком 23 года, из коих более 10 лет провел в Пекине, где вредный для него климат расстроил его здоровье. Тем не менее он, по возвращении в Россию, невзирая на слабое свое здоровье, с примерным усердием продолжал исполнять долг службы и, кроме прямых обязанностей по званию переводчика, имел постоянные занятия по Азиатскому департаменту»²⁰. Этот отрывок из ходатайства о назначении Х. А. Розовой пенсии и устройстве детей Г. М. Розова в учебные заведения на казенный счет является и своеобразным некрологом одному из первых и лучших русских маньчжуроведов.

Ему было всего 45 лет. Его учитель Н. Я. Бичурин скончался в том же году 11 мая в возрасте 76 лет. Современники и коллеги иногда сравнивали их, считая, что Г. М. Розов мог бы сыграть в русском маньчжуроведении ту же роль, что играл Бичурин в отечественной синологии. «„История династии Гинь или Цзинь (Золотой)“, переведенная на русский язык Г. Розовым, — писал бывший в 11-й миссии Китаевед А. Честной, — будет не менее и не хуже „Истории четырех ханов из дома Чингисова“, переведенной о. Накинфом»²¹. Перевод «Цзинь шим», выполненный Г. М. Розовым свыше 130 лет назад, не утратил своей ценности для науки. Его публикация могла бы сделать его доступным не только специалистам, но и всем, кто интересуется «глубокой стариной» советского и зарубежного Дальнего Востока.

¹⁹ АВПР, ф. СПб, гл. архив, 1—5, 1823, л. 19, папка 48, л. 2 об.

²⁰ Там же, IV—I, 1829—63, л. 11, л. 34 об.

²¹ РОГБЛ, шифр 2688/1, л. 325 об.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Япония в системе мировых хозяйственных связей

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» выпустила монографию, посвященную внешнеэкономическим связям Японии¹. Выход в свет этой книги стал заметным явлением в советском японоведении. Связано это в первую очередь с актуальностью исследованных в ней проблем, с глубиной и широтой содержащегося в монографии анализа роли и места Японии в системе мировых хозяйственных связей.

Япония в послевоенные годы обошла Англию и ФРГ по объему ВНП и промышленного производства, выйдя по этим и большинству других важнейших экономических показателей на 2-е или даже 1-е место в капиталистическом мире. В ней на основе огромных инвестиций были осуществлены модернизация и реконструкция многих отраслей народного хозяйства, часть из которых была создана заново с учетом последних достижений НТР. Японским монополиям удалось также значительно поднять производительность труда в промышленности в существенной мере благодаря интенсивной эксплуатации трудящихся, уровень которых в ряде ключевых отраслей экономики (металлургия, судостроение, автомобилестроение и пр.) превысил соответствующие показатели в других ведущих капиталистических государствах. Особой остроты в стране достигли и отрицательные явления, связанные со «сверхбыстрым» экономическим ростом. Углубилась диспропорциональность в развитии отдельных отраслей экономики, критических размеров достигло в стране загрязнение окружающей среды, огромный разрыв существует в уровнях между экономическим потенциалом страны в целом и личным потреблением и качеством жизни трудящихся. На XXIV съезде КПСС в 1971 г. на основе этих и других особенностей в экономическом, политическом и социальном развитии Японии был сделан вывод о превращении этой страны в новый центр империалистического соперничества наряду с США и «Общим рынком».

¹ Япония в системе мировых хозяйственных связей. М., «Наука», 1977, 303 с.

Что касается внешнеэкономических связей Японии, то, несмотря на их очень быстрое развитие и возросшее влияние на внутриэкономические факторы роста, эти связи были и остаются вторичными по своему существу, производными от внутриэкономического потенциала страны. Поэтому трудно было ожидать немедленного усиления внешнеэкономических позиций Японии одновременно с ее внутриэкономическим ростом. Прошло несколько лет, прежде чем развернулось (с начала 70-х годов) широкое наступление японских монополий на мировые рынки, которое существенным образом изменило структуру мирового капиталистического хозяйства. Такая взаимосвязь экономических явлений четко отмечается во всех разделах рецензируемой монографии, и это позволило авторскому коллективу глубоко и обоснованно показать причины внешнеэкономического «взлета» Японии на основе важных сдвигов в ее народном хозяйстве.

Внеэкономические связи охватывают очень широкий круг проблем: внешнеторговую, экспорт и импорта капитала, положения национальной валюты, научно-технического обмена, миграции рабочей силы, а также отношения с отдельными регионами и странами и др. В монографии применен правильный, на наш взгляд, подход к рассмотрению всех этих проблем. Исследование делится на два крупных раздела: в первом анализируются внешняя торговля, движение капиталов и валютно-финансовые аспекты внешнеэкономических связей Японии, а во втором — ее отношения с отдельными регионами и странами. Все это позволило значительно раздвинуть рамки исследования и проанализировать подавляющее большинство проблем участия Японии в системе мировых хозяйственных связей.

Заслуживает положительной оценки структура анализа поставленных в монографии проблем. Аргументированные экспертные оценки удачно подкрепляются цифровым и табличным материалом. Наконец, в монографии помещено обширное статистическое приложение по внешнеэкономическим связям Японии, которое привлекает не только своей новизной, но и творческим характером: многие таблицы составлены на основе собственных оригинальных расчетов авторов.

В научном аппарате монографии большой удельный вес занимают официальные правительственные издания и другие источники на японском, китайском, а также английском, французском и некоторых других западноевропейских языках.

В авторском коллективе монографии представлены известные научные работники, руководящие специалисты учреждений, связанных по роду деятельности с отношениями

РФ с Японией, работающие в Москве, Ленинграде, Владивостоке и в Японии.

В протяжении всей монографии четко выдвигается основная мысль — о резком усилении позиций Японии в системе мировых экономических связей, которое, однако, было неравномерным в различных сферах этих связей. Так, в области внешней торговли влияние страны на структуру мирового капиталистического хозяйства оказалось относительно больше, чем, например, в сфере значительного инвестирования или в валютно-финансовой системе капитализма. Это, как выдвигается в монографии, определило и такую степень остроты противоречий Японии с другими центрами империалистического соперничества. Такой конкретный анализ позволяет избежать схематизации и упрощения характера внешнеэкономических отношений Японии. Вместе с тем в монографии выявлена диалектическая связь между указанными противоречиями и достижением вынужденных компромиссов с другими ведущими капиталистическими странами по тем или иным экономическим проблемам.

Более быстрое развитие внешнеэкономической сферы японского национального хозяйства по сравнению с внутренним производством привело к возрастанию роли и значения внешнеэкономических связей как фактора экономического роста страны. Выводы, вытекающие из этого, на наш взгляд, важными с методической точки зрения — они подчеркивают необходимость дальнейшего всестороннего изучения советскими японоведами внешней сферы экономики Японии.

Указанные проблемы подробно исследуются в первой главе монографии (автор — Л. Леонтьева), содержащей ряд интересных выводов и расчетов. К числу этих проблем относятся изменения в товарном составе экспорта Японии (с. 11), в структуре обрабатывающей промышленности и экспорта продукции (с. 14) и др. Здесь впервые подробно разбирается проблема эффективности экономических связей Японии при внешней структуре ее промышленности и особенностях участия в международном разделении труда. К сожалению, однако, в этой главе, ни в монографии в целом не нашли достаточного освещения вопросы конкурентоспособности японской экспортной продукции.

Важное место в рецензируемой книге занимает глава, посвященная прямым иностранным инвестициям Японии (автор — Б. Ковригин). Именно в этой области с начала 70-х годов произошли наиболее существенные изменения, приведшие к превращению Японии в одного из крупнейших экспортных капитала среди ведущих капиталистических стран. Автор использовал большое количество специальной литературы. Вместе с тем ряд проблем освещен здесь, на наш взгляд, недостаточно полно или нечетко. Это относится к формам заграничного инвестирования, к исчислению уровня его прибыль-

ности, а также к проблеме международных сопоставлений в рассматриваемой области.

Главы VI и VII, написанные С. К. Игнатушенко, посвящены экономическим отношениям страны с другими центрами империалистического соперничества — США и Западной Европой. Автор последовательно рассматривает внешнюю торговлю, взаимное движение инвестиций и валютные отношения. И на основе глубокого анализа этих проблем вскрывает острые экономические противоречия между центрами современного империалистического соперничества, одновременно показывая поиски ими компромиссных решений, а также государственно-монополистические мероприятия Японии по регулированию ее внешнеэкономических связей с США и странами Западной Европы.

Глава о японо-австралийских экономических отношениях (автор — И. А. Лебедев) приводит к выводу, что за последние 10—12 лет Австралия стала одним из ведущих экономических партнеров Японии. Без поставок австралийской железной руды, бокситов, каменного угля и шерсти-сырца ныне невозможно представить функционирование соответствующих отраслей японской промышленности. Автор указывает, что позиции Японии как самостоятельного центра империалистического соперничества сейчас во многом зависят от характера японо-австралийских отношений.

В последние годы произошло существенное расширение экономических связей между Японией и КНР, чему посвящена одна из глав монографии (автор — П. И. Клайман). Экономические связи с Японией китайское руководство использует не только исходя из своих внутриэкономических проблем, но и для того, чтобы активно помешать советско-японскому торгово-экономическому сотрудничеству.

Автор характеризует влияние на указанные отношения общей политической неустойчивости в Китае, анализирует различные факторы, как способствующие, так и препятствующие развитию японо-китайских экономических связей.

Советско-японским экономическим отношениям посвящены две главы рецензируемой монографии. В одной из них рассматривается современный этап советско-японских торгово-экономических отношений (автор — В. Б. Спандарьян). Анализируются советско-японская торговля, в том числе и прибрежная, проекты экономического сотрудничества двух стран в разработке природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, а также перспективы экономических отношений СССР и Японии. Автор убедительно показал взаимовыгодный характер советско-японских экономических отношений, раскрыл последовательную и миролюбивую линию Советского Союза на всестороннее их развитие, не подверженную конъюнктурным колебаниям.

Говоря об успехах в развитии двусторонних экономических связей, автор вместе с тем не обходит стороной и имеющиеся труд-

ности. К ним относятся, например, конъюнктурные колебания экономики Японии, которые порой приводят к неустойчивости в закупках японской стороной тех или иных советских товаров, недостаточное знакомство японской стороны с экспортными возможностями советской промышленности и др. На развитие советско-японских экономических связей несомненное влияние оказывают удаленность существующих и перспективных сырьевых проектов от крупных промышленных центров СССР, сложные географические условия восточных районов страны, необходимость привлечения значительных материальных и людских ресурсов. Однако при наличии доброй воли сторон подобные трудности могут быть в значительной мере преодолены.

Японская сторона в экономические отношения с СССР постоянно привносит элементы политического характера, которые не способствуют развитию этих отношений. Речь идет об увязывании осуществления новых проектов с решением так называемого территориального вопроса и т. п. Японская сторона при рассмотрении тех или иных проектов экономического сотрудничества с СССР проявляет также склонность «оглядываться» на другие страны, прислушиваться к таким заявлениям их руководителей, которые прямо направлены на подрыв советско-японского экономического сотрудничества.

В главе ярко показано, что указанное сотрудничество — это двусторонний процесс, развитие которого выгодно не только Советскому Союзу, но и в неменьшей мере Японии, что советско-японское сотрудничество вносит немалый вклад в дело укрепления стабильности в Азии, от которой выигрывают все страны, в том числе и Япония. Автор подчеркивает, что дальнейшее развитие советско-японских торгово-экономических связей зависит прежде всего от соответствующих шагов японской стороны.

В главе о научно-технических связях СССР и Японии (автор — В. А. Кузин) отмечается, что эти связи занимают все более важное место во всем комплексе отношений между двумя странами, что советско-японское сотрудничество в самых различных областях науки и техники представляет интерес для обеих сторон и име-

ет неплохие перспективы для развития. Главы III, IV, V и VIII, написанные Ю. С. Столяровым, посвящены различным аспектам внешнеэкономических связей Японии: деятельности международных компаний в стране, валютно-финансовому положению Японии, ее отношениям с развивающимися государствами.

Автор убедительно показывает процесс превращения японских национальных компаний в международные, отмечая своеобразие этого процесса, его отличие от аналогичной эволюции американских и западноевропейских компаний. Он анализирует также вопросы, как степень воздействия ревалюации японской иены в 1971 и 1973 гг., а также введения ее плавающего курса на экономику страны, приводит количественные оценки международных позиций иены с точки зрения ее удельного веса в «корзине валют» при исчислении курса СДР.

При написании коллективных монографий в которых рассматривается широкий круг проблем, весьма важное значение имеет объединение разнородных глав единой целью, унифицирование их и редактирование. С этими задачами авторский коллектив успешно справился. Монография получила цельным исследованием важной сферы экономики Японии.

Отмечая достоинства рецензируемой монографии, следует вместе с тем указать на недостаточность более развернутого освещения в ней ряда существенных положений и проблем. Не нашли, к сожалению, развития положение о том, что в области кооперации и специализации производство Японии значительно отстает от других ведущих капиталистических стран (с. 258). Достаточно обстоятельно освещено участие Японии в деятельности международных экономических организаций (ГАТТ, Международное энергетическое агентство, ЮНКЕД и др.). Это, несомненно, относится к числу недостатков монографии.

Следует надеяться, что эти недочеты будут устранены в последующих исследованиях советских японоведов по внешнеэкономическим связям Японии.

В. Н. Хлынов,
кандидат экономических наук

* * *

Пекин: политическая диверсия против развивающихся стран

Прошло уже более семи лет с тех пор, как на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН было восстановлено членство КНР в этой всемирной организации. Срок немалый для того, чтобы в конкретных действиях, в

дипломатической практике достаточно полно проявилась внешнеполитическая линия этого государства, тем более государства постоянного члена Совета Безопасности. Сущего особую ответственность за развитие событий в мире в том или ином направлении. Деятельность делегации КНР в Организации Объединенных Наций за прошедшие семь лет и, надо сказать, весьма активная как бы в концентрированном виде выражает весь враждебный мировому социализму национально-освободительному движению курс Пекина на мировой арене. Тем самым подчеркивается необходимость научного, аргументированного

важного и в то же время политически заперенного разоблачения действий маоистской дипломатии в ООН. Анализ и разоблачению той стороны внешнеполитического курса Пекина, которая затрагивает проблемы развивающихся стран, и посвящена рецензируемая монография П. Артемьева*. И весь опыт современной эпохи убедительно показывает, что происходящие в мировом развитии позитивные сдвиги в значительной степени определяются тем, что силы социального и национального освобождения выступают совместно. Растущее сотрудничество социалистических государств с развивающимися ведет к становлению принципиально нового явления — равноправного и взаимовыгодного разделения труда между странами с различным социальным устройством и неодинаковым уровнем развития производительных сил. Это сотрудничество неизбежно противостоит системе неоколониалистской эксплуатации в области международных экономических отношений. Разрядка международной напряженности, усиление тенденции к перестройке межгосударственных отношений на основе принципов мирного сосуществования, развитие сотрудничества государств с различным общественным строем отвечают интересам как социалистических, так и развивающихся стран.

В этих условиях империализму, например, неизмеримо труднее осуществлять стратегию прямого вмешательства в дела свободившихся стран. В то же время смягчение международной напряженности способствует укреплению суверенитета молодых государств, претворению в жизнь задач их национального и социального развития.

Коренное изменение расстановки сил на мировой арене в пользу социализма, переход к независимых государств на путь некапиталистического развития побуждают империалистические державы существенно изменять основные аспекты неоколониалистской стратегии, изыскивать более эффективные методы социально-политического маневрирования, приобретения новых рычагов воздействия на общественную эволюцию молодых государств Азии, Африки и Латинской Америки. В последние годы экспансионистский курс неоколониализма против развивающихся стран все в большей мере опирается на теорию и практику маоизма, направленные на подрыв политики мирного сосуществования, на разъединение основных революционных сил современности. Пекин ныне выступает и как прямой союзник империализма в его борьбе против национально-освободительного движения, против развивающихся стран.

Страны Азии, Африки и Латинской Америки всегда занимали важное место в политике маоистов, которые стремятся навязать им всю идейно-политическую платформу, обеспечить Пекину роль «лидера» этих госу-

дарств. Декларируя на словах «дружбу», «общность интересов и целей», Пекин, отмечает П. Артемьев, стремится добиться в своей политике в отношении развивающихся государств сугубо прагматических результатов (это естественно вытекает из всего его великодержавного курса на международной арене) — получения односторонних политических и экономических уступок с их стороны. Великодержавно-шовинистический, гегемонистский курс Пекина не может не порождать различных противоречий со странами «третьего мира».

П. Артемьев констатирует, что поражения и неудачи маоистов в «третьем мире» в 60-х годах заставили их пересмотреть формы и методы действий в развивающихся странах. Однако и ныне Пекину не удалось преодолеть и ликвидировать противоречия с развивающимися странами. По-прежнему сохраняются разногласия Китая с большинством государств «третьего мира» по проблеме внешних источников финансирования их развития, по проблемам некапиталистического развития, связей с социалистическим сотрудничеством, создания единого антиимпериалистического фронта. К этим разногласиям прибавляются новые, проистекающие из упорного нежелания китайского руководства считаться с объективным ходом исторического развития, основными тенденциями в мире, в том числе с процессами разрядки международной напряженности.

Абсолютное большинство развивающихся стран активно выступает за разрядку международной напряженности в мире, за всеобщее и полное разоружение, запрещение испытаний ядерного оружия во всех сферах, за созыв Всемирной конференции по разоружению с участием всех государств. Эти требования нашли свое отражение в документах Алжирской конференции представителей стран Азии, Африки и Латинской Америки по вопросам промышленного развития (1975), V конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран (1976), в многочисленных документах ООН. Позиция Пекина по всем этим вопросам резко противоположна позиции большинства стран «третьего мира». Надо отметить, что, несмотря на отчаянные усилия, маоисты не смогли воспрепятствовать принятию ни одной резолюции по этим вопросам на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН и оказались в результате фактически в полной политической изоляции.

Позиции КНР и развивающихся стран расходятся и в отношении предложения СССР об использовании части средств, сэкономленных в результате сокращения военных бюджетов стран — постоянных членов Совета Безопасности. Советским предложением предусматривалась, как известно, передача части этих средств на нужды развития стран «третьего мира». Инициатива СССР, естественно, была горячо поддержана развивающимися государствами, в том числе и в ООН. Пекин же, ведущий гонку вооружений, занятый милитаризацией страны, проголосовал в ООН против советского

* П. Артемьев. Проблемы развивающихся стран и маоистская дипломатия в ООН. М., «Наука», 1978, 224 с.

предложения, показав тем самым, чего на деле стоят бесчисленные декларации маонистов о «защите» интересов развивающихся стран (с. 104—108).

В настоящее время страны «третьего мира» усиливают борьбу за установление «нового экономического порядка», настойчиво ищут пути ускорения своего экономического развития. Борьба развивающихся стран направляется в первую очередь против бесконтрольной деятельности монополий Запада, на установление контроля над сбытом продукции, на пересмотр цен на сырье и т. д., что вызывает ожесточенное сопротивление со стороны монополистического капитала США, Японии, Западной Европы. Эту борьбу развивающихся стран Пекин стремится использовать в интересах своего великодержавного, антисоветского курса на международной арене. Маонисты пытаются направить борьбу «третьего мира» за пересмотр торгово-экономических отношений с империализмом в русло политической борьбы формально против «сверхдержав», а фактически же против Советского Союза. Проводя свой антисоветский курс, маонисты пытаются дискредитировать политику Советского Союза, ослабить связи, в том числе и экономические, развивающихся стран с СССР (с. 162). Однако развивающиеся страны, видящие в Советском Союзе, социалистическом содружестве своего естественного союзника, высказываются вопреки установкам пекинских лидеров за развитие сотрудничества с миром социализма. Например, развивающиеся страны голосовали на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН за статью «О торговле с социалистическими странами» Хартии экономических прав и обязанностей государств, чему тщетно пыталась воспрепятствовать маонистская дипломатия. И в этом вопросе Пекин действует вразрез с существующими в «третьем мире» тенденциями, выступая таким образом против коренных интересов развивающихся государств.

Ныне развивающиеся страны видят один из основных методов преодоления своей экономической отсталости в индустриализации своей экономики, в ускорении промышленного развития. Упомянутая выше Алжирская конференция констатировала, что для развивающихся стран настоятельно необходимым является «создание таких основных отраслей промышленности, как металлургическая, химическая, машиностроительная, с целью укрепления экономической независимости». Пекин же, исходя из своих гегемонистских замыслов и реальных экономических возможностей, настоятельно рекомендует странам «третьего мира» предоставлять приоритет «развитию сельскохозяйственного производства в интересах самообеспечения продовольствием». «Для обретения экономической независимости, — демагогически утверждают маонисты, — нужно преимущественное развитие сельского хозяйства, в особенности производства зерна». Маонистская дипломатия в ООН, на других международ-

ных форумах всячески пытается навязать странам Азии, Африки и Латинской Америки рекомендацию развивать экономику следующей последовательности: сначала — сельское хозяйство, затем — легкая промышленность и только потом — тяжелая. Объективно такая позиция Пекина целиком и полностью совпадает с политикой сил империализма, пытающихся затормозить промышленное развитие стран «третьего мира» и «законсервировать» их на положении сырьевых придатков (с. 164—165). Такие действия маонистов ведут лишь к усилению зависимости развивающихся стран от империалистических государств.

Деятельность делегации КНР в ООН показала, что позиция Пекина расходится с позициями большинства развивающихся стран и стран социализма и по вопросам ликвидации остатков колониализма. Например, делегация КНР на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи не участвовала в голосовании резолюции о претворении в жизнь Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, продемонстрировав тем самым незанятость Пекина в быстром решении проблемы деколонизации. На XXVII сессии (1972) представитель КНР пытался убедить народы колониальных стран, которые вели в тот момент вооруженную борьбу за свое освобождение, в необходимости опираться в этой борьбе только на собственные силы. Иными словами, китайская дипломатия предприняла попытку изолировать борцов за свободу Анголы, Мозамбика, Гвинеи (Бисау), Родезии и других стран и территорий от их союзников — социалистических стран всех антиимпериалистических сил и оставить их один на один с военно-карательной машиной империализма. Это нельзя не расценивать как прямое предательство интересов национально-освободительного движения, интересов антиимпериалистической борьбы. В этой связи нельзя не вспомнить и линии маонистов на союз с силами реакции, с империализмом в его борьбе против национально-освободительного движения в Бангладеш и Анголе. Выступая в унисон с империалистическими силами, маонисты активно использовали трибуну ООН. В 1976 г. представители КНР заняли негативную позицию во время принятия Советом Безопасности резолюции осуждавшей иностранную интервенцию в Анголе. Делегация Китая не приняла участия в голосовании в Совете Безопасности по вопросу о членстве Анголы в ООН (тогда так же несколькими годами ранее КНР блокировала и вопрос о принятии в члены ООН Бангладеш). Только как крайнюю степень политического цинизма можно расценить и действия маонистских представителей в ООН по оказанию дипломатической поддержки фашистскому режиму Пиночета. Например, представитель КНР демонстративно отсутствовал при голосовании на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1975) резолюции о нарушении прав человека в Чили. Великодержавный шовинизм, гегемониз-

«писоветизм и курс на раскол рядов освободительного, антиимпериалистического движения, делает логический вывод автор, пригласил маоистов в лагерь мировой реакции, сделали их прямыми пособниками империалистов и неокOLONизаторов (с. 216). Курс Пекина в отношении развивающихся государств принял характер прямой политической диверсии маоистов против интересов стран «третьего мира».

Маонистская дипломатия потерпела в ООН в прошедшие семь лет ряд серьезных поражений. И дело не в уровне профессиональной подготовленности китайских дипломатов (напротив, их действия отличаются особой изощренностью). Причина фиаско маонистской дипломатии кроется в другом: осу-

ществляемая ею политическая линия направлена на подрыв мира и безопасности народов, она враждебна социалистическим странам и противоречит интересам развивающихся государств, а следовательно, исторически бесперспективна. Именно поэтому маневры маонистских представителей терпят неудачу, а Организация Объединенных Наций, которой хотели бы манипулировать маоисты, превращается в арену саморазоблачения китайских руководителей. Не удалось маоистам, в первую очередь вследствие твердой, принципиальной позиции социалистических стран, превратить ООН и в плацдарм для политических диверсий против развивающихся государств.

Ю. М. Рякин

Идейно-политическая сущность маоизма

В минувшем году увидела свет новая работа советских китаеведов — «Идейно-политическая сущность маоизма»*. Книга представляет собой фундаментальное исследование коллектива ученых-коммунистов, оставивших своей целью подвергнуть всестороннему анализу маоизм как идейно-политическое течение и на этом основании выработать развернутую оценку этого социального явления.

Актуальность подобного исследования, как показали события последних лет, не ослабевает, а, напротив, возрастает. Подтверждаются выводы, сделанные Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым, XXV съездом КПСС, о том, что маоизм враждебен марксизму-ленинизму и что маонистская политика стала ревизором империализма в его борьбе против империализма. На Западе после смерти Мао из-за развинулась пропагандистская кампания, призванная объявить «демаонизацией» те изменения в идеологической сфере общественной жизни Китая, которые действительно имеют место, но которые представляют собой процесс модернизации, дифференциации, приспособления маоизма после Мао, даже если они сопровождаются попытками «откренестись» от отдельных его постулатов. Более того, именно после смерти Мао (такова уж конкретная диалектика истории) антимарксистская, антисоциалистическая суть маоизма достигла своего пика и всестороннего выражения. Иными словами, маоизм продолжается, и идей-

но-политическая борьба с ним — обязанность каждого коммуниста и каждой коммунистической организации.

Новый этап развития событий в КНР требует и более глубокого подхода к вопросу о сущности маоизма, его «видовых» признаках, его природе и пределах. Независимо от того, какие формы обретет или обретает маоизм, он не может не быть самим собой. Авторы исследования весьма четко, последовательно и аргументированно доказывают, что маоизм — явление не индивидуальное, не «национальное», а социальный процесс, обладающий определенными признаками (с. 6) и характерный для определенной социальной среды в определенных исторических условиях. Вместе с тем, как убедительно свидетельствует коллективная монография советских ученых, маоизм не «контрзакономерность» марксизму на почве Китая, но историческая случайность, нашедшая себе пристанище в отдельности, обособленности, а порой изолированности революционных процессов в китайском обществе от мирового революционного процесса, от прогрессивных сил современности. Становится все более очевидным, что маоизм видит в этой отдельности условие своего существования и потому стремится изолировать китайский народ от социального содружества, его опыта и достижений, навязать китайскому народу вместо естественного союза с братскими странами — нелепые конфликты и сомнительных союзников.

Рецензируемое издание обладает продуманной и законченной структурой, включающей введение и семь разделов (по 2—3 главы каждый) и позволяющей дать целостную и полную картину маоизма как общественного явления.

Введение и I раздел посвящаются авторами общей характеристике (логической и исторической) маоизма как мелкобуржуазной идейной химеры, националистской политической спекуляции и феномена духовного паразитизма. Нагнетание националистического дурмана, эксплуатация не только недовольства отсталостью страны, но и

* Идейно-политическая сущность маоизма. Отв. ред. М. И. Сладковский. «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1977, 444 с.

социалистических устремлений народа — таков способ существования маонизма. Не научное исследование действительности и не действительные интересы народа движут маонистами. «Маонизм представляет собой эклектический конгломерат самых разношерстных, подчас противоречивых концепций и «идей», организующим стержнем которых является великодержавный национализм, принявший форму китаизированного социал-шовинизма» (с. 5).

Описание социальных условий возникновения маонизма — а это, по существу, вопрос об особенностях мелкобуржуазной идеологии в Китае — содержит достаточно фактическое обоснование, достаточно строгий анализ особенностей исторического развития Китая в XX в. и его социальной структуры. Вместе с тем хотелось бы пожелать авторам при продолжении работы в данном направлении уделить больше внимания экономическому и собственно социологическому анализу, а также более проблемному изложению исторического материала.

Значительный интерес представляет и II раздел монографии, раскрывающий идейные и социально-психологические истоки маонизма, который в своем содержании обнаруживает и конфуцианские, и легистские, и даосские элементы, позволяющие говорить о маонизме как попытке суммировать традиционную китайскую идеологию и как стадию этой идеологии. Одна из глав этого раздела раскрывает также связи маонизма с реакционно-националистической буржуазной идеологией, мелкобуржуазным утопическим социализмом, анархизмом и троцкизмом. Подобная «всеядность», как подчеркивают авторы книги, свидетельствует не просто об эклектичном характере маонизма, но (и это, видимо, главное) о склонности к политической и идейной недобросовестности как характерных чертах маонизма (с. 42, 100).

Три следующих раздела книги посвящены сопоставлению маонизма с марксистско-ленинской теорией в ее трех составных частях: рассматриваются философские, экономические и социально-политические концепции маонистов.

Вопреки многолетним усилиям пекинской пропаганды авторы раздела о философских идеях маонизма убедительно показывают, что под прикрытием марксистской терминологии Мао Цзэ-дун проповедовал субъективно-идеалистические взгляды, стремясь таким способом обосновать свою волюнтаристскую, авантюристическую политику, свою враждебность философии марксистско-ленинизма. Авторы книги неопровержимо доказывают, что никакого «вклада» Мао Цзэ-дуна в философию не существует, что философские упражнения Мао суть софистское прикрытие глубокого невежества и шарлатанства (с. 113—114). Особенно это заметно в маонистских трактовках проблем диалектики, представляющих собой смесь обыденных банальностей, никчемных умст-

вованных с эдакой «философической карильею»: «противоположно то, что не-тождество», а рядом — «тождество противоположностей» (с. 144—145). Трудно сказать, чего больше в маонизме — недобросовестные попытки приспособить марксизм себе в пользу или безнадежных усилий постигнуть философию диалектического материализма.

Прагматический подход маонизма к теории наглядно продемонстрирован авторами рецензируемого труда и в главе, посвященной сравнению маонизма с историческим материализмом. Манипуляции цитатами, гиперредержки и умолчания (наряду просто незнавшим ряда основных положений марксистско-ленинской теории) — все эти способы были употреблены Мао Цзэ-дуном для придания наукообразности его волюнтаристской политике. «Субъективизм и волюнтаризм — самая характерная черта маонизма, его теории и практики» (с. 163).

Маонистское толкование классовой борьбы служило и служит оправданием спекуляций в великодержавных целях на революционных процессах, оправданием провозглашения вола, расправ и террора как главного инструмента внутренней политики маонистов прежде, и теперь оправданием самых беспринципных и нечистоплотных политических комбинаций во внутренней и внешней политике.

Большое внимание уделено авторами книги экономическим теории и практике маонизма, что весьма важно в свете происходящих (или объявленных) в Китае перемен в сфере народного хозяйства. Независимо от конкретных этапов маонистского воздействия на экономику, общее — в насилии над экономическими законами, попрание экономических интересов трудящихся, стремление использовать экономический рост (коль скоро он произойдет) на потребу великодержавности (с. 192).

Читатель найдет в этом разделе богатый исторический материал, раскрывающий этапы маонистского экономического произвола, этапы противоречий и внутренней борьбы руководства по вопросам экономического развития. Весьма основательно изложено здесь и проблема социально-экономических последствий великодержавного, гегемонского курса маонистов, имеющая, как известно, принципиальное значение в плане нашей характеристики нынешнего этапа развития китайского общества (с. 245).

Раздел V — «Маонистская концепция практика мелкобуржуазного социализма» посвящен анализу антигуманистической сущности маонизма, антисоциалистического характера его политической системы, проблемам маонистских извращений культуры и строительства. «Исходные установки мао-цзэдуновского «социализма»... во многом рекламируются с некоторыми домарксистскими течениями социалистической мысли — «фальшивым» и мелкобуржуазным «социализмом», а также анархистскими представлениями, которые Маркс называл «казарменным коммунизмом» (с. 258). Сегодня в

звении социальной политики в КНР до после сентября 1976 г. особенно бросается в глаза ее основное и общее направление, что можно было бы назвать «социальной стагнацией», — маоисты не видят и не хотят видеть необходимости действительного социального развития в китайском обществе. Идеиная и социальная консервация, внедрение традиционно-общинных идей «отношений» — таков социально-политический «фундамент» маоизма, в корне противоречащий теории научного коммунизма. Прежнему вместо действительной культуры, обобщающей исторический опыт человечества, китайскому народу навязывают культ национализма, ненависти, невежества, патриархальный подход к культуре.

Последние разделы книги посвящены проблемам борьбы с маоистскими фальсификациями в области внешней политики и сфере современной идеологической борьбы. Следует сразу же отметить, что проблема «маоизм на службе буржуазной идеологии» сегодня вполне заслуживает более обстоятельного рассмотрения, поскольку очевидно, что империализм сегодня не скрывает стратегического значения, которое он придает маоизму и в идеологическом плане. Маоизм не утратил свойство быть опасным для современных прогрессивных и революционных сил не только тем, что он

стал активнее, но и тем, что маоизм действует теперь порой под двойным прикрытием: под марксизм-ленинизм «для конца XX в.», а также под «критику Мао» по ряду частных проблем.

Публикация рецензируемого издания об идейно-политической сущности маоизма позволяет сегодня еще более основательно утверждать, что маоизм — это паразитарная «теория» и шовинистская политика, «основанная» на философском прагматизме и недобросовестной эклектике, на экономическом волюнтаризме и реакционном утопическом социализме типа «казарменного коммунизма». Ни в своей структуре, ни по своим целям, ни по своим внешним признакам содержание и сущность маоизма не изменились после смерти Мао Цзэ-дуна. Долг коммунистов в этих условиях — разоблачить псевдосоциалистическую идеологию и антинародную практику маоизма, который не дал китайскому народу ответа «ни на один реальный вопрос, выдвигаемый общественной жизнью Китая» (с. 10), не помог этому народу решить ни одной проблемы, но лишь нагромождает их снова и снова.

Следовательно, есть все основания для того, чтобы ожидать продолжения этого важного исследования.

Э. Ф. Дроздов

Три года в Пекине*

[Записки военного советника]

Эта книга, вышедшая в издательстве «Наука», привлекла большое внимание читателей. Автором ее является кандидат военных наук генерал-лейтенант Г. Г. Семенов, работавший в 1951—1953 гг. в Северном Китае в качестве военного советника. Записки военного советника возвращают нас к тем временам, когда Советский Союз и Китайскую Народную Республику связывали дружба и добрососедские отношения. На всех этапах национально-освободительной и революционной борьбы китайского народа и особенно в период после победы народной революции в 1949 г. — в период борьбы за ликвидацию экономическое отсталости, упрочение международных связей, построение социалистического общества — китайский народ имел в лице Советского Союза надежного друга и союзника. Первое десятилетие существования КНР

убедительно подтвердило, что для развития советско-китайских отношений в духе дружбы и сотрудничества имеются все необходимые объективные условия, что развитие их в этом направлении соответствовало бы основным, коренным интересам советского и китайского народов.

Л. И. Брежнев, подчеркивая принципиальный подход нашей страны к развитию отношений с КНР, говорил: «Что касается Советского Союза, то стремление к улучшению отношений с Китаем — это наш последовательный курс... по нашему мнению, в отношениях между СССР и КНР нет таких вопросов, которые нельзя было бы решить в духе добрососедства. В этом направлении мы будем действовать и впредь. Дело будет зависеть от того, какую позицию займет другая сторона»¹.

К сожалению, советские инициативы по нормализации советско-китайских отношений не находят ответа с китайской стороны. Новое руководство КНР следует по старой, заезженной колее антисоветизма, вражды к нашему государству, вновь выдвигает тезис о якобы существующей «советской угрозе», «гегемонизме» и т. д.

Пекинские руководители поставили перед собой цель сколотить «широчайший международный фронт борьбы против СССР», для чего они пошли на прямой союз с са-

* Г. Г. Семенов. Три года в Пекине (Записки военного советника). М., Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1978, 296 с. с ил.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 6, с. 160.

мыми реакционными кругами Запада, укрепляют связи с НАТО, способствуют активизации милитаристских тенденций в Японии.

В книге Г. Г. Семенова, дополняющей картину многообразной помощи Советского Союза китайскому народу в годы братской дружбы и сотрудничества между нашими странами, звучит глубокая тревога за судьбу социалистических завоеваний. Большой вклад в дело строительства социализма в Китае внесли советские люди, в том числе военные советники. На протяжении многих лет наша страна бескорыстно помогала трудолюбивому китайскому народу закладывать основы новой жизни, щедро делилась опытом и знаниями. «Китай для меня, как и для всех советских людей,— пишет автор,— понятие не отвлеченное; в его недавнем прошлом, освещенном истинным прогрессом и революционным созданием, оставлен добрый след и мною лично, и моими соотечественниками...»

Те китайские военные руководители, которые искренне выражали свои чувства благодарности за оказываемую Китаю помощь и содействие, высоко ценили работу советских военных советников. Среди них легендарный полководец, один из организаторов китайской Красной армии маршал Чжу Дэ, министр обороны КНР Пэн Дэ-хуай, павший жертвой культа Мао Цзэ-дуня.

Восхищаясь героизмом советских воинов в годы Великой Отечественной войны, Чжу Дэ считал его замечательным примером для всей НОАК и для китайских добровольцев в Корее. Отмечая значение советского военного опыта для КНР, Пэн Дэ-хуай говорил: «В течение нескольких лет мы добились больших успехов в изучении опыта Советской Армии, так как она является самой передовой, современной революционной армией, военная наука которой является наилучшей, военная техника — первоклассной, а ее опыт руководства военными действиями современной армии — богатый» (с. 32).

Г. Г. Семенов в своих воспоминаниях подчеркивает, что наша помощь Китаю в реорганизации армии осуществлялась в период начавшейся в Корее войны и КНР в этой помощи была особенно заинтересована. В соответствии с планами американского империализма после КНДР жертвой агрессии должна была стать Китайская Народная Республика. Мир хорошо помнит, что китайские города в тот период стали подвергаться атакам американских воздушных пиратов и советские летчики самоотверженно участвовали в отражении этих налетов.

Советские военные советники сыграли немаловажную роль в организации надежной обороны китайской территории на случай возможного вторжения агрессоров, в подготовке офицерских кадров Народно-освободительной армии Китая. Об этой важной стороне работы советских военных со-

ветников также рассказывается в книге Советский Союз помог КНР быстро построить армию. «Это счастье Китая,— отмечает Г. Г. Семенов,— что он опирался на богатые возможности своего соседа: своего друга» (с. 132).

Автор провел в Китае только три года. Но это были годы напряженной работы. Вместе с тем, как всякий советский человек, воспитанный коммунистической партией в духе пролетарского интернационализма, Г. Г. Семенов не щадил сил, чтобы помочь китайскому народу в утверждении его жизни. Будучи знатоком своего дела, он стремился передать богатый опыт и обширные военные знания китайскому народу. Наряду с этим наблюдательность и интуиция подсказывали ему, что многие мероприятия, рекомендованные советниками, встречают скрытое противодействие. Например, удивляло, что важные армейские посты зачастую занимали лица, недружелюбно настроенные в отношении Советского Союза, среди них были офицеры, ранее служившие в гоминьдановской армии.

В то время не только советские люди, работавшие в Китае, но и многие китайцы не догадывались о двурушничестве Мао Цзэ-дуна. Группа Мао тогда еще не могла выступать с открытым забралом против Советского Союза. В 1956 г. в речи на открытии VIII съезда КПК Мао Цзэ-дун заявлял: «Надо уметь учиться у идущей впереди Советского Союза... на нашей стороне помощь великого союзника — Советского Союза...». Лишь значительно позже выяснилось, что еще за пять месяцев до этого Мао Цзэ-дун на закрытом заседании Политбюро ЦК КПК выдвигал противящиеся, направленные против Советского Союза установки, извращал положение в народном хозяйстве нашей страны, клевещал на политику КПСС в области сельского хозяйства, в национальном вопросе очернял советский опыт, искажал исторические отношения между нашими странами².

Маоисты тайно готовили «материалы для дискредитации советских специалистов и советников, в том числе военных. Все что еще возникали случаи, когда предложения советников не находили отклика. Так, например, военные советники, как пишет Г. Г. Семенов, высказывались о целесообразности подготовки Главным управлением кадров «указания о порядке отбора курсантов в военные училища и переводе в второстепенную работу лиц, не внушающих политического доверия. Такие указания облегчили бы подготовку кадров из числа лиц, преданных своему правительству и дружелюбно настроенных к Советскому Союзу. Эти наши предложения прятались в сейфы. Такое скрытое противодействие было более разумному отбору, подготовке и рас-

² См. Мао Цзэ-дун. О десяти важнейших взаимоотношениях. Пекин, 1977 (в кит. яз.).

эшке военных кадров тогда нам было непонятным» (с. 204).

Да, действительно, истинное лицо маоизма раскрылось позднее. В этой же связи

Г. Семенов обратил внимание на недооценку китайским руководством роли рабочего класса, на пренебрежительное отношение к нему. Это проявлялось и в примитивном отношении китайского руководства к той части командных кадров, которые представляли в армии пострадавшие в революции эксплуататорские классы и со своей социальной природе были чужды идеалам социализма (с. 205). Как отмечает Г. Г. Семенов, в офицерском корпусе северокитайского военного округа, куда он был командирован на работу в качестве советника, «в 1952 году находилось 20 процентов тех, кто прежде активно сражался в рядах гоминьдановской армии. Такое же явление наблюдалось среди офицерского состава всей Народно-освободительной армии Китая: здесь процент бывших гоминьдановцев превышал 23». В некоторых полках и дивизиях количество чуждых элементов было значительно больше. «Мне не аз,— вспоминает Г. Г. Семенов,— пришлось бывать в одной из армий, которая до августа 1949 г. воевала против НОА. Еще в 1948 году она выполняла задачу всеми силами удерживать Тяньцзинь и Пекин. Можно ли предположить, что бывшие гоминьдановцы, составлявшие большинство, так быстро «перековались» и приняли сторону режима, против которого они с отчаянием сражались?» (с. 207). Отрицательное влияние оказывали и различные политические кампании, проводившиеся в КНР, которые не обходили стороной и армию.

Воспоминания Г. Г. Семенова представляют интерес не только с профессиональной точки зрения. Многие страницы посвящены описанию культуры, нравов и обычаев китайского народа, жизни простых китайцев.

Чувство горечи наполняет сердца тех, кто, имея свои силы, искренне помогал Китаю в первые годы после образования КНР строить новую, социалистическую жизнь. Слезился своим опытом, кто надеялся видеть в этой стране верного друга и соратника в

общей борьбе за лучшие идеалы человечества, за социализм, а теперь видит, что руководители КНР сделали основой своей внешней и внутренней политики проповедь неизбежности новой мировой войны, идут дальше по пути антисоветизма, налаживают контакты с натовскими войсками, западногерманскими реваншистами и другими реакционерами. Частыми стали визиты в КНР высокопоставленных военных руководителей западных капиталистических стран. К ним обращаются за рекомендациями и советами в военных вопросах. Таким образом, вместе с агрессивной военщиной китайские руководители, предав революционные принципы, выступают против миролюбивой политики социалистических стран, втягивают свою страну в военные авантюры. Особое возмущение мировой общественности вызывают китайские провокации против героического вьетнамского народа.

В последнее время натовские стратеги, лелея мечту изменить соотношение сил в мире в свою пользу, выражают желание принять участие в модернизации военного потенциала Китая. Цели пекинских лидеров в корне враждебны жизненным интересам народов, в том числе и китайского народа. Их политика провоцирования войны становится чрезвычайно опасной, представляет собой серьезную угрозу делу мира.

Советских людей не может не волновать судьба многострадального китайского народа. Маоистская пропаганда, обращая к народу в своем духе, стремится восстановить его против Советского Союза, против советского народа, а Народно-освободительную армию поставить на службу гегемонистским планам.

Автор заканчивает книгу оптимистическим заключением — «Мы верим: и лютую зиму сменит весна». Вместе с автором хотелось бы верить, что Китай вернется на путь дружбы и сотрудничества и добрососедские отношения между нашими странами будут восстановлены. Именно этой общей цели служат страницы воспоминаний советского военного советника.

Б. К. Отраднов

В Обществе советско-китайской дружбы

13 октября в Москве в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялось заседание актива Общества и представителей советской общественности по случаю 90-летия со дня рождения одного из выдающихся сынов китайского народа, пионера марксистской мысли в стране, одного из основателей КПК, коммуниста-интернационалиста Ли Да-чжао.

Имя Ли Да-чжао хорошо известно в Советском Союзе. Его политическая деятельность и теоретическое наследие нашли отражение в академических трудах по новейшей истории Китая, статьях в научных журналах, партийной прессе. В 1965 г. были изданы «Избранные статьи и речи» Ли Да-чжао, в 1978 г. опубликовано исследование доктора исторических наук В. А. Кривцова в соавторстве с В. А. Красновой «Ли Да-чжао: от революционного демократизма к марксизму-ленинизму». Наконец, значительную работу по пропаганде истории китайской революции и ее прославленного руководителя уже много лет ведет Общество советско-китайской дружбы, ежегодно отмечая день памяти Ли Да-чжао, созывая специальные заседания, устраивая выставки работ Ли Да-чжао и книг о нем, изданных в СССР и в КНР.

Открывший торжественное собрание заместитель директора ИДВ АН СССР, член Центрального правления Общества советско-китайской дружбы В. И. Потапов отметил, что решающее воздействие на формирование мировоззрения Ли Да-чжао и его последующую деятельность оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. Ли Да-чжао был, по существу, первым в Китае, кто горячо приветствовал победу Октябрьской революции в России, характеризуя ее как «величайший поворот в истории». Он стал страстным пропагандистом идей Октября, убежденно доказывал своим соотечественникам необходимость «изучать большевизм, знакомить с ним народ, рассказывать правду о нем». Докладчик подчеркнул, что многогранная организаторская, пропагандистская и теоретическая деятельность пламенного революционера имела огромное значение для образования в 1921 г. Коммунистической партии Китая.

Значительное место в выступлении В. И. Потапова было уделено одному из важных аспектов деятельности Ли Да-чжао — борьбе против попыток изолиро-

вать Китай от мирового революционного движения, против стремления китайских шовинистов подорвать единый фронт международного революционного движения национальностями революциями угнетенных стран. «Ли Да-чжао, — подчеркнул докладчик, — понимал, что китайская революция самого начала нуждалась в поддержке мирового пролетариата, тяготела к нему». Более того, Ли Да-чжао принадлежит и первая в Китае постановка вопроса о принципах взаимоотношений социалистических государств. «Долг социалистических государств, — писал Ли Да-чжао, — вместе помогая друг другу, двигаться вперед... Социалистические государства не должны проводить политику закрытых дверей. Необходимо все решать сообща, по-социалистически на основе национального равенства».

С докладом о жизни и деятельности Ли Да-чжао выступил старший научный сотрудник ИДВ АН СССР, кандидат исторических наук К. В. Шевелев. Он также подчеркнул, что победа революции в России определила коренной поворот в идеологии Ли Да-чжао от революционно-демократизма к марксизму-ленинизму.

Большая часть доклада была посвящена вопросам отношения Ли Да-чжао к Советской России. Он был одним из первых в Китае, кто осознал огромное международное значение Октябрьской революции. Ли Да-чжао призывал «прислушаться к вестям из новой России», активно поддерживал молодежь, стремившуюся в Россию для изучения революционного опыта, внес свою лепту в направление в Россию первых китайских корреспондентов. Знаменательно, что именно Ли Да-чжао был автором биографии В. И. Ленина, ряда статей о Владимире Ильиче.

Завершая выступление, докладчик подчеркнул, что «верность идеям научного коммунизма, принципам пролетарского интернационализма, вера в историческую миссию рабочего класса, борьба за дружбу китайского и советского народов — эти черты политического наследия Ли Да-чжао легли в основу лучших традиций КПК. Именно они были и остаются источником силы и гущества китайских коммунистов, всех патриотов страны, которые в равной борьбе отстаивают социалистическое завоевание».

*Р. А. Мировицкая,
кандидат исторических наук*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

ИМЕН ПАРТИЙНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КНР
В ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ ХАНЬСКОГО ЯЗЫКА
И В СТАРОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

Chinese

Obsolete Wade-Giles

New Spelling (Chinese Phonetic
Alphabet—Pinyin)

Старая транскрипция

Новая транскрипция

Chang Ting-cheng	Zhang Dingcheng
Chang Ting-fa	Zhang Tingfa
Chao Tzu-yang	Zhao Ziyang
Chen Hsi-lien	Chen Xilian
Chen Mu-hua	Chen Muhua
Chen Yun	Chen Yun
Chen Yung-kuei	Chen Yonggui
Chi Peng-fei	Ji Pengfei
Chi Teng-kuei	Ji Dingkui
Chou Chien-jen	Zhou Jianren
Chou En-lai	Zhou Enlai
Chu-Teh	Zhu De
Fang Yi	Fang Yi
Hsu Hsiang-chien	Xū Xiangqian
Hsu Shih-yu	Xū Shiyu
Hsu Teh-heng	Xū Deheng
Hu Chueh-wen	Hu Jūe wen
Hua Kuo-feng	Hua Guofeng
Kang Shih-en	Kang Shi'en
Keng Piao	Geng Biao
Ku Mu	Gu Mu
Li Ching-chuan	Li Jingquān
Li Hsien-nien	Li Xiannian
Li Teh-cheng	Li Desheng
Liao Cheng-chih	Liao Chengzhi
Liu Po-cheng	Liu Bocheng
Mao Tsetung	Mao Zedong
Ngapo Ngawang Jigme	Ngapoi Ngawang Jigmi
Ni Chih-fu	Ni Zhifu
Nieh Jung-chen	Nie Rongzhen
Peng Chung	Peng Chong
Saifudin	Sāipidin Āzizi
Soong Ching Ling	Song Qingling (Sonn Ching Ling)
Su Chen-hua	Su Zhenhua
Tan Chen-lin	Tan Zhenlin
Teng Hsiao-ping	Deng Xiaoping
Teng Ying-chao	Deng Yingchao
Tsai Chang	Cai Chang
Ulanfu	Ulanhu
Wang Chen	Wang Zhen
Wang Tung-hsing	Wang Dongxing
Wei Kuo-ching	Wei Guoqing
Wu Teh	Wu De
Yeh Chien-ying	Ye Jianying
Yu Chiu-li	Yu Qiuli

Сдано в набор 30/XII 1978 г.   Подписано к печати 8/II 1979 г.
Формат 70×108^{1/16}   Бум. л. 6,25   Печ. л. 17,5   Уч.-изд. л. 20,15
Изд. № 28489   А 01378   Зак. 1.   Цена 50 коп.   Тираж 18638

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва 119021, Зубовский бульвар, 17

Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области

СМ

Цена 50 коп.

Индекс 70758